

Том 12, Номер 4, 2019
Vol 12, No 4, 2019

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2587-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Исторические корни
современных трансформаций:
из XX века в XXI*

*Historical Roots of Modern
Transformations:
from XX Century to XXI*

ТОМ 12 • НОМЕР 4 • 2019

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 12 • NUMBER 4 • 2019

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Мюнхенский университет, Мюнхен, Германия
Лившин А.А., МГУ, Москва, РФ
Лиухто К., Университет Турку, Турку, Финляндия
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мельвиль А.Ю., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Миграян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Шутов А.Ю., МГУ, Москва, РФ

Учредитель и издатель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, д. 32, к. 2.

Сайт: <http://www.oigt-journal.com>

Тел.: +7 (495) 664-52-07

© Контурь глобальных трансформаций, 2019

E-mail: journal@centero.ru

Периодичность: 6 раз в год

Тираж: 1000 экз.

Издаётся с 2016 г.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

- Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН.** Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века 6–31
- Андрей Виленович РЯБОВ.** От целостности к новому расколу и соперничеству? (миросистема и мировой порядок в меняющихся реалиях) . . 32–48

Российский опыт

- Александр Борисович КРЫЛОВ.** Провинциальное эхо Гражданской войны в России 49–71

В национальном разрезе

- Сергей Маркович ХЕНКИН.** Испания: полемика вокруг исторической памяти 72–87
- Анна Сергеевна БАДАЕВА.** Ультраправые в Швеции: от неонацизма к центру 88–105

Проблемы Старого света

- Филипп Олегович ТРУНОВ.** Особенности наращивания военного потенциала ФРГ при К. Аденауэре и А. Меркель 106–124
- Александр Изяславович ТЭВДОЙ-БУРМУЛИ.** Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского Союза: основные тренды и перспективы 125–147

Страницы прошлого

- Александр Александрович ВЕРШИНИН.** «Беспокойная история неустойчивого мира»: к 100-летию Версальского мирного договора 148–165
- Василий Элинарухович МОЛОДЯКОВ.** Против анархии и Гитлера: французский национализм и гражданская война в Испании 166–182

Азия: вызовы и перспективы

- Алексей Викторович САРАБЬЕВ.** Терпение как искусство скрывать нетерпимость, или Долгосрочная стратегия Братьев-мусульман по изменению Ближнего Востока 183–208

Точка зрения

- Евгения Викторовна МОРОЗЕНСКАЯ.** «Новый регионализм» в Африке: форма приспособления к глобализации или попытка противодействия современному неокOLONIALИЗМУ? 209–227
- Наиля Магитовна ЯКОВЛЕВА, Петр Павлович ЯКОВЛЕВ.** «Траектория и ключевые факторы трансформационного процесса в Латинской Америке . 228–244

В рамках дискуссии

- Алексей Алексеевич КРИВОПАЛОВ.** Сумерки больших батальонов. Исторический этюд о военных конфликтах будущего 245–270

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, èkonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA
Alexander M. Libman, Ludwig Maximilian University of Munich, Munich, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Kari Liuhio, University of Turku, Turku, Finland
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Andrei Y. Melville, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Veroshinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Andrei Y. Shutov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Founder and Publisher: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146,
 Russian Federation
Web-site: <http://www.oqt-journal.com>
Tel.: +7 (495) 664-52-07

E-mail: journal@centero.ru
Frequency: 6 per year
Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4

Contents

Political Processes in the Changing World

Andrey G. VOLODIN. The Formation of the Polycentric World Order as a Continuation of the Geopolitical Processes of the Twentieth Century 6–31

Andrey V. RYABOV. From Integrity to the New Split and Rivalry? (World-System and World Order in Changing Realities) 32–48

Russian Experience

Alexander B. KRYLOV. Provincial Echo of the Russian Civil War 49–71

National Peculiarities

Sergey M. KHENKIN. Spain: Controversy around Historical Memory 72–87

Anna S. BADAIEVA. The Far Right in Sweden: from Neo-nazism to Centrism ... 88–105

Problems of the Old World

Philipp O. TRUNOV. The Features of Strengthening of German Military Potential by Adenauer and Merkel 106–124

Alexander I. TEVDOY-BOURMOULI. Ethnopolitical Dynamics in the CEE EU Member-states: Trends and Prospects 125–147

The Pages of the Past

Aleksandr A. VERSHININ. “The Restless History of an Unstable World”: the 100th Anniversary of the Versailles Peace Treaty 148–165

Vassili E. MOLODIAKOV. Against Anarchy and Hitler: French Nationalism and Spanish Civil War 166–182

Asia: challenges and perspectives

Aleksei V. SARABIEV. Patience as Art to Hide Intolerance, or the Muslim Brotherhood’s Long-term Strategy to Change the Middle East 183–208

Point of View

Evgenia V. MOROZENSKAYA. ‘New Regionalism’ in Africa: Form of the Adaptation to Globalization or the Attempt of Opposition to Modern Neocolonialism? 209–227

Nailya M. YAKOVLEVA, Petr P. YAKOVLEV. Trajectory and Key Factors of the Transformation Process in Latin America 228–244

Under Discussion

Alexey A. KRIVOPALOV. The Twilight of the Big Battalions. Historical Study of the Military Conflicts of the Future 245–270

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-6-31

Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная
ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: andreivolodine@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. (2019) Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 6–31. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-6-31

Статья поступила в редакцию 10.08.2019.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда 19-18-00251 «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций» в МГИМО МИД России.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию оформившихся в последней четверти двадцатого века процессов, логика развертывания которых предопределила становление современной мирополитики, в частности роли в ней России. Автор исходит из презумпции объективности (т.е. независимости от чаяний и действий политических элит) и непрерывности исторического процесса, опираясь в доказательстве своей позиции на разнообразный корпус академической литературы, включающей работы отечественных и зарубежных историков, экономистов, философов, политологов, футурологов. Самоликвидация СССР и распад биполярного мира лишь на время приостанови-*

ли процессы, сформировавшиеся в недрах международной системы на исходе двадцатого века. «Усеченная» глобализация имела следствием «реактивное» накопление противоречий в отношениях как между «сверхцивилизацией» и остальным человечеством, так и внутри самих обществ, одержавших победу в холодной войне (деиндустриализация, «ориентализация» Запада под воздействием мощных миграционных потоков с исторического Юга, его неизбежная деградация в условиях исчезновения необходимого диалектического противовеса в лице Советского Союза, прогрессирующее сжатие общности экономически активного населения под воздействием естественных для севе-

роатлантических социумов демографических процессов и т.д.). Ревизии итогов холодной войны способствовали и такие обстоятельства, как материализация радикальных антизападных проектов («Исламское государство») и укрепление позиций новых влиятельных субъектов международной жизни, а также постепенное восстановление позиций России как мировой державы после распада СССР. Ход и логика всемирной истории поставили экзистенциальную проблему демонтажа *Rax Americana* и поиска нового глобального консенсуса, сердцевиной которого станет всеобщая/универсальная система коллективной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «конец истории», новые влиятельные субъекты, СССР, США, вашингтонский консенсус, усеченная глобализация, «ориентализация» Запада, расколатая цивилизация, антиглобализм, турбокапитализм, полицентрическая организация мира, новый глобальный консенсус, Х. Макрей, Ч. Киндльбергер, У. Ростоу, Б.Р. Найяр, П. Бьюкенен

Воцарение *Rax Americana* после самоликвидации Советского Союза («конец истории»), как казалось в начале 1990-х гг. многим, рассматривалось и «академией», и обывателями как долговременная тенденция мирового развития. Впрочем, вспомним Вилли Брандта, одного из крупнейших государственных деятелей второй половины XX в., – история есть живой, вечно развивающийся процесс, подчас не подчиняющийся желаниям и установкам политических элит. Однако подобный подход к проблематике социально-политического развития скорее исключе-

ние, чем правило. Хорошо известно: в доминирующей в западных общественных науках англо-саксонской интеллектуальной традиции господствуют институциональные теории, для которых исходным пунктом рассуждений остается презумпция устойчивости возникшей системы, тогда как фактору динамических изменений придается второстепенное значение¹. Давно и справедливо подмечено: «Отдельные страны или народы то оказываются на переднем плане, то временно отходят в тень. В этом нет ничего “дискриминационного”. Нет народов имманентно отсталых, как нет и имманентно передовых» [Жуков, Барг, Черняк, Павлов 1979, с. 35]. Эволюция мировой системы в конце XX – начале XXI вв. подчиняется этой общеисторической закономерности.

«Конец истории» или метаморфозы межстадиального перехода?

Принято считать: время все составляет по своим местам. Так, при ретроспективном анализе эволюции системы международных отношений обнаруживается, что самоликвидация Советского Союза в 1991 г., которая современникам представлялась «геополитической катастрофой», представляла собой с точки зрения исторической науки начальный этап перестройки мировой политики, обретения последней *полицентрической* конфигурации. Формирующаяся в режиме реального времени полицентрическая организация мирового пространства имеет серьезную материальную/историческую подоснову. Говоря более конкрет-

1 От этой фундаментальной/методологической предпосылки отталкивалась концепция «конца истории», по сути дела воплощавшая в себе идею *Rax Americana*, или американского неокOLONИализма.

но, распад СССР, породивший на Западе политико-психологический комплекс «триумфализма» (Х. Шмидт), заслонил от тамошних элит понимание реальных процессов в мировой экономике и политике, в общих чертах определившихся уже в середине 1980-х гг.

Происходившая в это время перегруппировка сил в глобальной политике (не всегда заметная авторам-публицистам) побудила авторитетного на Западе историка П. Кеннеди во второй половине 1980-х гг. сделать следующий вывод: «...технологические и социально-экономические изменения в мире происходят быстрее, чем когда-либо прежде, а международное сообщество ныне значительно разнообразнее, чем предполагали [ученые и эксперты]; оно не готово послушно соглашаться с решениями, предлагаемыми из Вашингтона и Москвы. [В настоящее время] баланс экономического и производственного влияния в мире уже не столь благоприятен для Соединенных Штатов, как это было в 1945 г. И даже в военно-политической области заметны признаки *перераспределения* (курсив мой. – А.В.) влияния в сторону от биполярной к многополярной системе...» [Kennedy 1989, p. 534]. Конкретизируя свою мысль о близящейся многополярности, П. Кеннеди подчеркивал, что «единственная угроза жизненным интересам [этой страны] состоит в неспособности [Америки] на разумных началах интегрироваться в формирующийся новый мировой порядок» [Kennedy 1989, p. 534].

Какие государства рассматривались как активные субъекты нового мирового порядка? Назывались Бразилия, Аргенти-

на, Венесуэла, Южно-Африканская Республика, Нигерия (наиболее населенная страна континента), Египет (бесспорный лидер арабского мира), Индия, Индонезия и т.д.² Вышеназванные государства еще тогда, во второй половине 1980-х гг., именовались «новыми влиятельными субъектами» (“new influentials”), интересы которых постепенно сказывались на формировании новой конфигурации международных отношений, пока в тенетах биполярного мира. Своеобразным объединяющим началом, позволявшим говорить о складывании новой *мирополитической общности*, стало стремление к *реальной субъектности*, отражавшее их долгосрочные интересы, не всегда совпадавшие с мотивами поведения тогдашних «сверхдержав» – США и СССР. Желание новых влиятельных субъектов диверсифицировать мировую политику, побудить сверхдержавы учитывать их интересы стало долгосрочной линией поведения, а впоследствии проявилось в возникновении таких международных диалоговых форматов, как IBSA (Индия, Бразилия, Южная Африка), БРИКС и т.п.

Распад Советского Союза, имевший следствием утверждение «униполярности», лишь притормозил развертывание мирополитических процессов, определивших свои очертания уже во второй половине 1980-х гг. Перед участниками новой перегруппировки сил в мировой политике встала задача, которую исчерпывающе сформулировал британский футуролог Х. Макрей: «Одной из важных задач первой четверти следующего [XXI-го] века станет умение [конструктивно] использовать зарубежный опыт

2 Показательно отсутствие в списке «кандидатов» Китая и (в меньшей степени) Турции. Видимо, эксперты полагали, что форсированный рост обеих экономических систем пока не трансформировался в новое геополитическое качество. К слову сказать, для авторов, подобных П. Кеннеди, Поднебесная была полноправным членом «пятицентриа», клуба, управлявшего мировой политикой, в который также входили США, СССР, Западная Европа и Япония [Kennedy 1989, pp. 447–458].

не только в повышении эффективности национальной промышленности, но и в укреплении дееспособности, витальности собственных обществ как таковых» [McRae 1995, p. 6]. Иначе говоря, «повестка развития» стала главной политической задачей не только новых влиятельных субъектов, но и подавляющей части государств – членов мирового сообщества.

Однако распад Советского Союза нарушил подобные планы: самоликвидация СССР положила начало «времени покорности» (“age of acquiescence”), как характеризовали сложившуюся в мире обстановку американские авторы леворадикального направления. Содержание термина «время покорности» состояло в том, что вторая сверхдержава до конца 1980-х гг. эффективно исполняла роль своеобразного диалектического противовеса Западу во главе с США. Самим фактом своего существования, альтернативности в мировой политике Советский Союз создавал своеобразный «оперативный простор» действиям развивающихся стран в международном пространстве и объективно расширял возможности для отстаивания «нонконформистских» взглядов значительной частью интеллигенции по обе стороны Атлантики. Наступившее «время покорности» объективно сужало поле идейного и политического маневра и для развивающихся стран (ныне «переходных экономик»), и для самостоятельно мыслящих сил на Западе, включая молодежь.³

Распад биполярного мира и утверждение Pax Americana со стороны поли-

тической экономии были обоснованы и институционализированы «вашингтонским консенсусом»⁴, тогда как программной идеологемой новой мировой ситуации стал глобализм, негласный свод правил, предписывавший сервильно-конформные модели поведения «остальным», т.е. основной части ойкумены. Одним из признанных идеологов новой парадигмы мирового развития стал небезызвестный Ф. Фукуяма, центральная идея сочинений которого – представление о «свободнорыночной глобализации» как движущей поведенческой силе непрерывного технологического процесса и действенного удовлетворения «нескончаемых» потребительских притязаний [Fukuyama 1992].

Однако «триумф» Запада, одержавшего победу в холодной войне, не аннулировал накопившиеся в мировой системе проблемы, которые не обнаружили тенденцию к разрешению и, более того, проявили свойство к накоплению, т.е. к наслаиванию старых противоречий на появляющиеся новые, спровоцированные логикой развития постбиполярного мира. «Деидеологизированный мир, – писал в начале нынешнего столетия американский исследователь М. Стегер, – это и наивность, и утопия. Первое десятилетие двадцать первого века быстро превращается в поле боя между противостоящими друг другу идеологиями. <...> Идеологическое противостояние вокруг смысла и направленности глобализации окажет глубокое воздействие на политическую и этическую проблематику нового века» [Steger 2002, pp. 4–5]. Затро-

3 Отсутствие альтернативности мирового развития («конец истории») беспокоило крупных западных интеллектуалов. Так, лауреат Нобелевской премии по экономическим наукам Ян Тинберген (Роттердам, март 1992 г.) поставил перед автором риторический вопрос: насколько адекватно последствия самоликвидации СССР просчитаны для России и остального мира наиболее активными участниками этого процесса?

4 «Вашингтонский консенсус» – набор принципов и норм регулирования социально-экономических процессов, альтернативных государственной интервенции. Данные «максимы» отражали стратегическую позицию администрации США, а также международных финансовых организаций – МВФ и Всемирного банка, ведущих американских аналитических центров.

нутыми этой борьбой оказались идеи и представления о мироустройстве, доминирующие нормы и ценности, а равно и «символы веры» массовидных общественно-политических («домашних» и транснациональных) сил.

Историю пишут победители – таков был лейтмотив *глобализации* как новой руководящей и направляющей мировое развитие «метафоры», которая вобрала в себя: примат экономического роста (и невнимание к *развитию*, включавшему в себя императивы занятости и смягчения социально-имущественных диспропорций); определяющее значение «свободы торговли» как стимулятора экономического роста; неограниченное национальным государством (в странах «второго» и «третьего» мира) действие сил «спроса и предложения»; необходимость свободы выбора (для победивших в холодной войне государств); резкое сокращение объемов этатистского интервенционизма (для развивающихся стран и переходных экономик); институционализацию западной парадигмы развития, якобы безальтернативной в любой социальной и культурной среде. Фактически речь шла о демонтаже *государства всеобщего благосостояния*, в котором смешанная экономика и политический плюрализм уравнивали действия стихийных рыночных сил и тем самым поддерживали общество в состоянии динамического равновесия. Новая рыночная парадигма в научных кругах получила название «турбокапитализма» [Luttwak 1999].

Турбокапитализм и глобализация (как «новая рыночная идеология») предполагали ограничение сферы деятельности государства поддержани-

ем условий общественного договора между властью и народом, реализацией оборонного заказа, обеспечением законности и порядка на территории страны. Власти предписывалось сосредоточить свою энергию на приватизации государственных предприятий, дерегулировании экономики (т.е. освобождении народного хозяйства от государственной опеки), снижении налогов (включая верхушечные группы населения), усилении контроля над организованным рабочим движением, сжатии объема социальных расходов.

Иначе говоря, триумфализм победы в холодной войне заслониł «стратегическим элитам» Запада понимание качественно усложнившейся после окончания Второй мировой войны организации мирового пространства. Оперирование идеями и теориями почти двухсотлетней давности было заведомо обречено на неудачу, поскольку подчинение основной части человечества логике западной модели глобализации не предполагало учет бесконечного множества интересов, которые с распадом биполярного мира не только не исчезли, но постоянно находили свое проявление в продолжавшихся локальных и региональных конфликтах, а равно и в прогрессирующем обострении *параметрических* проблем человечества – нехватки питьевой воды, недопотребления, интенсифицировавшихся миграционных потоков в сторону Запада,⁵ климатических изменений, деградации среды обитания, обострения положения в городах, причем не только Востока, но и Запада, и т.п.

Характерная для глобализации *компрессия времени и пространства* имела следствием, помимо прочего, уско-

5 В 1993 г. российский исследователь А.И. Неклесса выдвинул тезис об «ориентализации» Запада, которая определит динамику развития тамошних обществ на обозримую перспективу. Прогноз был построен на анализе направлений и интенсивности миграционных потоков с исторического Юга в зону промышленно развитых стран в послевоенный период.

рение относительно свободных от контроля национальных государств трансграничных потоков капитала, рабочей силы, идейных представлений, что начинало уже на рубеже тысячелетий оказывать противоречивое воздействие на экономику и общество самого Запада. Вдохновляемые развитием новых коммуникационных технологий, оперировавшие на глобальных рынках современные рантье и представители финансового капитала извлекали немислимые в условиях биполярного мира прибыли на рынках развивающихся стран, чьи финансовые и банковские системы были сознательно ослаблены идеями и принципами «вашингтонского консенсуса». Так, уже к концу 1990-х гг. только на глобальных валютных рынках ежедневно обращались денежные средства, эквивалентные почти двум триллионам долларов США [Gowan 1999, pp. 3–12].

Самоликвидация Советского Союза косвенно способствовала активизации деятельности транснациональных компаний в развивающихся странах. Не стесняемые ограничениями национального законодательства, ТНК создавали свой, дерегулированный глобальный рынок рабочей силы, объективно увеличивая территориальную мобильность последней. Контролируя более 70% мировой торговли, ТНК активно наращивали свое глобальное присутствие, тогда как объем прямых иностранных инвестиций в 1990-е гг. ежегодно увеличивался примерно на 15% [Gilpin 2000, p. 20].

«Вашингтонский консенсус» и неограниченная глобализация, однако, имели несколько важных и неоднозначных для Запада долгосрочных последствий.

Первое: демонтаж системы государственно-монополистического капитализма, созданной политикой «нового курса» Ф.Д. Рузвельта, имел следстви-

ем фактический отказ от мер защиты производственного потенциала США, обеспечения занятости американских рабочих и повышения их уровня жизни. «Индекс упадка индустриальной Америки», согласно П. Бьюкенену, выглядит следующим образом. С декабря 2000 г. по декабрь 2010 г. в частнокорпоративном секторе Соединенных Штатов было утрачено более трех миллионов (!) рабочих мест, что являлось наихудшим показателем с периода 1928–1938 гг., причем в промышленности было утеряно более одной трети всех рабочих мест. За этот период кумулятивный дефицит внешнеторгового баланса составил 6,2 трлн долларов. Дефицит в торговле с Китаем за обозреваемый период достиг двух трлн долларов. Резко обострилась проблема занятости: штаты Нью-Йорк и Огайо потеряли 38% рабочих мест, тогда как для Нью-Джерси и Мичигана падение доли занятости оказалось еще значительнее: 39% и 48% соответственно [Buchanan 2011, pp. 15–16]. В разные времена, напоминает П. Бьюкенен, нации обретают жизненную силу за счет роста производства и институционализации *экономического национализма* и, напротив, регрессивное развитие есть следствие свободы торговли [Buchanan 2011, p. 17]. Правомерен вывод: деиндустриализация подтачивает жизненные силы и снижает творческую энергию общества, ослабляет *геополитические* позиции данной страны.

Второе: даже в отсутствие альтернативного *мирового проекта* (СССР и его союзники) глобализация имела следствием обострение противоречий *постбиполярного* мира, которые время от времени вырывались наружу (бывшая Югославия, события 11 сентября 2001 г., «иракский кризис» и т.п.). Помимо очевидного внешнего вмешательства во внутренние процессы суверенных государств значительное влия-

ние на поляризацию мирового хозяйства оказывали процессы политэкономического происхождения. Еще в начале XXI в. в литературе отмечалось: «усложнение процессов в мировом хозяйстве и обострение конкуренции выталкивает из гонки [глобализации] все возрастающее число наименее удачливых участников». К тому же углубление вовлеченности в процессы глобализации «может порождать нагнетание внутренних противоречий и увеличение всевозможных политических рисков» [Володин, Широков 2002, с. 141]. На обострение внутренних противоречий общества развивающихся стран, особенно исламские, подчас отвечали появлением организаций, целью которых становился радикальный пересмотр западного «мирового проекта». За появление «ревизионистских» школ, теорий и практик, тотально отрицавших глобализацию и глобализм (скажем, «Исламское государство»), ответственность несет и западная политическая мысль, прежде всего авторы, уверовавшие в «конец истории» и, по сути дела, отрицавшие качественные *стадиальные*/формационные различия экономической, социальной и культурной организации обществ Запада, с одной стороны, и незападных образований – с другой.

Принудительное включение в процесс глобализации преимущественно *докапиталистических* (в лучшем случае раннеиндустриальных) обществ вызывало естественное отторжение подобных принципов и практик в незападных социумах, население которых привыкло к иным формам регуляции экономической и культурной жизни, и закономерно порождало протест против навязываемого Западом миропорядка. «Формационная незавершенность» незападных социумов, недостаточная диверсификация их экономик на индустриальной основе, а равно и

форм регуляции общественных процессов исчерпывающе описаны в отечественном третьемироведении. Связь истории и современности в переходных обществах наглядно проявилась в эпоху глобализации. Отсутствие полноценного генезиса индустриального способа производства определило здесь безальтернативность направляющей роли государства. «Генезис и развитие капитализма, – писал во второй половине 70-х гг. прошлого века выдающийся советский специалист по экономической истории В.И. Павлов, – обретают формационную спонтанность и системность только при том непременном условии, что им предшествует образование столь же спонтанных и системных формационных предпосылок. Чем менее зрелыми и активными являются эти предпосылки, тем более возрастает роль государства как *формационно стимулирующего фактора* (курсив мой. – А.В.), оно по существу возмещает недостаток спонтанности, способности к саморазвитию. <...> В исторической действительности генезис самых жизнеспособных типов капитализма вроде нидерландского или английского не обходился без активной поддержки государства. Оно не останавливалось перед кровавым насилием ни при экспроприации трудового населения внутри страны, ни при осуществлении внешней экспансии» [Жуков, Барг, Черняк, Павлов 1979, с. 314]. Можно сказать: демонтаж принципов и практик этатистского дирижизма в соответствии с канонами «вашингтонского консенсуса» поставил многие переходные общества (прежде всего африканские) на грань социального и культурного распада и породил своеобразный ответ в виде агрессивных политических «ересей» и интенсификации миграционных потоков в направлении промышленно развитых стран Запада.

Третье: неприятие глобализации в условиях *Raх Americana* приобрело двоякий характер. С одной стороны, появились радикальные организации, ставившие перед собой задачу не только остановить процессы интернационализации экономики, политики, культуры на западный лад, но и подрыв общественных институтов в странах – эпицентрах глобализации. С другой стороны, протест принял форму интенсифицировавшихся миграционных потоков, потенциально способных кардинально изменить национально-этнический состав и цивилизационную матрицу и парадигму эволюции западных обществ.

«Ориентализация» Запада

Для понимания феномена «ориентализации» развитых социумов наиболее иллюстративен пример Нидерландов, по признанию многих экспертов – одного из наиболее толерантных обществ Запада. Первоначальные миграционные потоки (гугеноты из Франции, еврей-сефарды из Португалии и т.п.) немало способствовали экономическому росту и социальному процветанию голландского общества. Однако после Второй мировой войны отношение населения к проблеме миграции постепенно начинает меняться. «Образ Нидерландов как общества либерального, – отмечает голландский исследователь К. ван Зон, – становится все более противоречивым по отношению к социально-политическому климату общественной жизни. Начало третьего тысячелетия стало свидетелем взрывного роста право-популистских партий и поляризации голландского общества. Мультикультурализм стал одной из центральных тем развития страны. Адаптация и ассимиляция мигрантов, в своем большинстве неевропейского

происхождения и исламского вероисповедания, и порождаемые ими проблемы стали наиболее важными темами общественных дебатов» [van Zoon 2009, p. 1].

Статистическим выражением миграционных потоков на Север стал рост *иноцивилизационного* субстрата в этнодемографической структуре населения стран Запада. Франция, Германия, Нидерланды, Италия, Бельгия – вот далеко не полный перечень промышленно развитых обществ, потенциально подверженных возможному цивилизационному «разлому» в недалеком будущем.

Миграционные потоки формируют новую социально-классовую структуру в странах Запада. Возникновение «островов» Юга на Севере имеет следствием появление массовидных общностей, которые занимают позиции у самого основания социальной пирамиды и которые под воздействием *демонстрационного эффекта* потребления начинают предъявлять требования о повышении жизненного уровня мигрантов. Сейчас все труднее отделить мигрантов по экономическим мотивам от вновь прибывших, недовольных политическими порядками у себя дома. Помимо этого, качество образования, уровень профессиональной квалификации, способность (точнее, неспособность) интегрироваться (поведенчески, культурно, лингвистически) в принимающее общество, как правило, имеет следствием массовое вовлечение мигрантов в деятельность криминальных структур или работу в «серой» экономике, «что неизбежно усиливает репрессивные меры государства развитых стран» [Володин, Широков 2002, с. 132].

Глобализация на западный лад, активно подтачивая вековые цивилизационные основы обществ-лидеров, еще в середине 1990-х гг. побудила наи-

более проницательных экспертов поставить вопрос о перспективах целостности и жизнеспособности/витальности тамошних обществ. Так, уже упомянутый авторитетный британский аналитик-прогнозист Х. Макрей критически оценивал возможности США сохранить позиции общества-авангарда в результате миграционно-демографического кризиса: «Управление переходом Соединенных Штатов от доминирования бело-европейской культуры к подлинно многорасовому обществу (сейчас принято говорить «мультикультурному». – А.В.) представляет собой главный вызов Америке в ближайшем будущем. Неудача разрушит американскую мечту, тогда как процесс перехода испытает на терпимость и приспособляемость [к новым обстоятельствам] нацию в условиях более суровых, нежели все предшествовавшие изменения в ее необыкновенной истории» [McRae 1995, p. 272]. Странам Западной Европы, оказавшимся в миграционном водовороте, автор предсказывал неизбежность этнических чисток наподобие тех, что имели место после распада некогда единой социалистической Югославии [McRae 1995, pp. 271–272].

«Усеченная» глобализация и ее последствия

Связь между ускорением глобализационных процессов после распада СССР и интенсификацией миграционных потоков в страны Запада очевидна. Глобализация уже в 1990-е гг. приобрела характер «триадизации», т.е. ее основными бенефициарами стали США, Западная Европа и Япония, тогда как реального, системного вовлечения развивающихся стран в процессы интернационализации не произошло. Такую модель глобализации известный в академиче-

ской среде экономист Б.Р. Найяр назвал «усеченной» (“truncated”) [Nayar 2005]. Основные действующие лица глобализации – это ТНК США, Японии, Великобритании, Франции, Италии, Германии, Швейцарии, Испании. Концентрация экономической власти на одном «полюсе» имела следствием пауперизацию основной части населения человечества и, как это нередко бывает, порождала проекты радикального переустройства мировой экономики и международных отношений.

Однако помимо концентрации экономической власти у ТНК и маргинализации значительной части человечества (прежде всего в переходных обществах), глобализация породила еще один процесс, последствия которого Запад испытал на себе уже в начале третьего тысячелетия. Поляризующий эффект глобализации, действующий в соответствии с принципом «победитель получает все», практически не затронул базовые экономические интересы *новых индустриальных* стран (как их именовали в науке 1970–1980-х гг.) Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Хозяйственные системы, в число которых принято включать Южную Корею, Тайвань, Сингапур, наиболее развитые страны группировки АСЕАН, оказались бенефициарами глобализации – во многом благодаря выводу производственных мощностей из Соединенных Штатов, Западной Европы и частично из Японии.

Как остроумно заметил П. Бьюкенен, Америка решила создать взаимозависимый, глобальный мир, опираясь на идеи «мечтателей XIX века», таких как Д. Рикардо, Р. Кобден, Дж.Ст. Милль и других [Buchanan 2011, p. 12]. Такого рода эксперимент со *свободой торговли* потерпел фиаско в XIX в., когда адепт фритреда Великобритании была оттеснена на второй план мировой экономики сначала

Америкой, а несколько позже – Германией. Либерализация наиболее емкого в мире американского рынка имела несколько долгосрочных для Соединенных Штатов последствий. Во-первых, на этот рынок устремились товары не только западноевропейских и японских производителей (этот процесс начался в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг.); все более вольготно стали чувствовать себя на американском пространстве «тигры» Восточной и Юго-Восточной Азии: Южная Корея, Тайвань, Малайзия и Сингапур. Однако наибольшие выгоды из «вашингтонского консенсуса» извлекла Поднебесная: в 1994 г. Пекин сделал «стратегический ход», девальвируя национальную валюту на 45%, удешевив и без того недорогую рабочую силу и тем самым пригласив в Китай «на заработки» заинтересованные в извлечении максимальной прибыли ТНК. Уже в 2008 г. дефицит Америки в торговле с Китаем составил 266 млрд долларов [Buchanan 2011, р. 13]. Во-вторых, неолиберальное «богословие», при непротивлении администраций Клинтона и Буша-младшего (мало интересовавшихся реальной экономикой), по сути дела стало своеобразной индульгенцией для американских предпринимателей, начинавших выводить свои предприятия в развивающиеся страны, где соотношение «цена – качество» рабочей силы создавало более благоприятные возможности для извлечения прибавочной стоимости. Обратной стороной этого процесса стали прогрессирующая *деиндустриализация* народного хозяйства и *декомпозиция* высококачественной рабочей силы в Америке и других ведущих странах Запада.

Поляризация в развитии систем производительных сил, например в США, имела следствием оформление двух типов городов/«поясов»: «солнечного пояса» (города штатов юж-

нее 36-й параллели) и «пояса ржавчины», включая главные индустриальные центры, Детройт и Кливленд. Новый кризис городов, считает авторитетный американский урбанист Р. Флорида, «простирается еще дальше и проникает глубже, чем предыдущий (1960-х и 1970-х гг. – А.В.). ... Этот кризис жестоко бьет как по старым промышленным городам “Ржавого пояса” США, так и по переживающему упадок постиндустриальному северо-востоку Англии... Новый кризис влияет и на растущие города с неустойчивой экономикой, зависящей от энергетики, туризма и недвижимости. <...> Выходит, что новый городской кризис – это также кризис пригородов, самой урбанизации и современного капитализма в целом» [Флорида 2018, с. 5–6]. Стоит напомнить: города как хранители исторической традиции и катализаторы социальных перемен в американских общественных науках неизменно рассматривались как важнейший источник жизненной энергии («пассионарности») народа, напрямую влияющей на активную политику США во внешнем мире.

Миграционные потоки, отмечал в середине 1990-х гг. патриарх современного обществознания У. Ростоу (1916–2003), меняют не только этно-демографическую конфигурацию американского социума. Так, в одном из ключевых штатов «солнечного пояса», Техасе, национальный состав населения претерпевает довольно быстрые изменения. Если существующая траектория демографических изменений сохранится, то к 2030 г. англофонное население (Anglos), в 1990 г. составлявшее около 60%, упадет до 37%, тогда как *испаноязычные* (Hispanics) составят 46% населения штата [Rostow 1998, р. 159]. Неизбежные последствия такого рода сдвигов – рост населения за «чертой бедности», падение доходов домохозяйств, дальнейшая социально-имуществен-

ная поляризация населения штата. У. Ростоу добавляет: в настоящее время около 40% ежегодно пополняющих состав экономически активного населения США – это иммигранты [Rostow 1998, p. 158]. Как правило, их квалификация значительно уступает интеллектуально-профессиональному уровню англофонов, что заведомо снижает жизнеспособность/витабельность американской экономики.⁶ Аналогичные процессы с определенным временным лагом можно наблюдать в других развитых странах Запада.

В 1990-е гг. за Америкой и Западом закрепились такие характеристики, как «монополюсная цивилизация», «универсальная цивилизация», «сверхцивилизация» [Ильин, Иноземцев 2001, с. 29–59; 235–260]. Однако уже в начале третьего тысячелетия было очевидно, что главным «конструктором» будущего мироздания в его цивилизационно-культурной и производных ипостасях будет практически неконтролируемый рост народонаселения с интенсивными миграционными потоками в северном направлении. «Демографические процессы, – писал автор настоящих строк в конце 1990-х гг. – <...> уже сейчас вызывают необратимые сдвиги в социальной структуре развитых стран, поскольку контроль над миграционными потоками находится за пределами возможностей национальных государств Запада. <...> “Тьермондизация” обществ развитых стран – явление необратимое. Именно с данным мегатрендом придется сопрягать все другие мегатенденции. Именно под этим углом зрения следовало бы вероятно, уточнить сами идеи “сверхцивилиза-

ции” и “противоцентра” (т.е. сил, противостоящих Pax Americana. – А.В.). Гораздо более типичным, чем внешнее и географически акцентированное противопоставление цивилизации и варварства, ядра и периферии, свойственное уходящим временам, сегодня все более значимым становится противоречие внутреннее. “Сверхцивилизация” оказывается *расколотой* (курсив в тексте. – А.В.), а возникающий в ней ее собственный “третий мир” способен стать куда более опасным “противоцентром”, чем можно было бы вообразить в логике уходящего века» [Ильин, Иноземцев 2001, с. 290, 291].⁷

Постоянное разрушение культурных, лингвистических и институциональных (под воздействием миграционных потоков с Юга) основ, обеспечивавших относительную *гомогенность* и целостность «североатлантической цивилизации», по-видимому, вызвали ответную интервенционистскую реакцию США и их союзников в виде «экспедиций» в Афганистан (2001 г.) и Ирак (2003 г.). Администрация Дж. Буша-младшего пыталась тем самым продлить «момент монополярности» (“unipolar moment”, как определил состояние человечества в конце XX – начале XXI вв. американский политолог Ч. Краутхаммер) и одновременно показать остальному миру, что Америка остается его ведущей и направляющей силой. Неудача планов по «умиротворению» Афганистана и Ирака стала, очевидно, исходным пунктом новой глобальной перегруппировки сил, целью которой было формирование иной, полицентрической конфигурации мировой системы.

6 Цивилизационный «разлом» американского общества, с особой силой проявившийся на президентских выборах 2016 г., не более чем переход количественных изменений в новое качественное состояние. В сущности, всерьез началась политическая борьба за сохранение европейских основ американской культуры и американского общества.

7 В принципе этнодемографические сдвиги в перспективе могут иметь следствием и пересмотр основных направлений политики западных государств, о чем писал в середине 1990-х гг. У. Ростоу [Rostow 1998].

«Борьба двух систем» как источник жизнеспособности Запада

Свои жизненные силы и энергию или, *пассионарность* (если воспользоваться стилистикой Л.Н. Гумилева) «североатлантическая цивилизация» черпала из мощного источника, т.е. из наличия дееспособного «противоцентра» – Советского Союза и социалистического содружества. «Борьба двух систем» заставляла обе стороны, чтобы не оказаться в аутсайдерах, постоянно совершенствовать свои экономические системы, научно-технический и военный потенциал, изобретать все более изощренные приемы идеологического противоборства. Возникла своеобразная положительная инерция движения Запада вперед, в чем немалую (хотя и непрямую) роль играл Советский Союз. В содержательном смысле самоликвидация СССР стала для Запада реальным концом истории, поскольку она лишила всю североатлантическую систему *внешних* импульсов к *внутреннему* саморазвитию, тогда как спонтанные силы модернизации западных социумов оказались недостаточными для реализации проекта *Rex Americana*.

Угасание диалектических импульсов межсистемного соперничества имело следствием множество негативных для Америки и Запада в целом последствий. На наш взгляд, стоит обратить внимание на одно из таковых. Уже отмечалось: распад СССР негативно сказался на жизненном тоне американского общества. Наступила эпоха, которую в Америке язвительно нарекли «временем покорности». Время покорности – это не только давление на организованное рабочее движение (начавшееся, как известно, раньше – в президентскую легислатуру Р. Рейгана) и университеты как на потенциальный источник свободной мысли. Скверным для будущего

Америки (и коллективного Запада) было постепенное исчезновение из общественного дискурса независимого мнения – эффективного инструмента обратной связи общества и власти, с одной стороны, и утверждение *конформистских* моделей поведения на всех «этажах» политической системы – с другой.

Последствия не заставили себя ждать: политика начинала утрачивать *соревновательный* характер, борьба идей постепенно вытеснялась противостоянием личностей. Отрицательные перемены претерпевали и критерии набора в элиту западных обществ. Место ярким индивидуальностям уступали тусклые, бесцветные персоналии, готовые в случае необходимости действовать по сервильному принципу «чего изволите?». А западные общества тем временем претерпевали серьезные изменения в распределении национального дохода: глобализация в Америке, например, имела следствием усиление поляризации общества. В 2018 г. 78% американцев, согласно опросам общественного мнения, существовали в режиме «от зарплаты до зарплаты» (“paycheck to paycheck”). Субъективное восприятие собственного положения, видимо, имеет объективный характер, поскольку, согласно расчетам американских экономистов, только 20% экономически активного населения удалось «встроиться» в институты и практики глобализации, тогда как остальные 80% чувствовали себя исключенными из процесса развития. Таким образом, и в самой Америке глобализация имела *усеченный* характер, она усиливала внутреннюю разобщенность и напряжение в обществе. Аналогичные процессы развивались и в Западной Европе.

Усложнение международной ситуации (или кризис *униполя*) обнаружило беспомощность западных элит, не способных принимать адекватные решения и эффективно действовать в усло-

виях, когда на неразрешенные застарелые проблемы наслаивались новые, еще более сложные, требовавшие и творческого, нестандартного подхода, и действенной, оперативной реакции. Складывалось впечатление, что для современных западных элит *стратегия* является непознаваемой, умозрительной категорией, тогда как их действия есть не что иное, как инстинктивные реакции, имеющие в лучшем случае *тактический*, сиюминутный характер. Беспомощность порождала поиски внешних врагов, не подчиняющихся логике «конца истории» и не желающих вписываться в поведенческие модели, предписываемые кодексом взаимоотношений, установленным в Pax Americana.

«Триумфальное шествие» западного проекта заканчивалось, и со всей неотложностью встал вопрос о *реорганизации* мирового пространства, реорганизации, отражающей новую расстановку сил на глобальном и региональном уровне. Исходный хронологический рубеж переформатирования мирового пространства определить сложно. Видимо, условным водоразделом между старым и новым геополитическим временем можно считать неудачные интервенции Запада в Афганистан, а затем в Ирак. При ретроспективном анализе тех событий выясняется, что иракская экспедиция послужила толчком к созданию радикально-агрессивного антизападного политического проекта, вскоре приобретшего форму «Исламского государства».⁸

Институционализация ИГ стала первым зримым свидетельством *системного* кризиса *усеченной* глобализации. Фактически «противоцентр» в

лице ИГ добивался перераспределения материальных и финансовых ресурсов на глобальном уровне, отказа Запада от восторжествовавшего после распада СССР *поляризованного* типа мирового развития, права на свободу выбора культурных и поведенческих ориентаций. Иными словами, в радикальной форме глобализацию сверху предполагалось заменить глобализацией снизу, которая позволила бы улучшить социально-имущественное положение маргинализированных и пауперизированных групп населения в мусульманских и других развивающихся странах. Видимо, антиглобалистская повестка, транслированная в доступных массовым слоям населения формах, обусловила поддержку идей ИГ среди массовых слоев населения в ряде стран Ближнего и Среднего Востока.

Антиглобализм и его течения

Феномен ИГ (и других радикальных исламистских организаций) сложился и развивался в контексте постоянно усложняющейся мировой идейно-политической ситуации, активными участниками которой были: *экономические националисты* типа П. Бьюкенена в США, сторонники Й. Хайдера и его Партии свободы в Австрии, Ж.-М. Ле Пен и его партия «Национальный фронт» во Франции, Германский народный союз Г. Фрая, Итальянский национальный альянс Дж. Фини и т.п. Национально-популистские организации формировались в недрах социальной структуры стран Запада, и лейтмотивом их деятельности стало сопро-

8 В октябре 2006 г. в результате объединения нескольких радикальных группировок было создано новое политическое образование «Исламское государство Ирак». Общая площадь контролируемой ИГ территории в 2014 г. достигала более 100 тыс. кв. км, тогда как численность проживающего в этом ареале населения составляла около 8 млн чел. ИГ располагало идеологией, политической программой, а также на подвластной территории осуществляла «шариатский» социально-экономический курс.

тивление «глобализации американского стиля», подрывающей национальное государство и навязывающей остальному миру (в форме культурной глобализации) *наднациональные* (по сути дела, *конформистские*) модели сознания и поведения.

Объективно противодействовали усеченной глобализации и левопопулистские режимы и движения, прежде всего в Латинской Америке (партия У. Чавеса в Венесуэле, сапатисты в Мексике, правительство Ж.-Б. Аристиды на Гаити и т.д.). Активную деятельность по демонтажу «вашингтонского консенсуса» развернули некоторые неправительственные организации, добивавшиеся защиты среды обитания, гендерного равноправия, решения остродрематических проблем занятости и социальной справедливости [Steger 2002, pp. 84–85]. Разумеется, эти силы опирались на разные группы поддержки в обществе. Однако активизация их деятельности однозначно указывала на накапливавшееся недовольство народа в различных странах и регионах и, в сущности, ставила проблему концептуального пересмотра порядка, установившегося после 1991 г. Так, во время визита в Китай (1999 г.) президент Венесуэлы У. Чавес заявил: распад Советского Союза не означает, что «неолиберальный капитализм станет эталонной моделью для населения Запада» [Gott 2000, p. 190]. Уже тогда зазвучал призыв к солидарным действиям стран Латинской Америки, Ближнего Востока и Азии, которые рассматривались боливарианским лидером как действенный инструментальный сопротивления неолиберальной версии глобализации.

Эффективность идеологии *популизма развития* (если воспользоваться дефиницией 1970-х – начала 1980-х гг.) измерялась в конечном счете жизненными обстоятельствами: если, например, в 1973 г. перепад уровней доходов в наи-

более и наименее развитых странах составлял 44:1, то к началу третьего тысячелетия разрыв между «центром» и «периферией» стал просто вопиющим – 74:1. Число проживающих за *чертой бедности* (по классификации ООН) возросло с 1,2 до 1,5 млрд чел. к началу XXI в. К 2000 г. 25% мирового населения имело подушевой доход менее 140 американских долл. в годовом исчислении [Pogge 2000, pp. 37–43].

Одним из «фундаментальных» откликов на вызовы неолиберальной глобализации стала *интернационализация* деятельности организаций гражданского общества. Объединение противников глобализма постепенно формирует альтернативный дискурс, способствует складыванию новой идентичности на транснациональной основе (точнее, эгалитарного антиглобалистского политического сознания и политической культуры), подталкивает к складыванию трансграничных альянсов поверх географических, этно-национальных и профессионально-классовых барьеров. Альтернативный проект глобализации включал в себя следующие опорные принципы: возвращение этических начал в международные отношения, равенство возможностей при участии в глобализации («глобализация для всех»); демократизация мировой политики на основе реального участия «периферийных» стран в выработке и осуществлении стратегических решений; признание многообразия современного мира как единства «классических» и «неклассических» гражданских обществ. Противники неолиберализма исходили из того, что существующая модель глобализации провоцирует вселенский хаос и может иметь следствием неконтролируемые США и их союзниками «параметрические» последствия (трансформация локальных и региональных конфликтов в общемировые, необратимая деградация

среды обитания, неподвластные правительствам миграционные потоки из переходных обществ в зону «золотого миллиарда» с неизбежным изменением цивилизационно-культурного кода западных обществ и т.д.). Своеобразной пробой сил для антиглобалистов можно считать столкновение примерно 40 тыс. демонстрантов с полицией во время конференции ВТО в Сиэтле, США, 30 ноября – 1 декабря 1999 г.

«Битва при Сиэтле», как впоследствии стали именовать это событие, явилась своеобразной кульминацией таких опасных для глобалистов событий, как азиатский экономический кризис 1997–1998 гг., экономический дефолт в России (август 1998 г.), массовые забастовки во Франции зимой 1998 г., коллапс ряда крупных американских и западноевропейских инвестиционных фондов. Указанием на серьезность ситуации стал призыв одного из «пастырей» глобализации Дж. Сороса отказаться от разрушительной «идеологии рыночного фундаментализма» и выработать «новый курс» глобализации.

Таким образом, в преддверии третьего тысячелетия начинает складываться весьма неоднородная в социальном, культурном и идейно-политическом отношении коалиция сил, которую можно рассматривать как часть «противоцентра» неолиберальной модели глобализации. В эту своеобразную коалицию входили всевозможные организации гражданского общества, антиглобалистские движения (группировавшиеся вокруг таких организаций-форматов, как Мировой социальный форум). Наконец, в конце 1990-х гг., после азиатского финансового кризиса, на новой идейной основе изменения характера глобализации начинает возрождаться Движение неприсоединения. Вдохновителем и организатором этого процесса становится премьер-министр Малайзии Мохатхир

Мохаммад; в мировом пространстве появляется организационная платформа «противоцентра», теперь на межгосударственном уровне.

Лагерь глобалистов: состав и структура

В связи с изменением расстановки сил на глобальном уровне возникает вопрос: какие силы входят (входят) в «руководящую и направляющую» коалицию? Наиболее общий (и поверхностный) ответ: транснациональные корпорации (ТНК) и правящие группы (вне зависимости от партийной принадлежности) трех гравитационных центров глобализации (в прошлом – мирового капиталистического хозяйства) – Соединенных Штатов, Западной Европы, Японии, а также находящихся от них в многосторонней зависимости государств североатлантического пространства и, отчасти, Тихоокеанской Азии. Впрочем, такие события, как битва при Сиэтле (1999 г.), показали: внутри развитых стран существует серьезная оппозиция неолиберальным глобализационным проектам.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появились работы, в которых активные сторонники глобализации характеризовались как «транснационалы» [Huntington 2004] или как «космократы» [Micklethwait, Wooldridge 2000, pp. 241–242]. Каковы национальные, экономические, политические и культурные границы/параметры этой своеобразной общности? «Новая глобальная элита», отмечает в этой связи С.П. Хантингтон, включает в себя: представителей занятых практической деятельностью академических кругов, служащих различных международных организаций, высший персонал ТНК, предпринимателей в интернационализованных высокотех-

нологических отраслях промышленности, работников крупнейших банков, биржевых маклеров, юристов-международников, консультантов крупных корпораций и т.п. В 2000 г. их численность по всему миру оценивалась в 20 млн чел., тогда как к 2010 г. ожидалось удвоение этой общности. Около 40% этой транснациональной группы – американцы [Huntington 2004, р. 268]. Понятно, что поведенческие модели «транснационалов»/«космократов» основаны на ценностях глобализации, а национальные государства в их представлении – это некий «архаизм» в постоянно уплотняющемся мире. Эта «публика» ориентирована на ценности *мультикультурализма* и практически не связана «эмоциональными» узами со страной проживания. Таким образом, союз «транснационалов» с антиглобалистами уже не только экономический (безразличие к судьбе национальных рынков); он по сути дела имеет глубокие *культурные* основания.

Однако *горизонтальная* кооперация и консолидация различных подразделений *новой глобальной элиты* может быть действенной только при наличии как минимум *трех* предварительных условий: 1) неоспоримого экономического и научно-технологического превосходства коллективного Запада над «остальными»; 2) военно-политического потенциала и готовности его использовать «в случае необходимости» против стран-диссидентов, отказывающихся следовать «генеральной линии»;

3) готовности государств – *объектов* глобализации добровольно подчиняться решению, исходящим из «программирующего центра».

Предположительно Pax Americana функционировал до «экспедиционной миссии» США и Англии в Ирак (2003 г.). Неудача этого предприятия подтолкнула развитие потенциально ущербных для Америки процессов (которые прежде находились в *латентном* состоянии) и под воздействием отрицательного для Запада «демонстрационного эффекта» в мировом пространстве. Иначе говоря, «временные трудности» постепенно приобрели очертания «отступления империи».

Сегодня можно утверждать, что западные элиты стали заложниками собственных иллюзий. Триумфализм как идейное наследие «победоносной» холодной войны застрял в сознании правящих кругов США и их союзников, массированно подпитываемый тамошней «академией» в виде концепций «конца истории», «безальтернативности» развития и им подобных. С одной стороны, агрессивно навязывая остальному миру *усеченную* глобализацию, Запад собственными руками создавал *противоцентр* своей политике. С другой стороны, триумфалистские идеи и концепции разоружали «золотой миллиард» не только идейно, но и, так сказать, физически, демобилизуя активные слои населения грезами о единственно возможном пути развития человечества.⁹

9 Комплекс превосходства, или колониальный стиль мышления испокон веков систематически внедрялся в массовое сознание некоторых западных обществ. Возникает невольная ассоциация с отношением англичан к индийцам, на что в свое время обратил внимание Дж. Неру: «Эти люди (чиновники Индийской гражданской службы, “самого цепкого профсоюза в мире”, по определению одного из английских писателей. – А.В.) управляли Индией, <...> и все, что ущемляло их интересы, неизбежно считалось вредным для Индии... Эта идея распространилась в той или иной степени в различные слои английского народа. <...> даже английские рабочий и фермер <...> подпали под ее влияние и, несмотря на подчиненное положение у себя на родине, испытывали гордость владельцев и властелинов. <...> В лучшем случае он (рабочий или фермер. – А.В.) был преисполнен смутного благожелательства, но такого, которое не выходит за строгие рамки данной системы» [Неру 1955, с. 310]. Время показало: механизм индоктринации массового сознания остался практически неизменным. Разве что инструменты и механизмы обработки общественного мнения стали более современными и «утонченными».

Концепции и прогнозы нового мирового порядка

В западной общественно-политической мысли постбиполярного времени существовал, однако, и трезво-аналитический взгляд и на «триумф» холодной войны, и на перспективы коллективного Запада в мировой экономике и политике. Так, выдающийся экономист, один из архитекторов «плана Маршалла» Чарльз Киндльбергер сочувственно реагирует на высказанное в начале 1990-х гг. будущим лауреатом Нобелевской премии П. Кругманом предположение, что Америку может ожидать время «склероза и упадка» [Kindleberger 1996, p. 190]. Впрочем, ученый в своих прогнозах будущего мировой экономики пошел дальше, уклонившись от прямого ответа на вопрос, какая страна станет в обозримой перспективе обществом-лидером [Kindleberger 1996, p. 228]. Экономист и социолог Л. Туроу в конце XX в. поставил проблему будущего Америки и Запада в целом в более широкий контекст жизнеспособности/вitalности данных обществ: «Опасность не в том, что капитализм взорвется изнутри, подобно коммунизму. В отсутствие дееспособного конкурента, в лагерь которого могут ринуться недовольные существующей системой массы, капитализм не может саморазрушиться. Экономические системы фараонов, [Древнего] Рима, Средневековья и мандаринов (т.е. Китая классической эпохи. – А.В.) также не имели конкурентов и просто стагнировали веками,

пока наконец не исчезли [как класс]. [Именно] стагнация, а не коллапс является [реальной] опасностью» [Thurow 1996, p. 325].

В западном общественном сознании конца XX – начала XXI вв. размышления о будущем Pax Americana сосуществовали с прогностическими оценками оптимального для Америки и ее союзников алгоритма поведения в международной среде, имеющего целью сохранить лидирующие в мире позиции. Представляется концептуально значимой целеустановка патриарха американской экономической и социологической науки Уолта Ростоу (1916–2003). Сформулировав парадигму державы «критической массы» (critical margin), У. Ростоу отмечал: «США располагают значительной массой [экономической] мощи и [политического] влияния [в мировом сообществе], когда они выражают устремления большинства и готовы фундировать риторику конкретными действиями. <...> Соединенные Штаты не могут навязать свою волю другим странам как держава-гегемон, однако крупные начинания в мировом пространстве трудно реализовать без нашего активного участия» [Crouzet, Clesse 2003, p. 273]¹⁰.

Ч. Киндльбергер, У. Ростоу и Л. Туроу, будучи частью «стратегической элиты» Америки (ибо их идеи подпитывали государственный курс США), естественно, были осторожны в своих оценках будущего. Начавшаяся деиндустриализация западных экономик начинала тревожить и «верхи» (власть), и «низы»

10 Эту же мысль, только в полемически отточенной форме, отчетливо выразил Н.А. Симония: «Несмотря на старания мощной американской пропагандистской машины и многих зарубежных и отечественных экспертов, отстаивающих идею "однополюсного мира", "сверхдержавность" США принадлежит уже историческому прошлому, является наследием или пережитком этого прошлого. Перспектива же для США – это трансформироваться в первую, но среди равноправных, державу мира. Все попытки доказать обратное усилением военных аспектов своего могущества на международном поприще не приносят никакого успеха, оказываются неэффективными, но высокочатными и потому могут лишь усугубить и без того незавидное положение США как крупнейшего должника мира» [Петров 2011, с. 11].

(предпринимательское сословие). Так, президент Франции Ж. Ширак (1995 г.), оценивая возросшую роль финансово-го капитала в мировом хозяйстве, высказался вполне определенно: «Спекуляция – это СПИД наших экономик» [Saul 2005, p. 144]. Постбиполярная глобализация подрывала жизнеспособность капитализма и олицетворявшего его Запада. Поведенческие принципы лидеров глобализации по сути дела отрицали капитализм как индустриальный способ производства, поскольку крупные корпорации: 1) избегают создания новых предприятий, что могло бы иметь следствием понижение цен на промышленные товары; 2) усиливают контроль над рынком посредством снижения конкуренции; 3) повышают свои прибыли, опять же за счет снижения конкуренции; 4) пытаются минимизировать финансовые риски, ограничивая число участников рынка [Bichler, Nitzan 2004, pp. 255–327]. Подобное «нерыночное» поведение в конечном счете вызвало ожидаемый демонстрационный эффект во многих развивающихся странах/переходных экономиках. Благоговейное (а подчас и подобострастное) отношение к Америке и Западу постепенно уступает место трезвовзвешенному взгляду на происходящие события, подталкивая «остальных» к поискам новой внешнеполитической парадигмы.

Социально-психолого-политический тонус общества в странах Азии, Латинской Америки и Африки начинает меняться. Завершающим аккордом развенчания западной, прежде всего американской, модели капитализма, считает Н.А. Симония, стал кризис 2007–2009 гг. «До кризиса у многих политиков и интеллектуалов в Азии все еще теплилась вера в то, что, несмотря на, как им казалось, отдельные промахи, западная экономическая теория и практика были лучшими в мире. Но <...> кризис и глобальная рецессия

заставили многих азиатов поставить под вопрос западную компетентность» [Петров 2011, с. 25]. Однако, как представляется, сомнения в жизнеспособности глобализации по-американски появились на Западе уже в конце двадцатого века. Сложность идентификации перемены настроений в западном бизнес-сообществе состояла, видимо, в «закрытости» для внешнего наблюдения данной среды, в нежелании отклоняться от корпоративной этики, не предполагающей широкие «тематические» дебаты даже по жизненно важным для бизнеса проблемам. Бизнес-среда, отмечает Дж.Р. Соул, «это мир пирамидального порядка, повиновения внутри организаций (корпораций. – А.В.) и солидарности среди руководящих фигур» [Saul 2005, p. 144].

Финансовый и экономический кризис 2007–2009 гг., очевидно, стал инструментом и движущей силой разрушения *межгосударственной коалиции*, в 1991 г. заявившей своей политической «лоцией» принципы «вашингтонского консенсуса». Траекторию этого весьма сложного эволюционного процесса (развивавшегося, впрочем, в форсированном по меркам мировой истории режиме) можно схематично представить следующим образом. *Усеченная* глобализация размывает внутренние жизненные основы западного проекта, с одной стороны, и провоцирует и обостряет конфликты с «остальными» и между развивающимися странами (как и внутри последних) – с другой. Кризис глобализации подрывает дееспособность как национальных (переходные общества), так и международных институтов. Ослабление международных институтов в условиях нарастающей *поляризации* мирового развития создает благоприятную среду для международных конфликтов, которые в высшей точке своего проявления приобретают форму *столкновения цивили-*

защит. Возникающий в ходе процессов деструкции и декомпозиции (социальных структур) вакуум власти и управляемости требует заполнения мирового пространства новыми идеями и новыми действующими лицами («актерами»). Безальтернативность глобального развития оказывается *фикцией*. Материализуется необходимость новой модели мировой политики, а равно и потребность в появлении новых элит, способных ответственно и компетентно управлять постоянно усложняющейся международной системой.

Распад Советского Союза, *противоцентра*, стимулировавшего жизненные силы Запада, имел для Америки и ее союзников двойные последствия. С одной стороны, самоликвидация СССР «заслонила» активный экономический рост и развитие в Китае, Индии, Индонезии и других незападных обществах, чем ослабила бдительность западных элит, имела следствием их *демобилизацию*, в том числе идейную, снизила жизненный тонус западных обществ, для которых бывший Советский Союз был сильным и постоянным стимулом развития. С другой стороны, отсутствие *историзма* в восприятии мирового развития, зримым проявлением чего был «конец истории» и аналогичные построения Ф. Фукуямы концепции, лишил правящие круги Запада возможности трезво взглянуть на эволюцию российского общества после распада советской «империи». На этом обстоятельстве стоит остановиться более подробно.

Образования имперского происхождения (Древний Рим, Византия, Британия, Австро-Венгрия, Советский Союз и его исторические предшественники) по *политэкономическим* основаниям могут быть классифицированы как «классические» и «неклассические». *Классические* империи, концептуальным воплощением которых была

Великобритания, устроены по принципу эксплуатации «центром» «периферии»; последняя за счет неэквивалентного обмена экономически и политически укрепляет метрополию. Распад связей «метрополия – колонии» имел следствием утрату Великобританией *глобального* геополитического статуса с последующим превращением Англии в государственный субъект *вспомогательного* значения.

Несколько иначе работали внутренние механизмы воспроизводства в империях *неклассического* типа, в частности в Австро-Венгрии и монархической России / Советском Союзе. Под влиянием многочисленных геополитических вызовов в правящих кругах обоих государств возникла экзистенциальная по значимости идея *внешнего контура безопасности*, смысл которой состоял в охране ядра системы (Альпийской Австрии и собственно России) от внешних посягательств с помощью государств и территорий, находящихся в *субсидиарной* зависимости от имперских центров. Впоследствии прекращение субсидиарных отношений, несмотря на неизбежное сжатие территории, не влекло за собой необратимых экономических и (гео)политических последствий. «Деколонизация» теоретически создавала условия для концентрации внутренней материально-ресурсной и духовно-интеллектуальной энергии общества, т.е. бывшего экономического и военно-политического стержня империи, на реализации «повестки развития».

На Западе распад Советского Союза однозначно интерпретировался как предвестник дальнейшего ослабления России и неизбежной утраты страной статуса мировой державы. Такой взгляд имплицитно опирался на методологию *институционального* анализа (особо почитаемую в англо-саксонских странах), рассчитанного на *ста-*

тическое, неизменное состояние международной системы и фактически игнорирующего диалектику и динамику как руководящие принципы эволюции обществ. Подвижность и цикличность международной жизни в начале третьего тысячелетия лапидарно и емко описал пакистанский автор Д. Хиро, проживающий в Англии: «Постимперский мир (т.е. международная система после дезинтеграции *Raх Amerigana*. – А.В.) не будет вращаться вокруг Америки. Не станет он и диалектическим (т.е. построенным на противостоянии. – А.В.) – Соединенные Штаты против Китая, Запад против Азии, демократии против автократий. Развитие событий [в мире] уже имеет следствием формирование международного порядка в составе многих полюсов, сотрудничающих и соперничающих друг с другом, тогда как ни одному из этих полюсов не будет позволено утвердиться в качестве силы-гегемона. Говоря без обиняков, стародавний баланс сил вновь взялся за привычную работу» [Hiro 2010, pp. 5–6]. Таким образом, в начале 2010-х гг. материализуются представления П. Кеннеди о *новых влиятельных субъектах* (сейчас их принято называть региональными лидерами), ряды которых в XXI в. пополнили Турция и Иран; серьезные претензии на эту роль предъявляет Саудовская Аравия. Все четче как о геополитической общности заявляет о себе геоэкономическая группировка АСЕАН. «Левый поворот» в Латинской Америке напрямую связан с перегруппировкой сил на национально-этатистской основе и отражает коллективное стремление нескольких государств отстаивать свои экономические и политические интересы. Правда, интеграционные процессы в Африке пока не достигли зрелых форм, но стремление к объединению усилий просматривается все четче.

Движение к новой, *полицентрической* организации мирового пространства отражает происходящее сейчас беспрецедентное усложнение современного мира, его строения и структуры. Новые страны вливаются в этот колоссальный по своим масштабам процесс в качестве реальных участников мирополитических событий. Естественно, что эти государства требуют гарантий для своей безопасности. Надежды на «глобальное управление», на регулирование глобализации в интересах основной части мирового народонаселения, на что рассчитывали видные интеллектуалы на Западе и Востоке [Nayyar 2002], оказались тщетными. Видимо, настало время преобразования «глобального управления» в общемировую систему *коллективной безопасности*.

Построение такой системы, как представляется, следует начинать с преобразования Восточного Средиземноморья, нынешнего главного «инкубатора» многочисленных меж- и внутригосударственных конфликтов, в основе которых – сложное напластование исторических, культурных, религиозных и этнических противоречий. Жизненно необходимо всеми возможными переговорными средствами связать взаимными обязательствами страны Восточного Средиземноморья (и их правительства) и соседние государства в единую систему коллективной безопасности. Если эта модель окажется работоспособной, то принципы и механизмы ее деятельности можно будет распространить на другие государства Азии, а затем – и на другие континенты, включая Европу.

В успешной полицентрической организации мирового пространства многое в конечном счете будет зависеть от эффективной политики «новых влиятельных стран», а также России. Повестка действий для нашей страны

определена *крымским консенсусом*, стихийно сложившейся в общественном сознании краткой и емкой программе поведения, состоящей из двух базовых принципов, находящихся по отношению друг к другу в зависимости *взаимной дополнительности*: 1) активной внешнеполитической деятельности на началах суверенитета и «стратегической автономии» и 2) энергичного экономического роста, способного решать социальные проблемы и постоянно подталкивать развитие науки и техники, т.е. четвертой промышленной революции.

***

Полицентрическая организация ойкумены – дефиниция слишком общая, чтобы выявить частные, но важные особенности новой мировой и региональной политики, почувствовать действие механизмов, обеспечивающих интеграцию человечества (либо создающих препятствия разрыванию данного процесса), оценить соотношение начал *горизонтальной* и *вертикальной* интеграции формирующейся глобальной целостности. Можно согласиться с А.И. Неклессой: модель грядущего мирового устройства будет иметь *многоярусный* характер [Ильин, Иноземцев 2001, с. 145]. Однако на наш взгляд процессы глобализации к началу 2020-х гг. основательно пошатнули основы классификации, опирающейся на привычные принципы историко-политической картографии. Процессы глобализации видоизменяются под воздействием *параметрических* состояний: становящейся необратимой деградации среды обитания, неуправляемых демографических процессов и прогрессирующего повышения нагрузки на ресурсный потенциал Земли, принимающей угрожающие размеры безработицы, пополнения населения городов (теперь уже и в странах «золотого милли-

арда») массовыми группами мигрантов и их превращение в средоточие острых экономических и социальных проблем, резкого падения образовательных стандартов населения.

Представляется, что архитектура международной системы ближайшего будущего, отражая процессы, начавшиеся в середине 1980-х гг., сохранит «табель о рангах», извечно присущую мировой политике. «Короткая эра униполярной американской гегемонии, – полагает французский культуролог К. Карпентье де Гурдон, – быстро клонится к закату как вследствие внутренних процессов упадка и дезинтеграции внутри самих Соединенных Штатов, так и, частично, как реакция на быстрый рост азиатских гигантов – Китая, Индонезии и Индии, от отношений с которыми многие страны, включая Австралию и даже США, начинают все больше зависеть в экономическом отношении; происходит [экономическое и геополитическое] восстановление России; усиливается автономия стран Латинской Америки...; не купировано неповиновение стран «оси сопротивления»: Ирана, Северной Кореи, Кубы и Сирии, в определенной степени поддерживаемых новыми великими державами Востока и Юга» [de Gourdon 2014, p. 5]. Учитывая развивающиеся в мировой политике тенденции, автор полагает возможным выделить две группы государств («А» и «Б») в качестве несущих конструкций будущей глобальной архитектуры.

В группу «А», как представляется, войдут: Бразилия, США, образующие историко-экономическое ядро страны Западной Европы, Россия, Индия, Китай, Япония. Они станут новыми гравитационными полями, поддерживающими целостность мирового пространства, несмотря на существующие между этими субъектами межгосударственные противоречия.

Группу/эшелон «Б» составят новые региональные лидеры: Аргентина, Венесуэла (несмотря на сохранение внутриполитической напряженности), Мексика, ЮАР, Нигерия, Египет, Турция, Иран, Индонезия и т.д. Основной функцией стран эшелона «Б» станет, вероятно, сохранение регионального порядка/стабильности в условиях фактического отсутствия региональных международных институтов поддержания мира. (Призывы к трансформации ООН косвенно свидетельствуют о неопределенности с внедрением принципов и норм глобальной и всеобщей безопасности.) Новый мировой порядок, какими бы размытыми ни были его будущие контуры, будет строиться на развитии многостороннего сотрудничества между государствами на *горизонтальной* (т.е. не зависимой от руководящего центра) основе.

Сегодня реформа центрального международного института, Организации Объединенных Наций, стала неотложной и неизбежной. Однако чтобы столь масштабная трансформация материализовалась, необходим *новый глобальный консенсус*, строящийся на основе *субъектно-субъектных* отношений и сопровождаемый далеко идущей трансформацией мировой финансовой архитектуры. Переход к полицентрической организации ойкумены займет определенное время. На этот переходный период миру необходимы несущие конструкции глобальной и региональной стабильности, роль которых могли бы выполнять уже существующие форматы международных отношений (ШОС, БРИКС, ЕС, НАТО, АСЕАН и т.п.). Координация деятельности такого рода межгосударственных форматов могла бы снизить экономические и геополитические издержки «опасного перехода» [Bagchi 2006] от несостоятельного Pax Americana к полицентрической организации

мирового пространства, адекватно отражающей реальное многообразие современного мира.

Список литературы

- Володин А.Г., Широков Г.К. (2002) Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М.: Институт востоковедения РАН.
- Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. (1979) Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука.
- Ильин М.В., Иноземцев В.Л. (ред.) (2001) Мегатренды мирового развития. М.: Экономика.
- Неру Дж. (1955) Открытие Индии. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Петров А.М. (ред.) (2011) Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М.: Институт востоковедения РАН.
- Флорида Р. (2018) Новый кризис городов. М.: Издательская группа «Точка».
- Bagchi A.K. (2006) *Perilous Passage. Mankind and the Global Ascendancy of Capital*, New Delhi: Oxford University Press.
- Bichler S., Nitzan J. (2004) Dominant Capital and the New Wars // *Journal of World Systems*, vol. 10, no 2, pp. 255–327 // <http://jwsr.pitt.edu/ojs/index.php/jwsr/article/view/304/316>, дата обращения 31.10.2019.
- Buchanan P.J. (2011) *Suicide of a Superpower: Will America Survive to 2025?* N.Y.: St. Martin's Press.
- Carpentier de Gourdon C. (2014) *Changing Contours of World Politics*. (Mimeo), New Delhi: World Affairs.
- Crouzet F., Clesse A. (eds.) (2003) *Leading the World Economically*, Amsterdam: Dutch University Press.
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*, N.Y.: Free Press.

Gilpin R. (2000) *The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the 21st Century*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

Gott R. (2000) *In the Shadow of the Liberator: Hugo Chavez and the Transformation of Venezuela*, L.: Verso.

Gowan P. (1999) *The Global Gamble: Washington's Faustian Bid for World Dominance*, L.: Verso.

Hiro D. (2010) *After Empire: the Birth of a Multipolar World*, N.Y.: Nation Books.

Huntington S.P. (2004) *Who Are We? America's Great Debate*, N.Y.: Penguin Books.

Kennedy P. (1989) *The Rise and Fall of the Great Powers*, N.Y.: Vintage Books.

Kindleberger Ch.P. (1996) *World Economic Primacy: 1500 to 1990*, N.Y.; Oxford: Oxford University Press.

Luttwak E. (1999) *Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy*, N.Y.: Harper Collins.

McRae H. (1995) *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future*, L.: Harper Collins Publishers.

Micklethwait J., Woolridge A. (2000) *A Future Perfect: The Challenge and Hidden Promise of Globalization*, N.Y.: Crown Publishers.

Nayar B.R. (2005) *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*, New Delhi: Oxford University Press.

Nayyar D. (ed.) (2002) *Governing Globalization. Issues and Institutions*, New Delhi: Oxford University Press.

Pogge T.W. (2000) *The Moral Demands of Global Justice* // *Dissent*, vol. 47, no 4, pp. 37–43.

Rostow W.W. (1998) *The Great Population Spike and After. Reflections on the 21st Century*, Oxford: Oxford University Press.

Saul J.R. (2005) *The Collapse of Globalism and the Reinvention of the World*, N.Y.: Penguin Books.

Steger M.B. (2002) *Globalization: The New Market Ideology*, Boston: Rowman and Littlefield Publishers.

Thurow L. (1996) *The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*, L.: Nicholas Brealey Publishing.

van Zoon K. (2009) *Of Pluralization, Assimilation and Polarization. An Enquiry into the Development of the Multicultural Society in the Netherlands*. (Mimeo), Vienna: University of Vienna.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-6-31

The Formation of the Polycentric World Order as a Continuation of the Geopolitical Processes of the Twentieth Century

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2019) The Formation of the Polycentric World Order as a Continuation of the Geopolitical Processes of the Twentieth Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 6–31 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-6-31

Received: 10.08.2019.

The article has been financially supported by the grant of the Russian Science Foundation 19-18-00251 entitled “Socio-economic development of Europe’s megacities: role of foreign investment and labour migrations” elaborated at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University).

ABSTRACT. *The article is focused on the evolution of geopolitical arrangements that had initially materialized in the concluding quarter of the twentieth century and had given birth to the contemporary world politics paradigm including the growing role of Russia. The present author maintains that the very process of History is objective (i.e. independent of political establishment’s likes and dislikes) and continuous. This point is argued by appeal to various academic sources, among them the works of Russian and foreign historians, economists, philosophers, political scientists and futurologists. The dismemberment of the U.S.S.R. and collapse of bipolar world suspended, for a short while only, the developments at the sunset of the twentieth century. “Truncated” global-*

ization resulted in “reactive” accumulation of controversies both between the North Atlantic “supercivilization” and the “rest” and within societies that emerged victorious after the cold war. The new vulnerabilities consisted of: deindustrialization as a side-effect of globalization, “orientalization” of western societies as part and parcel of massive migration inflows from the South, political and economic decline encouraged by disappearance of powerful “counter-centre” embodied by the Soviet Union, waning of economically active population under existent demographic trends throughout the West, etc. Instrumental of cold war revision have also been: emergence of radical anti-West megaprojects like the “Islamic State”, gaining strength by the erstwhile “new in-

fluentials” as well as revival of Russia as an omnipotent world power. Nowadays, Pax Americana has become inefficient to be substituted by a new and workable global consensus on universal collective security system that meets the basic requirements of contemporary multipolar world.

KEY WORDS: “end of history”, new influentials, USSR, USA, Washington consensus, truncated globalization, “orientalization” of the West, split of civilization, antiglobalism, turbocapitalism, polycentric world system, new global consensus, H. McRae, Ch. Kindleberger, W.W. Rostow, B.R. Nayar, P. Buchanan

References

- Bagchi A.K. (2006) *Perilous Passage. Mankind and the Global Ascendancy of Capital*, New Delhi: Oxford University Press.
- Bichler S., Nitzan J. (2004) Dominant Capital and the New Wars. *Journal of World Systems*, vol. 10, no 2, pp. 255–327. Available at: <http://jwsr.pitt.edu/ojs/index.php/jwsr/article/view/304/316>, accessed 31.10.2019.
- Buchanan P.J. (2011) *Suicide of a Superpower: Will America Survive to 2025?* N.Y.: St. Martin's Press.
- Carpentier de Gourdon C. (2014) *Changing Contours of World Politics*. (Mimeo), New Delhi: World Affairs.
- Crouzet F., Clesse A. (eds.) (2003) *Leading the World Economically*, Amsterdam: Dutch University Press.
- Florida R. (2018) *New Crisis of Cities*, Moscow: “Point” Publishers Group (in Russian).
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*, N.Y.: Free Press.
- Gilpin R. (2000) *The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the 21st Century*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gott R. (2000) *In the Shadow of the Liberator: Hugo Chavez and the Transformation of Venezuela*, L.: Verso.
- Gowan P. (1999) *The Global Gamble: Washington's Faustian Bid for World Dominance*, L.: Verso.
- Hiro D. (2010) *After Empire: the Birth of a Multipolar World*, N.Y.: Nation Books.
- Huntington S.P. (2004) *Who Are We? America's Great Debate*, N.Y.: Penguin Books.
- Ilyin M.V., Inozemtsev V.L. (eds.) (2001) *Megatrends of World Development*, Moscow: Economica (in Russian).
- Kennedy P. (1989) *The Rise and Fall of the Great Powers*, N.Y.: Vintage Books.
- Kindleberger Ch.P. (1996) *World Economic Primacy: 1500 to 1990*, N.Y.: Oxford: Oxford University Press.
- Luttwak E. (1999) *Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy*, N.Y.: Harper Collins.
- McRae H. (1995) *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future*, L.: Harper Collins Publishers.
- Micklethwait J., Woolridge A. (2000) *A Future Perfect: The Challenge and Hidden Promise of Globalization*, N.Y.: Crown Publishers.
- Nayar B.R. (2005) *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*, New Delhi: Oxford University Press.
- Nayyar D. (ed.) (2002) *Governing Globalization. Issues and Institutions*, New Delhi: Oxford University Press.
- Nehru J. (1955) *The Discovery of India*, Moscow: Foreign Literature Press (in Russian).
- Petrov A. (ed.) (2011) *“Catch-up Development” and What it is Catching Up With. A Search for Conception*, Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Pogge T.W. (2000) The Moral Demands of Global Justice. *Dissent*, vol. 47, no 4, pp. 37–43.

Rostow W.W. (1998) *The Great Population Spike and After. Reflections on the 21st Century*, Oxford: Oxford University Press.

Saul J.R. (2005) *The Collapse of Globalism and the Reinvention of the World*, N.Y.: Penguin Books.

Steger M.B. (2002) *Globalization: The New Market Ideology*, Boston: Rowman and Littlefield Publishers.

Thurow L. (1996) *The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*, L.: Nicholas Brealey Publishing.

van Zoon K. (2009) *Of Pluralization, Assimilation and Polarization. An Enqui-*

ry into the Development of the Multicultural Society in the Netherlands. (Mimeo), Vienna: University of Vienna.

Volodin A.G., Shirokov G.K. (2002) *Globalization: Origins, Trends, Perspectives*, Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Zhukov Ye.M., Barg M.A., Tchernyak Ye.B., Pavlov V.I. (1979) *Theoretical Approaches to the Study of Global History*, Moscow: Nauka (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48

От целостности к новому расколу и соперничеству? (миросистема и мировой порядок в меняющихся реалиях)

Андрей Виленович РЯБОВ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная
ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: andreyr@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-7724-3962

ЦИТИРОВАНИЕ: Рябов А.В. (2019) От целостности к новому расколу и соперничеству? (миросистема и мировой порядок в меняющихся реалиях) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 32–48. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48

Статья поступила в редакцию 06.08.2019.

АННОТАЦИЯ. Распад Советского Союза и социалистического содружества способствовал воссозданию целостности миросистемы. И эти изменения стали важнейшей глобальной трансформацией второй половины XX века. Тогда возникло мнение, что со временем модель либерального капитализма установится во всех странах планеты. Однако воссоздание глобального мира не привело к его однородности. Возникли новые противоречия как между развитыми и развивающимися странами, так и внутри стран «ядра» миросистемы. Все это подрывало ее устойчивость, и способствовало постепенному разрушению однополярного миропорядка. Россия поначалу попыталась встроиться в новую мировую реальность и стать главным партнером США как центра миросистемы. Однако в планах США и их союзников не предусматривалось, что Россия сохранит за собой роль важного самостоятельного актора в мировой политике. В итоге ин-

теграция России в Запад не состоялась. Тем не менее, перейдя к самостоятельной политике, не ориентированной на США и их союзников, Россия не могла претендовать на создание альтернативного глобального социального проекта, какой был у Советского Союза. Для этого у России не было ни ресурсов, ни идеи, привлекательной для остального мира. По мере того как Китай стал превращаться в экономическую сверхдержаву, поначалу казалось, что он не собирается предлагать миру свой социальный проект, альтернативный либеральному капитализму, а лишь претендует на то, чтобы занять в существующей глобальной системе место, соответствующее его экономическому влиянию. Однако после того, как США в середине 10-х годов почувствовали в Китае серьезного соперника и перешли к политике сдерживания его, ситуация изменилась. Китай стал разрабатывать собственную модель миропорядка. Многие эксперты полагают, что

нынешняя китайская модель социального и политического порядка может быть использована и другими развивающимися странами. Приведет ли это к появлению нового глобального проекта, альтернативного либеральному капитализму Запада, и к разрушению целостности миросистемы? Произойдет ли в результате нынешних процессов в мире новая глобальная трансформация? Данная статья посвящена анализу перспектив этих тенденций мирового развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *миросистема, мировой порядок, целостность, устойчивость, США, либеральный капитализм, альтернативный глобальный проект, Россия, Китай, американо-китайские отношения*

Распад мирового социалистического содружества во главе с Советским Союзом, повлекший за собой исчезновение международного коммунистического движения и общественной модели «социалистической ориентации» для развивающихся стран, стал, безусловно, главной глобальной трансформацией конца XX в. Немногим более четверти века назад казалось, что эта трансформация надолго определит будущее мировой экономической системы и мирового политического порядка. Однако в настоящее время в мировой политике начинаются серьезные изменения, которые, по нашему мнению, уже в ближайшем будущем могут вызвать новую глобальную трансформацию. Цель этой статьи – описать такие сдвиги и проанализировать их природу, рассмотрев во взаимосвязи с предшествующей глобальной трансформацией. В процессе изложения нами активно используются элементы миросистемного анализа, его категориально-понятийный аппарат, хотя при этом выявление особенностей возможной

эволюции самой миросистемы в результате происходящих изменений и не входит в нашу задачу.

Итоги и последствия соревнования двух социальных проектов в XX веке

Историческое развитие человеческой цивилизации в XX в. определялось соревнованием двух социальных проектов, претендовавших на универсальную, планетарную роль, – американского и советского. Они предложили разные ответы на главные вызовы столетия, связанные с необходимостью обеспечения достойного уровня жизни неимущих классов, реализации их социальных и политических интересов, а также развития стран и народов, долгое время находившихся в состоянии колониальной и полуколониальной зависимости [Арриги 2006, с. 109–112]. Советский проект обещал справедливое централизованное перераспределение общественных богатств силами «государства трудящихся», которое монополично управлялось коммунистической партией, вооруженной, согласно замыслу создателей проекта, «единственно верной идеологией» марксизма-ленинизма. Экономически советский проект базировался на тотальном господстве государственной собственности. Его целью являлось создание всемирной республики Советов на принципах «пролетарского интернационализма».

Американский же проект исходил из идеи достижения всеобщего благосостояния на основе развития рыночной экономики, частной собственности и либеральной демократии, а для народов колониальных и полуколониальных стран он предлагал твердое соблюдение права наций на самоопределение. Во второй половине XX в. основные идеи американского проекта, обра-

щенные во внешний мир, трансформировались в простую и понятную формулу – «благосостояние + свобода».

Оценивая это соревнование в категориях миросистемного анализа, важно подчеркнуть, что американский проект, опиравшийся на весь пятисотлетний опыт развития капитализма, являл собой стержень современной миросистемы, которая, по определению И. Валлерстайна, «есть и всегда была капиталистической мирэкономикой» [Валлерстайн 2006, с. 85]. Советский же проект претендовал на создание собственной альтернативной системы в мировом масштабе, причем не только экономической, но и политической [Валлерстайн 2003, с. 18]. И это вполне естественно, поскольку экономическая система советского типа могла существовать только в рамках однопартийного политического порядка, скрепленного единой государственной идеологией и жестко разделявшего общество на управляемое большинство и абсолютно неконтролируемое им управляемое меньшинство.

Эта система проиграла в конкурентной борьбе с капитализмом. Она не смогла достичь того же уровня благосостояния для массовых слоев населения, а идея образования всемирной республики Советов оказалась утопией и явно непривлекательной по сравнению со стремлением многих народов к созданию собственных суверенных государств. При этом в общественной жизни в разных уголках планеты в XX в. усиливалась притягательность свободы как фундаментального принципа человеческого бытия, что объективно снижало интерес к советской системе, основанной на несвободе, и ее конкурентные качества. Поэтому, оценивая историческое значение Русской революции 1917 г. как события, вызвавшего к жизни советский проект и порожденные им глобальные трансформации

XX в., следует ограничиться указанием на два важнейших ее последствия для мировой истории. Во-первых, в силу изначально сильного эгалитаристского импульса она подтолкнула социальные реформы в пользу неимущих слоев населения в странах ядра капиталистической системы. Во-вторых, советский проект вплоть до конца 1970-х гг. был для многих стран мировой периферии и полупериферии ориентиром, образцом в решении проблем преодоления отсталости. И в этом смысле, по-видимому, можно сказать, что это было восстание мировой периферии и полупериферии против несправедливости миросистемы, которое, однако, в результате завершилось неудачей.

Впрочем, существует и другая точка зрения, согласно которой советский проект «в конечном итоге привел не к созданию какой-то альтернативной системы, а к “периферийному встраиванию” в господствующую мировую систему “на условиях особой стороны, сохраняющей изрядную долю внутренней автономии”» [Жарков, Захаров, Рябов, Симон 2017, с. 18].

Однако даже если принять эту точку зрения, то все равно придется признать, что крах советского проекта в конце 1980-х – начале 1990-х гг. открыл путь к восстановлению целостности капиталистической миросистемы, разрушенной в XX в. И поскольку победу в соревновании одержал либеральный капитализм, который на протяжении ушедшего столетия олицетворял американский проект, на волне происшедших тогда изменений появилась надежда и на создание в будущем глобального политического проекта, основанного на идеях либеральной демократии. Знаковой для того времени стала идея «конца истории», выдвинутая Ф. Фукуямой в его знаменитой статье. Называя либеральную демократию наилучшей и универсальной, и в этом смысле

ле конечной формой социальной организации, автор концепта «конца истории» вместе с тем признавал, что «либерализм победил пока только в сфере идей, сознании; в реальном, материальном мире до победы еще очень далеко! Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот, идеальный мир и определит в конечном счете мир материальный» [Фукуяма 1990, с. 134]. Иными словами, в те годы могло показаться, что и новый мировой порядок, который со временем будет установлен политически однотипными государствами, будет базироваться на либерально-демократических принципах. На реалистичность такой перспективы тогда указывало и безусловное господство США в мире в 1990-е гг., в результате которого сложился однополярный миропорядок.

Кроме того, «распад мировой социалистической системы снял основное препятствие для продвижения грандиозного проекта воссоздания глобального мира на рубеже 1980-х – 1990-х гг. “Воссоздания”, потому что развитие человеческой цивилизации приобрело глобальный характер еще в XIX в. Правда, это был другой глобальный мир, построенный на иных основаниях» [Кувалдин 2014, с. 14]. По справедливому замечанию Б. Кагарлицкого, «глобальная система не могла стать радикально иной, до тех пор, пока сохранялся Советский Союз в качестве сверхдержавы и центра альтернативной миросистемы» [Кагарлицкий 2004, с. 477–478]. Иными словами, распад СССР и социалистического содружества стали отправной точкой нынешнего этапа глобализации в его американоцентричном виде, который в настоящее время переживает глубокий кризис. Воссоздание целостности миросистемы, глобального мира, ощущение торжества либеральной идеи – все это вполне закономерно пробудило в 1990-е гг. инте-

рес к проектам управления глобализацией и даже создания мирового правительства.

Однако восстановление целостности миросистемы не сделало ее более однородной, не продвинуло к политической однотипности, не означало ускорения политической консолидации мира. Конец советского проекта привел и к расширению мировой периферии и полупериферии, в частности на постсоветском пространстве [Ланкин, Пантин, Рябов 2014, с. 185–208]. Расширение мировой периферии и полупериферии, а также новые конфликты, способные расширить ее границы, указывали на то, что целостность миросистемы, достигнутая глобальной трансформацией конца 1980-х – начала 1990-х гг., может оказаться неустойчивой, и новое восстание полупериферии, подобное тому, что произошло в 1917 г., не исключено.

Новые неопределенности

Процессы глобализации, развернувшиеся в условиях новой технологической революции, привели к возникновению новых противоречий как внутри отдельных государств, между ними, так и в планетарном масштабе, поверх государственных границ. В первую очередь надо упомянуть противоречие между теми, кто встроился в глобальный мир и живет в открытом пространстве без границ, свободно самореализуется благодаря собственной предприимчивости, таланту и профессиональной востребованности, и теми, кто прикован к своим локальным пространствам, зависим от внешних обстоятельств и потому чрезвычайно чувствителен к изменениям окружающей его социальной среды [Бауман 2004, с. 124–128]. Развертывание глобализации усиливает сопротивление

ей со стороны сил, прикованных к своим локалитетам и опасаящихся прихода «неудобного» будущего. Причем недовольство возникает не только в странах периферии, но и внутри развитых государств, открывая путь мощному взлету популизма. Как справедливо отметил Г.И. Вайнштейн, «по сути дела в антиглобалистских настроениях значительной части западного общества отражается вся гамма общественных недовольств (как социально-экономического, так и культурно-цивилизационного и политико-институционального характера), создающих питательную среду для укрепления популизма во всех его политических оттенках» [Вайнштейн 2017, с. 79]. В наше время неприятие различных сторон глобализации уже привело к таким успехам популизма, как победа Д. Трампа на президентских выборах в США в 2016 г. и Brexit, а также взлет популистских партий и движений во многих европейских странах. Таким образом, неравномерность нынешнего этапа глобализации, ее внутренняя противоречивость подрывают устойчивость миросистемы, причем не только по линии усиления разрывов между центром и периферией, но и внутри стран, составляющих ее ядро, подталкивая их правительства к усилению антиглобалистских подходов в политике и усиливая разочарованность населения в эффективности действующих демократических институтов.

Важнейшим следствием расширения зоны периферии и полупериферии, усиления внутренних проблем в западных демократиях, наряду с появлением к концу 2000-х гг. нового мирового центра экономической мощи в лице Китая, стало постепенное размывание однополярного миропорядка, возникшего в 1990-е гг. XX в. Уже тогда появились предположения, что в ближайшее время вокруг Китая консолидиру-

ются страны авторитарного капитализма, которые создадут «недемократический, но экономически передовой “Второй мир”», и он глубоко интегрируется в глобальную экономику на своих условиях, но будет играть роль противовеса либерально-капиталистическому Западу в мировой политике [Gat 2007]. Сторонники более радикальных взглядов даже высказывали предположение, что в XXI в. Китай с его специфической общественной системой и государством, имеющим цивилизационный характер, займет лидирующие позиции в мире, консолидировав вокруг себя и другие государства Восточной Азии [Jacquers 2009]. И это будет концом длительной гегемонии Запада во главе с США.

Россия: особенности адаптации к изменившемуся миру

В этом контексте несомненный интерес представляет вопрос о том, как Россия адаптировалась к новым реалиям, возникшим в результате главной глобальной трансформации конца прошлого столетия, как повлияло на нее восстановление целостности миросистемы, как изменилась в связи с этим ее роль в мировой политике. Поначалу полностью отказавшись от собственного социалистического проекта и провозгласив курс на строительство демократического общества с открытой рыночной экономикой, «новое руководство России во главе с Б. Ельциным предприняло попытку интегрировать Российскую Федерацию в западные институты в качестве “великой демократической державы” с особым статусом... Москва попыталась создать своеобразный мировой кондоминиум с США, своего рода “союз двух Америк”» [Тренин 2006, с. 70, 181]. Однако надеждам российского руководства не суждено было сбыться. И тому имелись

веские причины. Во-первых, Соединенные Штаты привыкли к роли безусловного лидера западного мира и не собирались ни с кем ею делиться в условиях расширившейся миросистемы. Во-вторых, лидирующие позиции в миросистеме и мировой политике занимали страны развитого капитализма, составлявшие ее ядро. Россия не относилась к их числу. Более того, созданная в ней в 1990-е гг. общественная модель ни в экономическом, ни в социальном, ни в технологическом планах не являлась конкурентоспособной.

Запад стремился интегрировать Россию в миросистему в качестве «обычной», «нормальной» страны, не играющей в мировой политике и экономике самостоятельной роли. России разрешили свободно в неограниченном количестве продавать нефть на мировые рынки. Следует подчеркнуть, что это было политическим решением. Как показывает опыт истории конца XX – начала XXI вв., торговля нефтью, точнее разрешения и запреты на нее, не раз играли роль инструмента политического влияния на те или иные страны. С его помощью могли как поощрять отдельные государства за проводимую ими политику, так и наказывать. Монархиям Персидского залива разрешили стать главными поставщиками нефти для экономики Запада за проводимую ими проамериканскую внешнюю политику, и при этом США и их союзники не предъявляли им никаких претензий за сохранение архаических феодальных внутриполитических порядков. А Ираку с 1991 по 2003 г., напротив, в наказание за агрессию против Кувейта было запрещено свободно торговать своей нефтью на мировых рынках (с 1995 по 2003 г. стране разрешалось торговать ею только в ограниченном количестве для закупок продовольствия и медикаментов). В ноябре 2018 г. США наложили санкции на тор-

говлю нефтью с Ираном в наказание за его внешнюю политику.

Разрешение России на свободную торговлю нефтью должно было открыть стране путь к вхождению в миросистему. Уже в 1990-е гг. российская экономика прочно интегрировалась в мировую в качестве поставщика сырья для стран развитого капитализма. Новым российским элитам предоставили возможность интегрироваться в Запад через возможности осуществления инвестиций, приобретения различных активов, обучения и проживания в западных странах. При этом в ведущих западных государствах, несмотря на декларируемую ими приверженность идеям демократического развития и правового государства, безразлично относились к некоторым недемократическим реалиям постсоветской России: полукриминальной приватизации, сращиванию власти и собственности, возникновению слоя «олигархов», усиливавшимся на протяжении 1990-х гг. авторитарным тенденциям в политике. Возможно, это было платой за ожидавшийся отказ России от попыток проводить независимый от Запада внешнеполитический курс. В этой связи уместно заметить, что в качестве поощрения происходивших в России изменений ведущие государства Запада пригласили ее в престижный международный клуб – «Большую Семерку» (G7), в которой РФ участвовала с 1997 по 2014 г. Но не исключено, что США и их союзники опасались вероятности возрождения коммунизма в России и потому полагали, что только создание класса крупных собственников в кратчайшие исторические сроки позволит создать надежную преграду этому. В рассмотренном контексте интеграция России в миросистему вполне сопоставима с уже упомянутым вхождением в нее, например, нефтедобывающих стран Персидского залива, которым в обмен на

надежные поставки нефти предоставили примерно те же возможности.

Впрочем, интеграция России по сценарию «обычной» страны в полном объеме не состоялась. Российская Федерация все же сохранила за собой элементы особого статуса. Как страна, обладающая сравнимым только с США ядерным потенциалом, Россия осталась в военном смысле сверхдержавой, унаследовавшей от Советского Союза место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Несмотря на стремление США и их союзников придать внешней политике новых независимых государств, образовавшихся на руинах СССР, полностью независимый от Москвы характер, ослабить влияние России на них, западные страны были вынуждены согласиться с особой ролью Российской Федерации в урегулировании межгосударственных и межэтнических конфликтов в этом регионе мира. Так, российские вооруженные силы участвовали в составе трехсторонней миссии по урегулированию конфликта в Приднестровье (1992–1995); Смешанных сил по поддержанию мира в Южной Осетии (1992–1998); представляли Коллективные силы СНГ по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта (1994–2008). С 1995 г. по настоящее время Россия является сопредседателем (наряду с Францией и США) Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху. Российское руководство и военные сыграли значительную роль в завершении гражданской войны в Таджикистане (1992–1997).

Однако попытка России проводить самостоятельную политику за пределами постсоветского пространства, отчетливо проявившаяся в ходе югославского кризиса 1998 г., натолкнулась на откровенное нежелание Запада учитывать интересы и позицию РФ. Тем не менее, хотя к концу 1990-х гг. невозможность для России стать равным

партнером США в мире и даже заметно влиять на процессы за пределами постсоветского пространства стала очевидной, для российской внешней политики вплоть до 2003 г. определяющим оставался «курс на сближение с Западом под флагом “европейского выбора” и с заявкой на союзнические отношения с США» [Тренин 2009, с. 19]. Владимир Путин даже предлагал тогдашнему президенту США Биллу Клинтону, чтобы Россия вступила в НАТО [Путин предлагал Клинтону 2017]. После нападения исламских террористов на Вашингтон и Нью-Йорк 11 сентября 2001 г., реагируя на которое Россия высказала полную поддержку США и содействовала организации американского военного транзита в Афганистан, с идеей приема РФ в Североатлантический альянс выступил и тогдашний премьер-министр Великобритании Тони Блэр [Матяш 2001]. Но эти предложения были проигнорированы администрацией США.

Новая внешняя политика, направленная, начиная со второй половины 2000-х гг., на то, чтобы выйти за пределы той роли, которая была отведена России в миросистеме и мировой политике в 1990-е гг. и против которой она в течение длительного периода фактически не выступала, имела неоднозначные результаты. С одной стороны, Российской Федерации удалось, невзирая на сильное сопротивление, последовательно проводить внешнеполитический курс, отстаивающий ее собственные интересы в разных регионах планеты. В результате предпринятых руководством страны усилий влияние России в мировой политике существенно выросло. Однако, с другой стороны, ограниченные экономические возможности РФ (сохранение экспортно-сырьевой ориентации экономики, незначительная доля в мировом производстве и торговле высокотехнологичными товарами, слабое участие в цепоч-

ках добавленной стоимости) не позволили Российской Федерации рассчитывать на место в ядре миросистемы, чтобы наряду с США и другими ведущими странами мира оказывать решающее влияние на процессы, происходящие в мировой экономике. Не удалось преодолеть и технологическое отставание России от ведущих капиталистических стран.

Предпринятые Российской Федерацией усилия не привели, да и не могли привести к возникновению альтернативного проекта, который бросил бы вызов целостности миросистемы и предложил бы реалистичную архитектуру нового мирового порядка. Что касается миросистемы, то у России в противовес либерально-демократическому капитализму не было никакой модели, способной претендовать на универсалистский характер. И даже если бы такая модель существовала, то для ее продвижения в остальной мир у Российской Федерации явно не хватило бы ресурсов.

В отношении миропорядка картина выглядела несколько сложнее. Реагируя на ставшее очевидным после американского вторжения в Ирак в 2003 г. начавшееся разрушение западоцентричного мира во главе с США, усиление роли крупных незападных держав, Россия попыталась выдвинуть собственную модель миропорядка. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 г., сформулировал суть этой модели так: «Надеюсь, что выбор будет сделан в пользу демократического миропорядка, если хотите, назовите его post-west, когда каждая страна, опираясь на свой суверенитет, и в рамках международного права будет стремиться к поиску баланса сил между своими национальными интересами и интересами партнеров, при уважении культурной

и исторической самобытности каждого из них» [Черненко 2017]. Ключевым элементом в предложенной конструкции является национальный суверенитет, признание и соблюдение которого как высшей ценности должно обеспечить полное равноправие государств в мировой политике и, как следствие, демократический миропорядок. Однако ее слабость в том, что в современном мире суверенитет уже не является абсолютной ценностью. Глобализация экономики, транснациональные корпорации объективно ограничивают власть правительств национальных государств. В каком-то смысле можно утверждать, что «полный» и всеохватывающий суверенитет, покрывающий основные сферы политики и социально-экономической жизни, становится привилегией очень незначительного числа стран, обладающих диверсифицированной экономикой, значительными людскими ресурсами и крупной территорией. Для большинства же государств попытки осуществить «полный» суверенитет, особенно в таких сферах, как национальная безопасность, становится слишком дорогой задачей. Сказанное в равной мере относится как к развитым, так и к развивающимся странам. В отношении последних следует подчеркнуть, что, в отличие от XX в., когда в рамках национально-освободительного движения народов колониальных и полуколониальных стран обретенный ими суверенитет действительно рассматривался как высшая ценность, в нынешнем столетии приоритетной целью правительств подавляющего большинства развивающихся государств становится их социальная и технико-технологическая модернизация, открывающая путь росту благосостояния граждан. И если ради достижения этой цели приходится делегировать часть суверенитета в пользу наднациональных органов различ-

ных интеграционных группировок, правительства развивающихся стран легко соглашаются на подобные самоограничения. Таким образом, российский проект не может рассчитывать на универсальный характер в силу отсутствия привлекательности как для развитых, так и для развивающихся государств. Напомним, что у Советского Союза такой проект был, и он сохранял притягательность в глазах народов тогдашнего «третьего мира» вплоть до конца 1970-х гг.

Российское видение нового мирового порядка представляется нереалистичным и по другой причине. Новый миропорядок, несмотря на его возможную большую по сравнению с нынешним миропорядком демократичность, не станет «плоским». Как справедливо отметил А. Кортунов, «это не значит, что в новом миропорядке не будет иерархий – без них все равно не обойтись. Но иерархии будут множественными, выстраивающимися вокруг конкретных международных проблем или областей сотрудничества» [Кортунов 2016]. Суверенитеты, да и то только крупных государств могут начать играть ключевую роль в мировой политике лишь в условиях нарастающего хаоса. Но в этом случае имеет смысл говорить не о мировом порядке, а о некоей противоположности ему.

Вызов растущего Китая

Быстрый экономический рост Китая в конце прошлого – начале нынешнего века поначалу не вызывал у политиков многих стран опасений, что в скором будущем он может стать серьезным вызовом сложившейся миросистеме и претендовать на то, чтобы предложить человечеству собственную модель миропорядка. Лишь некоторые специалисты в области международ-

ных отношений предсказывали Китаю роль одного из центров нового миропорядка. Однако в практической политике доминировали взгляды и подходы, исходившие из неизбежности интеграции КНР в систему мирового капитализма. Они базировались в первую очередь на том, что реформаторский курс Дэн Сяопина был сфокусирован преимущественно на осуществлении глубоких социально-экономических преобразований внутри Китая. Во внешнеполитической же сфере Пекин долгое время не проявлял активности, за исключением вопросов, непосредственно затрагивавших интересы национальной безопасности КНР. Преимущественно это затрагивало лишь прилегающие к границам страны государства. К тому же в мире было распространено убеждение, что китайская внутривнутриполитическая модель, скорее всего, имеет переходный характер и потому вряд ли сможет через какое-то время претендовать на устойчивость и универсальность.

В ситуации отсутствия у Китая серьезного интереса к мировым проблемам Пекин с опасением относился к концепции глобального управления, видя в нем лишь делегирование части национального суверенитета наднациональным органам [Виноградов 2018, с. 24].

Однако в годы правления Си Цзиньпина эти представления были преодолены, а сама концепция глобального управления переосмыслена [Барановский, Иванова 2015, с. 240]. К этому времени КНР превратилась в экономическую сверхдержаву [Киссинджер 2015, с. 12]. Пекин стал проявлять большую заинтересованность в участии в деятельности институтов глобального управления – МВФ, Мирового Банка, ВТО, «Большой двадцатки» (G-20) и других. Задачи этого участия виделись в первую очередь в снятии препятствий для торговли и инвестиций. По-

сле того как Китай сыграл роль локомотива в выведении мировой экономики из глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., он стал претендовать на то, чтобы играть одну из ведущих ролей в глобальном экономическом управлении. Но и в этой ситуации речь не шла о том, чтобы расколоть сложившуюся миросистему, а тем более предложить ей на замену какой-то альтернативный проект. Китай добивался лишь важного места в ядре этой системы и хотел ограничить монополию США на принятие ключевых решений в ней. Тогда многие эксперты расценивали это как подтверждение устойчивости миросистемы в том виде, в каком она сложилась после распада мировой социалистической системы.

Однако такая ситуация продержалась недолго. И по-видимому, решающая роль в этом принадлежала США. Долгое время, с самого начала китайских реформ, американские администрации проводили политику, направленную на интеграцию КНР в глобальную экономику и подключение Китая к решению региональных проблем. Эта политика активно поддерживалась убеждением, почерпнутым из теорий демократического транзита, о том, что развитие рыночных отношений и укрепление института частной собственности неизбежно повлечет за собой политическую либерализацию, которая со временем обусловит разрушение монополии КПК на власть и введение многопартийности.

Но политика США в отношении КНР стала меняться в годы президентства Барака Обамы, когда Китай достиг статуса экономической сверхдержавы. В это время наряду с политикой укрепления взаимодействия с КНР по различным линиям США начали выстраивать курс на военно-политическое сдерживание Китая, в первую очередь в Восточной Азии путем модерниза-

ции и усиления существующих с участием Америки союзов и партнерств, а также выстраивания новых. «Предполагалось, что такой многоаспектный подход создавал стимулы для поддержания Пекином существующего регионального порядка и одновременно обозначал цену за его подрыв» [Волошина 2019, с. 45].

Однако уже следующая администрация Д. Трампа развернула курс США по отношению к Китаю от его акцентирования на сотрудничество и партнерство в сторону «конфронтации в политике» и «противостояния в экономике» [Перспективы китайских реформ 2019, с. 104]. Инициированная осенью 2018 г. Вашингтоном торговая война с КНР, продолжающаяся и поныне, несмотря на все попытки урегулирования спорных вопросов, стала наиболее значительным проявлением нового качества двухсторонних отношений. В литературе широко распространена точка зрения, что со стороны США этот поворот не носит тактического характера, обусловленного некоторыми специфическими подходами администрации Д. Трампа к международным отношениям, а вызван глубокими изменениями в восприятии КНР американским истеблишментом, согласно которым Китай стал рассматриваться как стратегический соперник Америки. Именно поэтому Вашингтон взял курс на долгосрочное противостояние с ним [Лукин 2019, с. 83–85; Петровский 2019, с. 54–55]. Судя по всему, важную роль в развороте американской политики в отношении КНР сыграло и то обстоятельство, что надежды на демократический транзит Китая в сторону плюралистической демократии потерпели крах. То, что Пекин «бросил вызов американским ожиданиям», стали открыто признавать американские политики, дипломаты и эксперты [Campbell, Rat-

ner 2018]. Ныне все чаще высказывается мнение об устойчивости китайского авторитаризма. Западные специалисты по Китаю, отмечая его заметные успехи в создании «цифровой экономики», подчеркивают, что власти КНР преследуют при этом и политические цели: с помощью создания механизмов контроля, основанных на «больших данных», навязать гражданам и бизнесу конформистский тип поведения [Shi-Kupfer, Ohlberg 2019].

Заявленная китайским руководством готовность к противостоянию с США вызвала острые дискуссии как в партийных и академических кругах самого Китая [Лукин 2019, с. 72], так и в академических сообществах зарубежных стран. Многие участники дискуссий сомневались в правильности и целесообразности решения Си Цзиньпина о проведении жесткой линии в ответ на рост американских претензий. Однако для изучения интересующей нас проблемы важно другое, а именно то, что эта реакция уже дала толчок возникновению новых тенденций, которые могут вызвать серьезную эволюцию миросистемы и привести к возникновению проекта нового миропорядка.

Варианты будущего

Пекин выдвинул идею «сообщества судьбы человечества», которая рассматривается им не только как идеологическое сопровождение мегапроекта «Один пояс – один путь», но и является своеобразным посланием остальному миру, содержащим китайское видение того, каким образом должен быть устроен мировой порядок. В основе этой идеи «лежит стремление к созданию более справедливой и разумной модели глобализации, которая соответствовала бы интересам не только

развитого Запада, но и развивающихся стран» [Борох, Ломанов 2018, с. 68].

Важно и то, что китайская общественно-политическая и социально-экономическая система сегодня уже не рассматривается как нечто уникальное, принципиально не воспроизводимое в других обществах. Более того, есть основания полагать, что в условиях, когда в отличие от всего предшествующего периода китайских реформ, Китаю придется строить стратегию дальнейшего развития не на основе тесного сотрудничества с США и Западом, а в основном опираясь на собственные силы, это объективно будет способствовать лишь усилению «незападных» черт китайской модели [Виноградов, Рябов 2019, с. 82].

Некоторые ведущие западные специалисты по КНР, такие как Себастьян Хайльман, ныне высказывают мнение, что «если Китай сумеет построить на основе “больших данных” политически эффективную, экономически продуктивную и социально стабильную систему, она сможет обрести глобальное значение» [Борох, Ломанов 2018, с. 68].

И наконец, появилась точка зрения, согласно которой «сейчас налицо все признаки того, что в КНР формируется новый общественный строй – самостоятельный и органичный, отличный, что характерно, как от западного, так и от традиционного китайского. Он надстраивается над всем историческим наследием Китая – традиционным и социалистическим» [Виноградов, Салицкий 2019, с. 178].

Таким образом, налицо три фактора, которые теоретически, как минимум, могут бросить вызову целостности существующей миросистемы и придать импульс созданию новой системы международных отношений и миропорядка. Это формирующийся в Китае новый общественный строй, способный оказаться привлекатель-

ным для многих развивающихся стран (по опыту Советского Союза в XX в.); предложение другим странам глобальной идеи, призванной стать идеологическим фундаментом нового миропорядка, и наличие у КНР огромных экономических, а в перспективе и военно-политических ресурсов.

Однако достаточно ли всего этого для осуществления новой глобальной трансформации? Думается, в настоящее время категоричный ответ на этот вопрос вряд ли возможен в силу нескольких причин.

Во-первых, идея «сообщества судьбы человечества» сложна для восприятия в странах, имеющих иной цивилизационный опыт, и потому не может рассчитывать на притягательность для других народов. Это, судя по всему, понимают и сами китайские руководители, фактически признавая, что у Китая нет союзников [Лукин 2019, с. 85–86]. Все ранее существовавшие глобальные державы Нового времени имели *message* для остальной части мира, привлекательный для многих других стран или их элит. «Закон, сбалансированность и стабильность» – у бывшей Британской империи; «мировой коммунистический строй» – у Советского Союза, и наконец «благополучие и свобода» – у США. В многотысячелетней истории Китая не было такого опыта сосуществования с остальным миром. Китай в течение многих веков был самодостаточным обществом и государством, рассматривавшим окружающие его государства как вассальные «варварские королевства». Сумеет ли КНР в короткие исторические сроки выработать идею, привлекательную для значительной части человечества, остается большим вопросом.

Во-вторых, в нынешнем противостоянии с США, которые при президентстве Д. Трампа все больше тяготеют к изоляционизму и протекцио-

низму, КНР твердо позиционирует себя как новый лидер процессов глобализации. Сама по себе эта роль вызывает сильные сомнения в том, что Пекин внутри нынешней миросистемы или в противовес ей будет стремиться создать что-то свое, от нее автономное, а тем более противостоящее ей. Скорее всего, Китай станет добиваться эволюции миросистемы и миропорядка в каком-то ином направлении.

В-третьих, сам тезис о формировании в современном Китае какого-то нового общественного строя, что само по себе может стать фундаментом для альтернативного глобального проекта, как это было с Советским Союзом, звучит далеко не бесспорно. Нужно время, чтобы это предположение было подтверждено практикой. А без такого фундамента предположения о возникновении альтернативного проекта выглядят призрачными.

В этом контексте не случайным представляется и разброс мнений в отношении будущего и среди специалистов в области миросистемного анализа. Так, по мнению Хофун Хунга, новое американское лидерство выглядит более вероятным, чем доминирование мировой полупериферии во главе с Китаем. При этом КНР будет вынуждена радикально изменить свою модель развития и побудить к этому прочие страны полупериферии [Ho-fung Hung 2017, pp. 646–647]. Другие исследователи активно обсуждают как наиболее вероятную возможность утрату Западом его гегемонии и рассматривают различные варианты его поведения в таких условиях. При этом рассматриваются различные сценарии развития событий. Один предполагает возможность агрессивного сопротивления Запада усилению мощи мировой полупериферии, вплоть до использования военной силы. Другой – потерю Западом контроля над цепочками гло-

бального движения товаров. Согласно третьему сценарию, произойдет постепенная «провинциализация» Запада, превращение его в обычную мировую «провинцию» [Komlosi 2016].

Нам же наиболее реалистичным представляется такой вариант развития, при котором мир в первой половине XXI в., по-видимому, ожидает не новая глобальная трансформация миросистемы и даже миропорядка, а скорее их постепенная адаптация к изменившимся мировым реалиям. Не исключено при этом, что, как отмечает С. Караганов, мир войдет в новую эпоху противостояния, экономическую основу которого будет определять соперничество между либерально-демократическим капитализмом Запада и авторитарным капитализмом во главе с Китаем. И если эта вторая модель «докажет свою успешность, у части государств появится возможность переориентации или, по крайней мере, расширения их маневра» [Караганов 2017].

Список литературы

Арриги Дж. (2006) Мой долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.

Барановский В.Г., Иванова Н.И. (ред.) (2015) Глобальное управление: возможности и риски. М.: ИМЭМО РАН.

Бауман З. (2004) Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир.

Борох О., Ломанов А. (2018) Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 3. С. 59–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70

Вайнштейн Г.И. (2017) Современный популизм как объект политологи-

ческого анализа // Полис. № 4. С. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06

Валлерстайн И. (2003) Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос.

Валлерстайн И. (2006) Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего.

Виноградов А.О. (ред.) (2018) Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений. М.: ИДВ РАН.

Виноградов А.В., Рябов А.В. (2019) Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // Полис. № 3. С. 69–86. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05

Виноградов А.В., Салицкий А.И. (2019) Можно ли говорить о формировании в Китае нового общественного строя? // Вестник Российской академии наук. Т. 89. № 2. С. 172–178. DOI: 10.31857/S0869-5873892172-178

Волошина А.В. (2019) Китай в «тихоокеанском повороте» США // Проблемы Дальнего Востока. № 2. С. 43–50. DOI: 10.31857/S013128120004637-1

Жарков В., Захаров А., Рябов А., Симон М. (2017) Русская революция 1917 года для нашей страны и мира: взгляд сто лет спустя. Доклад к 100-летию Русской революции. М.: Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд) // <http://www.gorby.ru/userfiles/file/doklad.pdf>, дата обращения 31.10.2019.

Кагарлицкий Б. (2004) Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра-Культура.

Караганов С. (2017) Новая эпоха противостояния // Россия в глобальной политике. № 6 // <https://globalaffairs.ru/number/Novaya-epokha-protivostoyaniya-19198>, дата обращения 31.10.2019.

Киссинджер Г. (2015) О Китае. М.: АСТ.

Кортунов А. (2016) Неизбежность странного мира // Россия в глобальной политике. 16 июля 2016 // <https://globalaffairs.ru/global-processes/Neizbezhnost-strannogo-mira-18288>, дата обращения 31.10.2019.

Кувалдин В.Б. (2017) Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь мир.

Лапкин В.В., Пантин И.В., Рябов А.В. (2014) Новая периферия. Трудности посткоммунистического развития // Дынкин А.А., Иванова Н.И. (ред.) Глобальная перестройка. М.: Весь мир. С. 185–208.

Лукин А.В. (2019) Дискуссии о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. № 1. С. 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06

Матяш А. (2001) России предложено вступить в НАТО // Gazeta.ru. 17 ноября 2017 // <https://www.gazeta.ru/2001/11/17/rossiipredlo.shtml>, дата обращения 31.10.2019.

Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Ч. 1: Внешнеполитический контекст реформ, китайско-американские отношения, дискуссии об экономической либерализации и оценка процесса углубления реформ в Китае. Круглый стол (2019) // Сравнительная политика. Т. 10. № 2. С. 99–117 // https://elibrary.ru/download/elibrary_38220798_24997384.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Петровский В.Е. (2019) Америка-но-китайские торговые войны: экономика или геополитика? // Проблемы Дальнего Востока. № 2. С. 51–58. DOI: 10.31857/S013128120004638-2

Путин предлагал Клинтону рассмотреть вариант вступления РФ в НАТО (2017) // ТАСС. 6 июня 2017 // <https://tass.ru/politika/4310986>, дата обращения 31.10.2019.

Тренин Д. (2006) Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Европа.

Тренин Д. (2009) Одиночное плавание. М.: Изд-во Р. Элинина.

Фукуяма Ф. (1990) Конец истории? // Вопросы философии. № 3. С. 134–148 // <http://alt-future.narod.ru/Future/fuku1.htm>, дата обращения 31.10.2019.

Черненко Е. (2017) Сергей Лавров объявил о новой эпохе в международных отношениях. Глава МИД выступил с программной речью в Мюнхене // Коммерсант. 18 февраля 2017 // <https://www.kommersant.ru/doc/3224056>, дата обращения 31.10.2019.

Campbell K.M., Ratner E. (2018) The China Reckoning. How Beijing Defied American Expectations // Foreign Affairs, March/April 2018 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-02-13/china-reckoning>, дата обращения 31.10.2019.

Gat A. (2007) The Return of Authoritarian Great Powers // Foreign Affairs, July/August 2007 // <https://foreignaffairs/articles/china/2007-07-01/return-authoritarian-great-powers>, дата обращения 31.10.2019.

Ho-fung Hung (2017) Hegemonic Crisis, Comparative Systems, and Future of Pax Americana // Journal of World-Systems Research, vol. 23, no 2, pp. 637–648. DOI: 10.5195/JWSR.2017.723

Jacquers M. (2009) When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World, London, New York: Penguin Books.

Komlosy A. (2016) Prospects of Decline and Hegemonic Shifts for the West // Journal of World-Systems Research, vol. 22, no 2, pp. 463–483. DOI: 10.5195/JWSR.2016.627

Shi-Kupfer K., Ohlberg M. (2019) China's Digital Rise. Challenges for Europe // MERICS Papers on China, no 7 // https://www.merics.org/sites/default/files/2019-04/MPOC_No.7_ChinasDigitalRise_web_final.pdf, дата обращения 31.10.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48

From Integrity to the New Split and Rivalry? (World-System and World Order in Changing Realities)

Andrey V. RYABOV

PhD in History, Leading Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: andreyr@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-7724-3962

CITATION: Ryabov A.V. (2019) From Integrity to the New Split and Rivalry? (World-System and World Order in Changing Realities). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 32–48 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48

Received: 06.08.2019.

ABSTRACT. *The collapse of the Soviet Union and socialist commonwealth contributed to the reconstruction of integrity of the World-System. These changes became a major global transformation of the second half of the XX century. Then there was an opinion that over time the model of liberal capitalism would be established in all countries. However the restoration of the integrity of the global world did not lead to shaping of its homogeneity. New contradictions emerged both between developed and developing countries and within the core countries of the World-System. All of this undermined stability of the system and contributed to the gradual distraction of the unipolar world order. Russia initially tried to be integrated into the new world reality and become the main partner of the USA as a center of the World-System. However the plans of the United States and its allies did not provide that Russia would retain its role as an important and independent actor in world politics. As a result, Russia's integration into the West did not take place. Nev-*

ertheless having made the transition to an independent policy not subordinated to the USA and its allies Russia could not claim to create alternative global social project as the Soviet Union had. To do this Russia had neither resources nor attractive idea for the rest of the world. As China began to turn into economic superpower it seemed that Beijing was not going to offer the world its own social project alternative to liberal capitalism but it claimed only to take place in existing global system corresponding to its economic impact. Situation was changed after the USA in the middle of the 10-th felt in China a serious rival and moved to the policy of deterrence of it. China began to work out its own model of the world order. Now in comparison with the past many experts suppose that Chinese model of the social and political order may be used by other developing countries. Will this lead to emergence of the new global project alternative to the Western liberal capitalism and to distraction of integrity of the World-System? Will there be a new global transformation as a result of

current processes? This article is devoted to the analysis of probable prospects of these tendencies of the world development.

KEYWORDS: *World-System, world order, integrity, stability, USA, liberal capitalism, alternative global project, Russia, China, US-China relations*

References

- Arrighi G. (2006) *My Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*, Moscow: Territoriya Budushchego (in Russian).
- Baranovskij V.G., Ivanova N.I. (eds.) (2015) *Global Governance: Opportunities and Risks*, Moscow: IMEMO RAN (in Russian).
- Bauman Z. (2004) *Globalization. The Human and Societal Consequences*, Moscow: Ves' Mir (in Russian).
- Borokh O., Lomanov A. (2018) China's New Epoch: From Seeking Wealth To Gaining Strength. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, vol. 62, no 3, pp. 59–70 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70
- Campbell K.M., Ratner E. (2018) The China Reckoning. How Beijing Defied American Expectations. *Foreign Affairs*, March/April 2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-02-13/china-reckoning>, accessed 31.10.2019.
- Chernenko Ye. (2017) Sergei Lavrov Announced a New Era in International Relations. Foreign Minister Delivered a Keynote Speech in Munich. *Kommersant.ru*, February 18, 2017. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3224056>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Fukuyama F. (1990) The End of History? *Voprosy Filosofii*, no 3, pp. 134–148. Available at: <http://alt-future.narod.ru/Future/fuku1.htm>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Gat A. (2007) The Return of Authoritarian Great Powers. *Foreign Affairs*, July/August 2007. Available at: <https://foreignaffairs/articles/china/2007-07-01/return-authoritarian-great-powers>, accessed 31.10.2019.
- Ho-fung Hung (2017) Hegemonic Crisis, Comparative Systems, and Future of Pax Americana. *Journal of World-Systems Research*, vol. 23, no 2, pp. 637–648. DOI: 10.5195/JWSR.2017.723
- Jacquers M. (2009) *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*, London, New York: Penguin Books.
- Kagarlitskij B. (2004) *The Peripheral Empire. Russia and World-System*, Moscow: Ultra-Kultura (in Russian).
- Karaganov S. (2017) A New Era of Confrontation. *Russia in Global Affairs*, no 6. Available at: <https://globalaffairs.ru/number/Novaya-epokha-protivostoyaniya-19198>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Kissinger H. (2015) *About China*, Moscow: AST (in Russian).
- Komlosy A. (2016) Prospects of Decline and Hegemonic Shifts for the West. *Journal of World-Systems Research*, vol. 22, no 2, pp. 463–483. DOI: 10.5195/JWSR.2016.627
- Kortunov A. (2016) The Inevitability of the Strange World. *Russia in Global Affairs*, July 16, 2016. Available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Neizbezhnost-strannogo-mira-18288>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Kuvaldin V.B. (2017) *The Global World. Politics. Economy. Social Relations*, Moscow: Ves' Mir (in Russian).
- Lapkin V.V., Pantin V.I., Ryabov A.V. (2014) A New Periphery. Difficulties of Post-communist Development. *Global perestroika*. Chapter 8. (eds. Dynkin A.A., Ivanova N.I.), Moscow: Ves' Mir, pp. 185–208 (in Russian).
- Lukin A.V. (2019) Discussion on the Development of China and Prospects for

Its Foreign Policy. *Polis*, no 1, pp. 71–89 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06

Matyash A. (2001) Russia is Proposed to Join NATO. *Gazeta.ru*, November 17, 2017. Available at: <https://www.gazeta.ru/2001/11/17/rossiipredlo.shtml>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Petrovskiy V.E. (2019) US-China Trade Wars: Economy or Geopolitics? *Problemy Dalnego Vostoka*, no 2, pp. 51–58 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120004638-2

Prospects of Chinese Reforms in a Changed World: Round Table. Part 1. “External Context of Reforms, Chinese-American Relations, Discussions on Economic Liberalization and Evaluation of Reforms Deepening in China (2019). *Comparative Politics*, vol. 10, no 2, pp. 99–117. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_38220798_24997384.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Putin Invited Clinton to Consider the Option of Russia’s Accession to NATO. TASS, June 6, 2017. Available at: <https://tass.ru/politika/4310986>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Shi-Kupfer K., Ohlberg M. (2019) China’s Digital Rise. Challenges for Europe. *MERICs Papers on China*, no 7. Available at: https://www.merics.org/sites/default/files/2019-04/MPOC_No.7_ChinasDigitalRise_web_final.pdf, accessed 31.10.2019.

Trenin D. (2006) *Integration and Identity: Russia as the “New West”*, Moscow: Evropa (in Russian).

Trenin D. (2009) *Solo Voyage*, Moscow: Izdatel’stvo R. Elinina (in Russian).

Vainshtein G.I. (2017) Modern Populism as a Subject of Political Science. *Polis*, no 4, pp. 69–89 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06

Vinogradov A.O. (ed.) (2018) *The Decisions of the XIX Congress of CPC and Perspective of Russian-Chinese Relations*, Moscow: IDV RAN (in Russian).

Vinogradov A.V., Ryabov A.V. (2019) Political Systems of Post-Soviet States and China in the Process of Inter-System Transformation. *Polis*, no 3, pp. 69–86 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05

Vinogradov A.V., Salitskiy A.I. (2019) Can We Speak of a New Social Formation in China? *Vestnik Rossiiskoj Akademii Nauk*, vol. 89, no 2, pp. 172–178 (in Russian). DOI: 10.31857/S0869-5873892172-178

Voloshina A.V. (2019) China in “Pacific Pivot” of the USA. *Problemy Dalnego Vostoka*, no 2, pp. 43–50 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120004637-1

Wallerstein I. (2003) *The End of the World as We Know It*, Moscow: Logos (in Russian).

Wallerstein I. (2006) *World-Systems Analysis: an Introduction*, Moscow: Terri-toriya buduschego (in Russian).

Zharkov V., Zakharov A., Ryabov A., Simon M. (2017) *Russian Revolution 1917 for Our Country and the World: Look a Hundred Years Later*, Moscow: Gorbachov-Foundation. Available at: <http://www.gorby.ru/userfiles/file/doklad.pdf>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Российский опыт

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-49-71

Провинциальное эхо Гражданской войны в России

Александр Борисович КРЫЛОВ

доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: abkrylov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7083-5041

ЦИТИРОВАНИЕ: Крылов А.Б. (2019) Провинциальное эхо Гражданской войны в России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 49–71. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-49-71

Статья поступила в редакцию 31.07.2019.

АННОТАЦИЯ. Замалчивание федеральным центром темы Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны в России привели к многочисленным скандалам с новыми памятниками (Маннергейму, Колчаку, Краснову и пр.) и другим противоречивым и многообразным по форме последствиям. В провинции ситуация зачастую определяется уровнем образования, свойствами характера и психологическими особенностями представителей местной администрации, а также их симпатиями или антипатиями к противоборствовавшим в Гражданской войне сторонам. В статье приводятся примеры проявлений нынешнего «провинциального эха» Гражданской войны в Сибири (Нижеинзашский район Красноярского края и Прибайкалье) и на Урале (город Оханск Пермского края).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война, А.В. Колчак, чехословацкий корпус, Сибирь, Урал

Череда сменяющих друг друга столетних годовщин судьбоносных для России и всего мира событий несколько оживила интерес к отечественной истории. Однако посвященные им официальные мероприятия имели подчеркнуто скромный характер и не получили широкого освещения в отечественных СМИ. Для подавляющего большинства российского общества вековые юбилеи начала и окончания Первой мировой войны, свержения монархии в феврале 1917 г., победы Октябрьской революции, начала в России Гражданской войны и иностранной интервенции прошли либо незаметно, либо на уровне «текущих событий».

С распадом СССР ушла в прошлое советская трактовка событий вековой давности, согласно которой Великая Октябрьская социалистическая революция открыла человечеству путь к социальному освобождению и счастливому коммунистическому будущему, стала поворотным пунктом во всемир-

ной истории. Переименование городов и улиц, уничтожение памятников революционным вождям и советским государственным деятелям символизировали не только возврат к досоветскому прошлому с его государственными символами (триколор, двуглавый орел, переименование городов и пр.), но и принятие той трактовки истории XX в., которая господствует в государствах, выступавших противниками СССР на мировой арене, а также тех антибольшевистских сил, которые потерпели поражение в Гражданской войне.

Наиболее последовательными в разрыве с советским прошлым стали государства Прибалтики, проводящие политику реабилитации нацистских преступников. И в России в первые годы после распада СССР тенденция к героизации воевавших на стороне Гитлера генералов Власова, Краснова, Шкуро и других в качестве борцов против коммунизма и сталинской диктатуры получила значительное развитие. Сторонники подобных взглядов до сих пор громко заявляют о себе в российском информационном поле. Однако в России (в отличие от Прибалтики или Украины) попытки представить воевавших на стороне Гитлера военных преступников в качестве истинных патриотов продолжают вызывать крайне негативную реакцию у подавляющего большинства населения. Данные социологических исследований свидетельствуют, что, несмотря на определенные различия в оценках, по принципиальным вопросам истории Великой Отечественной войны у всех поколений российского общества сохраняется высокая степень единства мнений и суждений, что позволяет говорить о преемственности исторического сознания поколений и работает на сплочение российского общества [Саралиева, Балабанов, Куконков 2010, с. 337–338].

Разрыв постсоветской России с коммунистическим прошлым был продемонстрирован указом президента РФ Б.Н. Ельцина «О Дне согласия и примирения» (1996 г.), согласно которому день 7 ноября остался нерабочим, но праздник стал символизировать не победу трудящихся классов над своими эксплуататорами, а примирение и единение различных слоев российского общества. Позднее праздничный день 7 ноября был отменен полностью, вместо него президент РФ В.В. Путин в 2004 г. своим указом утвердил новый праздник – День народного единства, который приурочен к куда более удаленным от нас по времени событиям 1612 г. Впервые Россия отметила новый государственный праздник 4 ноября 2005 г.

В отличие от исторической победы СССР над фашистской Германией, Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война, иностранная интервенция, роль В.И. Ленина, И.В. Сталина и других революционных вождей продолжают вызывать острые дискуссии в российском обществе, служат источником противоречий и конфликтов. Сознывая потенциальную опасность этой тематики, власти предпочитают воздерживаться от угрожающих политической стабильности действий (захоронение тела В.И. Ленина и т.п.), предпочитают отложить все в «долгий ящик» и передать решение болезненных для общества проблем будущим поколениям.

На фоне невятной позиции федерального центра по важнейшим событиям российской истории XX в. в провинции ситуация зачастую определяется уровнем образования, свойствами характера и психологическими особенностями представителей местной администрации, а также их симпатиями или антипатиями к противоборствовавшим в Гражданской войне сторонам. Приведем несколько приме-

ров различных проявлений нынешнего «провинциального эха» Гражданской войны в России.

Нижнеингашский район Красноярского края

Во время Гражданской войны Нижнеингашский район Красноярского края был одним из центров партизанского движения, большинство местного населения воевало против белогвардейцев и иностранных интервентов. Красные партизаны совершали диверсии на железной дороге, препятствовали мобилизации в армию белых, поставкам продовольствия, лошадей и пр.

1 мая 1919 г. возле станции Тинской партизаны пустили под откос бронепоезд и эшелон чехословацкого корпуса. Карательные акции против непокорных деревень привели к крайнему ожесточению сторон. Об этом свидетельствуют человеческие останки в общих могилах, которые до сих пор находят в Нижнеингашском районе в местах боев Гражданской войны. В 2015 г. в селе Кучерово, в котором находился штаб красных партизан, было найдено место захоронения попавших в плен колчаковцев, которых жестоко пытали перед расстрелом (и это отчетливо видно по останкам). По предположению автора публикации в местной газете «Победа», пленные были взяты красными партизанами в боях, о которых сообщала колчаковская пресса в июне 1919 г.: «В 28 верстах севернее Тинской упорные бои велись за два моста через вышедшую из берегов р. Пойму и у д. Волково, в 4 верстах южнее д.

Кучерцово, хорошо укрепленной полевыми окопами, а также за разобранный мост у д. Бериковской. Далее газета «Победа» сообщила, что, в соответствии с российским законодательством, сотрудники ОМВД по Нижнеингашскому району выехали на указанное место, обнаружили костные останки (предположительно многих людей) и отправили их на медико-криминалистическую экспертизу в Красноярск. Руководство района приняло решение после проведения всех необходимых действий перезахоронить по православному обряду останки тех, кто погиб в пожаре Гражданской войны. Автор публикации особо подчеркнул, что местные власти сделают это «в прощение и примирение и в назидание потомкам, чтобы никогда и никому не позволили развязать новую братоубийственную войну»¹.

На сайте администрации поселения Кучерово есть краткое упоминание о событиях Гражданской войны: «село Кучерово было центром партизанского движения, которым руководил Т. Мордвинов, его отряд действовал в тылу белогвардейцев, пережило наше село и нашествие Колчака, память о тех днях хранит обелиск»².

На большинстве других районных сайтов (администраций поселений, организаций, школ и т.п.) тема Гражданской войны отсутствует. На сайте администрации Тинского сельсовета Нижнеингашского района Красноярского края в разделе «История села» говорится, что село Тины возникло в 1760-х гг., дается описание посещения села цесаревичем Николаем, который ужинал и ночевал в специальной пристройке к

1 Енцова Л. (2015) Житель села Кучерово обнаружил человеческие останки // Победа. № 38(9934). 18 сентября 2015 // <http://www.pobeda24.ru/kraevedenie/444-zhitel-sela-kucheroovo-obnaruzhil-chelovecheskie-ostanki>, дата обращения 31.10.2019.

2 Администрация Кучеровского сельсовета. Официальный сайт // <http://www.kucheroovo-adm.ru/poselenie/istoriya-poseleniya/>, дата обращения 31.10.2019.

волостному управлению, принимал депутацию во главе с местным волостным старостой. Сразу после этого говорится о массовой коллективизации 1920–1930 гг., приводится список не вернувшихся с Великой Отечественной местных жителей, даются краткие сведения о местных школе, психбольнице, леспромхозе, целебном роднике на реке Тинке. Какие-либо упоминания о революции 1917 г. и Гражданской войне на сайте местной администрации отсутствуют³. Аналогичная картина на сайте местной школы⁴.

В отличие от представителей районных властей, краеведы и местные почтители отечественной истории не игнорируют тему Гражданской войны, проводят мониторинг состояния памятников, размещают свои материалы на различных ресурсах в интернете и тем самым привлекают к ней общественное внимание. К примеру, в социальных сетях размещено подробное описание памятника на месте казни карателями в 1918 г. красных партизан и жителей села Ирбейское. К нему дается историческая справка о событиях Гражданской войны: указывается, что Ирбейский район был одним из очагов партизанского движения в крае, что за годы Гражданской войны партизанами было проведено 23 боя, освобождено семь волостей уезда, взято в плен 4 500 белогвардейцев, пущено под откос два эшелона с войсками и грузами, захвачено 10 тыс. винтовок и 25 пулеметов. В январе 1920 г. они в составе Ачинско-

го полка влились в 30-ю дивизию Пятой армии, освобождавшей Сибирь. Впоследствии ирбейские партизаны принимали участие в боях с Врангелем. Подводя итог своему описанию истории сооружения памятника, автор указывает, что сотни местных жителей погибли в боях и были казнены. При этом тела казненных часто опускали в прорубь, поэтому памятник установлен не на братской могиле, а на месте расстрелов красных партизан на берегу р. Кан⁵.

Несмотря на произошедший в России пересмотр оценок советского периода, наша страна не пошла по пути полного разрыва со своим историческим прошлым и избежала массового разрушения исторических памятников, которое имело место в некоторых странах Восточной Европы. Большинство памятников жертвам Гражданской войны в Сибири сохранилось, однако некоторые из них подверглись переделкам, которые полностью изменили их значение. Таким примером является памятник в окрестностях села Тины, на котором несколько лет назад была закрашена надпись: «Здесь погребены борцы революции, расстрелянные в 1919 году карателями-колчаковцами»⁶. После этого на памятнике остались венчающая его красная звезда и список захороненных в этом месте 18 человек с указанием фамилий, инициалов и годов рождения.

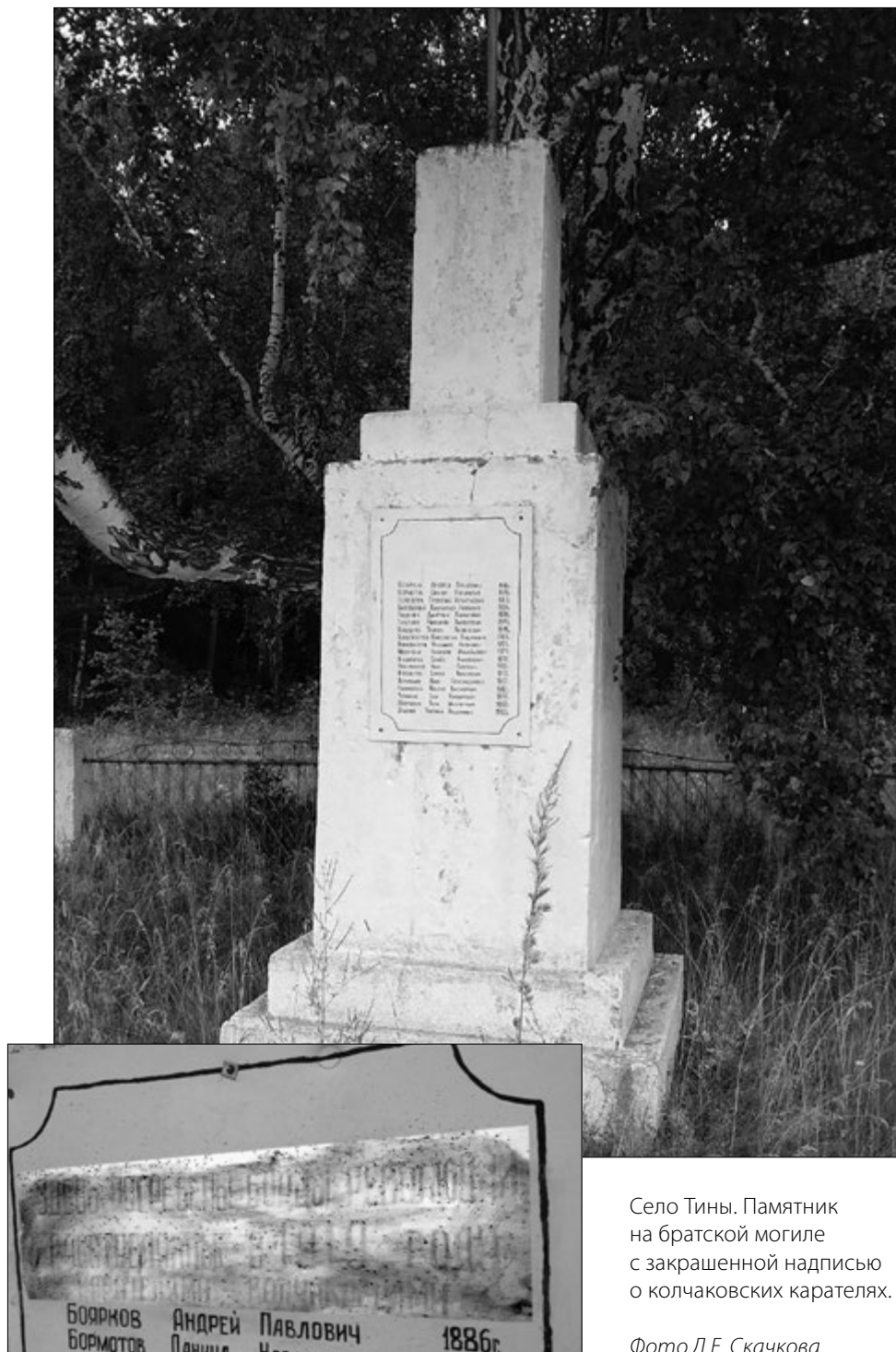
После «редакционной правки» памятник начал использоваться в ходе мероприятий в память о Великой Оте-

3 Администрация Тинского сельсовета Нижнеингашского района Красноярского края. Официальный сайт // <https://tiny-adm.jimdo.com/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0/>, дата обращения 31.10.2019.

4 Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Тинская средняя школа № 1» Нижнеингашского района Красноярского края // http://tinskaya1.ucoz.ru/index/istorija_shkoly/0-15, дата обращения 31.10.2019.

5 Левашов В. (2015) Место казни карателями в 1918 году партизан и жителей села Ирбейское. Адрес: Ирбейский район, с. Ирбейское, пересечение ул. Ленина и Красноармейской, берег р. Кан // ОК.ru. 8 августа 2015 // <https://ok.ru/irbeycityk/topic/63968686468030>, дата обращения 31.10.2019.

6 В настоящее время надпись проступает и ее можно прочитать после дождя, когда вода пропитывает верхний слой краски.

чественной войне. Впервые это произошло в мае 2015 г., когда в районе был проведен велопробег в честь 70-летия Победы и его участники возложили к памятнику гирлянду Славы. Колонна велосипедистов посетила несколько памятных мест района, были проведены митинги, в которых приняли участие представители местной власти. В своих выступлениях участники мероприятия подчеркивали, что велопробег призван «выразить нашу скорбь, любовь и благодарность солдатам, защищавшим Родину».

Организаторы велопробега дали ему самую высокую оценку: «Очень приятное впечатление сложилось у всех от проведенного мероприятия. Эта война коснулась каждой семьи, и нам удалось донести до ребят всю значимость этого мероприятия. Один из них сказал: “На фронте люди гораздо больше терпели, и мы потерпим!”. От этих слов охватывает гордость за ребят. Становится очевидным, что мы не зря трудимся и воспитываем в наших ребятах настоящие ценности»⁷.

Прибайкалье. Кругобайкальская железная дорога

Принимавший активное участие в Гражданской войне чехословацкий корпус начал военные действия против советской власти в мае 1918 г. Корпус подчинился французскому командованию и на тот момент представлял собой наиболее боеспособное воинское соединение на территории России. В июле 1918 г. части корпуса совместно с подразделениями формировавшейся Белой армии заняли Иркутск. Красные

были вынуждены отступить на восток и с огромным количеством подвижного состава скопились на узкой ленте Кругобайкальской железной дороги в районе станций Култук – Мурино. Растянутое положение противника давало белым возможность обходить его и громить по частям.

Бои носили чрезвычайно ожесточенный характер, некоторые железнодорожные станции переходили из рук в руки несколько раз. К середине августа 1918 г. красные отступили к станции Танхой, где попытались закрепить за собой фронт. Последующие события были описаны в воспоминаниях воевавших против советской власти участников боев, в том числе А.И. Камбалина, на тот момент помощника командира Барнаульского полка.

Как пишет А.И. Камбалин, чтобы овладеть танхойской укрепленной позицией красных, разгромить их и спасти большой железнодорожный мост (8 пролетов) через реку Селенга, командование решило высадить десант в тыл красных и одновременно атаковать их с фронта. Два старых пароходика прицепили по бокам к барже, установили артиллерийские орудия и погрузили на них подразделения белочехов, сотню казаков Иркутского казачьего войска и новосформированный Барнаульский стрелковый полк. Общая численность десанта составляла около 900 штыков и сабель.

Утром 15 августа 1918 г. десант пересек Байкал и высадился на противоположном берегу у Посольского монастыря с задачей занять станцию Посольская и прервать железнодорожное сообщение красных с их тылом – г. Верхнеудинском (ныне Улан-Удэ). Расстояние от берега до железной дороги со-

7 Велопробег, посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (2015) // Сайт КГБУСО «Тинской психоневрологический интернат». 8 мая 2015 // <http://intertin.3dn.ru/news/veloprobeg/2015-05-08-70>, дата обращения 31.10.2019.

ставляло около 10 км по болотистой местности, сообщение с монастырем поддерживалось по узкой тропе и мосткам в одну доску. Белые были вынуждены отправить казаков и орудие кружным путем вдоль берега (кряк около 65 км), пехотные же части преодолели болото и при полном отсутствии красных беспрепятственно заняли Посольскую и соседнее село Большая речка. Они испортили железнодорожный путь и смогли пустить под откос первые эшелоны отступавших с танхойской позиции красных.

Последовавшие вслед за этим бои за село Большая речка и станцию Посольская продолжались три дня. В итоге красным удалось занять Посольскую и прорваться на восток, но при этом они понесли большие потери. По мнению А.И. Камбалина, белые одержали

принципиально важную победу: «значение боя у станции Посольской на исходе операции в Забайкалье было решающим; красные были разбиты наголову, прорвались в Верхнеудинск лишь жалкие остатки. На участке от станции Посольской до станции Мысовой они потеряли 50 поездов подвижного состава со всей материальной частью – несколько бронепоездов, броневых машин, всю артиллерию и запасы продовольствия. Нам посчастливилось сохранить от разрушения важный Селенгинский железнодорожный мост» [Камбалин (1) 2009, с. 42–53].

После разгрома красных на Кругобайкальской железной дороге боевые действия переместились далеко на запад – на Уральский фронт. На местах захоронений погибших белогвардейцев и чехословацких legionеров бы-

Село Большая Речка. Обелиск в память о погибших красноармейцах.

Фото А.Б. Крылова

ли установлены памятные монументы. После разгрома Колчака их снесли, а на братских могилах погибших красногвардейцев и партизан установили памятные знаки и обелиски, которые сохранились до сих пор.

После распада СССР правительство и общественные организации Чехии проявили большую активность в увековечивании памяти погибших в России чехословацких легионеров. Правовой основой подобной деятельности стало соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Чешской Республики о взаимном содержании военных захоронений, которое вступило в силу 11 августа 1999 г. В соответствии с этим соглашением министерство обороны Чешской Республики реализует в России свой проект «Легион 100», возводя памятники солдатам и офицерам Чехословацкого корпуса, погибшим в годы Гражданской войны. Памятники на местах захоронений чехословацких легионеров установлены во Владивостоке, Екатеринбурге, Красноярске, Сызрани и ряде других мест.

В 2011 г. в Челябинске на привокзальной площади при участии посла Чехии в России, чешских, словацких и российских официальных лиц был торжественно открыт памятник легионерам. Надпись на памятнике гласит: «Здесь покоятся чехословацкие солдаты, храбрые борцы за свободу и самостоятельность своей земли, России и

всего славянства. В братской земле отдали жизни за возрождение человечества. Обнажите головы перед могилой героев»⁸.

Местные власти, как правило, против установки памятников легионерам не возражали. Показательное заявление сделал по поводу установки памятника в Челябинске тогдашний губернатор области Михаил Юревич: «Здесь я ничего не могу сказать: в истории именно прохода чешского легиона через наш регион я не силен. Когда учился в школе, нам объясняли, что чехи били Красную Армию, а потом пошла другая информация: что они, наоборот, помогали нашим солдатам, что чем-то конкретно Челябинску помогли. В такие мелочи, поверьте, я как губернатор просто не вмешиваюсь. Если муниципалитет решил установить памятник – да ради бога, пусть ставят памятники хоть кому...»⁹. Первоначально подобные М. Юревичу¹⁰ не проявляющие никакого интереса к отечественной истории региональные и муниципальные руководители с легкостью выдавали разрешения на установку памятников белочехам. В ряде городов Урала и Сибири такие памятники были установлены не на местах захоронений, а в общественных местах и превратились в средство героизации легионеров, что вызвало протесты и негативную реакцию в обществе¹¹.

Противники установки памятников легионерам утверждают: «Путь бело-

8 Назаров О. (6/г) Как чехословацкий легион в России орудовал // Историк // https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/special_posts/%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D1%87%D0%B5%D1%85%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD-%D0%B2-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D1%80%D1%83/, дата обращения 31.10.2019.

9 Гужев В. (2017) Челябинск предостерег Самару от ошибки с белочехами // Regnum.ru. 4 сентября 2017 // <https://regnum.ru/news/polit/2317076.html>, дата обращения 31.10.2019.

10 М.В. Юревич был губернатором Челябинской области в 2010–2014 гг. В 2016 г. против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в получении взяток, в настоящее время он находится в международном розыске: <https://www.interfax.ru/russia/553960>, дата обращения 31.10.2019.

11 Пермяков Д., Исфадияров Р., Станкевич Д., Артемьев К., Селиванов С., Шейкин А. (2017) Белочехи: спасители России от ужасов большевизма или обыкновенные интервенты // Красная весна. 8 июля 2017 // <https://rossaprimavera.ru/article/belochehi-spasiteli-rossii-ot-uzhasov-bolshevizma-ili-obyknovennye-intervent>, дата обращения 31.10.2019.

чехов по России окрашен кровью русских. Во взятых ими городах убивали не только большевиков и сочувствующих им, но и тех, кто просто подвернулся под руку. Так, в захваченном чехословаками Троицке от их пуль и штыков погиб каждый тридцатый житель города. В Самаре, Симбирске, Казани, Бугуруслане, Сызрани, Уфе, Екатеринбурге людей расстреливали сотнями. Именно легионеров следует считать родоначальниками белого террора. И это не говоря уже о страшных грабежах, паскудной роли белочехов в выдаче Колчака и ответственности за гибель тысяч людей, в основном раненых, женщин и детей, замерзших в сибирской тайге в декабре 1919-го из-

за того, что “борцы за свободу и возрождение России” забили магистраль эшелонами с награбленным русским добром. По большому счету, в нашей стране симпатии к белочехам не могут испытывать ни те, кто ассоциирует себя с красными, ни те, кто сочувствовал белым. На совести белочехов сотни тысяч оборванных жизней, миллионы исковерканных судеб»¹².

Подобная крайне негативная оценка пользуется поддержкой той части российского населения, которая считает недопустимой героизацию действий белочехов во время Гражданской войны. Категорически против установки им памятников на территории России выступает КИРФ, ее позицию под-

Поваленный обелиск на могиле легионеров и белогвардейцев у ст. Посольская.

Фото А.Б. Крылова

12 Димиулин В. (2017) «Пусть ставят памятники хоть кому...» // Народный политолог. 24 апреля 2017 // <http://narpolit.ru/istoriya-sovremennosti/pust-stavyat-pamyatniki-khot-komu>, дата обращения 31.10.2019.

держивают ЛДПР, многие левые и патриотические объединения. Челябинское региональное отделение ЛДПР выступило с открытым обращением к послам Чехии и Словакии в России: «Наша партия настаивает на том, что установка монумента чехословацким legionерам, которые пришли в Челябинск как захватчики и оккупанты и оставили после себя недобрую славу, противоречит здравому смыслу и оскверняет память русских солдат, чьи кости до сих пор лежат в земле по всей Европе в безымянных могилах»¹³.

В результате протестов горожан установка памятников legionерам в Канске, Тюмени, Нижнеудинске была заморожена. Нередки случаи, когда установленные памятники и мемориальные доски страдали от вандализма: их обливали краской, отбивали детали, наносили надписи: «Они убивали русских» и т.п. Как подчеркивают чешские авторы, в последние годы обстановка в этом плане ухудшилась¹⁴.

На месте захоронения legionеров и белогвардейцев у станции Посольская обелиск с фигурой скорбящего воина был установлен еще во время Гражданской войны. После разгрома Колчака обелиск был повален на землю, фигура воина разбита.

В память о погибших за советскую власть в селе Большая речка был установлен обелиск с надписью: «Красногвардейцам, павшим в боях с белогвардейцами в августе 1918 г. Сохраним в

наших сердцах вечную память о ваших славных делах в борьбе за счастье людей». На станции Посольская на братской могиле у железнодорожного вокзала на обелиске написано: «Вечная память красногвардейцам-интернационалистам: русским, китайцам, венграм, чехам, немцам, австрийцам, павшим в боях за власть Советов в районе станции Посольская в июле–августе 1918 года». По масштабам мемориал на могиле legionеров и белогвардейцев намного превосходил скромные обелиски в память о погибших в боях с ними бойцах Красной армии.

Надписи на обелисках свидетельствуют о многонациональном составе подразделений по обе стороны фронта. На стороне красных воевали вдохновленные социалистическими идеями интернационалисты¹⁵, в том числе бывшие чехословацкие legionеры¹⁶. Против них, наряду с белогвардейцами и чехословацким корпусом, сражались подразделения из бывших военнопленных разных национальностей, которые были сформированы державами Антанты. Поэтому Гражданская война в России не сводилась к противостоянию большевиков и власти Советов с белогвардейцами и иностранными интервентами, она имела общеевропейский масштаб и характер принципиального идеологического противостояния.

Одним из воевавших против большевиков соединений была 5-я польская дивизия, сформированная в Сибири из

13 Беленицкая А. (2011) В Челябинске установили монумент в память о солдатах Чехословацкого корпуса, помогавших в годы Первой мировой войны русской армии // Русский мир. 21 октября 2011 // <https://russkiymir.ru/news/5224/>, дата обращения 31.10.2019.

14 Шимов Я. (2018) Похождения храбрых солдат. Сто лет восстанию Чехословацкого корпуса // Сибирь. Реалии. 7 мая 2018 // <https://www.sibreal.org/a/29213615.html>, дата обращения 31.10.2019.

15 Список основных интернациональных частей РККА см.: <https://d-clarence.livejournal.com/202380.html>, дата обращения 31.10.2019.

16 Белочехи были к ним особенно безжалостны: попавшие в плен в Пензе бойцы 1-го Чехословацкого революционного полка были ими избиты и расстреляны. В 2015 г. на станции Пенза III был установлен памятный знак-кенотаф чехословацким legionерам, погибшим в 1918 г. Хотя на памятнике указаны и имена чехословаков, которые погибли за советскую власть, против установки памятника выступали представители КПРФ и местных левых партий и движений. См.: <http://arhiv-pnz.ru/exhibitions/2018/05/18/14364850>, дата обращения 31.10.2019.

Станция Посольская. Братская могила легионеров и белогвардейцев.

Фото А.Б. Крылова

местных поляков и военнопленных. В основном она использовалась для охраны железной дороги и в карательных операциях против партизан. Большая часть дивизии при отступлении, в отличие от чехословаков, попала в плен, меньшая выбралась через Владивосток в Польшу, где из них сформировали Сибирскую бригаду, сражавшуюся против Красной армии во время советско-польской войны 1919–1921 гг.¹⁷

В Чехии, в отличие от Польши и других стран Европы, тема участия соотечественников в Гражданской войне в России продолжает сохранять актуальность. В августе 2007 г. по благословению тогдашнего главы Читинской и Забайкальской епархии владыки Евстафия на месте захоронения легионеров и белогвардейцев у станции Посольская был установлен православный крест. Организаторами акции выступили действующий в Чехии общественный фонд «Чешский легион» и Иркутское отделение «Союза русского народа».

В своем интервью местному телевидению представитель фонда «Чешский легион» Т. Нетопил объяснил интерес к данной теме в чешском обществе: «в Чехии много потомков легионеров, воевавших здесь. Легионеров здесь было около 60 тысяч. Обратно вернулось чуть больше 50 тысяч человек. Это значит, их потомков около 200–300 тысяч в Чешской республике. Они, безусловно, интересуются тем, что их предки делали в России»¹⁸. Т. Нетопил взял образцы материала разрушенного памятника. Первоначально планировалось, что в дальнейшем памятный комплекс у

станции Посольская будет восстановлен в первоначальном виде из того же материала (цемент с мраморной крошкой). Но за прошедшие 12 лет памятник так и не восстановили. Очевидно, свою роль в этом сыграла сложная ситуация вокруг программы установления в России памятников чехословацким легионерам.

Судя по воспоминаниям А.И. Камбалина, проблемы во взаимоотношениях между легионерами и белогвардейцами возникли уже на начальном этапе Гражданской войны. Он подчеркивает негативную роль сложившегося двоевластия и отсутствия единоначалия у легионеров и белогвардейцев, указывает на то, что именно чехи оставили свои позиции у моста, после чего «красные смогли переправиться через Большую речку и захватить станцию Посольскую» [Камбалин (1) 2009, с. 51]. Действиям белого Барнаульского полка он дает совсем другую оценку: «Много доблести и мужества было проявлено чинами полка за этот трехдневный бой. Потери полка были значительны: 27 убитых офицеров и добровольцев и 80 раненых. Чехи потеряли значительно меньше, тяжесть боя вынес доблестный молодой 3-й Барнаульский стрелковый полк, достойный наследник Российской Императорской армии. Достойным вечным памятником доблестной боевой славы 3-го Барнаульского полка служит братская могила 27 офицеров полка, убитых в бою у станции Посольская, похороненных на восточном берегу Большой речки вблизи памятного нам железнодорожного моста» [Камбалин (1) 2009, с. 55].

17 См. подробнее: Польская дивизия на службе у Колчака (2016) // Feldgrau.info. 22 октября 2016 // <https://feldgrau.info/2010-09-02-14-35-19/15862-polskaya-diviziya-na-sluzhbe-u-kolchaka>, дата обращения 31.10.2019; Виндекс В. (6/г) Арест Колчака: выдали бы поляки адмирала на смерть иркутскому Политцентру? // Честь и верность // <http://rus-orden.com/Docs.aspx?doc=texts2/120404bnews.html>, дата обращения 31.10.2019.

18 В Бурятии воздвигнут крест памяти белочехов (2007) // Аригус. 22 августа 2007 // <https://arigus.tv/news/item/4343/>, дата обращения 31.10.2019.

На установленном в 2007 г. памятном кресте указано общее число погибших в боях за станцию Посольская и похороненных в братской могиле у железнодорожного моста – 122 чел. Если Барнаульский полк, как указывает А.И. Камбалин, потерял убитыми 27 офицеров¹⁹, получается, что большинство погибших в бою составляли legionеры. Очевидно, что в оценке А.И. Камбалиным боев на Кругобайкальской железной дороге дает себя знать его неприязнь к legionерам, проявившаяся в явном преуменьшении их вклада в разгром противника.

В контексте нынешних споров и конфликтов вокруг проблемы установки памятников legionерам в России особое значение приобретает оценка их роли со стороны представителей антибольшевистских сил. А.И. Камбалин, который оставался непримиримым противником советской власти до конца жизни, связывал поражение Белой армии с тем, что «транспорт пришел в расстройство, да к тому же он почти всецело находился в иноземных руках братушек чехов и других союзников, безобразному и своевольному хозяйничанью коих на Сибирских железных дорогах не было предела» [Камбалин (2) 2009, с. 111]. Он подчеркивает, что «если среди чехов и были хорошие солдаты и начальники, то в массе это был сброд, не блиставший воинскими добродетелями. Что еще отвращало нас от них – так это их жадность к материальным благам; ко всему, что плохо лежит, а в дежке воинской добычи стремление урвать лучший кусок. Эти дурные стороны впоследствии распустились махровым цветом и омрачили русско-чешское братство предательством Верховного Правителя адмирала Колчака» [Камбалин (2) 2009,

с. 111]. Весьма критически оценивает А.И. Камбалин не только союзников армии Колчака, но и самих белогвардейцев: «отсутствие твердой власти на верхах, бесчинства и грабежи, как добрых союзников – чехов и поляков, так и наших карательных отрядов, только подливали масло в огонь деревенского революционного движения, играя на руку большевикам» [Камбалин (2) 2009, с. 111].

Известно, что на войне проявляются как самые низкие, так и самые высокие душевные качества людей. Это в равной степени справедливо по отношению ко всем сторонам, которые принимали участие в Гражданской войне в России. Каратели и мародеры были в рядах красных и белых, среди бойцов национальных формирований и интернациональных отрядов. Но при этом ни одна из противоборствующих сторон не состояла исключительно из убийц и мародеров, утверждения об этом первоначально были данью пропаганде против врага, которая и через сто лет продолжает иметь широкое хождение. В полной мере это относится и к чехословацкому корпусу, в рядах которого наряду со «сбродом» (по выражению А.И. Камбалина) были и такие яркие знаковые фигуры, как Людвиг Свобода, который участвовал в боях против Красной армии в районе Челябинска и Екатеринбурга, командовал взводом, ротой и батальоном legionеров. Спустя четверть века он, в отличие от многих принявших сторону Гитлера бывших legionеров, сражался на стороне СССР против фашистской Германии, командовал 1-м Чехословацким армейским корпусом, позднее стал президентом Чехословакии (в 1968–1975 гг.). На другой стороне воевал в рядах Красной армии быв-

19 В этот период из-за нехватки личного состава большинство офицеров воевало в качестве рядовых.

ший легионер Ярослав Гашек, после Октябрьской революции вступивший в коммунистическую партию и внесший свой вклад в разгром Колчака и установление советской власти в Сибири. Столь разные судьбы двух бывших легионеров наглядно показывают, что оценка роли чехословацкого корпуса не может быть однозначной, что в первую очередь она определялась общими трагическим контекстом Первой мировой войны и Гражданской войны в России.

Пермский край. Оханск

Во время Гражданской войны Пермский край сильно пострадал от белого и красного террора. Первыми жертвами белого террора стали убитые 26 июня 1918 г. при заготовке хлеба в Шлыковской волости Оханского уезда продотрядовцы: местные большевики и красноармейцы-интернационалисты. В это время главным средством большевиков в достижении поставленной цели были «зажигательные речи» о необходимости помощи хлебом голодающим центральным губерниям. В первый день их агитация оказалась действенной, и крестьяне высказались в поддержку действий по сбору хлеба. Подобное развитие событий противоречило интересам зажиточной части крестьянства, того кулачества, которое рассматривалось большевиками как непримиримый враг рабочего класса и советской власти²⁰. Кулаки привлекли на свою сторону часть крестьян

и организовали убийство продотрядовцев. На следующий день после убийства на место прибыл карательный отряд из 25 венгров под командой местного большевика С.А. Болотова.

Кулаки убили семь человек: большевики А.В. Лузин, Н.Г. Лунев, его 16-летний брат Виктор (приехавший навещать брата), красноармейцы из числа местных рабочих П. Теплоухов и М. Щукин и два красноармейца-интернационалиста Г. Бенке и Д. Ласло. В воспоминаниях С.А. Болотов подчеркивает мучительный характер смерти продотрядовцев: «...на скотском кладбище были найдены зарытые изрубленные трупы братьев Луневых и двух красноармейцев. Участников избиения расстреливали на месте после выловления их из гумен, лесов и т.д. Увидев растерзанные трупы Луневых и красноармейцев, отряд заволновался и потребовал наказания зачинщиков. В результате за ночь было расстреляно человек 29–30. Покончив с повстанцами, я с отрядом вернулся в Оханск и привез с собой трупы погибших товарищей. Наш пароход был встречен у пристани громадной толпой народа, мадьярам-красногвардейцам были поднесены цветы, а на другой день были устроены грандиозные похороны, и на могиле первых жертв контрреволюции был воздвигнут памятник»²¹.

В 1918 г. в Оханске на высоком на берегу реки Кама были захоронены трое из продотрядовцев, убитых кулаками²². Это захоронение приобретало символическое значение, так как А.В. Лузин был одним из организаторов установ-

20 В.И. Ленин писал об этом: «Кулаки – бешеный враг Советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского, меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом никогда» [Ленин 1918, с. 40].

21 Передовой Отряд Революции: чекист Болотов (2015) // За городом. 23 марта 2007 // <https://ribalych.ru/2015/03/27/chekist-bolotov/>, дата обращения 31.10.2019.

22 По-видимому, остальные как местные жители (за исключением А.В. Лузина) были похоронены в своих селах.

ления советской власти в Оханском уезде²³, красноармейцы, бывшие военнопленные австриец Г. Бенке и венгр Д. Ласло были европейскими социалистами, которые поддержали Октябрьскую революцию. Их общее захоронение в Оханске становилось не только памятником первым в крае жертвам белого террора, но и символом единства народов в борьбе за построение нового мира, готовности пожертвовать жизнью ради коммунистических идеалов. На могиле был установлен обелиск с надписью: «Здесь похоронены зверски убитые кулацкими мятежниками 26 июня 1918 г. при заготовке хлеба в Шлыковской волости Оханского уезда рабочий Мотовилихи большевистский агитатор Андрей Васильевич Лузин, красноармейцы-интернационалисты австриец Г. Бенке и венгр Д. Ласло».

До распада СССР в праздничные дни у обелиска проводились торжественные церемонии, он использовался для преподавания истории, патриотического воспитания молодежи и т.п. К 60-летию Октябрьской революции старый обелиск был заменен памятником из трех фигур, которые изображали А.В. Лузина, Г. Бенке и Д. Ласло. Он удивил местных жителей нелепостью поз изображенных и тем, что лицо А.В. Лузина имело явное портретное сходство с последним российским императором Николаем II. После распада СССР памятник постоянно страдал от вандализма. В итоге он был доведен до полуразрушенного состояния, демонтирован и на месте захоронения остался лишь фундамент первоначального обелиска. Установленный в Оханске памятник В.И. Ленину также отличался нелепым видом. В 2014 г. он повторил судьбу памятника погибшим продотрядовцам.

Красный террор в Оханском уезде начался летом 1918 г. с карательных акций по подавлению бунтов в деревнях. Осенью было расстреляно 18 бывших офицеров и полицейских, которых обвинили в контрреволюционной деятельности. Затем Оханская ЧК начала аресты местных священников, которые распространяли послания епископа Пермского Андроника, провозглашавшие, что «проклинается всякий, кто без моего благословения осмелится для чего-либо захватить принадлежащее Господу церковное или монастырское имущество, священные драгоценности, дома». За арестами последовали расстрелы представителей духовенства [Ширинкин 2002].

В декабре 1918 г. колчаковцы заняли Пермь, начались бои за Оханский уезд. В них принимали участие переброшенные из Прибайкалья на Уральский фронт белые сибирские полки и подразделения чехословацкого корпуса. Об ожесточенном характере боев свидетельствует письмо командира 3-го Барнаульского полка А.И. Камбалина: «В последних кровавых и упорных боях с 15 февраля по 12 марта с.г., как за обладание плацдармом на правом берегу р. Кама, так и во время прорыва у с. Казанское, под Оханском, с. Таборы и Очерским заводом при нашем наступлении на Глазов, господа офицеры и солдаты 3 батальона и 3 маршевой роты, прибывшие на пополнение из вверенного Вам полка, действуя в составе полка и ударной группы, доблестно и храбро выполняли все поручения, нередко действуя против численно превосходящего противника, несравненно лучше вооруженного, обильно снабженного всем необходимым, при крайне тяжелых условиях суровой зимы, без дорог, по пояс в снегу, под убийствен-

23 Одна из улиц в Оханске до сих пор носит имя А.В. Лузина.

ным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем красных, не щадя жизни, бросались в ружейные атаки и, сбив противника, не останавливаясь, продолжали наносить ему удары. 3 батальон, понеся большие потери, потеряв всех ротных командиров, ни разу не дрогнул под яростными контратаками противника и тем поддержал боевую славу сибиряков» (цит. по: [Ситников б/г]).

Погибшие под с. Таборы колчаковцы были похоронены в братской могиле на кладбище у Петропавловской церкви²⁴. В знак особого уважения к боевым заслугам командира 9 роты барнаульцев штабс-капитана Ф.Л. Скворцова его похоронили не в общей могиле в Таборах, а в Оханске у Успенского собора рядом с братской могилой расстрелянных большевиками офицеров и полицейских. Здесь же было похоронено несколько погибших в боях солдат и офицеров Белой армии. После восстановления советской власти кресты над могилами были снесены, отпевавший белогвардейцев дьякон Окулов расстрелян. Большевики закрыли Успенский собор, здание использовалось в хозяйственных целях и к концу 1980-х гг. находилось в полуразрушенном состоянии [Крылов 2016, с. 76–80].

С приходом колчаковцев в Пермском крае начались расстрелы большевиков, рабочих, пленных красноармейцев и членов их семей. После ожесточенных боев за село Матвеево Лысьвенского района, колчаковцы разыскали и расстреляли родственников оборонявшихся село красноармейцев. В 2018 г. к столетней годовщине тех событий обелиск с надписью «Здесь похоронены отцы и матери, жены и дети коммуни-

стов и красноармейцев из сел Березовки, Сосновки, расстрелянных белогвардейцами в 1918 году» был отреставрирован, возле него проведена памятная церемония²⁵.

12 марта 1919 г. карателями были расстреляны 17 членов Притыкинского волисполкома и 2 пленных красноармейца и похоронены на опушке леса в окрестностях деревни Струны. Тела убитых были уложены в могиле один над другим в два ряда. Но зачастую никаких захоронений не оставалось: расстрелы проводились на льду Камы и других рек, трупы спускались в проруби под лед и уносились течением. Подобная практика избавляла от хлопот по захоронению жертв и получила широкое распространение как у белых, так и у красных. Другой распространенной практикой стало уничтожение памятников и мест захоронений противника. В итоге после поражения белых в Гражданской войне вслед за их разгромленной армией исчезли памятники и места захоронения ее бойцов.

Многие ныне никак не обозначенные на местности места захоронений воинов Белой армии известны историкам и краеведам. Ведущий активную просветительскую работу краевед из Оханска А.В. Ширинкин так характеризует нынешнюю ситуацию: «В боях за Оханск и уезд погибло немало красноармейцев и воинов Белой армии. Памятники на могилах бойцов Красной Армии есть в Оханске, Притыке, Половинке, Андреевке, за пос. Юго-Камским под горой Щелканка, на другом берегу Камы у парома и т.д. Места захоронений бойцов Белой армии ничем не отмечены, хотя и те, и другие были христианами. Эти места, на мой взгляд, не-

24 Позднее храм и кладбище были снесены, территория использована для жилой и дачной застройки.

25 В Пермском крае откроют памятник жертвам «белого террора» (2018) // Regnum.ru. 2 июля 2018 // <https://regnum.ru/news/society/2440754.html>, дата обращения 31.10.2019.

обходимо отметить православным крестом и отпеть души убиенных за веру» [Ширинкин 2002].

Оханск представляет пока редкий пример, когда призывы к уважению памяти предков получили реальное воплощение в виде Мемориала, сооруженного на месте захоронения воинов Белой армии и жертв красного террора у Успенского собора. Восстановление собора началось после его возвращения Русской православной церкви и продолжается до сих пор. 19 мая 2012 г. на месте захоронения Полного Георгиевского кавалера Федора Лукьяновича Скворцова был вновь установлен православный крест [Крылов 2014, с. 781].

Предполагалось, что в дальнейшем он станет частью создававшегося на месте захоронений мемориала в память жертв Гражданской войны. Действительно, многолетние усилия местной общественности в итоге увенчались успехом и спустя сто лет после начала Гражданской войны на территории Успенского собора в Оханске состоялось торжественное открытие мемориала памяти ее жертвам. С тех пор это место используется для проведения общественных церемоний, в учебно-просветительской работе, молодые сотрудники полиции здесь принимают присягу, в памятные дни возлагают цветы²⁶.

Оханск. Установление креста на могиле Ф.Л. Скворцова.

Фото А.Б. Крылова

26 В Пермском крае полицейские провели торжественную церемонию в честь открытия мемориала (2018) // Министерство внутренних дел. 16 ноября 2018 // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/14997136/>, дата обращения 31.10.2019.

Создание мемориала в Оханске не приобрело характер «белого реванша». Одновременно были проведены восстановительные работы на могиле убитых продотрядовцев: установлена новая памятная доска с надписью «Рабочему Мотовилихи А.В. Лузину, красноармейцам-интернационалистам Г. Бенке и Д. Ласло, убитым 26.06.1918 г. при заготовке хлеба в Оханском уезде». В настоящее время при проведении экскурсий и уроков истории на территории Успенского собора распространилась предложенная А.В. Ширинкиным практика возложения алых цветов на могилы павших за советскую власть и белых цветов на

могилы воинов Белой армии и жертв красного террора.

***

Спустя столетие после Гражданской войны значительная часть российского общества сохраняет черно-белое видение происходивших тогда событий, многие продолжают смотреть на события тех лет сквозь призму старых пропагандистских штампов, «красными» или «белыми» глазами, выплескивают свои эмоции на различных сайтах и интернет-форумах. Тем самым они вольно или невольно продолжают Гражданскую войну в российском общественном сознании.

Оханск. 7 марта 2019 г. Памятная служба в день столетия гибели штабс-капитана Белой армии Ф.Л. Скворцова

Фото А.В. Ширинкина.

Возложение цветов к могиле большевика А.В. Лузина и красноармейцев-интернационалистов Г. Бенке и Д. Ласло.

Фото А.В. Ширинкина

Объективная оценка Гражданской войны как трагического и судьбоносного периода в истории России способствовала бы сплочению российского общества, а не его расколу. Большую роль в этом могло бы сыграть открытие архивов и обеспечение к ним свободного доступа путем оцифровки документов и их размещения на общедоступных интернет-ресурсах. Работа в этом направлении проводится Федеральным архивным агентством, которое осуществляет специальный проект – сайт «Документы Советской эпохи», призванный «обеспечить доступ к источникам о сложном и недостаточно изученном периоде отечественного прошлого, в том числе и в электронном виде. На сайте по мере оцифровки будут представляться комплексы документов, имеющих ключевое значение для понимания советской эпохи»²⁷.

При всей важности процесса оцифровки исторических документов и их ввода в научный оборот путем размещения на специализированных сайтах, необходимо учитывать, что если ориентироваться на массового читателя, то нужно найти такую форму доступа к историческим архивам, которая будет включать в себя и поисковую систему с автоматическим подбором документов и сведений по заданному запросу. Удачным примером подобного размещения оцифрованных документов с учетом интересов массовой аудитории стал интернет-проект Министерства обороны Российской Федерации «Подвиг народа»²⁸, который получил свое дальнейшее развитие в виде специализированного информационного портала «Память народа».

В рамках проекта «Память народа» было впервые оцифровано и выложено в интернет 425 тыс. архивных документов фронтов, армий и других соединений Красной армии, информация о местах первичных захоронений более 5 млн солдат и офицеров. Объединение всех данных в одном проекте дало возможность людям самим искать документы, создавать личные архивы, изучать обстоятельства и трагические моменты боевых действий. О высокой степени общественной востребованности портала «Память народа» свидетельствуют высокие показатели его посещаемости: только за первые месяцы 2015 г. с него было скопировано в личные архивы более 15 миллионов страниц документов²⁹.

Проект «Память народа» осуществляется Министерством обороны по решению Российского оргкомитета «Победа» и поддержан поручением Президента Российской Федерации и Постановлением Правительства РФ. Куратором проекта выступает Управление МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Подобные масштабные проекты федерального значения было бы целесообразно осуществить по периоду Гражданской войны, да и по всему периоду российской истории первой половины XX в.

В настоящее время активность в изучении темы Гражданской войны в российской провинции в основном проявляется в виде различных «инициатив снизу»: краеведческой деятельности, создания форумов и групп по интересам в социальных сетях, просветительской деятельности учителей, музей-

27 Документы Советской эпохи. Сайт ФАА // <http://sovdoc.rusarchives.ru/#shownews&id=661>, дата обращения 31.10.2019.

28 «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – информационный ресурс открытого доступа к документам о военных действиях, подвигах и наградах воинов Советской армии. См. подробнее: <http://www.podvignaroda.mil.ru/?#tab=navHome>, дата обращения 31.10.2019.

29 <https://pamyat-naroda.ru/about/>, дата обращения 31.10.2019.

ных работников, краеведов, путем устройства и ухода за захоронениями, памятными местами и т.п. Зачастую такие «инициативы снизу» демонстрируют куда большее уважение к памяти предков и понимание Гражданской войны как национальной трагедии, чем те акции, которые проводят властные структуры.

Список литературы

- Камбалин А.И. (1) (2009) Десантная операция у Посольского монастыря на озере Байкал и бои у станции Посольской 14–20 августа 1918 года // Краснощеков А.А., Суманосов В.А. (сост.) Забытый полк: страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии: воспоминания, документы и другие материалы. Барнаул. С. 39–56.
- Камбалин А.И. (2) (2009) 3-й Барнаульский сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе // Краснощеков А.А., Суманосов В.А. (сост.) Забытый полк: страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии: воспоминания, документы и другие материалы. Барнаул. С. 110–194.
- Крылов А.Б. (2014) 29-й и 67-й Сибирские стрелковые полки на Германском фронте 1914–1918 гг. (по архивным документам). М.: Библио-глобус.
- Крылов А.Б. (2016) Дорогами забытых предков. Култук – Мурино – Посольская – Таборы – Оханск (1918–1919) // Историческая память и диалог поколений в постсоветском обществе. Сборник статей № 3. М.: Научное общество кавказоведов. С. 57–80.
- Ленин В.И. (1967) Товарищи-работчие! Идем в последний, решительный бой! 1918 // ПСС. Т. 37. М.: Издательство политической литературы.
- Саралиева З.Х., Балабанов С.С., Кузнецов П.И. (2010) Историческая память поколений // Горшков М.К. (ред.) Россия реформирующаяся: Ежегодник-2010. Выпуск 9. М.: Новый хронограф. С. 325–338.
- Ситников М.Г. (б/г) 3-й Барнаульский полк в мартовском наступлении 1919 года Сибирской армии // <https://docplayer.ru/28618546-Sitnikov-m-g-3-y-barnaulskiy-polk-v-martovskom-nastuplenii-1919-goda-sibirskoy-armii.html>, дата обращения 31.10.2019.
- Ширинкин А.В. (2002) Хроника политических репрессий и раскулачивания на территории Оханского района в 1918–1943 гг. Пермь // <http://uchebana5.ru/cont/ /3122180.html>, дата обращения 31.10.2019.

Russian Experience

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-49-71

Provincial Echo of the Russian Civil War

Alexander B. KRYLOV

DSc in History, Chief Researcher, Center for the Post-Soviet Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: abkrylov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7083-5041

CITATION: Krylov A.B. (2019) Provincial Echo of the Russian Civil War. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 49–71 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-49-71

Received: 31.07.2019.

ABSTRACT. *The gap between post-Soviet Russia and the communist past was demonstrated by a decree of the President of the Russian Federation B.N. Yeltsin's "Establishing the Day of Agreement and Reconciliation" (1996), according to which the 7th of November remained a public holiday, but the essence of the celebration that was intended to symbolize the victory of the working classes over their exploiters, was changed to the reconciliation and unity of various layers of the Russian society. Later, the holiday of the 7th of November was cancelled completely; instead, President of the Russian Federation V.V. Putin in 2004, by his decree, approved a new holiday - the Day of National Unity, which is timed to events that were much more remote and date back to 1612. For the first time, Russia celebrated a new public holiday on the 4th of November 2005. In contrast to the historical victory of the USSR over fascist Germany, the February and October revolutions of 1917, the Civil War, foreign intervention, the role of V.I. Lenin, I.V. Stalin and other revolutionary leaders continue to provoke heated debates in Russian society, serving as a source of contro-*

versy and conflict. Conscious of the potential danger of this subject, the authorities prefer to refrain from potentially dangerous and threatening political stability actions (burial of the body of VI Lenin, etc.), prefer to put everything off and pass on a solution of painful problems to society to future generations. The indistinct position of the federal center on the events of Russian history of the twentieth century, its silence on the themes of the October Revolution of 1917 and the Civil War in Russia led to numerous scandals with new monuments (Mannerheim, Kolchak, Krasnov, etc.) and other contradictory and diverse in their form consequences. In the rural areas, the situation is often determined by the level of education, character traits and psychological characteristics of representatives of the local administration, as well as their sympathies or antipathies of the parties to the Civil War. The article provides several examples of various manifestations of the current "provincial echo" of the Civil War in Siberia (Nizhneingashsky district of the Krasnoyarsk Territory and the Baikal region) and in the Urals (the city of Okhansk, Perm Territory).

KEY WORDS: *Russia, February and October revolutions of 1917, Civil war, A.V. Kolchak, Czechoslovak corps, Siberia, Ural*

References

- Kambalin A.I. (1) (2009) Landing Operation at the Posolsky Monastery on lake Baikal and Fighting at the station Posolskaya 14-20 August 1918. *The Forgotten Regiment: Pages of the History of the 3rd Barnaul Regiment of the White army: Memories, Documents and other Materials* (eds. Krasnoschokov A.A., Sumasonov V.A.), Barnaul, pp. 39–56 (in Russian).
- Kambalin A.I. (2) (2009) 3rd Barnaul Siberian Rifle Regiment in the Siberian Ice Campaign. *The Forgotten Regiment: Pages of the History of the 3rd Barnaul Regiment of the White army: Memories, Documents and other Materials* (eds. Krasnoschokov A.A., Sumasonov V.A.), Barnaul, pp. 110–194 (in Russian).
- Krylov A.B. (2014) *29th and 67th Siberian Rifle Regiments on the German Front 1914-1918 (According to Archival Documents)*, Moscow: Biblio-globus (in Russian).
- Krylov A.B. (2016) Roads of Forgotten Ancestors. Kultuk-Murino-Ambassadorial-Tabory-Okhansk (1918-1919). *Historical Memory and Dialogue of Generations in post-Soviet Society. Collection of Articles No. 3*, Moscow: Nauchnoe obshchestvo kavkazovedov, pp. 57–80 (in Russian).
- Lenin V.I. (1967) *Fellow Workers! Let's go to the Last, Decisive Battle! 1918. Complete Works*. Vol. 37, Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).
- Saralieva Z.Kh., Balabanov S.S., Kunkov P.I. (2010) Historical Memory of Generations. *Russia Reforming: Yearbook-2010. Issue 9*. (ed. Gorshkov M.K.), Moscow: Novyj Khronograf, pp. 325–338 (in Russian).
- Shirinkin A.V. (2002) *Chronicle of Political Repression and Dispossession on the Territory of the Olan District in 1918-1943*, Perm'. Available at: <http://uchebana5.ru/cont/3122180-p2.html>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Sitnikov M.G. (n/y) *3rd Barnaul Regiment in the March 1919 Offensive of the Siberian Army*. Available at: <https://docplayer.ru/28618546-Sitnikov-m-g-3-y-barnaulskiy-polk-v-martovskom-nastuplenii-1919-goda-sibirskoy-armii.html>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

В национальном разрезе

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-72-87

Испания: полемика вокруг исторической памяти

Сергей Маркович ХЕНКИН

доктор исторических наук, профессор

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва,
Российская Федерация;

ведущий научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН, 117997,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: sergkhenkin@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2137-2113

ЦИТИРОВАНИЕ: Хенкин С.М. (2019) Испания: полемика вокруг исторической памяти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 72–87. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-72-87

Статья поступила в редакцию 28.07.2019.

АННОТАЦИЯ. Цель статьи – исследование острой полемики, развертывающейся в современной Испании вокруг оценок трагических последствий гражданской войны и франкистской диктатуры. Исходя из этой цели, автор ставит несколько задач: раскрыть отношение франкистских властей к жертвам и лицам, ответственным за совершенные преступления; проанализировать «пакт забвения», действовавший в период становления и консолидации демократии, когда вопросы гражданской войны и франкизма оказались вне официального дискурса; выявить роль гражданского общества в преодолении табу властей на отношение к историческому прошлому; рассмотреть позиции основных партий по проблемам исторической памяти; показать оценку преступлений франкизма в международном контексте. В статье сделан вывод, что хотя правительства Испан-

ской социалистической рабочей партии в 2007 г., а затем в 2018 г. предпринимали попытки восстановить историческую правду и справедливость, на этом пути сделаны лишь первые шаги. Виновные в преступлениях франкизма не понесли наказания, а жертвам не возмещен правовой и нравственный урон. Отношение к этим проблемам разобщает испанские партии и общество. Ключом к решению проблемы могла бы стать отмена Закона об амнистии, принятого в октябре 1977 г. Согласно ему, под амнистию попадали политические преступления, совершенные до 1977 г., включая массовые убийства антифашистов. Существующая правовая ситуация позволяет многим партиям использовать выгодную им интерпретацию трагических событий прошлого в политической борьбе. Представляется, что Испания в обозримом будущем обречена жить с этим деста-

билизирующим фактором, затрудняющим достижение подлинного национального согласия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Испания, гражданская война, франкизм, демократия, Закон об исторической памяти, национальное примирение, «пакт забвения», Испанская социалистическая рабочая партия, Народная партия*

Решение правительства Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) в августе 2018 г. о перезахоронении останков диктатора Франко придало новый импульс острой дискуссии об отношении к историческому прошлому в испанском обществе. Несмотря на то что страна уже более 40 лет живет в условиях демократии, совпадающей, более или менее общей оценки трагических последствий гражданской войны (1936–1939) и франкистской диктатуры (1939–1975) не существует. В отличие, например, от послевоенной Германии, в Испании не произошло покаяния за совершённые преступления. Разные политические силы по-разному интерпретируют прошлое, используя свою трактовку как аргумент в политической борьбе.

Франкизм: отношение к жертвам и палачам

Отправной точкой дискуссий является время гражданской войны – трагический период испанской истории, с обилием жертв и жестокостей, совершенных и франкистами, и республиканцами. Распространена точка зрения о «равной ответственности» двух сторон, применявших насилие. Между тем сам факт использования франкистами и республиканцами насилия отнюдь не ставит их на одну доску. Не следует забывать, что консервативно-реакцион-

ные силы подняли мятеж, а затем связали гражданскую войну против законно избранного правительства Народного фронта. Иными словами, заговорщики боролись с легитимным правительством.

При этом сторонники Франко стремились не просто захватить власть. Вопрос ставился о физическом, политическом и культурном уничтожении республики и всего того, что было с ней связано. Католическая церковь, превратившаяся в одну из важнейших опор франкистов, придала гражданской войне особую идеологическую жестокость, окрестив ее «крестовым походом против красных безбожников», по аналогии со средневековой борьбой против арабов-мусульман за освобождение Пиренейского полуострова. Испанский политолог А. Элорса сравнивает действия франкистов с «политическим и культурным геноцидом» [Elorza 2019, p. 80]. Враги республики руководствовались указанием одного из своих лидеров генерала Э. Мола: «Необходим террор, ощущение нашего господства, истребления без угрызений совести и колебаний всех тех, кто думает не так, как мы» [Messuti 2019, p. 162].

Применение обеими сторонами насилия сочеталось с принципиально разным положением, в котором оказались его жертвы. Тела похороненных франкистов могли быть эксгумированы и переданы родственникам. Последним гарантировались официальное признание и пенсии. В 1938 г., во время гражданской войны, и в 1940 г., после ее окончания, были изданы законы, предоставлявшие пенсии вдовам, сиротам и родителям военных, воевавших на стороне франкистов [Messuti 2019, p. 196]. Республиканцев же, павших от рук франкистов, ожидало, как будет показано ниже, игнорирование и забвение, а их семьи зачастую бедствовали.

Ответственность за преступления, совершенные за 36-летний период диктатуры, ложится на победителей-франкистов. По имеющимся оценкам, в годы гражданской войны франкистами были казнены 150 тыс. чел., после ее завершения – 50 тыс. В 1940 г. в переполненных тюрьмах находилось около 1 млн заключенных [Guixè i Coromines, Alonso Carballés, Conesa Sánchez 2019, p. 75]. Примерно 400 тыс. пленных использовались в принудительном порядке как рабочая сила. К преступлениям франкизма относится и похищение более 30 тыс. детей в грудном возрасте, которые были переданы либо в семьи сторонников диктатуры, либо в службы социальной поддержки [Messuti 2019, p. 197].

Франкисты создали упрощенную систему правосудия, в массовом порядке выносившую смертные приговоры политическим противникам. Многочисленные жертвы диктатуры зачастую исчезали в никак не обозначенных общих захоронениях. Насчитывается свыше 114 тыс. без вести пропавших, останки которых не были идентифицированы и возвращены родственникам. Для сравнения: в Аргентине во время правления правоавторитарного военного режима (1976–1983) без вести пропали 30 тыс. чел., в Чили при диктатуре Пиночета (1974–1990) – немногим более 3 тыс. [Messuti 2019, p. 81]. По этому показателю Испания занимает второе место в мире после Камбоджи [Guixè i Coromines, Alonso Carballés, Conesa Sánchez 2019, p. 212].

Режим Франко представлял победу над республиканцами началом «нового государства». Диктатура поддерживала атмосферу гражданской войны, сохраняя раскол испанцев на два враждебных лагеря – «националистов» («победителей») и «красных» («побежденных»). Жертвы со стороны франкистов в годы гражданской войны воспе-

вались как «мученики, павшие во имя Бога и Испании». Проигравших республиканцев клеймили как «врагов Испании» (на официальном языке их окрестили «анти-Испанией»), их подвергали репрессиям и дискриминации в общественной жизни до конца существования режима. Борьба с «анти-Испанией» стала одним из важнейших факторов легитимации франкизма на весь период его существования.

«Пакт забвения» и его последствия

В годы транзита к демократии преступления франкистской диктатуры замалчивались. Вопросы гражданской войны и франкизма оказались вне официального дискурса, существовало табу на их обсуждение. Правые и левые силы сотрудничали в рамках негласного «пакта забвения».

Позиция партийных элит определялась спецификой испанского транзита. Его осуществляли франкисты-обновленцы, отринувшие идейно-политическое наследие каудильо, признавшие необходимость демократических преобразований и вставшие на путь сотрудничества с левой оппозицией. Между правыми и левыми было достигнуто примирение, национальное согласие, символом которого стали знаменитые «пакты Монклоа», нацеленные на завершение перехода от франкизма к представительной демократии. В их заключении участвовали, в числе прочих политических руководителей, А. Суарес, глава правительства, бывший франкист и С. Каррильо, лидер компартии, еще недавно являвшейся главной мишенью травли и преследований со стороны франкистских властей. В декабре 1978 г. на общенациональном референдуме подавляющее

большинство его участников (87,7%) проголосовали за новую демократическую конституцию.

В сложившейся обстановке левые и правые обходили стороной крайне болезненную проблему отношения к историческому прошлому, прежде всего стремясь предотвратить новую гражданскую войну. Она стала огромной моральной травмой для нации, страх перед ее повторением был очень велик. Люстрации, имевшие место в странах Центральной и Восточной Европы, в Испании не осуществлялись. Судебных преследований представителей франкистской элиты не было. Реформы А. Суареса направлялись прежде всего против институтов, не затрагивая бывших сторонников диктатуры, либо остававшихся в сфере управления, либо менявших место работы, либо подававших прошение об отставке. У них сохранялись возможности для легальной пропаганды своих взглядов.

Своеобразие ситуации переходного периода состояло в том, что возможность легального и свободного функционирования ведущих левых партий и профсоюзов определялась волей команды Суареса. Стараясь не провоцировать ультраправые и правые силы, основные левые организации отказались от мщения и сведения счетов. Специфика транзита – договоренности между бывшими франкистами, признавшими демократические правила игры, и антифранкистами – создавала препятствия для наказания виновных в массовых преступлениях. В ряде европейских стран (Германия, Франция, Италия) антифашизм стал идеологическим фундаментом легитимации новых демократических порядков. В Испании же антифранкизм не превратился в краеугольный камень программы сил, осуществлявших переход и консолидацию демократии (правительства

Испанской социалистической рабочей партии в 1982–1996 гг. поддерживали «пакт забвения»).

Правые же силы сотрудничали с антифранкистами, в числе прочего, благодаря Закону об амнистии, принятому в 1977 г. Согласно ему, под нее подпадали политические преступления, совершенные до 1977 г., в том числе массовые убийства антифранкистов. Примечательно, что первыми с идеей амнистии выступили представители левых организаций. Профсоюзный вожак Марселино Камачо, который в годы франкизма много лет провел в тюрьмах, заявил в 1977 г., выступая от имени компартии: «Мы признаем, что краеугольным камнем политики национального примирения должна быть амнистия. Как можем примириться мы, убивавшие друг друга, если не сотрем прошлое раз и навсегда? Для нас амнистия это национальная и демократическая политика, компенсирующая несправедливости, совершенные за сорок лет диктатуры, единственно возможная для того, чтобы закрыть прошлое, связанное с гражданской войной» [Loyer 2018, p. 119].

Закон об амнистии был принят парламентским большинством. Это объяснялось и нестабильностью, неустойчивостью политической ситуации, в частности угрозой ультраправого переворота в Испании, только начавшей переходить к демократии, и пренебрежительным отношением парламентариев к возможным последствиям принятия закона.

Закон об амнистии сделал невозможным судебное преследование лиц, виновных в преступлениях франкистского режима. Одновременно он придал видимость легальности франкистской диктатуре, затруднил или сделал невозможными попытки расследования и судебные инициативы, ставящие целью выяснить подлинность событий, происшедших в то время. Репрессив-

ной правовой системе франкизма не был вынесен приговор.

При всем этом именно благодаря амнистии многие вчерашние франкисты приняли демократию и согласились с принципиальными уступками левым силам, сделанными правительствами А. Суареса (предоставление населению демократических прав, легализация рабочих партий и профсоюзов, предоставление автономии регионам). Большая часть правых перестала видеть в левых непримиримого врага.

Изъятие из официального дискурса проблематики гражданской войны и франкизма стало одним из важнейших условий примирения и консенсуса между бывшими сторонниками Франко и антифранкистами. В соответствии с логикой национального примирения, подразумевалось, что в недалеком прошлом «все были виновны»: в 1930-е годы случилась «братоубийственная схватка», «коллективное безумие», когда «эксцессы» имели место с обеих сторон. Эту страницу истории надо перевернуть и «закрыть проблему». Считалось, что воспоминания и официальные дебаты о гражданской войне и франкистском прошлом – это предательство пакта забвения и духа примирения, которое породит реваншистские настроения, приведет к бесконечным дискуссиям и конфликтам. По словам испанского автора М. Монтото Угарте, «в значительной части общества существовало твердое убеждение, что “похороны прошлого” – это единственный способ, гарантирующий мирный переход к демократии» [Messuti 2019, p. 31].

К примеру, снос памятников Франко и переименование улиц, названных его именем, были приостановлены, поскольку существовали опасения, что «призраки прошлого» нарушат сформировавшееся согласие. По некоторым подсчетам, только в Мадриде в 2006 г. сохранились 167 улиц и монументов

в честь Франко и его сподвижников [Mace 2012].

Из школьного обучения и других образовательных программ проблематика гражданской войны и франкизма исчезла. В ходе опроса, проведенного в 2006 г. среди 800 респондентов, 35,5% сказали, что в колледжах «им не объясняли, что происходило в 1936 г. и в последующие годы». Еще один пример – отрывок из текста учебника для начального образования, изданного в 2014 г., в котором говорилось, что всемирно известный испанский поэт Федерико Гарсия Лорка умер во время гражданской войны [Messuti 2019, p. 33]. В действительности же Лорка был расстрелян франкистами.

Вопросы, связанные с жертвами и преступлениями времен гражданской войны и франкизма, на долгое время были вытеснены в сферу частной жизни. В результате немало испанцев, сформировавшихся уже в условиях демократии, толком не знают об этой странице своего сравнительно недавнего прошлого.

Вместе с тем многие люди, прежде всего левых взглядов, разочарованы и обижены из-за того, что виновные в преступлениях франкистского режима не понесли наказания, а заслуги тех, кто боролся против него, государством не признаны и по достоинству не оценены. Не произошло даже символической реабилитации республиканцев, не был возмещен правовой и морально-этический урон им и их семьям. Показательно, что в годы перехода к демократии к властям муниципалитетов, где репрессии диктатуры были особенно сильными, поступало много обращений с пожеланиями зарегистрировать смерть погибших родственников как своего рода дань памяти и уважения. Однако эти обращения не удовлетворялись [Mace 2012].

Долгое время проводившаяся Испанией политика забвения отличает ее от

многих стран, переживших в XX в. диктаторские режимы и осудивших преступные деяния их авторов. Политологи называют «амнезией по-испански» «институциональным управлением памятью, направленным на забвение прошлого во имя легитимизации настоящего» [Domenech Sampere 2007, p. 156]. Испания не решила принципиально важную этическую проблему, не прошла в данном случае школу демократического воспитания. Здесь не сложилась культура памяти, существующая, например, в Германии, которая отринула нацистское прошлое.

Начало преодоления «амнезии»

Преодоление «амнезии» и восстановление исторической правды и справедливости – многоаспектный процесс, включающий расследование преступлений и наказание виновных, возмещение правового и нравственного урона, нанесенного жертвам репрессий, розыск братских могил и идентификацию человеческих останков, упразднение франкистской символики, открытие архивов и возможность ознакомления с прежде недоступными документами, создание музеев исторической памяти и т.д. Многие испанцы никогда не мирились с официальным замалчиванием событий своей недавней истории. Однако преодоление многолетней «амнезии» в разных сферах жизни шло и идет неравномерно и противоречиво.

Раньше всего этот процесс затронул франкистскую символику, хотя и здесь начало процесса отстало от времени начала демократизации, а сам он развивался весьма непоследовательно. Испанский политолог Х. де Андрес выделяет пять этапов в развитии этого процесса. Первый этап – 1975–1979 гг. – бездействие, когда вся франкистская символика сохранялась. Второй – 1979–1987 гг.,

когда в муниципалитетах, где на выборах в 1979 г. победу одержали левые партии, началась работа по упразднению франкистской символики – переименование улиц и демонтаж некоторых памятников. Третий – 1988–1999 гг. – возвращение «политики забвения». Четвертый – 2000–2011 гг. – возрождение интереса к недавнему прошлому, в частности потребности в уничтожении символики времен диктатуры, во многом связанной с деятельностью Испанской социалистической рабочей партии. Пятый – 2012–2018 гг. – приход к власти правительства Народной партии (НП), вновь взявшего курс на «амнезию». Однако возвращение в июне 2018 г. в правительство социалистов в очередной раз изменило ситуацию: деятельность по ликвидации франкистской символики возобновилась [Guixè i Coromines, Alonso Carballés, Conesa Sánchez 2019, p. 166].

В 1990-е годы началась деятельность по розыску братских могил, разбросанных по всей территории страны. Инициатива здесь принадлежала представителям гражданского общества. Наиболее активной стала «Ассоциация по восстановлению исторической памяти», созданная внуками погибших республиканцев. Члены ассоциации видели свою миссию в том, чтобы разыскивать братские могилы и проводить эксгумацию, опознавая похороненных там по их останкам.

После окончания гражданской войны часть останков погибших была передана их родственникам. Но зачастую испанцы не находили погибших членов семей. Франкистские власти принимали меры для того, чтобы родственники не посещали захоронения и не поддерживали могилы в надлежащем состоянии. Чтобы избежать прилюдной демонстрации скорби, было запрещено даже ношение черной траурной одежды. По общему правилу республиканцев расстреливали не в местах их проживания, а

увозили в другие места, где казнили нередко без суда и следствия. Случалось, что родственникам удавалось узнать место захоронения своих близких, и они приходили туда, чтобы возложить венки. Но для многих это кончалось трагически, их избивали и пытали.

Первую эксгумацию «Ассоциация по восстановлению исторической памяти» осуществила в октябре 2000 г. Обнаружив человеческие останки в братской могиле в провинции Лион, активисты ассоциации опознали по ним тело Эмилио Сильва Фаба, республиканца, которого в октябре 1936 г. расстреляли фалангисты. В 2006 г. Ассоциация заявила, что нашла примерно сто братских могил и останки более 900 чел.¹ При этом использовались судебно-медицинская экспертиза, археологические изыскания и генетические исследования. Региональные отделения ассоциации были созданы по просьбам родственников погибших республиканцев во многих автономиях Испании (Астурия, Эстремадура, Каталония, Андалусия, Галисия и др.). Они действуют также во Франции, Мексике и других странах, куда эмигрировали республиканцы после победы Франко в гражданской войне. Используя в своей работе социальные сети, Ассоциация превратилась в выразителя интересов тех слоев испанского общества, которые позиционируют себя как жертву франкизма и защищают демократические и республиканские ценности. Активисты Ассоциации не прибегают к финансовой поддержке государства, а опираются на помощь добровольцев и пожертвования семей разыскиваемых [Mace 2012].

По данным министерства юстиции, в Испании насчитывается 2300 братских могил. Начавшись в 2000 г., эксгумации были осуществлены в 400 из них [Messuti 2019, pp. 122–123].

Однако обнаружить братские могилы, а также идентифицировать останки погибших удастся далеко не всегда. Одна из причин существующих трудностей – нежелание некоторых испанцев, знающих о существовании захоронений, говорить о них из-за страха. Приведем свидетельство испанского археолога Р. Пачеко Вила, много лет занимающегося поиском братских могил времен франкизма: «Часто приезжаешь в поселение, и люди не хотят говорить с тобой о существовании братской могилы. А если они говорят, то мало, иногда туманно, и при этом чувствуют себя некомфортно, нервничают, даже оглядываются, чтобы посмотреть, не наблюдает ли кто-нибудь за ними, понижают голос во время разговора. Нельзя отрицать, что страх сохраняется в значительной части общества – страх, который передается через поколения и присутствует у родственников жертв, свидетелей и тех, кто знает о происшедшем» [Messuti 2019, pp. 166–167].

Позиции основных партий по проблеме исторической памяти

Тема «побежденных в гражданской войне» впервые была затронута на официальном уровне 18 июля 2006 г. (день начала франкистского мятежа против республики в 1936 г.) председателем правительства Испании и ли-

1 Первая эксгумация братской могилы в Испании произошла еще в ноябре 1971 г.: в провинции Сория в присутствии гражданских гвардейцев были извлечены останки 16 чел. В 1979–1980 гг. процесс эксгумаций активизировался, однако позже приостановился из-за страха населения сельских районов Испании перед репрессиями, вызванного попыткой профранкистского государственного переворота в феврале 1981 г. Позже эксгумации осуществлялись редко, прежде всего из-за отсутствия ресурсов [Mace 2012].

дером ИСРП Х.Л. Родригесом Сапатеро, сделавшим беспрецедентное заявление: «Мы должны признать жертвы франкистского режима, потому что это жертвы преступлений военной диктатуры, которая в течение 40 лет душила свободы» [Mase 2012]. В 2006 г. испанский парламент провозгласил 2006 год «Годом памяти».

31 октября 2007 г. был принят «Закон о признании прав и принятии мер в интересах лиц, подвергшихся преследованию и насилию в годы гражданской войны и диктатуры», который сокращенно именуется «Законом об исторической памяти». Закон поддержали большинство депутатов нижней палаты парламента – 185 против 137. Против выступили, хотя и по разным причинам, как будет показано ниже, правоконсервативная Народная партия (она одобрила отдельные статьи закона) и левонационалистическая партия «Левые республиканцы Каталонии» [El Congreso Arqueba 2007].

Осуждая франкистский режим, закон признает нелегитимными судебные решения времен франкизма (эти решения формально не отменяются, но не могут быть больше юридическим основанием). Так, квалифицируются как незаконные судебные процедуры, сопровождавшиеся расстрелом республиканцев (при этом упоминается, что массовые расстрелы применялись в 1936–1939 гг. обеими воюющими сторонами). Закон устанавливает изъятие франкистской символики «из общественного пространства», государственную программу по обнаружению, эксгумации и опознанию жертв режима, выплату компенсаций жертвам и потомкам жертв, предоставление гражданства всем, кто вынужден был покинуть Испанию при франкизме, и их потомкам, а также бойцам интернациональных бригад, которые в 1936 г. молодыми людьми приехали в Испанию

бороться с фашизмом [Ley de Memoria Histórica 2007].

Претворяя закон в жизнь, правительство социалистов создало в Саламанке Документальный центр исторической памяти, в котором собраны многочисленные документы тех лет. На интернет-странице Министерства юстиции была размещена карта братских могил по всей Испании, которая могла помочь родственникам погибших в поисках их останков. Началось предоставление испанского гражданства бывшим бойцам интернациональных бригад [Guixè i Coromines, Alonso Carballés, Conesa Sánchez 2019, p. 69]. По всей Испании активизировалась деятельность по удалению символов диктатуры: демонтировались памятники Франко, менялись названия улиц, снимались мемориальные доски и пр. В 2008–2011 гг. изменения затронули более 3 тыс. объектов [Diez 2017].

Однако многие положения либо только начали выполняться, либо не были выполнены вообще. Отчасти это связано с глобальным кризисом, начавшимся в Испании в 2008 г., который резко ограничил возможности правительства ИСРП, проводившего политику жесткой экономии.

Отношение к раскрытию преступлений франкизма оставалось противоречивым. Известный судья Бальтасар Гарсон в октябре 2008 г. официально объявил репрессии франкистского режима преступлением против человечности. Он составил подзаконный акт на 68 страницах, в котором обосновал, что Закон об амнистии 1977 г. противоречит нормам международного права, а также представил оценку жертв режима. В ответ ему было предъявлено обвинение в превышении должностных полномочий. А в мае 2010 г. Гарсон был отстранен от должности [Две Испании 2015].

Основным местом реализации Закона об исторической памяти стали му-

ниципалитеты. Реализация закона здесь во многом определялась политической ориентацией мэрии. Там, где мэрами были консерваторы из Народной партии – главной оппозиционной партии, изменений чаще всего не происходило.

НП отнеслась к Закону об исторической памяти отрицательно. Ее представители утверждали, что, приняв закон, социалисты стремятся обострить политическую ситуацию, вернуться к дебатам времен транзита, которые испанцы решили забыть, почти единодушно приняв конституцию 1978 г. ИСПП, по их заявлениям, стремится «взорвать» консенсус, сложившийся в годы транзита, «возродить вражду одного лагеря против другого» [Mace 2012]. Победив на парламентских выборах в 2011 г., НП резко сократила, а затем и вообще прекратила финансирование из бюджета мероприятий, предусмотренных Законом об исторической памяти.

Негативную позицию по отношению по отношению к Закону об исторической памяти заняла и верхушка католической церкви. В ноябре 2007 г. в ходе развернувшейся дискуссии вокруг этого закона церковные иерархи обнародовали документ под названием «Моральные ориентации в нынешней ситуации в Испании». В нем отмечалось, что «из-за избирательно использующегося» Закона об исторической памяти «общество, которое, казалось бы, нашло путь к примирению и разрядке, вновь становится разделенным и конфронтующим». Одновременно было объявлено о причислении к лику святых более 400 погибших франкистов. Церковь стремилась представить себя жертвой гражданской войны и замаскировать свою роль пособника франкистов, виновного в массовых репрессиях [Silva 2017].

Позиция НП и католической церкви характерна для немалой части испанского общества. Это уже отмечавшаяся

«амнезия», стремление забыть прошлые преступления во имя сохранения национального примирения. Лидер Народной партии и председатель правительства Испании в 2011–2018 гг. М. Рахой заявил в 2016 г., что улица, на которой он жил в Понтеведро (Галисия), и переименованная, вернется к прежнему названию по имени франкистского адмирала С. Морено Фернандеса. Между тем этот адмирал обрел печальную известность благодаря своим кровавым преступлениям в годы гражданской войны [Diez 2017]. С этой точки зрения демократический транзит 1970-х гг. выглядит как «модель безнаказанности», блокирующая любые попытки наказать виновных в преступлениях и реабилитировать жертв франкизма.

Отсутствие поддержки со стороны центрального правительства побудило многие автономии действовать самостоятельно, в соответствии с духом «Закона об исторической памяти». Так, парламент Каталонии единогласно аннулировал в 2017 г. приговоры, вынесенные франкистскими судами. В том же году в Андалусии, где правило региональное правительство ИСПП, был принят «Закон об исторической и демократической памяти». Он шел дальше, чем государственный «Закон об исторической памяти», включив, в частности, изучение этой проблематики в школьную программу. Правительство Народной партии отнеслось к этим инициативам автономных областей резко критически [Guixè i Coromines, Alonso Carballés, Conesa Sánchez 2019, p. 70].

«Закон об исторической памяти» подвергся критике и на противоположном фланге – со стороны коммунистов, а также каталонских националистов, считавших его «недостаточным». Они требовали от авторов закона, в частности, более решительного осуждения франкистской диктатуры, настаива-

ли на большей роли государства в эксгумации останков расстрелянных республиканцев и упразднении франкистской символики [Ley de Memoria Histórica 2007].

Отношение испанцев к своему историческому прошлому различается. Многие индифферентны к событиям, происшедшим 80 лет назад. Однако есть и немало людей, которых оценка прошлого продолжает волновать. Одни считают кощунством вскрытие старых захоронений, другие рассматривают как кощунство то, что их предки – жертвы находятся в братских могилах вместе с палачами. Немало и людей, которые хотят найти останки своих предков.

Дискуссия вокруг этой проблемы разгорелась с новой силой в июле 2018 г., когда кабинет министров ИСРП во главе с Педро Санчесом, развивая положения «Закона об исторической памяти» правительства Родригеса Сапатеро, принял решение перезахоронить останки Франко. Дело в том, что место захоронения каудильо – базилика в Долине павших – было создан рабочим трудом пленных республиканцев во имя прославления победы франкистов в гражданской войне. В ходе работ умерло много людей. В месте захоронения находятся останки примерно 34 тыс. жертв гражданской войны – и республиканцев, и франкистов, причем 12 тыс. до сих пор не опознаны [Siete Cosas 2018]. Социалисты считают ситуацию, когда диктатор лежит рядом со своими жертвами, аномалией давно консолидированной испанской демократии. По оценке вице-председателя правительства ИСРП Кармен Кальво, нынешнее место захоронения Франко – это неуважение к жертвам гражданской войны, и провести эксгумацию следовало уже давно [Cuié 2018]. Позицию ИСРП поддерживают другие левые партии, в частности, «Подемос», а

также националистические партии Каталонии, представленные в испанском парламенте.

Иная точка зрения у правых партий – Народной партии, «Вокс» и «Сьюдаданос». Новый лидер НП Пабло Касадо, сменивший Рахоя, воспроизводя прежние аргументы консерваторов, утверждает, что своим решением правительство ИСРП вскрывает старые, уже залеченные раны и перечеркивает важнейший результат транзита к демократии – достижение национального согласия. Касадо предлагает заменить «Закон об исторической памяти» «законом о взаимопонимании». Основание для принятия последнего – тот факт, что в обоих лагерях были жертвы. Новый закон, считает НП, будет «призывом к свободе и миру», препятствием для возвращения ненависти и насилия между испанцами [López 2019].

Еще один контрдовод руководства НП состоял в том, что правительство П. Санчеса, имевшее тогда (июнь 2018 – апрель 2019 гг.) всего 84 из 350 депутатских мест в нижней палате парламента, было «ни на что не способно» и использовало решение о перезахоронении останков Франко как «дымовую завесу» – и для отвлечения внимания общественности от более серьезных проблем, и в чисто электоральных целях [Aduriz 2018].

Анализ показывает, что левые (левоцентристские) и правые (правоцентристские) партии дают принципиально разные оценки некоторым результатам транзита. Действия ИСРП свидетельствуют о понимании ею того, что на этапе перехода к демократии не была решена проблема исторической памяти. По мнению ИСРП и ее сторонников, историческая память – это «прививка против авторитаризма». Напротив, в лагере правых сил считают, что с этой проблемой «все в порядке» и следует сохранять статус-кво.

Надо сказать, что в современной Испании растет интерес к фигуре Франко. Это связано с серьезными проблемами, переживаемыми страной (политический кризис, в особенности подъем сепаратизма в Каталонии, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, широкое распространение временной и частичной занятости, делающее нестабильным существование миллионов людей, рост имущественного неравенства). В этих условиях некоторые испанцы вспоминают Франко как «гаранта стабильности, хранителя национального единства». Разумеется, франкизм пользовался определенной поддержкой и в докризисный период. В 2008 г. по мнению примерно 10% испанцев франкизм был «очень позитивным» периодом для Испании. Еще 46% полагали, что в этом времени было «как что-то как позитивное, так и что-то негативное». Только 37% квалифицировали его как «негативное» [Mace 2012].

В последнее время позиции праворадикальных сил крепнут. В частности, на авансцену политической жизни вышла уже упоминавшаяся партия «Вокс», прежде занимавшая маргинальные позиции (образована в 2013 г.). На парламентских выборах в апреле 2018 г. «Вокс» набрала 10,3% голосов (2,7 млн избирателей) и получила 24 депутатских мандата, заняв пятое место [28A Elecciones Generales 2019]. В лице «Вокс» праворадикальные силы впервые после 1979–1982 гг. вошли в испанский парламент. В числе требований «Вокс» – отмена «Закона об исторической памяти» («это часть прошлого Испании»), сохранение на прежнем месте останков Франко, упразднение автономий и превращение Испании в унитарное государство, отмена привилегий, которые исторически имеют Страна Басков и Наварра, запрещение сепаратистских партий Каталонии и максимально жесткое наказание их лидеров [Que Piensa 2018].

Оценка преступлений франкизма в международном контексте

Испанский случай свидетельствует, что искусственное «забвение» прошлого непродуктивно. Это прошлое рано или поздно возвращается и напоминает о себе, создавая острые конфликты, разобщая общество и привлекая внимание международной общественности.

Преступления времен франкизма и гражданской войны стали достоянием международного правосудия. Отчасти это объясняется действием «Закона об амнистии», который запрещает расследовать эти преступления и судить их участников. Между тем, согласно международному законодательству, в случае если какое-либо государство не способно самостоятельно провести подобный процесс, он может быть поручен судебным инстанциям в других странах. Опираясь на существующее международное законодательство, правозащитные организации Аргентины и Испании в 2010 г. подали иск в суды Буэнос-Айреса, чтобы начать расследование геноцида и преступлений против человечности, совершенных франкистской диктатурой.

Расследуемые аргентинской юстицией преступления не имеют срока давности. Несколько раз судебные инстанции этой страны обращались к Мадриду с ходатайством об экстрадиции испанских граждан, виновных в совершении преступлений. Однако испанская сторона отказывалась сотрудничать с аргентинским правосудием и отклоняла эти ходатайства. Позитивным моментом стало возвращение аргентинской гражданке Асенсион Мендиета останков ее отца, произошедшее по запросу аргентинского судьи [Guixè i Coromines, Alonso Carballés, Conesa Sánchez 2019, p. 56].

Ряд влиятельных международных организаций, в частности Совет ООН по правам человека, Совет Европы,

Amnesty International (Международная амнистия), постоянно обращают внимание Мадрида на то, что жертвы франкистской диктатуры имеют право на восстановление правды, справедливости и возмещение причиненного ущерба. Это же право распространяется и на жертв бесчинств, имевших место во время гражданской войны. Так, в феврале 2012 г. комитет ООН по правам человека заявил, что Испания должна отменить «Закон об амнистии» 1977 г., потому что он не соблюдает международные нормы по защите прав человека. Мадриду предписывалось «расследовать грубые нарушения прав человека, включая те, которые были совершены в период франкизма, привлечь к суду и наказать виновных, если они еще живы». В 2014 г. этот комитет принял два доклада, резко критиковавших испанское правосудие за отказ расследовать преступления, совершенные в период франкизма и гражданской войны [Messuti 2019, p. 203].

В 2018 г. в нижней палате испанского парламента выступил Ф. Салвиоли, специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении истины, справедливости, возмещения и гарантий неповторимости. Он подверг критике испанское государство за «политику амнезии» по отношению к совершенным в сравнительно недалеком прошлом преступлениям, свою интерпретацию «национального примирения» и пренебрежение к международному праву в области прав человека. Салвиоли выразил неудовлетворенность бездействием государства в плане предоставления права на судебную поддержку жертвам франкизма [Messuti 2019, pp. 203–204].

Amnesty International, солидаризуясь с приведенными высказываниями, критикует недостатки «Закона об исторической памяти», отмечая, в частности, что он обходит стороной создание институтов, занимающихся вос-

становлением исторической правды [Guixè i Coromines, Alonso Carballés, Conesa Sánchez 2019, pp. 123–139].

По мнению некоторых испанских авторов, в оценке преступлений периода гражданской войны и франкистской диктатуры «испанский случай все дальше отходит от международных правовых норм» [Guixè i Coromines, Alonso Carballés, Conesa Sánchez 2019, pp. 73–74].

Суммируя, можно сказать, что международные правозащитники требуют от Мадрида выполнения нескольких условий, прежде всего отмены «Закона об амнистии», суда над виновными в преступлениях диктатуры, возмещения ущерба жертвам репрессий, разработки национального плана по розыску без вести пропавших, а также плана по розыску детей, похищенных в грудном возрасте у родителей во время диктатуры.

***

Многоаспектный процесс восстановления казалось бы утраченной в первые десятилетия демократизации исторической памяти начался, но далек от завершения. Довести его до успешного финала крайне сложно. Само понятие «историческая память» превратилось в испанских условиях в спорное, чрезвычайно политизированное и разобщающее общество. Компромисс здесь не найден и вряд ли будет найден в обозримом будущем. Представляется, что Испания обречена жить с этим дестабилизирующим фактором, затрудняющим достижение подлинного национального согласия.

Список литературы

Две Испании. No Pasaran! Блог о событиях в Испании и Латинской Америке (2015) // Livejournal. 5 марта 2015 // <https://liberacion-1.livejournal.com/7647.html>, дата обращения 31.10.2019.

28A Elecciones Generales (2019) // El País, April 29, 2019 // https://elpais.com/tag/elecciones_generales/a, дата обращения 31.10.2019.

Aduriz I. (2018) Casado Asegura que la Exhumación de Franco es una Cortina de Humo del Gobierno y Confirma a la Abstención del PP (2018) // Eldiario, August 28, 2018 // https://www.eldiario.es/politica/Casado-PP-abstendra-exhumacion-Franco_0_808069361.html, дата обращения 31.10.2019.

Cué C.E. (2018) El Gobierno da 15 Dias a la Familia Franco antes de Empezar el Proceso para la Exhumación el Cuerpo // El País, August 24, 2018 // https://elpais.com/politica/2018/08/24/actualidad/1535104789_556975.html, дата обращения 31.10.2019.

Díez A. (2007) La Ley de Memoria Histórica se Tambalea // El País, September 23, 2007 // https://elpais.com/diario/2007/09/23/espana/1190498407_850215.html, дата обращения 31.10.2019.

Díez L. (2017) Ley de Memoria Histórica, 10 Años de Burla de la Derecha a las Víctimas del Franquismo // Cuatropoder, December 21, 2017 // <http://www.cuatropoder.es/espana/justicia/2017/12/21/ley-de-memoria-historica-a-mayor-burla-de-la-derecha/>, дата обращения 31.10.2018.

Domenech Sampere X. (2007) Tempus Fugit. Las Memorias de la Transición // Mientras Tanto, no 104–105, pp. 151–157.

El Congreso Aprueba la Ley de Memoria Histórica sin el Apoyo del PP y de ERC (2007) // El País, October 31, 2007 // https://elpais.com/elpais/2007/10/31/actualidad/1193822222_850215.html, дата обращения 31.10.2019.

Elorza A. (2019) 1936–1939: la Guerra como Genocidio // Claves de Razón Práctica, no 262, pp. 68–83.

Guixè i Coromines J., Alonso Carballés J., Conesa Sánchez R. (eds.) (2019) Diez Años de Leyes y Políticas de Memo-

ria (2007–2017). La Hibernación de la Rana, Madrid: Catarata.

Ley de Memoria Histórica (Ley 52/2007 de 26 de Diciembre) (2007) // Ministerio de Justicia // <https://leymemoria.mjusticia.gob.es/cs/Satellite/LeyMemoria/es/memoria-historica-522007>, дата обращения 31.10.2019.

López B. (2019) Las Propuestas de los Partidos para el 28-A: Memoria Histórica // El Periódico, April 15, 2019 // <https://www.elperiodico.com/es/politica/20190415/las-propuestas-de-los-partidos-para-el-28-a-memoria-historica-7409075>, дата обращения 31.10.2019.

Loyer B. (2018) Lo Justo y lo Injusto (reflexión sobre ETA) // Claves de Razón Práctica, no 264, pp. 117–123.

Mace J.-F. (2012) Los Conflictos de Memoria en la España Post-franquista (1976–2010) entre Políticas de la Memoria y Memorias de la Política // Bulletin Hispanique, vol. 114, no 2, pp. 749–774 // <http://journals.openedition.org/bulletinhispanique/2150>, дата обращения 31.10.2019.

Messuti A. (ed.) (2019) Construyendo Memorias entre Generaciones. Tender Puentes, Buscar Verdades, Reclamar Justicia, Madrid: Postmetropolis Editorial.

Que Piensa y que Propone Realmente el Programa de Vox para España (2018) // Magnet, October 8, 2018 // <https://magnet.xataka.com/en-diez-minutos/que-piensa-que-propone-realmente-programa-vox-para-espana>, дата обращения 31.10.2019.

Siete Cosas que (quizás) no Sabías del Valle de los Caídos (2017) // Eldiario, April 15, 2017 // https://www.eldiario.es/sociedad/verdades-desconocidas-Valle-Caidos_0_631687105.html, дата обращения 31.10.2019.

Silva E. (2017) La Desmemoriada Ley de la Memoria // Eldiario, December 27, 2017 // https://www.eldiario.es/tribunaabierta/desmemoriada-ley-memoria_6_722737734.html, дата обращения 31.10.2019.

National Peculiarities

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-72-87

Spain: Controversy around Historical Memory

Sergey M. KHENKIN

DSc in History, Professor

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia, 119454, Vernadskogo Av., 76, Moscow, Russian Federation;

Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), 117997, Nakhimovskij Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: sergkhenkin@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2137-2113

CITATION: Khenkin S.M. (2019) Spain: Controversy around Historical Memory.*Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 72–87 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-72-87

Received: 28.07.2019.

ABSTRACT. *The article aims to study the acute controversy spreading in present-day Spain around the assessments of the tragic consequences of the civil war and Francoist dictatorship. The author set the following objectives: to reveal the attitude of the Francoist authorities to the victims and persons responsible for the committed crimes; to analyze “the Pact of Forgetting” in force during the period of the establishment and consolidation of democracy when the issues of the civil war and Francoism were withdrawn from the official discourse; to determine the role of the civil society in overcoming the taboo of the authorities on the attitudes to the historical past; to consider the main stances of the political parties to the problems of historical memory; to show the evaluation of Francoism in the international context. The article concludes that though the governments of the Spanish Socialist Workers’ Party in 2007 and then in 2018 undertook attempts to restore the histori-*

cal truth and justice, only first steps have been made along this route. Those guilty of Francoist crimes have not been punished, and the victims have not been compensated for the legal and moral damage. The attitude to these problems splits Spanish parties and the society. The abolition of the Amnesty law adopted in October 1977 could be the key to solving the problem. According to the Law amnesty was granted to all political crimes committed before 1977 including mass killings of anti-Francoists at the time of the dictatorship. Present legal situation allows many parties to use in their political struggle the interpretation of convenience of the tragic events of the past. It seems that in the near future Spain is doomed to live with this destabilizing factor, impeding the achievement of genuine national reconciliation.

KEY WORDS: *Spain, civil war, Francoism, democracy, Law on historical memo-*

ry, national reconciliation, the “pact of forgetting”, Spanish Socialist Workers’ Party, Popular party

References

- 28A Elecciones Generales (2019). *El País*, April 29, 2019. Available at: https://elpais.com/tag/elecciones_generales/a, accessed 31.10.2019.
- Aduriz I. (2018) Casado Asegura que la Exhumación de Franco es una Cortina de Humo del Gobierno y Confirma a la Abstención del PP (2018). *Eldiario*, August 28, 2018. Available at: https://www.eldiario.es/politica/Casado-PP-abstendra-exhumacion-Franco_0_808069361.html, accessed 31.10.2019.
- Cué C.E. (2018) El Gobierno da 15 Días a la Familia Franco antes de Empezar el Proceso para la Exhumación el Cuerpo (2018). *El País*, August 24, 2018. Available at: https://elpais.com/politica/2018/08/24/actualidad/1535104789_556975.html, accessed 31.10.2019.
- Díez A. (2007) La Ley de Memoria Histórica se Tambalea. *El País*, September 23, 2007. Available at: https://elpais.com/diario/2007/09/23/espana/1190498407_850215.html, accessed 31.10.2019.
- Diez L. (2017) Ley de Memoria Histórica, 10 Años de Burla de la Derecha a las Víctimas del Franquismo. *Cuartopoder*, December 21, 2017. Available at: <http://www.cuartopoder.es/espana/justicia/2017/12/21/ley-de-memoria-historica-a-mayor-burla-de-la-derecha/>, accessed 31.10.2018.
- Domenech Sampere X. (2007) Tempus Fugit. Las Memorias de la Transición. *Mientras Tanto*, no 104–105, pp. 151–157.
- El Congreso Aprueba la Ley de Memoria Histórica sin el Apoyo del PP y de ERC (2007). *El País*, October 31, 2007. Available at: https://elpais.com/elpais/2007/10/31/actualidad/1193822222_850215.html, accessed 31.10.2018.
- Elorza A. (2019) 1936–1939: la Guerra como Genocidio. *Claves de Razón Práctica*, no 262, pp. 68–83.
- Guixè i Coromines J., Alonso Carballés J., Conesa Sánchez R. (eds.) (2019) *Diez Años de Leyes y Políticas de Memoria (2007–2017). La Hibernación de la Rana*, Madrid: Catarata.
- Ley de Memoria Histórica (Ley 52/2007 de 26 de Diciembre) (2007). *Ministerio de Justicia*. Available at: <https://ley memoria.mjjusticia.gob.es/cs/Satellite/LeyMemoria/es/memoria-historica-522007>, accessed 31.10.2019.
- López B. (2019) Las Propuestas de los Partidos para el 28-A: Memoria Histórica. *El Periódico*, April 15, 2019. Available at: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20190415/las-propuestas-de-los-partidos-para-el-28-a-memoria-historica-7409075>, accessed 31.10.2019.
- Loyer B. (2018) Lo Justo y lo Injusto (reflexión sobre ETA). *Claves de Razón Práctica*, no 264, pp. 117–123.
- Mace J.-F. (2012) Los Conflictos de Memoria en la España Post-franquista (1976–2010) entre Políticas de la Memoria y Memorias de la Política. *Bulletin Hispanique*, vol. 114, no 2, pp. 749–774. Available at: <http://journals.openedition.org/bulletin-hispanique/2150>, accessed 31.10.2019.
- Messuti A. (ed.) (2019) *Construyendo Memorias entre Generaciones. Tender Puentes, Buscar Verdades, Reclamar Justicia*, Madrid: Postmetropolis Editorial.
- Que Piensa y que Propone Realmente el Programa de Vox para España (2018). *Magnet*, October 8, 2018. Available at: <https://magnet.xataka.com/en-diez-minutos/que-piensa-que-propone-realmente-programa-vox-para-espana>, accessed 31.10.2019.
- Siete Cosas que (quizás) no Sabías del Valle de los Caídos (2017). *Eldiario*, April 15, 2017. Available at: https://www.eldiario.es/sociedad/verdades-desconocidas-Valle-Caidos_0_631687105.html, accessed 31.10.2019.

Silva E. (2017) La Desmemoriada Ley de la Memoria. *Eldiario*, December 27, 2017. Available at: https://www.eldiario.es/tribunaabierta/desmemoriada-ley-memoria_6_722737734.html, accessed 31.10.2019.

Two Spain. No Pasaran! The Blog about Events in Spain and Latin America (2015). *Livejournal*, March 5, 2015. Available at: <https://liberacion-1.livejournal.com/7647.html>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-88-105

Ультраправые в Швеции: от неонацизма к центру

Анна Сергеевна БАДАЕВА

кандидат политических наук, научный сотрудник, Сектор теории политики
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная
ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: annabadaeva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8345-6051

ЦИТИРОВАНИЕ: Бадаева А.С. (2019) Ультраправые в Швеции: от неонацизма к центру // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 88–105. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-88-105

Статья поступила в редакцию 05.09.2019.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется ультраправый фланг политического спектра Швеции. Обращение к трудам Пера Энгдала, вдохновителя и активиста шведского фашизма, позволило выявить определенные заимствования современных шведских ультраправых у этно-националистических довоенных и послевоенных предшественников. Автор разделяет ультраправый лагерь на радикалов и умеренное крыло, предлагающее особую стратегию рафинированного национализма. Особое внимание уделяется «Шведским демократам», прошедшим за 30 лет путь от небольшой маргинальной организации с неонацистскими корнями до влиятельной национал-консервативной партии. По итогам парламентских выборов 2018 г. и выборов в Европарламент в 2019 г. «Шведские демократы» стали третьей по величине политической силой в стране. Тотальная изоляция со стороны правящих партий заставляет «Шведских демократов» сдвигать свои идеологические установки в сторону центра. Одновременно на правом фланге появляются новые праворади-

кальные партии, облегчающие репрезентацию «Шведских демократов» как социал-консервативной силы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неонацизм, национализм, правый радикализм, популизм, евроскептицизм, «Шведские демократы», Йимми Окессон, Пер Энгдал, Северное движение сопротивления, «Альтернатива для Швеции»

Для многих западноевропейских стран стало сегодня нормой активное участие в политической жизни ультраправых партий. В некоторых из них, например в Италии, Австрии, Швейцарии, Финляндии, допустимым явлением стало вхождение праворадикалов в правительственные коалиции. Что касается Швеции, как, впрочем, Германии и Франции, националистическим партиям в этих странах продолжает оказываться серьезный отпор со стороны истеблишмента. Мейнстримные СМИ в Швеции клеймят ультраправых «Шведских демократов» в расизме, шовинизме, экстремизме, сепаратизме и прочих несоответствиях современным за-

падно-демократическим стандартам. Между тем за свою 30-летнюю историю партия «Шведских демократов» прошла непростой путь, трансформировавшись из небольшой маргинальной организации с неонацистскими корнями до влиятельной национал-консервативной партии, ставшей третьей политической силой в стране по результатам парламентских выборов 2018 г. и выборов в Европарламент в 2019 г. Что же стоит за подъемом рейтингов «Шведских демократов», в 3 раза увеличивших свою популярность за последние 8 лет? Не исключено, что речь идет о формировании новой гибкой оппозиционной политической силы, с которой в недалеком будущем так или иначе придется сотрудничать партиям мейнстрима. Тем более что на уровне муниципалитетов такие случаи уже происходят.

Неонацизм в Швеции

В течение нескольких десятков лет после окончания Второй мировой войны ультраправая риторика отпугивала массового избирателя. Впрочем, в ряде западноевропейских стран, в том числе и в Швеции, возникали разного рода реваншистские организации, движения и даже политические партии, так и не нискавшие политического успеха.

Неонацистской *Северной имперской партии* (*Nordiska rikspartiet, NRP*) удалось просуществовать в Швеции с 1956 по 2009 г. Партия регулярно участвовала в парламентских выборах. В разные годы находилось от нескольких тысяч (в 1964 и 1968 гг.) до нескольких десятков (в 2002 г.) сочувствующих граждан, готовых отдать свои голоса этой откровенно неофашистской партии [Lödw 2004]. Северная имперская партия прекратила свое существование лишь в 2009 г. из-за болезни и смерти

ее лидера-основателя, убежденного нациста Йёрана Уредссона, призывавшего свергнуть демократическое правительство и установить национал-социалистическую диктатуру в стране. Годом ранее, в 2008 г., прекратила свое существование другая известная шведская партия *Национал-социалистический фронт* (*Nationalsocialistisk front, NSF*), созданная в 1994 г. почитателями *Белого арийского сопротивления* (*Vitt Ariskt Motstånd, VAM*), которое в свою очередь было координационным центром самых радикальных шведских экстремистов в 1990-е гг. [Flood 2013]. Большинство активистов и руководителей Белого арийского сопротивления в итоге оказывались в тюрьме за разбой и преступления, в том числе на расовой почве. Однако после освобождения упорно продолжали свою деятельность. Среди них был и Клас Лунд, ставший в 1997 г. основателем и лидером *Северного движения сопротивления* (*Nordiska motståndsrörelsen, NMR*). Эта организация существует уже более 20 лет (как политическая партия с 2015 г.) и по праву считается шведскими службами безопасности самой опасной и радикально настроенной организацией в современной Швеции. Северное движение сопротивления имеет строгую иерархию и активно поддерживает милитаристскую тематику. Его цель – создать посредством революции североευропейскую национал-социалистическую республику, состоящую из Швеции, Финляндии, Норвегии, Дании, Исландии и, возможно, стран Прибалтики. В 2018 г. партия Северное движение сопротивления впервые приняла участие в парламентских выборах, получив всего 2106 голосов избирателей (0,03%) [Lönegård 2018]. В целом деятельность этой партии, как и всех других ультраправых экстремистских организаций в Швеции, сводится к пропаганде идеологии нацизма, регу-

лярному проведению демонстраций с целью привлечения к себе внимания, а также обязательной тренировке и занятиям боевыми искусствами активистов партии.

Ультраправые экстремисты, таким образом, абсолютно политически маргинальны и находятся в собственном политическом гетто, из которого нет пути к электоральному успеху и вообще широкой популярности среди населения страны. Однако существует и иная группа ультраправых националистических партий и движений в Швеции, не столь пугающе воздействующая на избирателей.

Рафинированный национализм

Националистические партии и движения в полной мере являются носителями ультраправой идеологии, но при этом представлены менее радикальными и агрессивными организациями. В отличие от идейно близких экстремистов, эти группы ультраправых предлагают стратегию замены концепции «расовой чистоты» критикой мультикультурализма, иммиграции и этноpluralизмом, отстаивающим право народа на ту или иную территорию. Критикуя мультикультурализм, эти новые рафинированные националисты убеждают окружающих в том, что они не являются шовинистами, а лишь возносят принцип «равные, но отдельные».

Подобные идеи распространились в Швеции во многом благодаря трудам Пера Энгдала, активиста и вдохновителя своеобразного шведского фашизма [Berggren 2004, pp. 69–92]. Еще с конца 1920-х гг. Пер Энгдаль с группой студентов из Уппсальского университета разработал собственную оригинальную политику «новошведскости» (*nysvenskhet*), подходящую, по их мнению, исключительно для Швеции. Со-

ратники организовали студенческую ассоциацию «Новая Швеция» (*Det Nya Sverige*), развившуюся в дальнейшем в этнонациональное *Новошведское движение* (*Nysvenska rörelsen*), оказавшее существенное влияние на весь ультраправый идеологический спектр в Швеции [Engdahl 1979]. Пер Энгдаль подчеркивал, что Швеция не подходит для импорта иностранных идеологий, фашизма, национал-социализма, национал-консерватизма. Он выступал за корпоративизм и постоянное развитие шведской традиции, поддерживал антисемитизм и антикоммунизм, а также свой собственный культ личности [Rees 1990]. Пер Энгдаль открыто симпатизировал Бенито Муссолини и Адольфу Гитлеру. Последнего в 1944 г. он называл «посланником Божиим, спасающим Европу» [Löw 2004] и призывал правительство к консенсусу и сотрудничеству с Германией, как доминирующей силой на европейском континенте. Членами политического движения Пера Энгдала во время Второй мировой войны были такие известные личности, как Ингвар Кампрад, основатель IKEA, а также Бенгт Петри и Биргит Руде, занимавшие в последствии высокие посты в Швеции.

После Второй мировой войны Пер Энгдаль стал ведущей фигурой на европейской неонацистской сцене. Во-первых, он приобрел известность в ультраправых европейских кругах благодаря своей деятельности по оказанию помощи беженцам из побежденной Германии. Во-вторых, он сыграл важную роль в создании Европейского социального движения (*European Social Movement, ESM*), призванного стать органом управления панъевропейской сети, объединяющей партии и движения крайне правого толка. По сути, это была первая фашистская и нацистская попытка восстановить международное сотрудничество после проигранной

мировой войны. Европейское социальное движение было основано в 1951 г. в шведском городе Мальмё по инициативе Пера Энгдаля. Движение объединяло осколки европейского нацизма из таких стран, как Италия, Испания, Германия, Великобритания, Франция, Бельгия, Португалия и Нидерланды. Делегаты приняли решение публиковать еженесячный журнал под названием «Нация и Европа», издававшийся вплоть до 2009 г., несмотря на то что деятельность самого Европейского социального движения прекратилась достаточно быстро, уже к концу 1950-х гг. Внутренние разногласия, а также мощная политика денацификации, проводимая странами-победительницами, минимизировали политическое влияние ультраправых организаций на несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны.

Тем не менее Пер Энгдаль не оставлял политической деятельности: участвовал в различных международных профашистских организациях, заменивших Европейское социальное движение, оставаясь таким образом связующим звеном между иностранными и шведскими нацистами; выставял свою кандидатуру на местных выборах в Гетеборге, был членом редакционной коллегии журнала «Нация и Европа», продолжал руководить Новошведским движением и издавать газету «Дорога вперед» (*Vägen Framåt*), где в апрельском номере 1979 г. опубликовал новый подход, революционным образом интерпретирующий теорию фашизма. Расовая биология подвергалась критике, но одновременно поднималась тема иммиграционных рисков и опасности, исходящей от появления чуждых культурных меньшинств на территории национального государства. Новые теоретические изыскания Пера Энгдаля оказались весьма жизнеспособными и мгновенно снискали по-

пулярность у шведских ультраправых экстремистов [Hansson 2013]. Вдохновленный именно ими Свен Дэвидссон в 1979 г. стал учредителем, а с 1983 г. председателем организации «Сохраните Швецию шведской» (*Bevara Sverige Svenskt* (BSS)). В тот период Дэвидссон заявлял, что все расы должны развиваться отдельно друг от друга, и осуждал правящие либеральные элиты за их позитивное отношение к расовому смешению [Poohl 2010]. «Сохраните Швецию шведской» было активным антииммиграционным движением, обращающим пристальное внимание граждан на демографическую политику Швеции и ее последствия для будущего страны. Организация просуществовала до 1986 г., когда произошла неудачная попытка ее трансформации в *Шведскую партию* (*Sverigepartiet*, SvP) при слиянии с популистской Шведской партией прогресса (*Framstegspartiet*). В итоге в 1988 г. именно из большинства членов организации «Сохраните Швецию шведской» была сформирована партия «Шведские демократы» (*Sverigedemokraterna*, SD), которой в XXI в. удалось стать активной участницей политической жизни Швеции, в том числе и на парламентском уровне.

Вплоть до начала 2000-х гг. «Шведские демократы» продолжали использовать лозунг «Сохраните Швецию шведской» [Widfeldt 2015]. Сам Свен Дэвидссон, почитатель идей Пера Энгдаля и его профашистского Новошведского движения, с 1988 г. тоже оказался в правящих кругах «Шведских демократов», но покинул их вместе с соратниками в начале 2000-х, присоединившись к образованной в 2001 г. партии «Национальные демократы» (*Nationaldemokraterna*, ND). По сути, это был первый значительный раскол внутри «Шведских демократов» между умеренными членами партии, вставшими на путь популизма ради продви-

жения во власть, и радикалами, сторонниками национально-демократического этноплюрализма. В этой борьбе победили умеренные. Уже на своих первых парламентских выборах «Национальные демократы» набрали лишь 0,17%, а «Шведские демократы» – 1,44% [Sverige, Riksdagsval 2019]. В дальнейшем результат первых лишь ухудшался, а вторых, напротив, улучшался. В 2014 г. партия «Национальные демократы» самоликвидировалась.

Однако, как бы ни складывалась межпартийная и внутривнутрипартийная борьба шведских праворадикалов, очевидным остается факт, что интеллектуальные изыскания Пера Энгдала стали связующим звеном между старым фашизмом, потерпевшим поражение во Второй мировой войне, и современными ультраправыми партиями в Швеции. В этой связи интересно исследование Свена Ове Ханссона, профессора Королевского технологического института в Стокгольме, проводящего параллель между новым подходом Пера Энгдала, опубликованным в 1979 г., и заявлениями лидера «Шведских демократов» Йимми Окессона, сделанными 3 ноября 2010 г. по случаю прохождения его партии в Риксдаг¹. Ханссон выделяет 6 пунктов, обобщающих стратегии этих двух ультраправых политиков. Во-первых, Энгдаль и Окессон формально отрицают расизм. Во-вторых, оба рассуждают о проблемах иммиграционной системы. В-третьих, они осуждают политику мультикультурализма. В 1979 г. Энгдаль выступал за создание единой национальной модели поведения всего населения и предостерегал от создания меньшинств, тесно связанных со своей собственной древней традицией, чуждой шведской. В свою очередь,

в 2010 г. лидер «Шведских демократов», в унисон Энгдалю, указывает на угрозу единству общества, исходящую от сегрегации в ряде шведских городов. В-четвертых, Окессон и Энгдаль связывают высокий приток иммиграции с существующей в стране безработицей и безответственной политикой правительства Швеции, решающего экономические проблемы за счет привлечения дешевой иностранной рабочей силы. При этом, в-пятых, оба крайне правых политика не отрицают, что существуют отдельные мигранты, внесшие неоценимый вклад в развитие Швеции. И наконец, в-шестых, Энгдаль и Окессон предлагают ввести табу на открытое общественное обсуждение миграционных проблем с целью более эффективного преодоления структурных проблем в шведском обществе [Hansson 2013]. Исследование профессора Ханссона позволяет сделать вывод о тесной теоретической преемственности между поверженными в XX в. нацистами и лидирующей ультраправой антииммигрантской национал-консервативной партией в современной Швеции.

«Шведские демократы»: долгий путь к успеху

На начальном этапе своего становления, в 1990-е гг., «Шведские демократы» столкнулись с целым рядом проблем, мешающих их политическому успеху, а именно: конкуренцией со стороны правопопулистских партий, прежде всего «Новой демократии» (Ny Demokrati, NyD); низким уровнем политизации иммиграционного вопроса среди шведов, интересующихся в большей степени экономической составляющей

1 По итогам парламентских выборов 2010 г. партия «Шведские демократы» преодолела 4% барьер и прошла в Риксдаг, получив 5,7% голосов избирателей [Val till riksdagen – Valnatt 2010].

программ партий; небезосновательными обвинениями в связях с нацистами и неофашистами. Действительно, позиция ранних «Шведских демократов» выделялась очевидным радикализмом. В частности, в программе партии от 1989 г. было требование ввести смертную казнь, массово депортировать иммигрантов, а также национализировать банковский и страховой секторы экономики. Необходимости ужесточения законодательства относительно абортотв уделялось в несколько раз больше внимания, чем вопросам экономики [Sverigedemokraternas Partiprogram 1989]. С 1995 г. новый лидер Микаэль Янссон инициировал реформу, смягчающую идеологию партии. Тогда же членам партии запретили ношение униформы. В 2003 г. «Шведские демократы» объявили, что их политика полностью соответствует Декларации прав человека ООН [Rydgren 2006].

Однако коренным образом ситуация начала меняться в пользу «Шведских демократов» лишь со второй половины 2000-х гг., после назначения руководителем партии Йимми Окессона. Усилиями этого молодого, образованного и амбициозного политика, изначально начинавшего свою карьеру в Умеренной коалиционной партии (УКП), «Шведским демократам» удалось довольно быстро демаргинализироваться. Через день после вступления в должность Йимми Окессона был изменен идеологический профиль партии: издан новый партийный манифест, который характеризовал ее как «демократическую, националистическую партию» [Sverigedemokraternas principprogram 2005]. В 2006 г. изменилась символика партии (пылающий факел был заменен цветком в национальных сине-желтых красках), из состава партии начали выводить всех компрометирующих ее собственным радикализмом членов [Bakken 2019]. На пар-

ламентских выборах 2006 г. «Шведским демократам» не удалось пройти в парламент страны, однако в их распоряжении оказались депутатские кресла в муниципальных советах многих городов, что в дальнейшем способствовало частичному преодолению бойкота со стороны шведских СМИ [Bjorklund, Andersen 2008, pp. 147–163]. Активно привлекая возможности интернета для собственной популяризации, «Шведские демократы» смогли, наконец, в 2010 г. преодолеть четырехпроцентный барьер и попасть в Риксдаг. Впрочем, успеху ультраправых помог и кризис Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ), способствовавший усилению доминирования правоцентристской Умеренной коалиционной партии [Рябиченко, Шендерюк 2013, с. 146–159]. Еще в 2004 г. в партийно-политической системе Швеции сформировались два равновеликих противоборствующих блока – правоцентристский «Альянс за Швецию», объединяющий УКП, либералов, Центристскую и Христианско-демократическую партии, и левоцентристский «Красно-зеленый» союз, состоящий из Социал-демократической, Зеленой и Левой партий. Появление в 2010 г. в Риксдаге третьей «нерукопожатной» силы в лице «Шведских демократов» стало в дальнейшем главным источником политической нестабильности в Швеции. Особенно на фоне неуклонно падающей популярности двух крупнейших шведских партий (СДРПШ и УКП) при одновременном усилении влияния ультраправых.

Свой первый триумф на выборах в Риксдаг 2010 г. – 5,7% «Шведские демократы» закрепили очередной волной демократизации и либерализации партийной идеологии, постепенно сдвигающейся в сторону центра. В новом программном документе от 2011 г. «Шведские демократы» назвали себя «соци-

ал-консервативной партией с националистическим мировоззрением», «стремящейся объединить в себе лучшие элементы традиционных правой и левой идеологий» [Sverigedemokraternas Principprogram 2011]. Также в программе партии был использован новый термин «открытая шведскость», подразумевающий, что шведом может стать выходец из любой страны мира, принявший шведские культурные нормы. К слову сказать, на момент принятия программы 14% членов «Шведских демократов» имели иммигрантское происхождение [Sköld 2010]. Еще одним существенным признаком либерализации партийной идеологии можно назвать смягчение взглядов «Шведских демократов» на однополые браки.

Исследовав основной программный документ партии от 2011 г., шведский политолог Матс Линдберг выделил три характерных элемента идеологии «Шведских демократов»: национализм, ценностный консерватизм и солидаристскую модель государства благоденствия [Lindberg 2011]. Программа партии содержит 21 главу, в которых «Шведские демократы» выражают свое отношение к человеку, государству, демократии, нации, семье, культуре, религии, экономике, закону, энергетике, экологии, рынку труда, благосостоянию, иммиграции, мультикультурализму и т.д. В главе, посвященной национализму, открыто говорится о том, что интересы собственной нации должны быть приоритетными. Нация должна быть свободной и суверенной, развиваться на определенной территории, максимально совпадающей с ее национальным диапазоном. Между тем «Шведские демократы» дают своему национализму специфические определения: «демократичный», «открытый», «универсальный», «реалистичный» и «прагматичный». Суть их сводится к тому, что нация определяет

ся не исторической или генетической принадлежностью к той или иной группе, а лояльностью к конкретной культуре, языку и идентичности.

На протяжении всего партийного документа «Шведских демократов» прослеживается мысль о приоритете демократии и праве всех народов на независимость и демократическое развитие своей национальной и культурной самобытности. Речь идет и об усилении элементов прямой демократии, а именно референдумов на местном, региональном и национальном уровнях.

Не отрицая важность индивидуализма, «Шведские демократы» подчеркивают, что для гармоничного развития человека в обществе необходимы определенные нормы, законы, обычаи, традиции и мораль. При этом сильная национальная идентичность и минимум языковых и культурных различий способны благотворно влиять на стабильность, безопасность и сплоченность всего общества. По этой причине «Шведские демократы» осуждают политику мультикультурализма и настаивают на максимальной ассимиляции иммигрантов. При этом «Шведские демократы» утверждают, что им чужды любые проявления ненависти (в том числе расизм, гомофобия и сексизм), анархия, классовая борьба, революционные тенденции, и указывают на то, что у них много общего с основными идеями «классического европейского социального консерватизма». Действительно, приоритетными условиями общественного прогресса для «Шведских демократов» являются сохранение верности национальной культуре и идентичности, а также тот факт, что именно они легли в основу шведской модели общества благосостояния. Речь идет о классическом варианте «шведской модели» которая потерпела крах под натиском глобализма, но о которой так сильно тоскуют рядовые шведские граждане.

В социально-экономическом отношении «Шведские демократы» занимают центральную, отчасти даже левоцентристскую позицию с акцентом на ответственность государства за все, начиная от политики обороны и заканчивая здравоохранением и образованием [Sverigedemokraternas Principprogram 2011]. В своих выступлениях лидер партии старается уделять внимание экономическим аспектам: росту неравенства в Швеции (коэффициент Джини, показатель степени неравенства в доходах, вырос за одно поколение в Швеции, как ни в одной другой развитой европейской стране, на 25%); недостатку рабочей силы в определенных секторах экономики; продолжительности рабочего времени и пр. Подобная тактика привлекает все большее число избирателей, среди которых уже не только синие воротнички, но и представители среднего класса, разочаровавшиеся в политике сменяющих друг друга право- и левоцентристских коалиций [Adler 2015].

Иммиграционная политика и парламентские выборы 2018 года

Основной темой и стержнем всей политической риторики «Шведских демократов» является миграционная проблематика. Именно она приносит партии основные дивиденды на выборах. После европейского миграционного кризиса 2015 г., волны жестоких террористических актов, в том числе наезда грузовика в апреле 2017 г. на толпу людей, гуляющих по пешеходной улице Стокгольма, а также ряда резонансных преступлений на расовой почве миграционный вопрос резко политизировался в шведском обществе, славившемся долгое время толерантностью и гуманностью по отношению к мигрантам.

Вполне объяснимо, что, после того как в течение одного 2015 г. на территорию 10-миллионной Швеции, по неофициальным данным, попали около 200 тыс. нелегальных беженцев из стран северной Африки и Ближнего Востока, наметился резкий рост популярности «Шведских демократов» – единственной партии в шведском парламенте, предлагающей избирателю четкие и понятные способы решения миграционной проблемы. Весной 2017 г. после теракта в Стокгольме рейтинг «Шведских демократов» взлетел настолько (за них готовы были проголосовать 27,2% респондентов, в то время как правящую Социал-демократическую партию поддерживали лишь 23,3%, а оппозиционную Умеренную коалиционную – 15,8%) [Sentio efter terrordådet 2017], что шведскому истеблишменту пришлось спешно корректировать собственные политические взгляды путем инкорпорирования отдельных положений нарратива и программных установок и риторики ультраправых. Тем более что и шведские СМИ активно подключились к трансляции тезисов и воззрений «Шведских демократов» [Воронцов 2018], фактически продиктовавших политическую повестку предвыборной кампании 2018 г. [Schultheis 2018].

В предвыборном манифесте 2018 г. «Шведские демократы» жестко осудили «безответственную» миграционную политику в стране в течение последних десятилетий. По их мнению, чрезмерное количество принимаемых беженцев и их родственников ведет к культурному разобщению в обществе, а также подрывает благосостояние и безопасность остальных граждан страны. Основные требования «Шведских демократов» сводятся к существенному ужесточению миграционного законодательства в Швеции, а именно усложнению процедуры получения гражданства, приему бежен-

цев исключительно из соседних стран, бескомпромиссной высылке нарушителей порядка, строгому соответствию привлекаемых трудовых мигрантов нуждам рынка труда в Швеции, борьбе с пособниками нелегальной миграции [Sverigedemokraternas Valmanifest 2018]. Безусловно привлекательными для избирателя стали популистские обещания Йимми Окессона повысить социальные пособия и снизить налоги за счет сокращения расходов на мигрантов. Лидер «Шведских демократов» своеобразным способом попытался привлечь на свою сторону представителей ЛГБТ-сообщества, обратив их внимание, что чрезмерная исламизация Швеции приведет в конечном счете к нарушению прав сексуальных меньшинств [Brandel 2010]. В 2018 г. Паула Билер, представитель «Шведских демократов» в Риксдаге, окончательно закрепила за «Шведскими демократами» нейтральную позицию по отношению к ЛГБТ, заявив, что в ее партии «гомофобам не рады» [Europe's Anti-immigrant Parties 2018].

Также стоит отметить, что модернизация «Шведских демократов» сопровождается постоянной «чисткой» рядов партии, в которой действует принцип «нулевой терпимости» к расистам, экстремистам и лицам, не уважающим закон [Dalsbro 2018]. Партийного членства могут лишиться даже за нетактичный комментарий в частной беседе, имеющий компрометирующий партию оттенок. Столь резкий авторитарный и репрессивный стиль руководства с одновременным смягчением ультраправой риторики спровоцировал серьезный конфликт в молодежной среде партии. В апреле 2015 г. лидер «Шведской демократической мо-

лодежи» (Sverigedemokratisk Ungdom, SDU) Густав Кассельстранд и его сторонники массово покинули молодежное крыло партии. В итоге «Шведские демократы» создали новый молодежный союз, а Г. Кассельстранд с соратниками – новую партию «Альтернатива для Швеции» (*Alternativ för Sverige, AfS*) [SDU-topparuteslutsur SD 2015]. Партия участвовала в парламентских выборах 2018 г., но успеха не достигла, набрав всего 0,31% голосов избирателей [Val till riksdagen 2018], в отличие от «Шведских демократов», получивших 17,5% и ставших третьей политической силой в стране. Партия «Шведские демократы» стала сегодня для шведов своего рода узнаваемым брендом, имеющим серьезный политический вес. Внутрипартийные конфликты жестко и быстро подавляются со стороны руководства и не оказывают существенного влияния на постепенно расширяющуюся электоральную базу «Шведских демократов». Парламентские и местные выборы 2018 г. в Швеции еще больше консолидировали и укрепили политические позиции этой партии, достигшей на них своего исторического максимума.

Между тем, согласно предвыборным социологическим опросам, «Шведские демократы» ожидали результат на несколько процентов выше итогового [Sammanställning av valet 9 september 2018]. Тактика мейнстрима, вовремя перехватившего инициативу в миграционном вопросе² и среди прочего резко повысившего требования к получению разрешений на проживание и выплату пособий мигрантам, помогла сбить волну популярности ультраправых [Teitelbaum 2018]. Однако это не уберегло страну от парламентского кризиса [Плевако (2) 2018,

2 Тема беженцев и иммиграции занимала первое место у избирателей накануне выборов 2018 г. (43% респондентов) [Mellin 2018].

с. 55–60]. На выборах в Риксдаг абсолютного большинства не получил ни один из правящих блоков. Преимущество «красно-зеленых» оказалось критически мало: 144 мандата (40,6% голосов) против 142 мандатов (40,3% голосов) у «Альянса за Швецию». Остальные 63 парламентских места из совокупных 349 получили «Шведские демократы». Нарушился устоявшийся баланс сил в шведском парламенте с учетом роста влияния «Шведских демократов» на оба блока. Больше четырех месяцев ушло на формирование нового правительства в стране. Новому «красно-зеленому» правительству меньшинства под руководством растерявшего популярность лидера социал-демократов Стефана Лёвена, состоящему всего из двух партий, Зеленых и СДРПШ, и имеющему лишь 116 из 349 мест в Риксдаге, придется быть готовым к серьезным уступкам Центристской и Либеральной партиям, которым, в свою очередь, пришлось порвать с союзниками из правого блока. Впрочем, бюджетный кризис 2014 г. уже продемонстрировал способность правящих партий к любым компромиссам, пресекающим чрезмерную парламентскую активность «Шведских демократов».

Одновременно с выборами в парламент 9 сентября 2018 г. в Швеции прошли выборы в органы местного самоуправления: 21 ландстинг и 210 муниципальных собрания. В большинстве ландстингов ультраправые «Шведские демократы» заняли третье место по количеству полученных голосов. Однако в коммунах ситуация складывается по-разному. Популярность ультраправых высока на юге Швеции, в приграничных регионах, где наблюдается максимальное скопление мигрантов, в том числе и нелегальных. Так, «Шведские демократы» получили большинство в 21 из 33 муниципальных округов провинции Сконе [Orange 2018] (в

Бьюв – 34,6%, Клиппан – 31,9%, Сва-лёв – 30,4%, Шёбо – 32,2%, Скуруп – 28,2% и др.) Очевидно, что в некоторых муниципальных собраниях сотрудничество с ультраправыми становится неизбежным. В муниципалитете Хёрби «Шведские демократы» получили своего первого мэра [Sweden Democrats Take Power in Municipal Council 2018]. Так, в Брумёлла сформировано консервативное правительство при участии «Шведских демократов», Умеренной коалиционной партии и «Христианских демократов» [Maktskifte i Bromölla 2018]. В коммуне Стафансторп У КП также согласилась на совместное правление со «Шведскими демократами» [M och SD samarbetar i Staffanstorp 2018]. Становится очевидным, что из традиционных партий к партнерству со «Шведскими демократами» в большей степени готовы именно Умеренная коалиционная и Христианско-демократическая партии. По крайней мере в социальных вопросах программы этих партий мало отличаются друг от друга: они выступают за сохранение традиционных общественных ценностей и ужесточение иммиграционной политики. Камнем преткновения для шведского мейнстрима остается евроскептическая позиция крайне правых.

Внешняя политика и выборы в Европарламент 2019

«Старые» партии зачастую отказываются сотрудничать со «Шведскими демократами» еще и потому, что считают их ненадежным партнером [Плевако (1) 2018, с. 150–154]. Действительно, националистические популистские партии имеют склонность менять свои позиции, якобы в борьбе за общее благо нации. Серьезной корректировке подвергается и внешнеполитический курс «Шведских демократов».

В предвыборном манифесте 2018 г. «Шведские демократы» настаивали на выходе Швеции из Европейского Союза, предлагали провести всенародный референдум по этому вопросу. Альтернативу Евросоюзу они видели в межправительственном европейском сотрудничестве, прежде всего со странами Северной Европы, культурно и исторически близкими Швеции [Sverigedemokraternas Valmanifest 2018]. Однако во время предвыборной кампании в Европарламент 2019 г. установки «Шведских демократов» видоизменились. Лидер партии Йимми Окесон заявил, что он «не видит перспективы выхода Швеции из ЕС» [Därför släpper SD kravet på swexit 2019]. Своей главной задачей лидер партии ставит возвращение родной стране суверенитета и возможности кооперации своих усилий с другими консервативными критиками ЕС на площадке, предлагаемой Европарламентом. В предвыборной программе 2019 «Шведские демократы» «мечтают о сильной Европе» и «о сплоченности общего исторического наследия». При этом они выступают за фундаментальное реформирование ЕС, пересмотр договора ЕС. Речь идет об остановке передачи Брюсселю тех областей, которые более эффективно управляются на национальном уровне, а также об освобождении от единой валюты и сотрудничества в финансовой сфере [Valplattform Europarlamentsvalet 2019].

В предвыборной программе «Шведских демократов» 2019 говорится об агрессии, исходящей со стороны России, о необходимости увеличить финансирование обороны на 2,5% от ВВП и о строительстве оборонительных сооружений совместно с Финляндией. Что касается вступления в НАТО, то «Шведские демократы» придерживаются в этом вопросе нейтрального взгляда. Однако очевидно, что они могут изменить свою позицию при определен-

ных условиях, а именно в обмен на сотрудничество с одним из политических блоков, которые, к слову сказать, имеют противоположные мнения относительно вхождения страны в Североатлантический альянс. В этой связи у «Шведских демократов», как третьей по величине партии в Риксдаге, может появиться возможность влиять на политический курс страны. Выборы в Европарламент 2019 в очередной раз закрепили за «Шведскими демократами» позицию третьей политической силы. Их поддержали 15,34% избирателей [2019 European Election Results].

***

Вхождение ультраправых «Шведских демократов» в Риксдаг способствовало качественному и количественному изменению шведской партийно-политической системы. Усилилась ее фрагментарность, нарушился устоявшийся ранее баланс сил. Фактически в Швеции образовалась неформальная трехблочная политическая система. Две крупнейшие шведские партии, СДРПШ и УКП, формирующие традиционные левоцентристский и буржуазный блоки, существенно растеряли свою популярность. В погоне за парламентским большинством они демонстрируют готовность к новым, немислимым ранее партийно-политическим комбинациям. Третьей мощной, но все еще «нерукопожатной» силой в парламенте стали ультраправые «Шведские демократы». Однако тотальная изоляция со стороны мейнстрима заставляет их сдвигать свои идеологические установки в сторону центра. А по итогам местных выборов появляются примеры взаимодействия «Шведских демократов» с основными мейнстримными партиями. В то же время на крайне правом фланге появляются новые правозкстремистские и праворадикальные партии (Северное движение со-

противления, «Альтернатива для Швеции»), выгодно оттеняющие более умеренную позицию «Шведских демократов» и способствующие их репрезентации как социал-консервативной силы, готовой идти на существенные уступки и тесное политическое сотрудничество ради вхождения во власть.

Список литературы

- Воронов К. (2018) Поворотные выборы в шведский риксдаг: тревоги и ожидания // РСМД. 18 сентября 2018 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/povorotnye-vybory-v-shvedskiy-riksdag-trevogi-i-ozhidaniya/>, дата обращения 31.10.2019.
- Плевако Н. (1) (2018) Выборы в Швеции и НАТО // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 4. С. 150–154 // http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D0%BE_4_2018.pdf, дата обращения 31.10.2019.
- Плевако Н. (2) (2018) Парламентский кризис в Швеции // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 6. С. 55–60 // http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D0%BE_6_2018.pdf, дата обращения 31.10.2019.
- Рябиченко А.В., Шендерюк М.Г. (2013) Трансформация партийно-политической системы Швеции в конце XX – начале XXI века // Балтийский регион. №3(17). С. 146–159. DOI: 10.5922/2074-9848-2013-3-11
- 2019 European Election Results // <https://resultats-elections.eu/suede/>, дата обращения 31.10.2019.
- Adler K. (2015) Sweden Far-right Party Makes Gains from Migrant Crisis // BBC News, November 11, 2015 // <https://www.bbc.com/news/amp/world-europe-34784424>, дата обращения 31.10.2019.
- Bakken L. (2010) Fra kjelleren til Riksdagen // NRK, September 25, 2010 // <https://www.nrk.no/urix/fra-nazimarsj-til-riksdagen-1.7304305>, дата обращения 31.10.2019.
- Berggren L. (2014) Intellectual Fascism. Per Engdahl and the Formation of “New-Swedish Socialism” // Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies, vol. 3, no 2, pp. 69–92. DOI 10.1163/2211625700302001
- Bjorklund T., Andersen J. (2008) Scandinavia and the Far Right // The Far Right in Europe. An Encyclopedia (eds. Davies P., Jackson P.), Oxford: Greenwood World Publishing, pp. 147–163.
- Brandel T. (2010) SD siktar in sig på hbt-röster // Svenska Dagbladet, July 7, 2010 // <https://www.svd.se/sd-siktar-in-sig-pa-hbt-roster>, дата обращения 31.10.2019.
- Dalsbro A. (2018) Så gick det med Åkesson snolltolerans – en skandal i veckan // EXPO, September 3, 2018 // <https://expo.se/2018/09/sa-gick-det-med-akessons-nolltolerans--en-skandal-i-veckan>, дата обращения 31.10.2019.
- Därför släpper SD kravet på swexit (2019) // Sveriges Radio, February 4, 2019 // <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=7148630>, дата обращения 31.10.2019.
- Engdahl P. (1979) Fribytare i folkhemmet, Stockholm: Cavefors.
- Europe's Anti-immigrant Parties Are Becoming More Gay-friendly (2018) // The Economist, July 5, 2018 // <https://www.economist.com/europe/2018/07/05/europes-anti-immigrant-parties-are-becoming-more-gay-friendly>, дата обращения 31.10.2019.
- Flood L. (2013) Gun-Britts son blev offer för nazistvåldet // Expressen, December 21, 2013 // <https://www.expressen.se/nyheter/gun-britts-son-blev-offer-for-nazistvaldet/>, дата обращения 31.10.2019.

Hansson S.O. (2013) Från Engdahl till Åkesson // Tiden, February 6, 2013 // <https://web.archive.org/web/20140108033111/http://tidenmagasin.se/tidenbloggen/fran-engdahl-till-akesson/>, дата обращения 31.10.2019.

Lindberg M. (2011) SD:s nya ideologiska etikett ändrar inte parties politik // Dagens Nyheter, November 25, 2011 // <https://www.dn.se/debatt/sds-nya-ideologiska-etikett-andrar-inte-partiets-politik/>, дата обращения 31.10.2019.

Lönegård C. (2018) Nya högerpartier utmanar – “blir en historisk kväll” // Svenska Dagbladet, February 28, 2018 // <https://www.svd.se/nya-hogerpartier-utmanar-om-plats-i-riksdagen>, дата обращения 31.10.2019.

Löw H. (2004) Nazismen i Sverige 1924–1979: pionjärerna, partierna, propaganda, Stockholm: Ordfront.

M och SD samarbetar i Staffanstorp (2018) // SVT, November 12, 2018 // <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/skane/m-och-sd-samarbetar-i-staffanstorp>, дата обращения 31.10.2019.

Maktskifte i Bromölla: SD tar täten i nytt konservativt block (2018) // SVT, November 26, 2018 // <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/skane/klart-sd-far-ordforandepost-i-bromolla>, дата обращения 31.10.2019.

Mellin L. (2018) Nu är flyktningar och invandring valets viktigaste fråga // Aftonbladet, August 20, 2018 // <https://www.aftonbladet.se/nyheter/kolumnister/a/gPeAKB/nu-ar-flyktingar-och-invandring-valets-viktigaste-fraga>, дата обращения 31.10.2019.

Orange R. (2018) Sweden Democrats Biggest in Two-thirds of Skåne Districts // The Local, September 11, 2018 // <https://www.thelocal.se/20180911/sweden-democrats-biggest-in-two-thirds-of-skane-districts>, дата обращения 31.10.2019.

Poohl D. (2010) Rasismen finns även i dagens SD // EXPO, November 4, 2010 // <https://expo.se/arkivet/2010/11/rasismen>

finns-även-i-dagens-sd, дата обращения 31.10.2019.

Rees Ph. (1990) Biographical Dictionary of the Extreme Right since 1980, New York: Simon&Schuster.

Rydgren J. (2006) From Tax Populism to Ethnic Nationalism: Radical Right-wing Populism in Sweden, New York: Berghahn Books.

Sammanställning av valet 9 september 2018 (2018) // <https://val.digital/Election-Analysis/>, дата обращения 31.10.2019.

Schultheis E. (2018) Sweden's Far Right Has Won the War of Ideas // Foreign Policy, September 10, 2018 // <https://foreignpolicy.com/2018/09/10/swedens-nazi-offspring-won-the-war-of-ideas/>, дата обращения 31.10.2019.

SDU-toppar utesluts ur SD (2015) // Svenska Dagbladet, April 27, 2015 // <https://www.svd.se/sdu-toppar-utesluts-ur-sd>, дата обращения 31.10.2019.

Sentio efter terrordådet: Nytt SD-rekord på 27.2 procent (2017) // NyheterIdag, April 10, 2017 // <https://nyheteridag.se/sentio-efter-terrordadet-nytt-sd-rekord-pa-272-procent/>, дата обращения 31.10.2019.

Sköld J. (2010) Invandrare – och Sverigedemokrat // Aftonbladet, May 24, 2010 // <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/oRkwn7/invandrare--och-sverigedemokrat>, дата обращения 31.10.2019.

Sverige, Riksdagsval (2002) // https://data.val.se/val/val_02/slutresultat/00R/00.html, дата обращения 31.10.2019.

Sverigedemokraternas Partiprogram (1989) // <https://helapingsten.files.wordpress.com/2018/06/fc3b6r-sveriges-bc3a4sta-sds-program-antaget-vid-c3a5rsmc3b6te-10-juli-1989.pdf>, дата обращения 31.10.2019.

Sverigedemokraternas Principprogram (2005) // <https://snd.gu.se/en/vivill/file/sd/p/2005/pdf>, дата обращения 31.10.2019.

Sverigedemokraternas Principprogram (2011) // https://sd.se/wp-content/uploads/2013/08/principprogrammet2014_webb.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Sverigedemokraternas Valmanifest (2018) // <https://sd.se/wp-content/uploads/2018/08/Valmanifest-2018-1.pdf>, дата обращения 31.10.2019.

Sweden Democrats Take Power in Municipal Council (2018) // The Local, October 4, 2018 // <https://www.thelocal.se/20181004/sweden-democrats-take-power-in-municipal-council>, дата обращения 31.10.2019.

Teitelbaum B.R. (2018) In Sweden, Populist Nationalists Won on Policy, but Lost on Politics // The Atlantic, September 12, 2018 // <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2018/09/in-sweden-populist-nationalists-won-on-policy-but-lost-on-politics/569968/>, дата обращения 31.10.2019.

Val till riksdagen – Valnatt (2010) // <https://data.val.se/val/val2010/valnatt/R/rike/>, дата обращения 31.10.2019.

Val till riksdagen – Röster (2018) // <https://data.val.se/val/val2018/slutresultat/R/rike/index.html>, дата обращения 31.10.2019.

Valplattform Europarlamentsvalet (2019) // https://ratatosk.sd.se/sd/wp-content/uploads/2019/04/02121655/EU-Valplattform-2019_final.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Widfeldt A. (2015) *Extreme Right Parties in Scandinavia*, New York: Routledge.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-88-105

The Far Right in Sweden: from Neo-nazism to Centrism

Anna S. BADAIEVA

PhD in Politics, Researcher, Theory of Politics Section

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: annabadaeva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8345-6051

CITATION: Badaeva A.S. (2019) The Far Right in Sweden: from Neo-nazism to Centrism. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 88–105 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-88-105

Received: 05.09.2019.

ABSTRACT. *The author explores the far-right wing of the political spectrum in Sweden. A small retrospective to the works of Per Engdahl allows us to identify certain similarities between modern Swedish far-right organizations and their ethno-nationalist post-war precursors. The author divides the far-right wing into two parts: radicals (mainly neo-Nazis and extremists) and moderates, which offer a special refined strategy of nationalism. Special attention is paid to Sweden Democrats (SD). For 30 years, this party transformed from a small neo-Nazi marginal organization into the third largest national conservative political force in Sweden, according to the results of the 2018 parliamentary election and of the 2019 European election. The far-right Sweden Democrats entry in Riksdag promoted the qualitative and quantitative change of the party political system in Sweden. It's fragmentarily increased. The former balance of power has shifted. The two largest Swedish Social Democratic and Moderate Parties, traditionally forming centre-left and centre-right blocks, have substantially lost their public sympathy. Trying to keep power, the governance parties are involving in common po-*

litical trend: they are actively using narrative of right-wing populism and are ready to previously unthinkable party alliances erasing usual ideological boundaries. The total political isolation makes Sweden Democrats move their attitudes towards the center too. Meanwhile there are several new radical right parties (Nordic Resistance Movement (NRM), Alternative for Sweden (AfS), which are setting Sweden Democrats off as a social conservative force.

KEY WORDS: neo-Nazism, nationalism, the Radical Right, populism, Euroscepticism, Sweden Democrats (SD), Jimmie Åkesson, Per Engdahl, Nordic Resistance Movement (NRM), Alternative for Sweden (AfS)

References

2019 European Election Results. Available at: <https://resultats-elections.eu/suede/>, accessed 31.10.2019.

Adler K. (2015) Sweden Far-right Party Makes Gains from Migrant Crisis. *BBC News*, November 11, 2015. Available at:

<https://www.bbc.com/news/amp/world-europe-34784424>, accessed 31.10.2019.

Bakken L. (2010) Fra kjelleren til Riksdagen. NRK, September 25, 2010. Available at: <https://www.nrk.no/urix/fra-nazimarsj-til-riksdagen-1.7304305>, accessed 31.10.2019.

Berggren L. (2014) Intellectual Fascism. Per Engdahl and the Formation of “New-Swedish Socialism”. *Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies*, vol. 3, no 2, pp. 69–92. DOI: 10.1163/2211625700302001

Bjorklund T., Andersen J. (2008) Scandinavia and the Far Right. *The Far Right in Europe. An Encyclopedia* (eds. Davies P., Jackson P.), Oxford: Greenwood World Publishing, pp. 147–163.

Brandel T. (2010) SD siktar in sig på hbt-röster. *Svenska Dagbladet*, July 7, 2010. Available at: <https://www.svd.se/sd-siktar-in-sig-pa-hbt-roster>, accessed 31.10.2019.

Dalsbro A. (2018) Så gick det med Åkesson snolltolerans – en skandal i veckan. *EXPO*, September 3, 2018. Available at: <https://expo.se/2018/09/sa-gick-det-med-akessons-nolltolerans---en-skandal-i-veckan>, accessed 31.10.2019.

Därför släpper SD kravet på swexit (2019). *Sveriges Radio*, February 4, 2019. Available at: <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=7148630>, accessed 31.10.2019.

Engdahl P. (1979) *Fribytare i folkhemmet*, Stockholm: Cavefors.

Europe's Anti-immigrant Parties Are Becoming More Gay-friendly (2018). *The Economist*, July 5, 2018. Available at: <https://www.economist.com/europe/2018/07/05/europes-anti-immigrant-parties-are-becoming-more-gay-friendly>, accessed 31.10.2019.

Flood L. (2013) Gun-Britts son blev offer för nazistvåldet. *Expressen*, December 21, 2013. Available at: <https://www.expressen.se/nyheter/gun-britts-son-blev-offer-for-nazistvaldet/>, accessed 31.10.2019.

Hansson S.O. (2013) Från Engdahl till Åkesson. *Tiden*, February 6, 2013.

Available at: <https://web.archive.org/web/20140108033111/http://tidenmagasin.se/tidenbloggen/fran-engdahl-till-akesson/>, accessed 31.10.2019.

Lindberg M. (2011) SD:s nya ideologiska etikett ändrar inte parties politik. *Dagens Nyheter*, November 25, 2011. Available at: <https://www.dn.se/debatt/sds-nya-ideologiska-etikett-andrar-inte-partiets-politik/>, accessed 31.10.2019.

Lönegård C. (2018) Nya högerpartier utmanar – “blir en historisk kväll”. *Svenska Dagbladet*, February 28, 2018. Available at: <https://www.svd.se/nya-hogerpartier-utmanar-om-plats-i-riksdagen>, accessed 31.10.2019.

Löw H. (2004) *Nazismen i Sverige 1924–1979: pionjärerna, partierna, propaganda*, Stockholm: Ordfront.

M och SD samarbetar i Staffanstorp (2018). *SVT*, November 12, 2018. Available at: <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/skane/m-och-sd-samarbetar-i-staffan-storp>, accessed 31.10.2019.

Maktskifte i Bromölla: SD tar täten i nytt konservativt block (2018). *SVT*, November 26, 2018. Available at: <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/skane/klart-sd-far-ordforandepost-i-bromolla>, accessed 31.10.2019.

Mellin L. (2018) Nu är flyktingar och invandring valets viktigaste fråga. *Aftonbladet*, August 20, 2018. Available at: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/kolumnister/a/gPeAKB/nu-ar-flyktingar-och-invandring-valets-viktigaste-fraga>, accessed 31.10.2019.

Orange R. (2018) Sweden Democrats Biggest in Two-thirds of Skåne Districts. *The Local*, September 11, 2018. Available at: <https://www.thelocal.se/20180911/sweden-democrats-biggest-in-two-thirds-of-skane-districts>, accessed 31.10.2019.

Plevako N. (1) (2018) Elections in Sweden and NATO. *Scientific and Analytical Herald of Institute of Europe Russian Academy of Sciences*, no 4, pp. 150–154. Available at: <http://vestnikieran.instituteofeu->

rope.ru/images/%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D0%BE_4_2018.pdf, accessed 31.10.2019.

Plevako N. (2) (2018) Parliamentary Crisis in Sweden. *Scientific and Analytical Herald of Institute of Europe Russian Academy of Sciences*, no 6, pp. 55–60. Available at: http://vestnikieran.instituteofeu-rope.ru/images/%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D0%BE_6_2018.pdf, accessed 31.10.2019.

Poohl D. (2010) Rasismen finns även i dagens SD. *EXPO*, November 4, 2010. Available at: <https://expo.se/arkivet/2010/11/rasismen-finns-även-i-dagens-sd>, accessed 31.10.2019.

Rees Ph. (1990) *Biographical Dictionary of the Extreme Right since 1980*, New York: Simon&Schuster.

Ryabichenko A.V., Shenderyuk M.G. (2013) The Transformation of the Swedish Political Party System in the late 20th/early 21st Century. *Baltic Region*, no 3(17), pp. 146–159 (in Russian). DOI: 10.5922/2074-9848-2013-3-11

Rydgren J. (2006) *From Tax Populism to Ethnic Nationalism: Radical Right-wing Populism in Sweden*, New York: Berghahn Books.

Sammanställning av valet 9 september 2018 (2018). Available at: <https://val.digital/ElectionAnalysis/>, accessed 31.10.2019.

Schultheis E. (2018) Sweden's Far Right Has Won the War of Ideas. *Foreign Policy*, September 10, 2018. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/09/10/swedens-nazi-offspring-won-the-war-of-ideas/>, accessed 31.10.2019.

SDU-toppar utesluts ur SD (2015). *Svenska Dagbladet*, April 27, 2015. Available at: <https://www.svd.se/sdu-toppar-utesluts-ur-sd>, accessed 31.10.2019.

Sentio efter terrordådet: Nytt SD-rekord på 27.2 procent (2017). *NyheterIdag*, April 10, 2017. Available at: <https://nyheteridag.se/sentio-efter-terrordadet-nytt-sd-rekord-pa-272-procent/>, accessed 31.10.2019.

Sköld J. (2010) Invandrare – och Sverigedemokrat. *Aftonbladet*, May 24, 2010. Available at: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/oRkwn7/invandrare--och-sverigedemokrat>, accessed 31.10.2019.

Sverige, Riksdagsval (2002). Available at: https://data.val.se/val/val_02/slutresultat/00R/00.html, accessed 31.10.2019.

Sverigedemokraternas Partiprogram (1989). Available at: <https://helapingsten.files.wordpress.com/2018/06/fc3b6r-sveriges-bc3a4sta-sds-program-antaget-vid-c3a5rsmc3b6te-10-juli-1989.pdf>, accessed 31.10.2019.

Sverigedemokraternas Principprogram (2005). Available at: <https://snd.gu.se/en/vivill/file/sd/p/2005/pdf>, accessed 31.10.2019.

Sverigedemokraternas Principprogram (2011). Available at: https://sd.se/wp-content/uploads/2013/08/principprogram-met2014_webb.pdf, accessed 31.10.2019.

Sverigedemokraternas Valmanifest (2018). Available at: <https://sd.se/wp-content/uploads/2018/08/Valmanifest-2018-1.pdf>, accessed 31.10.2019.

Sweden Democrats Take Power in Municipal Council (2018). *The Local*, October 4, 2018. Available at: <https://www.thelocal.se/20181004/sweden-democrats-take-power-in-municipal-council>, accessed 31.10.2019.

Teitelbaum B.R. (2018) In Sweden, Populist Nationalists Won on Policy, but Lost on Politics. *The Atlantic*, September 12, 2018. Available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2018/09/in-sweden-populist-nationalists-won-on-policy-but-lost-on-politics/569968/>, accessed 31.10.2019.

Val till riksdagen – Valnatt (2010). Available at: <https://data.val.se/val/val2010/valnatt/R/rike/>, accessed 31.10.2019.

Val till riksdagen – Röst (2018). Available at: <https://data.val.se/val/val2018/slutresultat/R/rike/index.html>, accessed 31.10.2019.

ValplattformEuroparlamentsvalet(2019). Available at: https://ratatosk.sd.se/sd/wp-content/uploads/2019/04/02121655/EU-Valplattform-2019_final.pdf, accessed 31.10.2019.

Voronov K. (2018) Defining Election in Swedish Riksdag: Alarms and Expectations. *RIAC*, September 18, 2018. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/povorotnye-vybory-v-shvedskiy-riksdag-trevogi-i-ozhidaniya/>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Widfeldt A. (2015) *Extreme Right Parties in Scandinavia*, New York: Routledge.

Проблемы Старого света

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-106-124

Особенности наращивания военного потенциала ФРГ при К. Аденауэре и А. Меркель

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Отдел Европы и Америки, ЦНИИ глобальных и региональных проблем
Институт научной информации по общественным наукам РАН, 117997,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: 1trunov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7092-4864

ЦИТИРОВАНИЕ: Трунов Ф.О. (2019) Особенности наращивания военного потенциала ФРГ при К. Аденауэре и А. Меркель // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 106–124.
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-106-124

Статья поступила в редакцию 25.06.2019.

АННОТАЦИЯ. В статье отмечается исключительная роль военного фактора во внешней политике прусского, а затем и германского государства. Указывается последовательное стремление ФРГ укрепить свое влияние и увеличить роль в Европе и мире еще с периода становления Боннской республики, приобретшее на современном этапе наиболее отчетливые формы. В ракурсе пересечения этих двух тенденций ставится вопрос о значении фактора военной мощи (в том числе эволюции форм его развития и использования) во внешнеполитической линии ФРГ. В статье предпринята попытка найти ответ посредством обращения к особенностям наращивания военнополитического потенциала страны в эры К. Аденауэра и А. Меркель, когда этот процесс приобретал повышенное значение и скорость развития. Изучаются меры К. Аденауэра по недо-

пущению в адрес ФРГ обвинений в ремилитаризации в период быстрого роста потенциала бундесвера: формула «растворения» бундесвера в союзнических военных структурах (прежде всего НАТО), концепция «стратегической сдержанности» и жесткое лимитирование «потолка» численности соединений. Исследуется эволюция этих элементов стратегической культуры ФРГ к началу «эры Меркель» и в ходе нее. Особое внимание в этой связи уделяется вопросам использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО. Сравниваются особенности использования вооруженных сил ФРГ под эгидой Альянса, направленность и общая динамика его планируемого усиления в периоды канцлерства К. Аденауэра и А. Меркель. Делается вывод о степени преемственности двух канцлеров в области строительства вооруженных сил.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. *ФРГ, ремилитаризация, бундесвер, НАТО, Аденауэр, Меркель*

На протяжении практически всей новой и новейшей истории прусского, а затем и германского государства фактор военной мощи имел исключительное значение для внешнеполитических деятельности и планирования страны. Наличие, готовность и способность использовать мощный военно-силовой потенциал являлись важнейшей частью позиционирования Германии как европейской и тем более мировой державы, иллюстрацией чему являются эпохи Фридриха Великого (1740–1786), Второго (1871–1918) и Третьего (1933–1945) рейхов. В свою очередь, критическое ослабление военной мощи после подписания Версальского мира (1919) воспринималось в качестве основополагающего признака слабости Веймарской республики (1919–1933).

После окончания Второй мировой войны характер конфликтов, имеющих ярко выраженную силовую фазу, равно как и подход к использованию вооруженных сил существенно эволюционировали. Если до Второй мировой войны включительно все количественные характеристики – в первую очередь численность соединений, личного состава, единиц парка вооружений и военной техники (ВиВТ), площадь зоны боевых действий – лишь увеличивались, то затем стала наблюдаться противоположная тенденция. Одной из ключевых причин являлось осознание значения и последствий потерь всех видов в широкомасштабных конфликтах на основе опыта самой разрушительной войны в истории человечества и с учетом быстрого развития спектра вооружений, прежде всего массового поражения и уничтожения. Соответственно, в реалиях конца XX – начала XXI вв. в обратной пропорциональности с масштаб-

ным уменьшением всех количественных параметров вооруженных сил находится рост военной и политической ценности одного отдельного взятого соединения (части, подразделения), а также широты выполняемых ими функциональных и географических задач. Так, развернутые НАТО в Восточной Европе или под эгидой ООН в Мали батальонные тактические группы выполняют задачи бригадного и даже дивизионного уровня применительно к реалиям «классической» «холодной войны». Соответственно, любое современное наращивание бундесвера имеет существенно большее значение, чем аналогичные по масштабам шаги, осуществленные в 1970-е или 1980-е гг.

Кроме того, с начала 1990-х гг. скорректировалось и целеполагание в области строительства вооруженных сил. С 1990-х гг. в мире и особенно в Европе первоочередной задачей становилось уже не только и не столько само ведение боевых действий (с максимальным засекречиванием особенностей подготовки к ним), но демонстрация самой способности делать это, притом максимально эффективно. В этой ситуации не только допустимо, но и необходимо обеспечение транспарентности при проведении учений и в целом реализации широкого круга мер по наращиванию военного потенциала. Иллюстрацией тому служит активное освещение в СМИ интенсифицированной военно-тренировочной деятельности стран «коллективного» Запада и России (а также увеличение числа военных инцидентов между ними) в условиях вступления их отношений в стадию конфронтации (с 2014 г.).

Неотъемлемой составляющей позиционирования страны в качестве дееспособного и тем более полновесного военного игрока является, особенно с начала 1990-х гг., участие вооруженных сил в обеспечении мира и без-

опасности в третьих *конфликтотенных* странах. Функционал такого использования весьма широк, включая преимущественно небоевые задачи (в первую очередь, мероприятия по миротворчеству и поддержанию мира, военно-тренировочной деятельности), все чаще сопряженные с точечным или как минимум весьма ограниченным с точки зрения масштаба боевым применением вооруженных сил.

Традиционно термин «поднимающая держава» употребляется применительно к государствам, расположенным за пределами Евро-Атлантического сообщества. Однако в списке его стран-участниц есть как минимум один пример игрока, последовательно усиливающего влияние и увеличивающего свою роль на мировой арене – это ФРГ. При этом истоки и отправная точка этого процесса уходят еще в период становления Боннской республики, т.е. «эру Аденауэра», а в наиболее отчетливой форме амбиции Германии проявляются в «эру Меркель» и, с высокой долей вероятности, будут продолжать реализовываться в эпоху пост-Меркель. Успешное движение к положению региональной и тем более глобальной державы невозможно без наличия, грамотного использования и развития мощного военного потенциала. Для Германии, с учетом ее исторической ответственности за развязывание Второй мировой войны, этот вопрос имеет особое звучание. Страна не может производить ОМП и ОМУ (ядерное, биологическое и химическое оружие), распоряжаться и владеть им, что в качестве добровольного обязательства было оформлено в договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990)¹. В

соответствии с этим документом ФРГ также принимала на себя обязательства по лимитированию максимального предела численности военнослужащих в 370 тыс., в том числе не более 345 тыс. в составе сухопутных войск и ВВС суммарно². Такие ограничения были весьма чувствительны для Германии в реалиях начала 1990-х гг. Однако, как уже отмечалось выше, в последующую четверть века наблюдалось масштабное сокращение (в ряде случаев на порядок) количественных характеристик вооруженных сил всех ведущих государств мира. Разумеется, эта тенденция затронула и ФРГ – бундесвер к середине 2010-х гг. оказался на отметке более чем в 2 раза (!) низкой по сравнению с «потолком», установленным договором об окончательном урегулировании. С учетом обозначенного выше роста ценности одной отдельной взятой части (соединения) это создает колоссальный задел для наращивания потенциала вооруженных сил ФРГ на обозримую перспективу.

Дважды ФРГ вставала перед необходимостью существенного наращивания военного потенциала – в 1950-е гг. и в середине – второй половине 2010-х гг., то есть в периоды канцлерства К. Аденауэра и А. Меркель. При этом в обоих случаях закладывались основы перспективного облика бундесвера с временным диапазоном как минимум на 15–20 лет. Де-факто в обоих случаях от результативности, правильно избранных форм и скорости создания вооруженных сил зависела дееспособность ФРГ и ее роль в Евро-Атлантическом сообществе (в том числе в НАТО) и мире в целом. При этом канцлеру-основателю Боннской республи-

1 Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. (1994) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. М.: Международные отношения. С. 34–37.

2 Там же.

ки пришлось строить ее военный потенциал «с нуля», а первой бундесканцлерин – после длительного (25-летнего) масштабного сокращения личного состава и единиц парка ВиВТ. Вместе с тем в обоих случаях решение задачи облегчалось наличием «платформы» перспективных вооруженных сил. Для К. Аденауэра она была теоретической и исходила из использования передового военного опыта как Третьего рейха, так и западных держав (США, Великобритании и Франции), что позволило быстро (в течение 6–7 лет) «построить» эту «платформу», затем лишь наращивая ее. В «эру Меркель» таковая, составленная из войск, способных эффективно решать задачи как вдоль периметра зоны ответственности НАТО, так и на значительном удалении от нее, уже существовала. Однако перед обоими канцлерами попутно неизбежно вставала другая проблема, но уже политико-идеологического характера – избежать критики ФРГ в ремилитаризации.

Задача данной статьи – проведение компаративного анализа мер по обеспечению успешного наращивания военной мощи в периоды канцлерств К. Аденауэра и А. Меркель (и эпоху пост-Меркель). Основными методами исследования избраны ивент-анализ и сравнительный анализ значимых военных и политических шагов и мер.

Отечественными и западными, в первую очередь собственно германскими, исследователями опубликован большой массив работ по различным вопросам развития бундесвера [Von Bredow 2017; Kernic, Callaghan 2003; Varwick 2007]. Однако сама тематика наращивания военного потенциала ФРГ (прежде всего, из-за фактического табу на термин «ремилитаризация» в стране) нашла достаточно ограниченное освещение в этих трудах. Лишь с 2017 г. Министерство обороны Германии ста-

ло конкретизировать планы по переходу к модели развития перспективного бундесвера, основанной на планомерном росте всех его ключевых показателей. С учетом этого вопросы современного развития бундесвера и тем более его сопоставления с аналогичным процессом в «эру Аденауэра» хотя и стали разрабатываться активно [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018; Glatz, Zapfe 2018], но все же изучены пока недостаточно. Вместе с тем подобные исследования существенно облегчили бы поиск ответа на вопрос о настоящей и перспективной роли военного фактора в реализации и планировании внешней политики ФРГ.

Дилемма масштабного наращивания военного потенциала и недопущение критики в ремилитаризации: способы разрешения

Образованная в 1949 г. Боннская республика своими создателями во главе с К. Аденауэром провозглашалась как государство, успешно осуществляющее процесс денацификации. С учетом ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны перед ФРГ встали две крайне острые проблемы. Первая из них – создание собственных вооруженных сил, вторая – формы их возможного использования. В основе разрешения второй проблемы лежал принципиальный добровольный отказ Боннской республики от боевого наступательного применения своего военного потенциала. Любой пересмотр этого положения автоматически возвращал Германии статус агрессора и ставил под сомнение реальность осуществления денацификации.

Намечая путь решения первой проблемы, К. Аденауэр стремился максимально отойти от модели внутри- и

внешнеполитического развития Веймарской республики. С одной стороны, она в германской (и мировой истории) олицетворяла собой символ слабости и нестабильности. Так, на Веймарскую Германию были наложены жесткие *внешние* ограничения в вопросах численности личного состава, а также и разработки и производства весьма широкого спектра видов вооружений и военной техники (ВиВТ). С другой стороны, в период относительного подъема (во второй половине 1920-х гг., особенно благодаря усилиям министра иностранных дел Г. Штресемана) Веймарская республика осуществила отнюдь не провальную попытку сближения и даже вхождения в число «западных демократий» [Киссинджер 1997, с. 237–256], начавших оформляться как политический лагерь после Первой мировой войны. Иллюстрацией успехов этой линии стало подписание Локарнских соглашений (1925). Одной из ключевых целей политической линии, обозначенной Г. Штресеманом, являлось постепенная ремилитаризация Германии на основе консенсуса с западными союзниками. Результатами этой политики во многом воспользовался А. Гитлер (до 1936 г.), осуществлявший первые шаги по созданию вермахта – посредством наращивания и частично «доведения до ума» «платформы» перспективных вооруженных сил, созданных в Веймарской Германии – при фактическом попустительстве, а в ряде случаев и открытым соглашии «западных демократий». Примером такой тактики служит британо-германское морское соглашение (1935) [Уткин 2000, с. 6–44].

Во *внутриполитической* сфере К. Аденауэр считал ключевой слабостью Веймарской республики отсутствие сильного, дееспособного партийно-политического Центра. Соответственно, задачами К. Аденауэра являлись, во-первых, обеспечение ориентирования максимально широкого спектра (в идеале – всех) политических сил и ведомого ими электората на центр как некую идеальную точку [Юдина 2019, с. 56–62]. Во-вторых, канцлер – основатель ФРГ стремился обеспечить успешное функционирование политической системы, основанной на ведущей роли двух центристских партий-«китов» – блока Христианского демократического союза (ХДС) и Христианского социального союза (ХСС) (как ключевой опоры) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Несмотря на конкуренцию с христианскими демократами, наличие сильной центристской СДПГ было все же выгодно К. Аденауэру, так как позволяло обеспечить «поправление» не только электората фланговых «левых» политических сил (так, КПП потеряла статус парламентской партии, начиная с выборов в Бундестаг 2-го созыва)³, но и позиции социал-демократов по военным вопросам. СДПГ Боннской республики дрейфовала от идей пацифизма классических «левых». Акцентируя внимание на центризме, трактуемом как наличие общей заинтересованности в укреплении дееспособности Боннской республики, К. Аденауэр сумел в 1952–1954 гг. обойти противление большинства депутатов фракции СДПГ в Бундестаге⁴ в вопросе воссоздания национальных вооруженных сил и возвращения ко всеобщей воинской повинности

3 Ergebnisse der Bundestagswahlen // Wahlrecht // <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm>, дата обращения 31.10.2019.

4 Архив Посла Степанова А.И. // ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 123-о.

для их комплектования. Полвека спустя (1994) эта же схема была реализована канцлером Г. Колем при обсуждении всеми тремя ветвями властями – Федеральным конституционным судом и Бундестагом по инициативе федерального правительства – вопроса о снятии ограничений на использование бундесвера вне зоны ответственности НАТО. Положительное решение было обеспечено в том числе благодаря поддержке большинства депутатов СДПГ (хотя небольшая их часть, как и в 1954 г., выступила жестко против) [The Bundeswehr 2009, pp. 38–39].

С учетом опыта «западных демократий» удалось создать политическую систему с доминированием двух народных партий-«китов» – демонстрируя восходящую динамику, блок ХДС/ХСС и СДПГ суммарно набирали 75–82% голосов в «эру Аденауэра»⁵ (начиная с выборов в Бундестаг 2-го созыва), что обеспечило канцлеру – основателю Боннской республики широкий консенсус по вопросам обороны. На этом фоне основным внешним препятствием на пути осуществления комплекса мер по созданию вооруженных сил ФРГ являлась необходимость избежать или минимизировать риск обвинений Боннской республики в ремилизации. В этой связи К. Аденауэр заложил три основополагающих принципа линии ФРГ в военно-политической сфере: «растворения», «стратегической сдержанности» и жесткого лимитирования числа соединений в бундесвере.

Принцип «растворения» бундесвера

Эта формула характеризует постоянное интегрирование вооруженных сил ФРГ в состав союзнических – в первую очередь войск НАТО, а также создаваемых общеевропейских военных сил. Так, из предельной планируемой численности западногерманских войск (605 тыс. солдат и офицеров) свыше 80% (500 тыс.) должны были быть переданы под командование штабных структур НАТО – в первую очередь, это 12 дивизий наземных войск, 22 авиаэскадры, 2 оперативные флотилии⁶. Под национальным командованием оставались лишь территориальные войска и их штабы, ответственные за организацию обороны на местах в случае угрозы вторжения в ФРГ⁷. Де-факто они выполняли функции сил поддержки регулярных соединений, интегрированных в состав группировок НАТО. Тем самым Боннская республика, согласно замыслам К. Аденауэра, отказывалась от строительства национальных вооруженных сил в «классическом» понимании⁸. Необходимо отметить, что в соответствии с канонами прусской, а затем и германской стратегической культуры в принципе не допускалась возможность передачи собственных войск под командование какой-либо другой страны (группы стран).

Для образующих Евро-Атлантическое сообщество государств, особенно трех ведущих держав (США, Велико-

5 Ergebnisse der Bundestagswahlen // Wahlrecht // <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm>, дата обращения 31.10.2019.

6 Armee im Kalten Krieg (2015) // Bundeswehr, February 5, 2015 // https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/stre- itkraefte/grundlagen/geschichte/anfaenge/lut/p/z1/hU67DolwFP0WB9beKwREN5yEMJBAlnQxBWrBFepKBT9fDJ0JxLOdZ- w5QyIH2bGoFM63qmVx4Qb3b2Y-z2D7atuv5iOE-Sy5h5NqICNd_AbrYulEAla05FMvGYXvDhRQo0Aeb2lsMShvJDWHV5yEU- DetryRNVBasQARVSlev1oC8dXwDV_M411-SpF7kxZhhPFlo4zzMRSgnJSaU6C39VGjUayL-TMHT5jl4rpzjYvQHa73Ab/dz/d5/ L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTl292256800l1TPHlJ52005, дата обращения 31.10.2019.

7 Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Im Auftrage der Bundesregierung herausgeben vom Bundesminister der Verteidigung. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, S. 195.

8 Архив Посла Степанова А.И. // ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. О. 1. Д. 18. Л. 124-о.

британии и Франции) и стран Бенилюкса, это открывало возможность *эффективно* контролировать процесс восстановления мощи Западной Германии. Такое «включенное участие» (посредством использования управленческих структур с совместным членством) было несомненно выгоднее для всех сторон по сравнению с периодом Веймарской республики (1919–1933). В ту эпоху жесткие тактические меры оказались неэффективными (в том числе, вследствие выноса ключевых производств и развития технологий за пределами Германии – в Нидерландах, Швеции, СССР и Испании) и в итоге привели к стратегическим уступкам уже в пользу Третьего рейха. В свою очередь, Боннская республика получала возможность легально, то есть на основе консенсуса с западными державами (США, Великобритания, Франция), восстановить свою мощь. Особое внимание К. Аденауэр уделял полноценному участию западно-германской стороны в работе органов управления НАТО – как политических, так и военных. Введя офицеров бундесвера в штабы Альянса, руководство Боннской республики получало, в частности, возможность принимать участие в управлении военными контингентами западных держав и стран Бенилюкса, размещенными на территории ФРГ. С момента вступления страны в НАТО (1955) они меняли свой статус с оккупационных на союзнические, что позволило К. Аденауэру говорить об обрете-

нии Западной Германией формального суверенитета⁹ в военно-политической – применительно к данному вопросу наиболее чувствительной – сфере.

Даже в реалиях постбиполярного миропорядка у руководства Германии ограничены возможности влияния на изменение численности (особенно в сторону серьезного уменьшения) размещенных на территории страны союзнических контингентов. Страны Бенилюкса и Франция сократили численность своих войск на территории ФРГ до номинальных, близких к нулю показателей¹⁰. Отчасти это компенсируется наличием общих постоянно действующих двусторонних военных механизмов – с официальным Парижем (франко-германская бригада) и Амстердамом (1-й германо-нидерландский корпус, который является единственным объединением корпусного уровня в составе бундесвера). Качественно иной является ситуация с военным присутствием англо-саксонских держав. Вопреки ранее заявленным планам, Министерство обороны Великобритании отказалось от полного вывода своего контингента с территории ФРГ (даже в случае реализации Брекзита)¹¹. Уже при администрации Б. Обамы траектория военного присутствия США на территории Германии изменилась на 180°. Официальный Вашингтон перебросил в расположение своих войск на территории ФРГ крупную партию боевой техники, в первую очередь 250 танков¹². Вопреки

9 Там же. Л. 158-о.

10 Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, JörnWunderlich und der Fraktion DIE LINKE. Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5604, 14.07.2015, s. 1–2.

11 Why Britain Will Keep Its Army in Europe after Brexit (2018) // The Local, October 1, 2018 // <https://www.thelocal.de/20181001/brtain-to-keep-army-presence-in-germany-after-brex-it>, дата обращения 31.10.2019.

12 Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, JörnWunderlich und der Fraktion DIE LINKE. Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5604, 14.07.2015, s. 1–2.

не согласованному с советниками заявлению Д. Трампа о необходимости сократить военное присутствие США на германской земле перед Брюссельским саммитом НАТО (2018), оно, наоборот должно, возрасти на 1,5 тыс. военнослужащих (до 35 тыс. солдат и офицеров) к концу 2020 г.¹³ С точки зрения автора, помимо «российской угрозы», сохранение и тем более наращивание военного присутствия англо-саксонских держав на территории ФРГ рассматривается ими как один из инструментов влияния на официальный Берлин. Одна из тактических задач этих действий – обеспечить увеличение военных расходов Германии до «планки» в 2% (установленной как обязательная к 2024 г. на Уэльском саммите НАТО, 2014), стратегическая цель – остановить или как минимум затормозить рост влияния ФРГ в Альянсе и в рамках евро-атлантической региональной подсистемы в целом.

В этой связи стоит отметить отсутствие германских военных баз на территории западных держав. При этом официальный Берлин на ротационной основе держит свои войска на военных базах как в Восточной Европе (аэродром Эмари, Эстония; военный городок в районе Рукла, Литва) под эгидой сил передового развертывания НАТО, так и на территории конфликтогенных стран Азии и Африки. В этой связи особо следует отметить базы «Мармаль» (г. Мазари-Шариф на севере Афганистана, под эгидой НАТО), «Геко» (г. Куликоро, центральная часть Мали, ЕС), «лагерь Кастро» (г. Гао на севере Мали, ООН)¹⁴. Формально на всех этих

объектах дислоцированы многонациональные силы под эгидой профильных международных структур, однако де-факто и в большинстве случаев де-юре бундесвер на этих базах выполняет функции «рамочного государства». Эта формула означает принятие руководства – как общего, так и в решении ключевых вопросов (осуществление охраны, логистики, технического обслуживания) и предоставления не менее 20–40% от общей численности личного состава и единиц вооружений и военной техники.

Формула «рамочного государства» является производением двух многожителей: принципа «растворения» и стремления Германии к лидерству. В совокупности они были актуализированы в политической практике К. Аденауэром, достигнув в «эру Меркель» высокой степени отточенности.

Принцип «стратегической сдержанности»

В тесной корреляции с принципом «растворения» ФРГ применяет концепцию «стратегической сдержанности». В ее основе лежит принцип предельно взвешенного (во всяком случае де-юре) подходе к использованию своего военного инструментария с точки зрения последствий для системы международной безопасности в целом. Если принцип «растворения» был направлен на снятие опасений относительно ремилитаризации ФРГ только со стороны партнеров по Евро-Атлантическому сообществу, то концепция «стратегичес-

13 U.S. Military to Send 1,500 More Soldiers to Germany by late 2020 (2018) // Reuters, September 7, 2018 // <https://www.reuters.com/article/us-usa-military-germany/u-s-military-to-send-1500-more-soldiers-to-germany-by-late-2020-idUSKCN1LN299>, дата обращения 31.10.2019.

14 Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019, s. 6–12.

кой сдержанности» – весьма широкого круга акторов, в том числе за пределами «коллективного» Запада.

В «эру Аденауэра» идея «стратегической сдержанности» реализовывалась в виде добровольного отказа ФРГ от использования собственно боевых подразделений и частей (не говоря уже о соединениях и объединениях) вне зоны ответственности НАТО, а де-факто за пределами самой Германии. Тем самым, с одной стороны, Боннская республика в очередной раз демонстрировала принятие роли ведомого старшими партнерами в лице западных держав, которые активно использовали военно-силовой потенциал – в первую очередь, по традиционному назначению – за пределами Евро-Атлантического сообщества. С другой стороны, отказ от участия в затяжных и кровопролитных войнах в колониях и бывших колониях (в первую очередь, три индокитайские войны и война в Алжире) партнеров по НАТО дал Боннской республике значительные преимущества. Ее политическая система, равно как и экономика, не подверглась воздействию «шоков» – больших потерь, колоссальных финансовых издержек, ослаблению влияния института государственности власти как внутри, так и вовне. Напротив, доминирование позиций блока ХДС/ХСС и СДПГ усиливалось (к середине 1970-х гг. рейтинг их суммарной электоральной поддержки перешагнул рекордный показатель в 91%¹⁵), а бундесвер, чьи военнослужащие не сталкивались ни с «вьетнамским», ни с «алжирским» синдромом, стал играть роль «станового хребта» группировки НАТО в Европе. Соответственно, в 1960-е – середине 1970-х гг. в условиях некоторого ослабления мощи и влияния Евро-Атланти-

ческого сообщества в целом роль в нем ФРГ как в абсолютном, так и в относительном отношении возросла. При выстраивании диалога со странами «третьего мира» Боннская республика сфокусировала внимание на использовании экономического инструментария (углубление и разветвление внешне-торговых связей, предоставление официальной помощи развитию), в большинстве случаев де-факто применяя его в качестве «мягкой силы» и тем создавая основу для прочного хозяйственно-политического присутствия.

Образование «новой ФРГ», включившей в свой состав территории (и ресурсный потенциал) бывшей ГДР с согласия бывших держав-победительниц, в реалиях постбиполярного миропорядка актуализировало вопрос о применении бундесвера вне Европы. С 1991 г. правительство Г. Коля / Г.-Д. Геншера (блок ХДС/ХСС и СвДП) стало осуществлять это де-факто, а в 1994 г. была оформлена юридическая процедура использования германских военных вне зоны ответственности НАТО – под постоянным контролем Бундестага на основании запросов правительства [The Bundeswehr 2009, pp. 38, 52–58]. Ее успешное (формально без единого сбоя) функционирование позволило упростить (с 2005 г.) порядок получения исполнительной властью санкции на продление (даже в случае изменения списка задач и численности контингента бундесвера) миссии профильными комитетами и депутатским корпусом Бундестага в целом [The Bundeswehr 2009, p. 39]. Означали ли эти шаги отказ от концепции «стратегической сдержанности»? Нет, они привели лишь к ее серьезной эволюции. Начиная с «эры Коля», основу идеи «стратегической

15 Ergebnisse der Bundestagswahlen // Wahlrecht // <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm>, дата обращения 31.10.2019.

сдержанности» составлял отказ от собственно *боевого* использования бундесвера за пределами Европы.

В 1990-е гг. ключевым направлением применения германских вооруженных сил вне зоны ответственности НАТО являлась территория распадавшейся Югославии. Для ФРГ активное участие в формировании постюгославского пространства – в том числе с помощью активного использования военного инструментария – стало средством возвращения «нормальности» во внешней политике. Бундесвер два раза (в Боснии и Герцеговине в 1995 г. и в Косово в 1999 г.) участвовал в военно-воздушных операциях НАТО. Однако масштаб этого собственно боевого участия был весьма ограниченным – доля люфтваффе как по числу авиамашин, так и по количеству самолетовылетов от общих для группировки НАТО показателей не превышал 10–15% (см.: [Gareis 2006]). При этом именно ФРГ выступала одним из инициаторов военно-политических кризисов и последующего применения силы «коллективным» Западом в случае Боснии и особенно Косово. В этой связи показательна и одна из ведущих ролей и масштаб участия ФРГ в развертывании и деятельности контингентов по миротворчеству и поддержанию в составе профильных миссий НАТО – в Боснии и Герцеговине (1995–2003 гг.), Косово (с 1999 г.), Македонии (2001–2003 гг.). На территории БиГ и Косово контингенты бундесвера на начальной стадии своего развертывания насчитывали от 3 до 8,5 тыс. военнослужащих, а ФРГ выделялся собственный сектор ответственности [The Bundeswehr 2009, pp. 63–73]. В Македонии в ходе операции НАТО «Essential Harvest» бундесвер принял на себя роль «рамочного государства» [Varwick 2007, pp. 771–772]. Представленные примеры, с нашей точки зрения, иллюстрируют приверженность ФРГ концепции

«стратегической сдержанности» даже на югославском направлении. Первоочередное внимание уделялось все же небоевому использованию бундесвера (в тесном сочетании с использованием политико-дипломатического инструментария). Оно, как и строго лимитированное собственно силовое применение германских войск (в Европе и мире впервые со времени окончания Второй мировой войны), целью имело утверждение ФРГ в международно признанной роли региональной державы.

С начала XXI в. Германия стала следовать по пути превращения в полноценного глобального игрока. Неотъемлемой составляющей этого процесса стало резкое расширение географии и увеличение масштабов использования бундесвера за пределами Европы – в основном, в конфликтогенных странах Азии и Африки. С начала 2000-х гг. одним из основных направлений стал Афганистан, во второй половине 2000-х гг. к таковым относился Ливан, а с середины 2010-х гг. в их число вошло Мали. Усилия бундесвера были сосредоточены на реализации мер по миротворчеству и поддержанию мира, а также военно-тренировочной деятельности. Действуя исключительно в составе коалиционных миссий (на основе мандатов и под эгидой профильных международных структур), бундесвер стремился играть повышенную роль в работе штабов («мозга» операций) и осуществлении тактической разведки, в том числе применяя для этого беспилотную летательную технику (преимущественно германского производства). К середине 2010-х гг. отчетливо вырисовалась модель применения бундесвера в зонах наиболее значимых (как с военной, так и с политической точек зрения) вооруженных конфликтов. На первых этапах их урегулирования бундесвер выполнял задачи по «разгрузке» партнеров по НАТО и ЕС, чьи войска

непосредственно вели боевые действия с наиболее радикальными сторонами вооруженных конфликтов – в первую очередь, структурами международного терроризма. В условиях нанесения им поражения (но отнюдь не разгрома) бундесвер постепенно (по прошествии 2–4 лет) принимал на себя функции «рамочного государства» как в деятельности по поддержанию мира, так и в реформе сектора безопасности стран, стремящихся выйти на путь постконфликтного развития. Территориально обычно зона повышенной ответственности германских военных ограничивалась 3–6 провинциями. За пределами Европы наиболее отчетливо данная модель была реализована в Афганистане (под эгидой НАТО с 2001 г., переход к фазе наращивания усилий с 2003 г. [Hett 2005, pp. 12–18]) и Мали (в рамках деятельности ООН и ЕС с 2013 г., фаза резкого увеличения активности с 2016 г. [Hanish 2015, pp. 1–2]). Эта схема, основанная на желательности применения бундесвера исключительно в небоевых формах, являлась практической реализацией идей «стратегической сдержанности», т.е. максимально взвешенного подхода к использованию бундесвера. Ее значимость для политики ФРГ в области обороны и безопасности объяснялась, во-первых, исторической ответственностью Германии за развязывание Второй мировой войны. Во-вторых, в реалиях зрелой парламентской республики на первый план выходила необходимость получить мандат Бундестага, что было крайне сложно, на проведение силовых действий в отсутствие явной экзистенциальной угрозы для самой ФРГ, и не допустить его отзыва.

Вместе с тем в Афганистане и в Мали перед бундесвером возникает дилемма: либо согласиться на боевое применение (чреватое относительно большими летальными потерями), либо вывести войска из зон конфликтов, тем перечеркнув достигнутые результаты в области стабилизации. Актуализация этой проблемы обусловлена практической сложностью полного разгрома структур международного терроризма и их возможности к перегруппировке, в т.ч. к переходу от вертикальных форм организации к горизонтальным и наоборот. Как показывает практика, вновь созданные правительственные силы безопасности не обладают ни достаточной боеспособностью, ни численностью для разгрома радикальных сил. Соответственно, это требует наращивания усилий по военно-тренировочной деятельности (с обеспечением присутствия военных советников в войсках, ведущих боевые действия) формирований из местных уроженцев и параллельно силового применения миротворческих контингентов – в том числе, для защиты своих военнослужащих. В обоих случаях (в Афганистане и Мали) наблюдается наращивание Германией контингентов, переброска дополнительных парков новейшей боевой и разведывательной техники на военные базы ФРГ¹⁶. Показательна интенсификация их посещения в 2018–2019 гг. профильными федеральными министрами – иностранных дел Х. Маасом и обороны У. фон дер Ляйен. Эти шаги указывают на готовность официального Берлина не только де-факто, но и де-юре пойти на изменение формата миссий в сторону включения боевой составляющей. Причем во время инспек-

16 Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019, s. 6–12.

ционной поездки в Афганистан в марте 2019 г. глава внешнеполитического ведомства Х. Маас подчеркнул готовность сохранить германское военное присутствие в рамках миссии «Resolute Support» НАТО в северных афганских провинциях даже в случае возможного вывода войск США¹⁷. С высокой долей вероятности это будет означать новый этап эволюции идей «стратегической сдержанности» применительно к использованию бундесвера вне зоны ответственности Альянса.

В военно-политической плоскости Германия также стремилась придерживаться «стратегической сдержанности». В 2014 г. это проявилось в ее отказе от активного использования бундесвера в военных учениях НАТО в Восточной Европе, интенсивность которых резко возросла. Вторым проявлением, уже на протяжении середины – второй половины 2010-х гг., стало серьезное отставание ФРГ от США в темпах и, главное, масштабах развертывания наземного военного присутствия (на ротационной основе) под эгидой НАТО – как в восточноевропейском регионе, так и в Скандинавии. Так, Белый дом (что продемонстрировало преимущество действий администраций Б. Обамы и Д. Трампа) в 2014–2019 гг. увеличил свои силы в Польше, а также странах Балтии и Румынии с пяти ротных тактических групп до тяжелой «бригады» и «ядра» батальонной тактической группы (БТГ) (к которой в 2020 г. добавится еще одна БТГ)^{18, 19}. На севере

Норвегии группировка США (создана в 2017 г., удвоена в 2018 г.) была доведена до БТГ морской пехоты²⁰. На этом фоне вклад ФРГ в усиление сил передового развертывания НАТО (т.е. первого стратегического эшелона войск Альянса) невелика – бундесвер принял на себя функции «рамочного государства» в комплектовании многонациональной БТГ СПР НАТО на территории Литвы²¹. Это, согласно нашим расчетам, составляет лишь 5–6% (!) от численности контингентов США (и аналогично в отношении количества единиц вооружений и военной техники) в составе СПР НАТО по сухопутным войскам. Частично это компенсируется весьма активным и сопоставимым с США участием ФРГ в комплектовании военно-морских (суммарно четыре группы надводных кораблей и планируется развертывание одной из подводных лодок) [Major 2018, р. 4] и военно-воздушных (одна миссия в странах Балтии) группировок сил передового развертывания НАТО. По объему вклада в создание штабной инфраструктуры Германия даже опережает своего заокеанского партнера.

Однако это лишь оттеняет общую колоссальную разницу масштаба участия двух держав в развитии СПР на фоне того, что ФРГ последовательно стремится к усилению своего влияния в НАТО. Приведенный показатель (5–6% от США по наземным войскам) резко контрастирует с вкладом бундесвера в развитие первого страте-

17 Außenminister Heiko Maas wirbt für Afghanistan-Mission (2019) // Frankfurter Allgemeine, March 11, 2019 // <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/aussenminister-heiko-maas-wirbt-fuer-afghanistan-mission-16082574.html>, дата обращения 31.10.2019.

18 См.: Warsaw Summit Communiqué (2016) // NATO, July 9, 2016 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm, дата обращения 31.10.2019.

19 Tucker P., Williams K.B. (2019) US to Send 1,000 More Troops to Poland // Defense One, June 12, 2019 // <https://www.defenseone.com/politics/2019/06/us-send-1000-more-troops-poland/157635/>, дата обращения 31.10.2019.

20 US Doubles Number of Marines Stationed in Norway (2018) // The Local, August 15, 2018 // <https://www.thelocal.no/20180815/us-to-double-number-of-marines-in-norway>, дата обращения 31.10.2019.

21 Wenig Resonanz auf Propaganda (2017) // Tagesschau, June 16, 2017 // <https://faktenfinder.tagesschau.de/ausland/bundeswehr-litauen-107.html>, дата обращения 31.10.2019.

гического эшелона войск Альянса в годы «первых изданий» холодной войны. Тогда доля войск Боннской республики составляла не менее 50% от его общей численности [Fleckenstein 1990, pp. 1–5], и они играли роль «станового хребта». Сектора ответственности четырех западногерманских корпусов перемежались («накладывались» друг на друга для упрочения стыков войск) с зонами оперирования соединений войск западных держав (США, Великобритания, Франция) и стран Бенилюкса на территории ФРГ [The Bundeswehr 2009, p. 14].

Чем обусловлена представленная разница? Во-первых, в реалиях нынешней холодной войны ФРГ уже не находится на передовой противостояния, а следовательно, совсем по-иному воспринимает гипотетические угрозы безопасности. Во-вторых, как уже отмечалось выше, потенциал бундесвера к середине 2010-х гг. существенно сократился по сравнению с периодом конца 1980-х гг. Еще более значимо то, что силы общего назначения (к которым относился весь западногерманский бундесвер периода 1955–1990 гг.) с начала 1990-х гг. стали объектом постоянных сокращений (как личного состава, так и числа единиц ВиВТ). Внимание было сфокусировано на создании относительно небольших (эквивалентных 1–2 бригадам) высококомобильных сил кризисного реагирования, способных оперативно развернуться и выполнять широкий круг задач вне зоны ответственности Альянса. Во второй половине 2010-х гг. в ходе очередного этапа военной реформы на первый план вновь была поставлена задача усиления войск общего назначения, однако подобный

(и в количественном и в качественном отношении) разворот германской «военной машины» требует определенного времени. И все же, с нашей точки зрения, ключевой является третья причина – стремление ФРГ к максимальной гибкости и политической эффективности использования военного инструментария в рамках НАТО. Иллюстрация тому – исключительное внимание, которое отводит официальный Берлин принятию бундесвером роли «рамочного государства» уже в кратко- и среднесрочной перспективе в деле комплектования и деятельности сил быстрого реагирования (СБР) Альянса – его второго стратегического эшелона, размещенного в глубине (а не вблизи границ РФ, как в случае СПР). ФРГ поддержала комплекс решений сентября 2014 г. – февраля 2015 г. об увеличении СБР с 15 до 40 тыс., притом что именно в этот период на бундесвер (а также вооруженные силы Нидерландов и Норвегии) была возложена ключевая нагрузка за комплектование СБР. В нарушение установленной первоначально (2014) очередности Германия не с осени 2021 г., а уже с 1 января 2019 г. приняла на себя роль «рамочного государства» в комплектовании бригады сверхповышенной боевой готовности СБР²² – их «острия копья». Согласно официальным планам строительства вооруженных сил, уже к концу 2023 г. в составе бундесвера должно быть создано профильное соединение (с приданными ему германскими же компонентами поддержки: военно-морской, военновоздушной, сил специальных операций и киберобороны), способное на постоянной основе выполнять функции бри-

22 Germany Steps up to Lead NATO High Readiness Force (2019) // NATO, January 1, 2019 // https://www.nato.int/cps/ie/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en, дата обращения 31.10.2019.

23 Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen (2017) // Deutscher Bundeswehrverband, April 19, 2017 // www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/, дата обращения 31.10.2019.

гады сверхповышенной боевой готовности СБР Альянса²³.

К 2027 г. в наземных войсках Германии в дополнение к двум имеющимся «тяжелым» (и одной «легкой», т.е. СКР) дивизиям появится еще одна «тяжелая» дивизия. Другое такое же соединение (и еще одно «легкое») должно быть развернуто к 2032 г. В тесной связи с наращиванием сухопутных войск находится развитие морине и люфтваффе²⁴. Указанные меры в области строительства вооруженных сил – в первую очередь, сухопутных – должны позволить ФРГ играть роль «рамочного государства» при развертывании группировок СБР (в том числе в случае увеличения их формальной численности до 60–70 тыс. военнослужащих) в целом, а также СПР. При этом с высокой долей вероятности Германия будет достаточно медленно наращивать свое наземное ротационное присутствие в Восточной (и тем более создавать его в Северной) Европе. Официальный Берлин отладил военно-логистические цепочки (что показали учения «Anakonda 2016» в Польше и «Trident Juncture 2018» в Норвегии²⁵), что позволяет быстро выдвигать массы личного состава и техники бундесвера из глубины зоны ответственности НАТО в необходимом направлении без их регулярного нахождения там. Схематически этот подход (в основе которого лежит преимущественное использование бундесвера в составе второго, а отнюдь не первого стратегического эшелона Альянса) в корне отли-

чается от того, что применялся во время «первых изданий» холодной войны. Однако оба они направлены на достижение единой цели – увеличение военной роли ФРГ в НАТО в условиях роста потенциала бундесвера, что сопряжено с подъемом политического веса Германии в Альянсе. Иллюстрация тому – особая, то есть отличная от США, линия официального Берлина в широком спектре военных вопросов, в том числе пресловутом росте военных расходов до отметки в 2% от ВВП. Германия встала на путь последовательного роста всех своих военных показателей – в том числе ассигнований в увязке с динамикой увеличения численности личного состава и единиц ВиВТ собственных войск, но абсолютно не готова принять навязывание Белым домом скорости и результатов этих процессов.

Рост потенциала бундесвера должен обеспечить увеличение объемов его использования не только под эгидой НАТО, но и под эгидой ЕС. Как показал запуск платформы PESCO в ноябре 2017 г. (с увеличением числа проектных комитетов в 2 раза в ноябре 2018 г.)²⁶, направленной на углубление сотрудничества в военно-технической области и использования национальных вооруженных сил, по инициативе германо-французского тандема, официальный Берлин заинтересован в развитии потенциала «стратегической автономии» ЕС. Соответственно, часть вновь создаваемых подразделений и частей бундесвера (особенно из числа «легких» бригад и

24 Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen. 19.04.2017. // www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/, дата обращения 31.10.2019.

25 Trident Juncture 2018: Die logistische Rückführung (2018) // Bundeswehr, November 16, 2018 // https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/lut/p/z1/hY_NCoMwEITfYl2KSXo0SIs0aOm_uZSgwVpsliGVHvrwjRS8SfcwsDO737lg4ApCy7FrpeuMlr3vK4FvJPlj1ZRx8UoZwXtEwifClawxku_0aEj9FCpQgOjYlKM8gio8RwAAGIUUftfHKTOqVd57W10hkbDMa6fkpe1vok6BqoUJixkMynwg_D203MMSFZzvYT8CFH-Z53ZT09DdVd6qZXO1OnP2N4rmlRJO0XRxWM9Q!!!/dz/d5/L2dBISvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O52010O6, дата обращения 31.10.2019.

26 Permanent Structured Cooperation (PESCO) updated list of PESCO projects – Overview – 19 November 2018 Project and Countries Part (2018) // European Union // <https://www.consilium.europa.eu/media/37028/table-pesco-projects.pdf>, дата обращения 31.10.2019.

дивизий) планируется к использованию в составе многонациональных БТГ ЕС, а также имеющихся и вновь создаваемых его миссий по миротворчеству, поддержанию мира и военно-тренировочной деятельности за пределами Евро-Атлантического сообщества²⁷.

Именно эти составляющие являются осевыми в рамках очередного этапа военной реформы, проводимой А. Меркель.

Принцип жесткого лимитирования числа соединений

В этой связи необходимо отметить еще один принцип, направленный на недопущение обвинений ФРГ в ремилитаризации, – строгое ограничение числа соединений, в первую очередь дивизий (и бригад) наземных войск. С этой точки зрения планы по строительству вооруженных сил отличались исключительной точностью и выверенностью еще с первых лет существования Боннской республики. К. Аденауэр обозначил интерес к созданию 12 дивизий наземных войск²⁸, – небезынтересно, что этот показатель в дальнейшем не вырос (!), сокращаясь с начала 1990-х гг. Очевидно внутреннее противоречие: новые соединения не создаются, а численность бундесвера постепенно, но неуклонно продолжает возрастать²⁹. Решение противоречия кроется в увеличении всех количественных показателей (и, следовательно, совокупной боевой мощи) одной отдельно взятой дивизии (бригады) – в

сухопутных войсках их расчетная численность к концу 1990-х гг. доходила до 25–30 тыс. и 8–10 тыс. соответственно (!). Таким образом, западногерманский бундесвер был армией «больших» полков, бригад и дивизий, каким он был запрограммирован в «эру Аденауэра», что в полной мере соответствовало и принципам военного строительства НАТО в целом.

Эта особенность, с одной стороны, позволяла демонстрировать «ограниченность» военного потенциала ФРГ, особенно в сравнении с Третьим рейхом. Уже на момент нападения на СССР вермахт имел 214 дивизий сухопутных войск, в том числе 20 танковых и 15 моторизованных [Чуйков, Рябов 1984, с. 14]. В свою очередь, в разгар холодной войны из 12 дивизий бундесвера 6 были танковыми, 4 мотопехотными, а также имелось по одной горнострелковой и воздушно-десантной³⁰. Разумеется, при проведении подобных сравнений замалчивались факты почти двукратного преимущества дивизии в бундесвере перед вермахтом по численности личного состава, а также наличие бронетанковых частей и в составе мотопехотных дивизий, чего в вермахте не было. С другой стороны, эта «ограниченность», особенно в глазах западной общественности, контрастировала с существенно превосходящим числом дивизий Советской Армии (и тем более с учетом ее союзников по ОВД) в Восточной Германии (не говоря уже о Восточной Европе в целом). При этом опять же замалчивался факт, что советские полки и дивизии (последние в

27 Zurück zur Kernaufgabe. Neue Struktur der Bundeswehr (2018) // Tagesschau, September 3, 2018 // <https://www.tagesschau.de/inland/bundeswehrprofil-101.html>, дата обращения 31.10.2019.

28 Архив Посла Степанова А.И. // ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 124-о.

29 Financial and Economic Data Relating to NATO Defence (1970–1991). Press Release M-DPC-2(91)105 (1991) // NATO, December 12, 1991 // https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1991_12/20100827_1991-105.pdf, дата обращения 07.06.2019.

30 Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Im Auftrage der Bundesregierung herausgegeben vom Bundesminister der Verteidigung. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1985, s. 195.

большинстве своем не имели бригадного звена) – это «малые» соединения, в 2–4 уступавшие западногерманским аналогам по численности личного состава и единиц ВиВТ.

Сохранение и развитие концепции «больших» бригад и дивизий наблюдается в ФРГ на современном этапе развития вооруженных сил. Так, общее количество дивизий в бундесвере к середине 2030-х гг. увеличится с 3 до 6, то есть лишь вдвое, и останется в два раза ниже отметки 1990 г., притом что совокупный потенциал сухопутных войск должен возрасти в 3–5 раз. Примечательно, что как имеющиеся, так и вновь создаваемые бригады (количество которых увеличится с 7 нынешних до 15–17) станут межвидовыми. Это положение означает, что при наращивании имеющегося штатного танкового или мотопехотного (в зависимости от вида соединения) «ядра» в их состав будут интегрированы дополнительные компоненты – огневая (артиллерия), военно-воздушная, сил специальных операций, киберобороны, а также при возможности и военно-морская³¹. Эта мера приведет к увеличению численности бригад (и тем более дивизий) как минимум на 15–20%, что, как и в «эру Аденауэра», останется в тени в пользу освещения роста числа дивизий у держав за пределами Евро-Атлантического сообщества, в том числе России.

Заключение

Для ФРГ, как и для прусско-германского государства, рост потенциала вооруженных сил, расширение географического диапазона и эффективности их использования являлись неотъ-

емлемой и крайней важной составляющей движения по пути увеличения своего влияния и роли на мировой арене, что особенно отчетливо проявилось в периоды канцлерств К. Аденауэра и А. Меркель. При этом данный процесс осуществлялся в формах, сильно отличавшихся от принятых в периоды существования Прусского королевства, Второго и Третьего рейхов.

Политико-военные контуры ремилитаризации ФРГ в «эру Меркель» и эпоху пост-Меркель являются глубоко эволюционировавшими формами аналогичного процесса в канцлерство К. Аденауэра. Наращивая свой военный потенциал, ФРГ, во-первых, позиционировала себя органичной частью «коллективного» Запада, обеспечивая поддержку (или как минимум вынужденное согласие) партнеров по Евро-Атлантическому сообществу на наращивание своих вооруженных сил. На достижение этой цели был направлен широкий комплекс мер по реализации формулы «растворения» (и выкристаллизовавшаяся из нее идея «рамочного государства») и концепции «стратегической сдержанности». Во-вторых, официальный Бонн/Берлин стремился в условиях наращивания своего военного потенциала избежать чрезмерного раздражения и контрмер со стороны стран, расположенных за пределами Евро-Атлантического сообщества. Для этой цели реализовывались меры в рамках концепции «стратегической сдержанности» и жесткого лимитирования числа соединений.

Опираясь на указанные принципы, К. Аденауэр в реалиях «первых изданий» холодной войны сумел достаточно быстро (основная фаза – 6–7 лет) осуществить ремилитаризацию ФРГ. С

31 Zurück zur Kernaufgabe. Neue Struktur der Bundeswehr (2018) // Tagesschau, September 3, 2018 // <https://www.tagesschau.de/inland/bundeswehrprofil-101.html>, дата обращения 31.10.2019.

учетом резко возросших на всех уровнях (прежде всего евро-атлантической региональной подсистемы и глобальном) веса и влияния А. Меркель и ее преемникам будет в целом легче обеспечивать как минимум нейтральное отношение к наращиванию мощи ФРГ. Этому будет способствовать и его плавный (в течение 12–15 лет) характер, и накопленный опыт применения принципов, заложенных К. Аденауэром.

Список литературы

Киссинджер Г. (1997) Дипломатия. М.: Ладомир.

Уткин А.И. (2000) Россия над бездной. 1918 г. – декабрь 1941 г. Смоленск: Русич.

Чуйков В.И., Рябов С.В. (ред.) (1984) Великая Отечественная 1941–1945 гг. М.: Планета.

Юдина Т.В. (2019) В поисках политического центра: Новое профилирование германских партий и борьба за понятия // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 55–77 // https://elibrary.ru/download/elibrary_37402935_76221139.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Fleckenstein B. (1990) Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. Nr. 44.

Gareis S.B. (2006) Deutschlands Außen- und Sicherheitspolitik, Opladen: Verlag Barbara Budrich.

Glatz R.L., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018) Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel. Stiftung Wissenschaft und Politik, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit // <https://www.swp-berlin.org/fileadmin/>

contents/products/studien/2018S07_kim_EtAl.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Glatz R.L., Zapfe M. (2018) Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // SWP-Aktuell, no 62, pp. 1–8 // https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2017A62_glt_Zapfe.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Hanish M. (2015) A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper, no 8, pp. 1–5 // https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/working_paper_security_policy_8_2015.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Hett J. (2005) Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell, Zentrum für Internationale Friedenseinsätze.

Kernic Fr., Callaghan J. (2003) Armed Forces and International Security: Global Trends and Issues, Münster: Lit Verlag.

Major C. (2018) Ein schwieriger Gipfel für NATO // SWP-Aktuell, no 33, pp 1–4 // <https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2018A33-mjr.pdf>, дата обращения 31.10.2019.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad (2009), Berlin: Federal Ministry of Defense.

Varwick J. (2007) Bundeswehr // Handbuch zur deutschen Außenpolitik (Hrsg. Schmidt S., Hellmann G., Wolf R.), Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, s. 247–258.

Von Bredow W. (2017) Die Geschichte der Bundeswehr, Berlin: Palm Verlag.

Problems of the Old World

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-106-124

The Features of Strengthening of German Military Potential by Adenauer and Merkel

Philipp O. TRUNOV

PhD in Politics, Senior Researcher, Department of Europe and America, Center of Global and Regional Studies

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117997, Nakhimovskiy Prospect, 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

CITATION: Trunov Ph.O. (2019) The Features of Strengthening of German Military Potential by Adenauer and Merkel. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 106–124 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-106-124

Received: 25.06.2019.

ABSTRACT. *The article notes special role of military power factor in foreign policy of Prussian state and then German one. The paper also notes consistent willingness of FRG since period of Bonner Republic to strengthen its influence and increase its role. This movement has been becoming the most distinct during the modern period. Based on the crossing of these tendencies the article sets the question about the importance of factor of military power (and the evolution of the forms of its development and usage) for German foreign policy. The scientific paper tries to find the answer based on exploration of German military potential during of Konrad Adenauer's and Angela Merkel's eras when this process had been becoming special importance and rapidness. The article explores Adenauer's measures aimed at shunning of German critics in re-militarization during period of full-scale Bundeswehr growing. These measures are: formula of „dis-*

solving,, of Bundeswehr in allied military structures (first of all NATO), the concept of „strategic containment,, and limitation of the number of military formations. The article explores the evolution of these elements of German strategic culture by the beginning of Merkel's era and during this period. In this regard the paper pays special attention to Bundeswehr usage outside NATO's area of responsibility. The research compares the features of Bundeswehr usage in NATO military groups, the direction and dynamics Bundeswehr growing during Adenauer's and Merkel's rules. The article concludes about the degree of succession between the lines of two Chancellors in the sphere of armed forces building.

KEY WORDS: Germany, re-militarization, Bundeswehr, NATO, Adenauer, Merkel

References

- Chuikov V., Ryabov S. (eds.) (1984) *Great Patriotic War of 1941–1945*, Moscow: Planeta (in Russian).
- Fleckenstein B. (1990) Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. *SOWI-Arbeitspapier*. Nr. 44.
- Gareis S.B. (2006) *Deutschlands Außen- und Sicherheitspolitik*. Germany, Oppladen: Verlag Barbara Budrich.
- Glatz R.L., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018) *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel. Stiftung Wissenschaft und Politik*, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2018S07_kim_EtAl.pdf, accessed 31.10.2019.
- Glatz R.L., Zapfe M. (2018) Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. *SWP-Aktuell*, no 62, pp. 1–8. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2017A62_glt_Zapfe.pdf, accessed 31.10.2019.
- Hanish M. (2015) A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik*. Security Policy Working Paper, no 8, pp. 1–5. Available at: https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/working_paper_security_policy_8_2015.pdf, accessed 31.10.2019.
- Hett J. (2005) *Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell*, Zentrum für Internationale Friedenseinsätze.
- Kernic Fr., Callaghan J. (2003) *Armed Forces and International Security: Global Trends and Issues*, Münster: Lit Verlag.
- Kissinger H. (1997) *Diplomacy*, Moscow: Ladomir (in Russian).
- Major C. (2018) Ein schwieriger Gipfel für NATO. *SWP-Aktuell*, no 33, pp 1–4. Available at: <https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2018A33-mjr.pdf>, accessed 31.10.2019.
- The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad* (2009), Berlin: Federal Ministry of Defense.
- Utkin A.I. (2000) *Russia over the Abyss. 1918 – December 1941*, Smolensk: Rusich (in Russian).
- Varwick J. (2007) Bundeswehr. *Handbuch zur deutschen Außenpolitik* (Hrsg. Schmidt S., Hellmann G., Wolf R.), Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, s. 247–258.
- Von Bredow W. (2017) *Die Geschichte der Bundeswehr*, Berlin: Palm Verlag.
- Yudina T.V. (2019) The Process of “Political Center” Search: New Profiles of the German Parties and the Struggle for the Concept. *Current Problems of Europe*, no 4, pp. 55–77. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_37402935_76221139.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-125-147

Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского Союза: основные тренды и перспективы

Александр Изяславович ТЭВДОЙ-БУРМУЛИ

кандидат политических наук, доцент, кафедра интеграционных процессов
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва,
Российская Федерация
E-mail: tevday@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2312-4482

ЦИТИРОВАНИЕ: Тэвдой-Бурмули А.И. (2019) Этнополитическая динамика
в субрегионе ЦВЕ Европейского Союза: основные тренды и перспективы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 4. С. 125–147. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-125-147

Статья поступила в редакцию 25.03.2019.

АННОТАЦИЯ. Современная этнополитическая динамика стран ЦВЕ, входящих в ЕС, демонстрирует ряд тенденций, отличающих этот регион от других регионов Европейского союза. К числу наиболее характерных черт этой динамики относятся сегодня формирование правоконсервативных/правопопулистских режимов, попытки строительства этнократических национальных государств, повышенная политическая значимость проблематики трансграничных этнокультурных групп, наличие традиционно стигматизированной группы цыганского меньшинства. Эта специфика обусловлена в первую очередь особенностями исторического пути стран региона: прерванное или заторможенное на длительный срок национально-государственное строительство возобновилось на рубеже XX–XXI вв. в ситуации преобладания противоположных трендов на глобальном и европейском уровнях. Фактором, усугубляющим этнополитическую неста-

бильность, стало наличие трансграничных меньшинств, возникших вследствие распада ранее существовавших имперских формаций. Членство стран ЦВЕ в Европейском союзе и, следовательно, инкорпорация всего комплекса коммунитарного правопорядка явилось дополнительной вводной, влияющей на характеристики регионального этнополитического ландшафта. Аналитический фокус данной работы был сосредоточен на выявлении основных трендов современной этнополитической динамики региона и определении их факторов – как эндогенных, связанных с региональным бэкграундом, так и экзогенных, привнесенных. Проведенный анализ показал, что членство стран региона в ЕС оказало двоякое воздействие на региональные этнополитические тренды: стабилизирующее воздействие коммунитарного институционально-правового режима в области гарантий прав меньшинств проявляется синхронно с ростом евроскептической мотивации

сторонников сохранения и укрепления национального суверенитета. Последняя закономерность подтверждается в первую очередь динамикой внутривнутриполитического развития Польши и Венгрии, особенности исторического пути которых сформировали наиболее благоприятную среду для правоконсервативного поворота. С другой стороны, оказался проблематичным балтийский проект строительства национального государства, основанного на этническом принципе: неблагоприятные социально-экономические и демографические тренды вкупе с экзогенными факторами все больше способствуют строительству в Латвии и Эстонии гражданской, а не этнической нации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *этнополитическая динамика, национализм, дискриминация, правый популизм, правый консерватизм, этнические меньшинства, трансграничные меньшинства, европейская интеграция*

Активизация и обострение этнополитической динамики¹, ставшие характерной чертой европейской реальности на рубеже XX–XXI вв., не обошли стороной и Центральную и Восточную Европу. Как и для запада континента, для региона ЦВЕ характерен рост популярности политических сил, использующих националистическую риторику, в некоторых странах – относительно высокий уровень уличного насилия с националистической мотивацией, практически повсеместно – алармизм в отношении мигрантов-неевропейцев.

Вместе с тем в этнополитической палитре субрегиона встречаются оттенки, не имеющие прямых аналогов в западной части Старого света и обусловленные исторической спецификой региона как постимперского лимитрофа – достаточно вспомнить в этой связи проблематику т.наз. «русскоязычных», а также венгров и поляков, оставшихся за пределами материнского государства. Более того, даже схожие формально с западноевропейскими аналогами тренды приводят к специфическим, не имеющим аналогов феноменам – и в этом контексте наше внимание привлекают в первую очередь правоконсервативные режимы Польши и Венгрии.

Наконец, вступление большинства стран ЦВЕ в Европейский союз сделало актуальным вопрос о параметрах интеграционного фактора этнополитической динамики региона.

В настоящей статье мы попытались инвентаризовать основные элементы современной этнополитической повестки региона ЦВЕ, определить ее принципиальные отличия от этнополитической динамики Западной Европы и задаться вопросом о причинах выявленной специфики. Также в нашу задачу входило наметить паттерны воздействия на эту повестку институционально-правового режима ЕС. Географическое содержание понятия ЦВЕ мы толкуем в данном случае достаточно традиционно и расширительно, включая в этот ареал не только страны Вышеграда, но и страны Балтии, Румынию и Болгарию – т.е. практически весь ре-

1 Под этнополитической динамикой мы понимаем динамику протекания этнополитических взаимодействий в соответствующем регионе. Этнополитические взаимодействия, в свою очередь, интерпретируются на базе модифицированного определения этнополитического конфликта, данного В. Тишковым [Тишков, Устинова 2007, с. 12], и понимаются нами как особый вид межгрупповых взаимодействий, базовыми отличительными признаками которых могут являться:

- 1) наличие фактора этнической самоидентификации в мотивации политически выраженных амбиций соответствующей группы – субъекта процесса
- 2) воздействие на параметры этнической идентичности группы – объекта процесса.

гион расширения ЕС 2004–2007 гг. за исключением Кипра и Мальты.

Мы сознательно оставляем в стороне проблематику пост-югославских этнополитических конфликтов как в силу специфичности происходящих на пространстве бывшей СФРЮ этнополитических процессов и методов их регулирования, так и в связи с тем, что этот регион лишь в малой степени охвачен интеграционной динамикой.

Формирование правоконсервативных режимов: случай Польши и Венгрии

Крах социалистических режимов в странах «народной демократии» обусловил приход к власти в регионе ЦВЕ либерально-демократических элит, ценностно ориентированных на Западную Европу и стремившихся максимально быстро интегрировать соответствующие страны в Европейский союз.

Однако уже на этой стадии политические паттерны центральноевропейских демократий существенно отличались от западноевропейских. Стоит вспомнить в этом контексте взлет популярности Движения за демократическую Словакию и его популистского лидера Владимира Мечьяра. Активно использующий смесь левой и националистической риторики, склонный к авторитарному стилю управления Мечяр неоднократно избирается премьер-министром и президентом страны, однако с начала 2000-х гг. уступает место на политическом Олимпе более успешным политическим проектам.

Целый ряд аналогичных популистских движений появляется в этот период и в Польше. С 1993 г. входит в польскую политику партия «Самооборона» Анджея Леппера, схожего с В. Мечьяром по левопопулистской и евроскеп-

тической риторике. Максимального успеха Леппер добился в 2005 г., получив на выборах в Сейм 11,4% голосов.

В русле правого популизма выстроила свою программу Лига польских семей во главе с Романом Гертыком. Резкая антииммигрантская риторика, католический традиционализм принесли этой партии известный успех: на пике популярности в 2005 г. ЛПС получила 8% голосов польского электората. Как и в случае «Самообороны», взлет популярности Лиги польских семей пришелся на первую половину 2000-х гг., а затем последовал спад. На парламентских выборах 2007 г. ЛПС берет 1,3%, а «Самооборона» – 1,5% голосов.

Это очевидным образом связано с подъемом на политический Олимп главной силы польского правого лагеря – партии «Право и справедливость» (ПиС), оттянувшей на себя значительную часть электората радикальных популистов. Именно с этой партией оказался связан подлинный успех польского современного националистического проекта.

На выборах 2001 г. созданная братьями Качиньскими партия получает 9,5%, в 2005 г. – 27%, в 2007 – 32,1% голосов польских избирателей. После незначительного снижения поддержки до 29,9% в 2011 г., на выборах 2015 г. ПиС получила рекордные 37,6%.

Разумеется, националистической партию «Право и справедливость» можно назвать лишь отчасти. Программа ПиС носит все черты социал-консервативного дискурса: патерналистская риторика поддержки малоимущих сочетается здесь с фокусированностью на традиционных для польского общества католических ценностях, а также с лозунгами сильной государственности. Сильная государственность понимается в данном случае и как противодействие «диктату ЕС» – что сближает сторонников ПиС с либеральными нацио-

налистами-евроскептиками из других стран – членов ЕС. Наличие же в программе ПиС ярко выраженного антииммигрантского компонента, а также актуализировавшийся в 2015–2018 гг. антиукраинский компонент партийного дискурса делают националистический уклон ПиС еще более очевидным.

Если же добавить к этим голосам и 8,8%, собранных правыми популистами из партии «Кукиз'15», то можно констатировать, что к середине 2010-х гг. националистический дискурс в его системном – неэкстремистском – варианте был востребован более чем 45% польских избирателей.

Постсоциалистическая польская политическая динамика весьма схожа с динамикой венгерской. Как и в Польше, на смену либерально-демократическому дискурсу конца 1980-х – начала XXI в. пришел дискурс правоконсервативный, а на венгерском политическом Олимпе к середине 2000-х гг. появились и открытые правые радикалы.

Двумя основными протагонистами этого процесса стали возникшая еще в 1988 г. группа «Фидес» (FIDESZ, Альянс молодых демократов), сменившая несколько наименований и к 2010-м гг. превратившаяся в партию «Фидес – Венгерский гражданский союз», а также праворадикальное движение «Йоббик» (JOBBIK – Движение за лучшую Венгрию).

На первой фазе развития «Фидес» была лишь одной из многих группировок либерально-демократического толка постсоциалистической Венгрии с достаточно умеренными электоральными показателями (7–9%). Однако с 1998 г. начинается резкий и устойчивый подъем популярности «Фидес»: на парламентских выборах 1998 г. она получает уже 29,4% голосов, к выборам 2010 г. в союзе с карликовой Христианско-демократической народной партией (ХДНП) преодолевает планку в 50%, а на выбо-

рах 2018 г. за «Фидес» и ХДНП проголосовало 48,5% венгерских избирателей, пришедших к избирательным урнам.

Эксперты увязывают популярность «Фидес» как с личностью Виктора Орбана, приведшего партию к власти, так и с явным изменением партийного дискурса в 1990-е гг. От мейнстримного на тот момент социал-либерального дискурса партия переходит на позиции консервативного популизма, сочетающего критику непопулярной и непоследовательной социально-экономической политики либерального истеблишмента с использованием образа страдающей, «растерзанной злым роком» венгерской нации [Мадьяр 2016, с. 29; Jenne 2016]. Уместно тут вспомнить об устойчиво бытующем в венгерской исторической памяти стереотипе «позорного Трианона» 1920 г., вынудившего Венгрию передать соседям 2/3 территории страны, а также историю членства Венгрии в социалистическом лагере.

Чувство национальной ущемленности венгров успешно эксплуатировалось лидерами «Фидес» как в его евроскептическом варианте, так и в более традиционных и существенно более опасных формах. В ситуации социально-экономических неурядиц 2000-х гг., европейского миграционного кризиса 2015–2017 гг., привычным для партийной риторики образом врага стал не только покушающийся на венгерскую независимость Брюссель, но и международный финансист и филантроп еврейского происхождения – выходец из Венгрии Дж. Сорос.

Востребованность националистического дискурса сегодняшним венгерским обществом со всей очевидностью была продемонстрирована и успехом праворадикального движения «Йоббик», активно использовавшего антицыганскую риторику и практиковавшего уличные насильственные акции. На парламентских выборах 2014 г. – на

пике популярности – «Йоббик» получил 20,2% голосов.

Среди причин успеха популистских движений исследователи отмечают также социально-психологическую неготовность венгров, как и представителей других восточноевропейских социумов, к восприятию либерального современного дискурса, уже укоренившегося в западноевропейском обществе [Hjerm 2003].

Апелляция к националистическому и авторитарному дискурсам обуславливает и специфику практической политики правоконсервативных правительств Венгрии и Польши после прихода их к власти и завоевания устойчивого большинства в парламенте. Она характеризуется по меньшей мере двумя отличительными чертами.

1. Предпринимаются масштабные реформы государственных институтов, призванные конституционно закрепить достигнутое политическое преимущество правых консерваторов. Как правило, это сопровождается риторикой обличения политической и идеологической практики первого постсоциалистического десятилетия.

1 января 2012 г. в Венгрии вступил в силу принятый по инициативе «Фидес» новый закон о СМИ. В нем предусматривались санкции за «материалы, недостаточно сбалансированные политически» либо «оскорбительные». Также было учреждено Национальное управление СМИ, члены которого были назначены исключительно из рядов «Фидес» как правящей партии – причем вновь созданный орган был наделен правом требовать от журналистов раскрытия источников их информации. Позднее венгерское правительство пересмотрело наиболее проблемные положения закона, однако претензии Брюсселя к закону все же остались.

Еще один конфликт разгорелся вокруг новой Конституции Венгрии

(вступила в силу 1 января 2012 г.). Новая редакция Основного закона лишает венгерских граждан права обращения в Конституционный суд, ограничивает право референдумов, провозглашает католицизм «национальным вероисповеданием» с соответствующим привилегированным статусом, ограничивает право аборт, исключает однополые браки, ликвидирует независимость национального Центробанка, ставит под сомнение независимость судей.

Сходную логику продемонстрировала и реформа судебной системы, предпринятая польскими властями после победы правых консерваторов из «Права и справедливости» на выборах 2015 г. Она так же предполагала ликвидацию независимости судебной власти и подчинение ее правительству и парламенту. Кроме того, в 2016 г. польское правительство реформировало систему государственных СМИ, поставив их под контроль правящей партии, и внесло в Сейм законопроект о запрете аборт и уголовном преследовании за нарушение этого запрета.

В обоих случаях новые власти Польши и Венгрии подкрепляли отход от принципа разделения властей и либеральных режимов западноевропейского образца мотивацией возрождения сильного государства, разрыва с «антинародной» политикой прошедших десятилетий. Так, в 2010 г. В. Орбан выдвинул лозунг создания «Системы национального сотрудничества» – в противовес «смутным десятилетиям переходного периода». В 2014 г. он пошел еще дальше, заявив о создании «венгерского нелиберального государства» и войдя тем самым в прямой конфликт с ценностным режимом Европейского союза. Судебная реформа в Польше мотивируется необходимостью покончить с коррупционными практиками прежнего либерально-демократического режима и в целом укладывается в

провозглашенный лидерами ПиС курс «хороших перемен» для Польши.

Уместно заметить здесь очевидные аналогии и с динамикой развития российского социума постсоциалистического периода, прошедшего путь от либерально-демократического дискурса 1990-х гг. до маркирования этого десятилетия как «лихих 90-х» и возвращения к авторитарно-патерналистской модели государства. Это указывает на известное стадийное сходство ряда восточноевропейских социумов, объединенных опытом развитой (хотя и в разной мере) государственности: запаздывающая модернизация в сочетании с сохраняющейся травматичностью исторической памяти затрудняют демократический транзит и даже могут на какой-то момент обратить его вспять. Не случайно некоторые исследователи (Ф. Закария, Б. Мадьяр) видят в венгерском режиме Орбана частный случай проявления более общей тенденции распространения авторитарных режимов – в том числе и через механизмы авторитарного транзита ранее демократических режимов. При этом особо подчеркивается коррупционная составляющая это процесса [Мадьяр 2016, с. 75; Zakaria 2014].

2. Вторым важным элементом внутренней политики правоконсервативных правительств – элементом, напрямую указывающим на националистическую окраску данного дискурса, – является строительство национальных государств (политий) через ряд специфических ориентированных законов – об образовании, культуре, местной администрации и языке, о гражданстве и, наконец, т.наз. статусных законов. Статусные законы обеспечивают права не имеющих гражданства выходцев из данной страны, проживающих за рубежом. Это подразумевает финансовую, культурную, образовательную и другие виды поддержки соотечественников в стране проживания со стороны стра-

ны происхождения (т.наз. kin-state), а также специальные права в стране происхождения (в первую очередь избирательное право и право на образование). Функционально схожим с действием статусных законов является действие специальных документов, выдаваемых в некоторых странах ЦВЕ проживающим за рубежом соотечественникам (например, т.наз. карточки поляка, дающей некоторые права гражданам стран СНГ польской национальности).

Подобный подход, безусловно, противоречит пониманию нации как территориального политического сообщества. Как отмечает З. Кантор, статусные законы основываются на этнокультурной концепции нации, «расширяя границы нации вне границ государства» [Kantor 2006, pp. 44–45]. Вместе с тем он вполне укладывается в парадигму т.наз. этнополитического треугольника Р. Брубейкера [Brubaker 1996], характерного, с его точки зрения, для этнополитической динамики Центральной и Восточной Европы в результате перманентной перекройки границ вследствие войн и постимперских коллапсов. Углами этого треугольника стали бывшие метрополии (kin-states), выделившиеся из их состава вновь возникшие государства и проживающие в последних этнические группы, принадлежавшие к титульной группе бывшей метрополии.

Венгерское меньшинство является крупнейшим, но не единственным трансграничным меньшинством региона. Поэтому наряду с Венгрией по пути создания специального законодательства для зарубежных соотечественников, призванного подчеркнуть этнокультурную, примордиалистскую основу соответствующей национальной общности, в постсоциалистическую эпоху пошли почти все государства ЦВЕ. Заметим, что в 1999 г. в России был принят аналогичный по сути закон «О государственной политике Рос-

сийской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», что может указывать на сходство протекающих в России и странах ЦВЕ процессов в силу стадийной близости соответствующих обществ.

Некоторые авторы к причинам востребованности подстегивающего популизм националистического дискурса в регионе ЦВЕ относят также такие факторы, как:

- кризис ранее бытовавшей модели экономического развития региона – модели, предполагавшей дерегулирование, либерализацию и активное участие в европейском внутреннем рынке – в контексте мирового кризиса 2008–2009 гг.; если с 2000 по 2008 гг. региональный ВВП вырос более чем в 3 раза, то за период с 2008 по 2016 гг. этот показатель снизился на 14% [World Bank Data 2016];

- усиление ощущения экономической уязвимости;
- рост социального и кроссрегионального неравенства;
- региональные и общеевропейские вводные: кризис зоны евро, миграционный кризис, украинский кризис 2014 и последующих лет);
- традиционно низкий уровень доверия населения к политическим институтам и его снижение в условиях кризиса [Brunnbauer, Haslinger 2017].

Безусловно, абсолютизировать фактор нисходящей экономической динамики не стоит – тем более что в разных странах региона он проявился в разной степени и отнюдь не везде привел к радикальному изменению политического ландшафта. Однако свою лепту в дело растормаживания националистической активности он, очевидно, внес.

Таблица 1. Крупнейшие правоконсервативные/правопопулистские партии стран ЦВЕ (2010-е гг.) / The biggest right conservative/right populist parties of CEE in 2010s

	Партия	Максимальный уровень электоральной поддержки (% от поданных голосов)	год
Болгария	АТАКА	9,4	2009
Венгрия	FIDESZ (Фидес – Венгерский гражданский союз)	52, 7 (в блоке с ХДНП)	2010
Венгрия	JOBBIK (ЙОББИК – Движение за лучшую Венгрию)	20,2	2014
Латвия	Nacionālā Apvienība (Национальное объединение)	16,6	2014
Литва	Tvarka ir Teisingumas (Порядок и справедливость)	7,3	2012
Польша	PiS (Право и справедливость)	37,6	2015
Польша	Kukiz'15 (Кукиз'15)	8,8	2015
Словакия	Slovenská Národná Strana (Словацкая народная партия)	8,6	2016
Словакия	Ľudová Strana Naše Slovensko (Народная партия «Наша Словакия»)	8,0	2016
Чехия	Svoboda a Přímá Demokracie (Свобода и прямая демократия)	10,6	2017
Эстония	Eesti Konservatiivne Rahvaerakond (Консервативная народная партия Эстонии)	17,8	2019

Составлено автором.

Эта интерпретация вполне укладывается в разделяемую нами типологию факторов националистической мобилизации, предполагающую, в частности, существование фактора социально-экономического модернизационного шока [Тэвдой-Бурмули 2018, с. 201, 205]. В итоге практически во всех этих государствах – за исключением Румынии – к концу 2010-х гг. в национальные парламенты сумели войти правопопулистские – либо склоняющиеся к популизму правоконсервативные – партии разной степени влияния и успешности (см. табл. 1), хотя лишь в Венгрии и Польше им удалось завоевать стабильное большинство, позволившее начать отход от либеральных идеологем, ранее положенных в основу конституционного строя этих стран.

Цыгане как традиционный Чужой в регионе ЦВЕ

Цыганское население проживает в регионе ЦВЕ уже многие столетия, однако традиционно занимает низшие ступени социальной лестницы восточноевропейских обществ – и столь же традиционно является объектом националистической агрессии титульных этнических групп стран региона. Точные данные по количеству проживающих в странах ЦВЕ цыган отсутствуют в силу проблем с документированием их личности; приблизительные же экспертные оценки указывают на то, что к середине 2010-х гг. в странах ЦВЕ проживало ок. 8 млн цыган из общего их количества в Европе, исчисляемого 10–12 млн чел. [Bernát, Messing 2016]. После присоединения к ЕС стран ЦВЕ значительное количество цыган переместилось с Востока на Запад, усугубив социокультурный шок западноевропейцев, вызванный миграционной волной рубежа веков.

Значительность цыганского меньшинства в Словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии (по разным оценкам – от 2 до 10% населения соответствующих стран) в сочетании с традиционно низким уровнем социокультурной интегрированности цыган привели, на фоне социально-экономических неурядиц 1990-х гг. и идеологической дезориентации титульных этнических групп, к усилению антицыганской активности. Последняя носит как внесистемный, так и вполне системный, институализированный характер.

Внесистемная активность выражается в первую очередь в применении по отношению к цыганам языка ненависти со стороны политиков и частных лиц и, как следствие, в нападениях на цыган лиц титульной национальности.

Дополнительной мотивацией такой активности служит небезосновательное, во многих случаях, восприятие цыган как группы повышенной криминогенности [Violent Attacks 2010, p.10]. Это позволяет антицыгански настроенным группам и политическим силам аргументировать свои действия необходимостью защищать титульное население от «преступных посягательств цыган» и фактически развязывает титульным националистам руки для бесконтрольного применения силы. В Венгрии в 2008–2009 гг. в ходе таких акций «наведения порядка» было убито 6 цыган, в Болгарии в 2011–2012 гг. – 3 цыгана. В Словакии, Чехии, Венгрии, Болгарии в насильственных антицыганских акциях принимали участие как несистемные праворадикальные организации (например, «Венгерская гвардия»), так и государственные структуры (в первую очередь – правоохранительные), а праворадикальные партии открыто практиковали и практикуют в отношении цыган язык ненависти. Так, лидер болгарского парламентского блока «Объединённые патриоты» В. Симе-

онов в своем выступлении в парламенте назвал цыган «наглыми одичавшими человекоподобными существами» [Zahariev 2018]. Эксперты отмечают, что наибольшую электоральную поддержку праворадикальные партии получают именно в районах со значительным количеством цыганского населения и, следовательно, повышенным алармизмом титульных групп в отношении цыган [Kluknavská 2012, pp. 19–21, 24–28].

Осенью 2014 г. болгарское правительство заявило о 175 атаках на врачей со стороны цыган за год и рекомендовало медицинским бригадам не выезжать на вызовы в опасные районы. В мае 2015 г. произошли погромы цыганского населения в Софии и на юго-западе Болгарии. С 2011 по 2016 гг. было отмечено 185 случаев преступлений ненависти в отношении цыган в Чехии [Hate Crime Reporting 2018].

Еще более активизировались антицыганские настроения в середине 2010-х гг. в контексте миграционного кризиса [The Situation of Roma and Travellers 2016]. На 2016 г. 85% чешских цыган, 53% – венгерских, 44% – словацких и 38% – румынских считали, что в стране их проживания существует дискриминация по этническому принципу [Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma 2016, p. 41]. В июле 2017 г. обострилась ситуация вокруг цыганской общины в Асеновграде (Болгария).

Массовые антицыганские настроения и объективно сложившиеся особенности социокультурного поведения цыган приводят к институализации практик, которые, с известного ракурса, можно считать дискриминационными. В частности, объективно сложилась традиция раздельного обучения – фактически сегрегации – цыганских детей в школах стран ЦВЕ. На 2016 г. 46% цыганских детей в возрасте от 6 до 15 лет учатся в классах, где нет ни-

кого, кроме цыган, либо они преобладают. В Словакии этот процент составляет 62%, в Венгрии – 61%, а в Болгарии – 60% [Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma 2016, p. 28]. При этом следует отметить, что лишь 48% цыган получают в итоге среднее законченное образование, и лишь 5% – образование высшее [Fundamental Rights Report 2017, p. 105]. Застойный структурный характер имеет безработица среди цыганского населения: только 25% цыган старше 16 лет заявили в 2016 г. о наличии у них работы [Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma 2016, p. 18]. 23% цыган в Болгарии, 27% – в Словакии, 33% – в Венгрии и 68% – в Румынии живут в помещениях без водопровода [Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma 2016, p. 33]. При этом попытки государства и международных организаций улучшить жилищные условия цыганского населения путем переселения в городские кварталы часто приводит к быстрой деградации последних и геттоизации района. В итоге цыганам крайне неохотно сдают или продают жилье: в 2016 г. в целом по ЕС 41% опрошенных цыган жаловался на дискриминацию по национальному признаку в процессе поиска жилья за предшествовавший пятилетний период [Fundamental Rights Report 2017, p. 110].

С момента расширения Европейского союза на страны ЦВЕ и превращения проблемы дискриминации цыган во внутреннюю проблему ЕС Брюссель пытался выработать комплексный подход, который включал бы не только борьбу с дискриминацией, но и адаптацию цыганского населения ЕС. В 2005 г. ЕС объявил о начале «Декады интеграции цыган», рассчитанной до 2015 г. В 2008 г. состоялся первый т.наз. «Цыганский саммит ЕС» в Брюсселе, конкретизировавший задачу интеграции цыган.

К следующему аналогичному саммиту ЕС, состоявшемуся в Кордове в 2010 г., Европейская комиссия подготовила Сообщение о социально-экономической интеграции цыган в Европе – и с этого момента данное направление деятельности ЕС приобретает характер долгосрочной стратегии. Программа интеграции цыган инкорпорируется в приоритет «Инклюзивного роста» европейской «Стратегии 2020» и становится частью ее Флагманской инициативы «Европейская платформа борьбы с бедностью». В 2011 г. Комиссия призвала все государства-члены разработать национальные стратегии интеграции цыган и сформировала Рамочную программу ЕС в этой области. Ежегодно государства-члены отчитываются перед ЕС о ходе реализации мер по интеграции цыганского населения и борьбе с его дискриминацией. Меняется национальное законодательство, при финансовой поддержке ЕС запускаются программы социально-экономической поддержки цыган. Так, например, в Чехии под давлением ЕС в 2015 г. был модифицирован закон о школьном образовании, ранее допускавший обучение цыганских детей в специальных классах для умственно отсталых; отныне отстающих цыганских учащихся в обязательном порядке обучают в обычных классах с предоставлением им специальной помощи для лучшей успеваемости. В 2016 г. в Румынии правительство начало реализацию аналогичной программы по десегрегации цыганского образования. В Словакии и Венгрии, однако, подобные законы продолжают на 2018 г. действовать в изначальном, допускающем дискриминацию цыган, виде.

В целом, даже отмечая известную позитивную динамику статуса цыганского населения, эксперты констатируют неравномерность прогресса в реализации антидискриминационных мер в зависимости от страны, а также него-

товность общества и государства интегрировать цыган на практике [*Chopin, Germaine, Tanczos* 2017, p. 26]. Несмотря на очевидные усилия, предпринимаемые как национальными властями, так и европейскими интеграционными институтами, цыгане в странах ЦВЕ сохраняют свою сложившуюся за века социокультурную обособленность, проводя националистическую агрессию в свой адрес.

Строительство национального государства в постмодерной Европе: балтийский эксперимент и его промежуточные результаты

Значимым этнополитическим феноменом современной Центральной и Восточной Европы стала коллизия вокруг статуса т.наз. «русскоязычного» населения республик бывшей Советской Прибалтики – Латвии и Эстонии. Согласно отечественной традиции, в эту категорию традиционно включаются большинство нетитульного населения этих государств, за исключением тех этнических групп, представители которых сохранили родной язык (не русский) в качестве разговорного (например, цыгане). Статистика Латвии и Эстонии, однако, оперирует категорией не лингвистической, а этнокультурной принадлежности – что позволяет Риге и Таллину уменьшить цифру проблемного меньшинства до численности собственно русской диаспоры в этих странах. Между тем с точки зрения своей идентичности советского периода значительная часть украинцев, белорусов, евреев, татар – тем более проживавших вне границ своей титульной союзной или автономной республики – крайне мало и по языку, и по культуре отличалась от собственно русского населения, являясь по сути представителями

того самого «многонационального советского народа», о возникновении которого говорили в 1970-е гг. советские идеологи. За время пребывания Латвии и Эстонии в составе СССР численность русскоязычного населения этих республик существенно выросла за счет массовой миграции в балтийские республики рабочих вновь создаваемых союзных предприятий, работников государственных и партийных органов, военнослужащих, представителей научной и культурной элиты. К моменту распада СССР численность русскоязычных в Латвии составляла 42–44%, а русских – 34% [Федотов 2010]. В Риге русскоязычные образовывали большинство населения. В Эстонии в 1991 г. проживало около 36–37% русскоязычных [Численность населения], из коих 30,8% составляли русские [Симомян, Кочегарова 2010, с. 60].

Как известно, принятые в начале 1990-х гг. законы о гражданстве Латвии (1991 г.) и Эстонии (1992 г.) наделили правами гражданства этих республик только лиц, проживавших на территории Латвии и Эстонии до даты их инкорпорации в состав СССР в 1940 г., а также их прямых потомков. Тем самым от статуса граждан было отстранено значительное меньшинство населения этих стран, прибывшее в Латвию и Эстонию за время их пребывания в составе СССР. Появились категории «неграждан» (Латвия) и «иностранцев / лиц с неопределенным гражданством» (Эстония), имеющих постоянный вид на жительство в данных странах, но существенно пораженных в социальных правах и лишенных прав политических. Параллельно в республиках был введен жесткий порядок натурализации по годичным квотам (впоследствии отмененным), предусматривавший сдачу аппликантами экзаменов на знание государственного языка, конституции и истории страны. По-

следнее предполагало необходимость эксплицитного признания аппликантами постсоветской версии истории и, следовательно, признания ими факта оккупации соответственно Латвии и Эстонии в советский период.

Поскольку абсолютное большинство неграждан по понятным объективным причинам составили русскоязычные, это дало возможность экспертам говорить о попытке создания в балтийских странах этнократической государственности [Yiftachel, Ghanem 2004; Agarín 2016; Poulsen 1994] – хотя формально никаких ограничений по этническому признаку законы о гражданстве не допускали и значительное число русскоязычных получило гражданство автоматически. Так, в Эстонии количество русских, сразу получивших эстонское гражданство, составило 124 тыс. чел. [Грубер 2012] – т.е. около 25% русского населения Эстонии на 1989 г.

Подобный нетипичный для современной европейской политики тренд был обусловлен тремя причинами.

1. Сыграла свою роль социокультурная фрустрация, накопившаяся в эстонском и латышском социумах за годы вынужденного, с точки зрения националистически ориентированных представителей титульных наций этих советских республик, пребывания в составе СССР. Интенсивная политика привлечения рабочих рук из других союзных республик в ходе послевоенной индустриализации Латвии и Эстонии существенно изменила демографический баланс. Так, доля эстонцев в населении Эстонии уменьшилась с 97% в 1945 г. до 62% в 1989 г. [Численность населения, с. 9], а доля латышей в населении Латвии – с 80,1% в 1943 г. до 52% – в 1989 г. [Федотов 2010]. Возникла ситуация культурного шока, функционально схожего, при всех очевидных отличиях, с культурным шоком западноевропейских социумов в контексте ми-

грационного бума. В ситуации распада СССР и возрождения национальной государственности для национальных радикалов появилось «окно возможностей» переиграть миграционную динамику советского периода и вернуться к начальной ее точке – национальному государству межвоенного периода с относительно низкой долей нетитульных групп и однозначным доминированием титульной культуры. Инструментом выполнения этой задачи стало натурализационное законодательство, создавшее максимально некомфортный политический и отчасти социальный статус пребывания неграждан в Латвии и Эстонии. Созданный режим должен был либо побудить неграждан к отъезду – либо гарантировать их изолированность от национального процесса принятия решений. В каком-то смысле эта программа напоминает миграционную программу европейских правых популистов: натурализация должна быть строго индивидуальной, мигранты должны иметь ограниченный доступ к социальным благам и отсекаются от влияния на политические процессы. Сходство дополняют лингвистические режимы, установленные в Латвии и Эстонии, а также проведенные в этих странах реформы школьного образования: оба этих блока политик имеют ярко выраженный ассимиляционный характер – хотя известные гарантии культурно-национальной автономии для меньшинств все же сохраняются.

2. Строительству этнократического режима способствовал характер пришедшей к власти в этих странах элиты. Отсечение от политики русскоязычной части элиты было дополнено приходом в политику небольшой, но влиятельной эмигрантской части латышской и эстонской элиты, не имевшей никакого опыта коммуникации с русскоязычными и переносившими на них свое негативное отношение к СССР в целом (до-

статочно в этом контексте упомянуть президентов Латвии В. Вике-Фрейберга и Эстонии Т. Ильвеса).

3. Положение русскоязычного меньшинства в балтийской версии этнополитического треугольника Р. Брунбекера усугублялось спецификой его kin-state – постсоветской России. Постимперский статус России предполагал начало ее транзита в фазу строительства национального государства. Однако сохраняющаяся мультиэтничность Российской Федерации в сочетании с либеральным ценностным режимом 1990-х гг. препятствовала строительству нации на этнокультурной – собственно русской – основе и толкала национальный проект в сторону формирования политической нации. Это, в свою очередь, препятствовало формированию концепта зарубежных соотечественников, поскольку модель территориальной политической нации не предполагает наличия экстерриториальных фрагментов. В итоге, хотя концепт соотечественников получил некое воплощение в российском праве и российской политике, его эффективность вызывает много вопросов у наблюдателей. Кроме того, Россия 1990-х гг. не была способна обеспечить защиту прав т.н. «соотечественников» просто ввиду собственной экономической и политической слабости.

Была ли достигнута поставленная национал-демократической элитой Латвии и Эстонии цель?

С одной стороны, отсечение значительной части русскоязычных – преимущественно социально ориентированных бюджетников и рабочего класса – от процесса принятия решений позволило провести радикальные политическую и экономическую реформы, существенно приблизившие балтийские страны к европейским стандартам «хорошего управления», открытого демократического общества и либераль-

ной экономики. Голос левых, а также патерналистски настроенных русскоязычных был проигнорирован, что облегчило расставание Латвии и Эстонии с советским прошлым.

Можно отметить и номинальный успех в деле «ренициализации» соотечественников стран. Так, к 2001 г. доля эстонцев вновь увеличилась до 68% [REL 2011], а доля латышей в Латвии к 2000 г. возросла до 57,6% [Итоги переписи 2001].

Путем естественной убыли населения и натурализации сокращается количество постоянных резидентов, связывающих себя с зарубежным kin-state. В 2011 г. количество респондентов в Латвии, указывающих Россию как страну происхождения, сократилось с 9,6% (данные переписи 2001 г.) до 7,7% [Gada Tautas 2012]. За тот же период количество неграждан снизилось до 295 тыс. – т.е. на 41% [Gada Tautas 2012]. Подобное соотношение означает, что основная причина сокращения числа неграждан – это массовая натурализация. В Эстонии «доля лиц с неопределенным гражданством снизилась с 32% в 1992 г. до 7% в октябре 2011 г.» [Грубер 2012, с. 158].

С другой стороны, за четверть века, истекшую с начала балтийского эксперимента по формированию этнократической версии национальных государств, задача ассимиляции русскоязычных или же их вытеснения за пределы национальной политики была решена лишь частично.

Большинство русскоязычного населения Латвии и Эстонии, даже будучи негражданами, обнаружило низкую заинтересованность в переселении в страну своего происхождения (в первую очередь – Россию). Это было связано как с организационной и политической неготовностью России принять зарубежных соотечественников (так, Государственная программа по оказа-

нию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников начинает функционировать только в 2006 г.), так и с неготовностью самих потенциальных переселенцев менять относительно комфортный и упорядоченный уклад страны проживания на неизвестную и уже отдалившуюся социокультурно реальность страны происхождения. Это подтверждается и статистика по уже реализующейся упомянутой Государственной программе: абсолютное большинство запросов на переселение в Россию исходит от соотечественников, проживающих в центральноазиатских государствах и европейских государствах СНГ. На долю запросов из стран Балтии в 2011 г. приходилось менее 10% от общего их числа [Мониторинг 2011], а в конце 2017 г. – 0,3% [Мониторинг 2017].

Таким образом, столь часто критикуемая за свой дискриминационный характер натурализационная политика Таллина и Риги 1990-х гг. не смогла привести к радикальному сокращению нежелательного для строителей балтийских этнократических демократий русскоязычного сегмента – но и не способствовала радикальному повышению лояльности его представителей к стране проживания. В 2017 г. доля неграждан в населении Латвии составила 11,4% – и еще 3% составили постоянные резиденты Латвии, имеющие гражданство России, Украины и Белоруссии [Latvijas Iedzīvotāju Sadalījums 2017]. В Эстонии доля неграждан к началу 2017 г. составила 6,03% [Гражданство и миграция 2018]. Учитывая, что в 2000-х гг. порядок натурализации в обоих государствах был сильно облегчен, такой процент отказавшихся воспользоваться открывшимися возможностями отчасти свидетельствует о сохраняющемся межобщинном расколе внутри Латвии и Эстонии, отчасти – о выгоды статуса негражданина для

его обладателя. Так, в частности, неграждане не служат в армии и имеют льготы при въезде в Россию.

В результате сегмент неграждан эстонского и латвийского обществ, несколько сократившись, закапсулировался. Однако очевидно, что в среднесрочной перспективе (до 2030–2035 гг.) проблема неграждан окончательно исчезнет из повестки балтийских стран либо за счет физического ухода русскоязычного населения старших возрастов (а именно оно в значительной степени формирует когорту неграждан) – либо за счет уже давно идущей либерализации натурализационного законодательства Эстонии и Латвии. В первую очередь эта либерализация касается выпускников школ – детей неграждан. Они, а равно и некоторые другие категории населения, могут получить гражданство в заявительном порядке – т.е. без сдачи натурализационных экзаменов. В 2017 г. две из трех правящих партий Эстонии выступили с инициативой предоставить гражданство всем негражданам, более 25 лет прожившим в республике, и, хотя решение по этому вопросу к 2018 г. так и не было принято, сама постановка его на обсуждение хорошо показывает вектор настроений значительной части политической элиты страны.

В итоге к концу 2010-х гг. натурализационное законодательство Латвии и Эстонии оказалось радикально либерализовано – что, парадоксальным образом, прямо противоположно направлению, в котором трансформируется миграционное законодательство стран Западной Европы в ситуации миграционного кризиса и роста влияния правопопулистского дискурса.

Это можно объяснить как крайне сложной демографической ситуацией в республиках (в первую очередь – в Латвии) и массовой трудовой эмиграцией населения в страны Западной Европы, так и относительным снижением

алармизма балтийских националистов по поводу угрозы доминирования русскоязычной части социума в политике, экономике и культуре. Хотя ассимиляции русскоязычных за истекшие с момента восстановления независимости четверть века так и не произошло, развитие в отрыве от kin-state в сочетании с уходом старших возрастов и последовательным расширением сферы использования государственных языков в сфере школьного образования обусловило фактическое двуязычие молодых представителей русскоязычной диаспоры Латвии и Эстонии. Учитывая же, что интересы бизнеса вынуждают учить русский язык и представителей титульной группы [Dilans 2009], можно констатировать, что процесс переплавки двух лингвистических сообществ в единую политическую нацию соответственно в Латвии и Эстонии все-таки идет – хотя и с большим трудом. Признаком этого тренда могут считаться и поправки 2016 г. к эстонскому закону о правовой помощи, согласно которым суды должны принимать и переводить за свой счет ходатайства, написанные на русском языке, и фактическое двуязычие населения крупных латвийских городов. Все более активно участвуют представители русскоязычного сегмента Латвии и Эстонии в системной политике (достаточно вспомнить мэра Риги Н. Ушакова и председателя городского собрания Таллина русскоязычного корейца Михаила Кылварта) и даже, парадоксальным образом, в националистическом движении соответствующих титульных групп. Так, например, лидером молодежного крыла националистической Эстонской консервативной народной партии является русскоязычный Федор Стомахин.

Таким образом, кейс русскоязычного меньшинства в постсоветских Латвии и Эстонии может служить хорошим примером сложностей строитель-

ства классического национального государства эпохи раннего модерна в эпоху его глобального увядания. Если интересы национального строительства в условиях мультиэтнического и многоязычного социума требуют применения ассимиляционной стратегии (см. пример раннемодерной Франции), то глобализационные тренды в сочетании с нацеленным на соблюдение прав меньшинств современным международно-правовым режимом входят с таковой в неразрешимое противоречие. Осложняет построение национального государства и членство в Европейском союзе, который не только ограничивает применение ассимиляционных практик своим ценностным режимом, но и ставит под сомнение саму возможность сохранения классического национального суверенитета в условиях открытых внутренних границ ЕС и всевозрастающих полномочий Брюсселя.

В итоге изначально этнократический проект все более сдвигается в сторону построения современной политической нации, что еще раз демонстрирует в целом стабилизирующий эффект, оказываемый интеграционным процессом на этнополитическую динамику европейского региона.

Венгерское и польское трансграничные меньшинства: замороженная конфликтность

Следует заметить, что после окончания холодной войны и распада социалистического лагеря дизайн «этнополитического треугольника» актуализировался не только в отношениях России со странами Балтии. Аналогичные конфликты «оттаяли» по всей территории региона ЦВЕ. Наиболее остро в начале 1990-х гг. проявили себя проблемы статусов польского меньшинства в Литве и венгерского меньшинства в Румы-

нии. Как и в подробно разобранных выше случаях Эстонии и Латвии, возвратившие себе полный суверенитет национальные государства региона встали на путь «рениационализации» – хотя, конечно, с гораздо меньшей интенсивностью, чем упомянутые государства Балтии. В первой половине 1990-х гг. это привело к попыткам вытеснения меньшинств из политики – в первую очередь через широко практикующуюся перенарезку избирательных округов (т.наз. «джерримандеринг» [cf., e.g., O'Dwyer 2006, p. 113]), а также языковую и образовательную политику. Ответом стала активизация националистического движения соответствующих меньшинств (в первую очередь – венгерского в румынской Трансильвании).

Однако уже с середины 1990-х гг. процесс эскалации был приостановлен. После подписания т.наз. Европейских соглашений об ассоциации перед государствами региона появилась ясная перспектива членства в Европейском союзе – статуса, регулируемого т.наз. «Копенгагенскими критериями членства» 1992 г. Страна, претендующая на членство в Европейском союзе, должна, в частности, принять весь комплекс европейского права (*aquis communautaire*), придерживаться стандартов открытого демократического общества и правового государства. В процессе приближения к ЕС государства региона были вынуждены ввести в респектабельные рамки свой романтический национализм эпохи ресувверенизации конца 1980-х гг. – и плодом этого стала серия договоров, гарантировавших известный статус этнических меньшинств региона.

В 1994 г. Польша и Литва подписали договор, гарантировавший получение образования на польском языке в регионе компактного проживания поляков в Литве, возможность двуязычия топонимических знаков на этой террито-

рии и сохранение польского написания имен и фамилий в официальных литовских документах.

В 1995 г. Венгрия достигла соглашения со Словакией (т.наз. «Основной договор») о применении к венгрозязычным районам Словакии Рекомендации Совета Европы № 1201 о гарантиях специального статуса регионов с преобладанием этнического меньшинства страны.

В 1996 г. был подписан румыно-венгерский договор, обеспечивший возможность выдвижения этнических венгров Трансильвании на должности префектов в зоне их расселения, а также возможность использовать в регионе венгерский язык.

Однако волна правопопулистского подъема, захлестнувшая Европейский союз и его восточные регионы в конце 2000-х гг., вновь усилила националистический дискурс в странах ЦВЕ и поставила под сомнение достигнутую ранее относительную стабильность. В первую очередь это касается положения венгерских меньшинств, официально провозглашенных правительством В. Орбана неотъемлемыми частями венгерской нации и, следовательно, воспринимаемых государствами их расселения в качестве потенциальной «пятой колонны». Так, например, после принятия в 2010 г. венгерскими властями закона о двойном гражданстве в Словакии немедленно был принят встречный закон, запрещающий гражданам страны (в том числе, разумеется, и этническим венграм) принимать второе гражданство под угрозой утраты гражданства Словакии.

Опасения соседей Венгрии относительно перспектив венгерской ирренденды небезосновательны. Так, в 2009 г. в северных уездах Трансильвании был провозглашен т.наз. Секейский край – непризнанное румынскими властями автономное территориальное образо-

вание, объединившее часть проживающих в Румынии венгров. В 2010 г. на съезде муниципальных властей вновь провозглашенного края было принято решение о придании венгерскому языку статуса официального языка автономии. Это решение тоже было опротестовано Бухарестом.

Затронуты этим трендом оказались и польско-литовские отношения. В 2010 г. утратил силу литовский закон о национальных меньшинствах; новый закон на смену ему не пришел. Варшава, со своей стороны, все активнее выражает поддержку польскому меньшинству Литвы, причем в этом вопросе польские правые консерваторы выступают солидарно с польскими либералами [Tusk 2014].

Суммируя сказанное, можно констатировать, что в центрально- и восточноевропейском регионе Европейского союза прослеживаются два явно выраженных и отличающихся друг от друга зональных типа этнополитической активности. Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы увидеть определенную закономерность в зональной привязке этих типов.

1. Тип «Травмированная сложившаяся государственность». Как правило, он характеризуется доминированием или, по меньшей мере, значительной ролью правоконсервативных сил в истеблишменте. Их приход во власть приводит к частичному демонтажу ранее сложившейся либерально-демократической государственности западноевропейского образца и отходу от предлагаемого Брюсселем ценностного режима. К этому типу относятся, в первую очередь, Польша и Венгрия – страны с тысячелетней историей государственности, длительными периодами ее утраты и иноземного господства. В XX в. их государственность была воз-

рождена в межвоенный период, однако снова поставлена под сомнение инкорпорацией в лагерь стран «народной демократии» во времена холодной войны. Вновь обретя полный суверенитет в 1990-х гг., они опять его утратили при вступлении в ЕС. Немаловажно, что эти католические страны неоднократно играли роль западноевропейского фронта против России/Москвы и Турции. Таким образом, память о былом суверенном величии и о той роли, какую эти страны играли в судьбе Европы, стимулирует попытки возрождения былого статуса – однако участие в европейском интеграционном проекте ставит на этих великодержавных претензиях крест. Результатом становится фрустрация значительной части общества, рост популярности сил, декларативно противостоящих тренду ослабления национального суверенитета и рецепции «чуждых», навязываемых Брюсселем ценностей. Этим же обусловлено в значительной степени и обострение ситуации с трансграничными меньшинствами Польши и Венгрии, отрезанными от своих kin-states и вызывающими алармизм у титульной группы государств их нынешнего проживания.

С этой точки зрения характерно, что весьма близкие географически и социально-политически вышеуказанным странам Чехия и Словакия демонстрируют несколько иные тенденции внутривнутриполитического развития. Несмотря на распространенность в этих странах Вишеграда евроскептических настроений, правым популистам (да и популистам вообще – если вспомнить случай В. Мечъяра) не удается устойчиво закрепиться во власти и, тем более, переформатировать конституционный режим в своих интересах. Феномен «травмированной государственности» тут выражен слабо, а интенция защиты чешских и словацких трансгра-

ничных меньшинств практически отсутствует за неоформленностью таковых. При этом Чехия и Словакия в полной мере разделяют с Венгрией, а равно с Болгарией и Румынией, характерную для стран ЦВЕ остроту антицыганской проблематики.

2. Тип «Молодая нация». Данный тип предполагает ускоренное запоздалое строительство национального государства, что в условиях наличия элементов «этнополитического треугольника» Брубейкера приводит к этнократическим эксцессам. К этому типу относятся в первую очередь Латвия и Эстония. Национальные общности сложились в этих регионах только в XIX в. под эгидой Российской империи – и только после распада последней в межвоенный период была сделана достаточно успешная попытка создать на базе этих общностей национальные государства. Эта попытка была прервана инкорпорацией Латвии и Эстонии в состав СССР в 1940 г. Процесс создания национальных государств в этих республиках возобновился только после распада СССР и, в силу обстоятельств, с той точки, которую более успешные европейские государства прошли в XVIII–XIX вв.

Насколько повлияло на динамику и интенсивность этнополитических процессов вступление стран региона в ЕС?

С одной стороны, необходимость соответствовать «Копенгагенским критериям членства» вынудила страны-кандидаты формально урегулировать значительную часть имевшихся на начальном этапе постсоциалистического существования взаимных претензий, связанных со статусом этнорегиональных меньшинств. Известные позитивные последствия имело расширение ЕС на Восток и для традиционно дискриминируемого в регионе цыганского меньшинства. Наконец, сдерживающее воздействие оказал ин-

ституционально-правовой режим ЕС на политику национального строительства в Латвии и Эстонии: наличие у русскоязычного населения этих стран права выезда на работу в другие страны ЕС и обусловленный этим отток представителей этой группы на Запад не только снизили уровень алармизма властей Риги и Таллина в отношении русскоязычного населения, но и привели к существенной либерализации натурализационного законодательства в этих странах.

С другой стороны, во всех указанных выше случаях позитивный эффект интеграционного процесса оказался весьма скромным. Конфликты вокруг трансграничных меньшинств продолжают, как мы видели, омрачать отношения между странами, входящими в соответствующие «этнополитические треугольники». Принятие *aquis communautaire* не помешало Риге и Таллину сохранить, хотя и в смягченной форме, дискриминационный статус неграждан/иностранцев. Попытки интеграции цыган наталкиваются на значительные проблемы системного характера.

Наконец, весьма негативную роль сыграл имидж ЕС как вновь возникающего оппонента национальных государств в контексте правопопулистского подъема в регионе и формирования правоконсервативных режимов Польши и Венгрии.

Отмеченная выше специфика только подчеркивает релевантность рассмотрения региона ЦВЕ в качестве отдельного субрегиона / комплекса субрегионов формирующейся на наших глазах европейской политики. Более того – некоторые внутрирегиональные этнополитические тренды (в первую очередь – попытки ресуверенизации национального государства и строительства этнократических политий) могут рассматриваться как симптоматичные и в общеевропейском контексте.

Список литературы

Гражданство и миграция (2018) // Министерство внутренних дел Эстонской Республики // <https://www.siseministeerium.ee/ru/grazhdanstvo-i-migraciya>, дата обращения 31.08.2019.

Грубер Д. (2012) Статус «иностранца»: почему в Эстонии по-прежнему много неграждан. // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 15. № 1(60). С. 157–184 // <https://cyberleninka.ru/article/n/status-inostrantsa-pochemu-v-estonii-po-prezhnemu-mnogo-negrazhdan>, дата обращения 31.08.2019.

Итоги переписи населения Латвии (2001) // Демоскоп Weekly. № 33–34. 10–23 сентября 2001 // <http://www.demoscope.ru/weekly/033/evro01.php>, дата обращения 31.08.2019.

Мадьяр Б. (2016) Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии. М.: НЛО.

Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации за 2011 год (2011) // Министерство внутренних дел Российской Федерации // https://мвд.рф/upload/site1/document_file/Monitoring_realizacii_Gosudarstvennoy_programmy_za_2011_god.pdf, дата обращения 31.08.2019.

Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2017 года (2017) // Министерство внутренних дел Российской Федерации // https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvn/compatriots/monitoring/2017, дата обращения 31.08.2019.

Симонян Р., Кочегарова Т. (2010) Русскоязычное население в странах Балтии // Вестник МГИМО-Университета. № 3. С. 60–79 // <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoazychnoe-naselenie-v-stranah-baltii>, дата обращения 31.08.2019.

Тишков В., Устинова М. (ред.) (2007) Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука.

Тэвдой-Бурмули А. (2018) Этнополитическая динамика Европейского союза. М.: Аспект-Пресс.

Федотов А. (2010) Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики // Русские в Латвии. История и современность // <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html>, дата обращения 31.08.2019.

Численность населения. 1881–2000 // Eesti Statistika // <https://www.stat.ee/dokumendid/62871>, дата обращения 31.08.2019.

REL 2011: В Эстонии проживают представители 192 национальностей (2011) // Eesti Statistika // https://www.stat.ee/64847?parent_id=39107, дата обращения 31.08.2019.

Agarin T. (2016) Extending the Concept of Ethnocracy: Exploring the Debate in the Baltic Context // *Cosmopolitan Civil Societies Journal*, vol. 8, no 3, pp. 81–99. DOI: 10.5130/ccs.v8i3.5144

Bernát A., Messing V. (2016) Methodological and Data Infrastructure Report on Roma Population in the EU (InGRID Working Paper MS20.3), Budapest // <https://ec.europa.eu/research/participants/documents/downloadPublic?documentIds=080166e5c1894e69&appId=PPGMS>, дата обращения 31.08.2019.

Brubaker R. (1996) *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.

Brunnbauer U., Haslinger P. (2017) *Political Mobilization in East Central Europe*

// *Nationalities Papers*, vol. 45, no 3, pp. 337–344. DOI: 10.1080/00905992.2016.1270922

Chopin I., Germaine C., Tanczos J. (2017) Roma and the Enforcement of Anti-discrimination Law, Luxembourg: European Network of Legal Experts in Gender Equality and Non-discrimination.

Dilans G. (2009) Russian in Latvia: An Outlook for Bilingualism in a post-Soviet Transitional Society // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 12, no 1, pp. 1–13. DOI: 10.1080/13670050802149481

Fundamental Rights Report (2017), Luxembourg. DOI: 10.2811/240857

Gada Tautas Skaitīšanas Rezultāti īsumā. Informatīvais apskats 2011, l.3 (2012).

Hate Crime Reporting (2017) // OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights // <http://hatecrime.osce.org/czech-republic>, дата обращения 31.08.2019.

Hjerm M. (2003) National Sentiments in Eastern and Western Europe // *Nationalities Papers*, vol. 31, no 4, pp. 413–429. DOI: 10.1080/0090599032000152933

Jenne E.K. (2016) How Populist Governments Rewrite Sovereignty and Why // <https://www.ceu.edu/sites/default/files/attachment/event/15587/erinjennepolberg-consec-2016.pdf>, дата обращения 31.08.2019.

Kantor Z. (2006) The Concept of Nation in the Central and East European 'Status Laws' // *Beyond Sovereignty from Status Law to Transnational Citizenship* (eds. Osamu Ieda, Balázs Majtényi), Slavic Research Center, Hokkaido University, pp. 44–45.

Kluknavská A. (2012) The Far Right Parties in 2012 Slovak Parliamentary Elections // *Rexter*, vol. 10, no 1, pp. 1–35 // https://www.researchgate.net/profile/Alena_Kluknavska/publication/281711817_Krajne_pravicove_strany_v_parlamentnych_vobach_2012_na_Slovensku_The_far_right_parties_

in_2012_Slovak_parliamentary_elections/links/55f54c6a08ae6a34f660adf5/Krajne-pravicove-strany-v-parlamentnych-vobach-2012-na-Slovensku-The-far-right-parties-in-2012-Slovak-parliamentary-elections.pdf, дата обращения 31.08.2019.

Latvijas Iedzīvotāju Sadalījums pēc Valstiskās Piederības (2017) // The Office of Citizenship and Migration Affairs // http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/Iedzivotaju%20re%C4%A3istrs/07022017/ISVP_Latvija_pec_VPD.pdf, дата обращения 31.08.2019.

Latvijas Republikas Centrālā Statistikas Pārvalde, Riga (2011) // The Central Statistical Bureau // http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/publikacijas/nr_13_2011gada_tautas_skaitisanas_rezultatisuma_12_00_lv.pdf, дата обращения 31.08.2019.

O'Dwyer C. (2006) *Runaway State-Building: Patronage Politics and Democratic Development*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Poulsen J.J. (1994) *Nationalism, Democracy and Ethnocracy in the Baltic Countries* // *The Politics of Transition in the Baltic States. Democratization and Economic Reform Policies* (eds. Dellebrant J.A., Norgaard O.), Umeo University, pp. 15–29.

Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma (2016) // FRA // <https://fra.europa.eu/en/publication/2016/eumidis-ii-roma-selected-findings>, дата обращения 31.08.2019.

The Situation of Roma and Travelers in the Context of Rising Extremism, Xenophobia and the Refugee Crisis in Europe (2016) // Congress of Local and Regional Authorities, 31st session,

CPL31(2016)03final, October 20, 2016 // <https://rm.coe.int/1680718bfd>, дата обращения 31.08.2019.

Tusk D. (2014) Donald Tusk on Polish Minority in Lithuania: We Want to See Standards Where Minority Rights Are Similar to Those in Poland // Premier.gov.pl, February 18, 2014 // <https://www.premier.gov.pl/en/news/news/donald-tusk-on-polish-minority-in-lithuania-we-want-to-see-standards-where-minority-rights.html>, дата обращения 31.08.2019.

Violent Attacks against Roma in Hungary: Time to Investigate Racial Motivation (2010) // Amnesty International, November 10, 2010 // <https://www.amnesty.org/en/documents/EUR27/001/2010/en/>, дата обращения 31.08.2019.

World Bank Data (2016) // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KDZG?end=2016&locations=B8&start=2016&view=bar>, дата обращения 31.08.2019.

Yiftachel O., Ghanem A. (2004) *Understanding 'Ethnocratic' Regimes: The Politics of Seizing Contested Territories* // *Political Geography*, vol. 23, no 6, pp. 647–676. DOI: 10.1016/j.polgeo.2004.04.003

Zahariev A. (2017) *Welcome to Bulgaria! Well, not if You Are Roma* // European Roma Rights Centre, September 14, 2017 // <http://www.errc.org/news/welcome-to-bulgaria-well-not-if-you-are-roma>, дата обращения 31.08.2019.

Zakaria F. (2014) *The Rise of Putinism* // *The Washington Post*, July 31, 2014 // https://www.washingtonpost.com/opinions/fareed-zakaria-the-rise-of-putinism/2014/07/31/2c9711d6-18e7-11e4-9e3b-7f2f110c6265_story.html?utm_term=.71a9e19bcb59, дата обращения 31.08.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-125-147

Ethnopolitical Dynamics in the CEE EU Member-states: Trends and Prospects

Alexander I. TEVDOY-BOURMOULI

PhD in Politics, Assistant Professor, Department of Integration Processes
MGIMO of the MFA of Russia, 119454, Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation
E-mail: tevday@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2312-4482

CITATION: Tevday-Bourmouli A.I. (2019) Ethnopolitical Dynamics in the CEE EU Member-states: Trends and Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 125–147 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-125-147

Received: 25.03.2019.

ABSTRACT. *The article is focused on the current ethnopolitical dynamics in the EU' CEE Member-States and on the peculiarities that distinguish this sub-region among another ones in the EU area. The main phenomena analyzed are the establishment of the conservative right regimes in Poland and Hungary, the attempts to build the ethno-ocratic Nation-State in some Baltic States, the politization of the cross-frontier ethnic minorities issue as well as the traditional stigmatization of the Roma minority. There are some frame factors influencing the intensive manifestation of the above-mentioned trends: the peculiarities of the Nation-building process in the region of the traditional imperial domination are juxtaposing with the modern globalization and regional integration trends challenging the ambitions of the adepts of the Nation sovereignty. These are the cases of Poland and Hungary whose historical background has formed favorable conditions for the right-conservative renaissance. Yet the Baltic project of the ethnic Nation-State construction proved its impossibility amid the socio-economic and demographic trends of nowadays Europe.*

KEY WORDS: *ethnopolitical dynamics, nationalism, discrimination, right populism, right conservatism, ethnic minorities, cross-frontier minorities, European integration*

References

- Agarin T. (2016) Extending the Concept of Ethnocracy: Exploring the Debate in the Baltic Context. *Cosmopolitan Civil Societies Journal*, vol. 8, no 3, pp. 81–99. DOI: 10.5130/ccs.v8i3.5144
- Bernát A., Messing V. (2016) *Methodological and Data Infrastructure Report on Roma Population in the EU* (InGRID Working Paper MS20.3), Budapest. Available at: <https://ec.europa.eu/research/participants/documents/downloadPublic?documentId=s=080166e5c1894e69&appId=PPGMS>, accessed 31.08.2019.
- Brubaker R. (1996) *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Brunnbauer U., Haslinger P. (2017) Political Mobilization in East Central Europe. *Nationalities Papers*, vol. 45, no 3, pp. 337–344. DOI: 10.1080/00905992.2016.1270922

Chopin I., Germaine C., Tanczos J. (2017) *Roma and the Enforcement of Anti-discrimination Law*, Luxembourg: European Network of Legal Experts in Gender Equality and Non-discrimination.

Citizenship and Migration (2018). *Ministry of Home Affairs of Estonian Republic*. Available at: <https://www.siseministeerium.ee/ru/grazhdanstvo-i-migraciya>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Dilans G. (2009) Russian in Latvia: An Outlook for Bilingualism in a post-Soviet Transitional Society. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 12, no 1, pp. 1–13. DOI: 10.1080/13670050802149481

Fedotov A. (2010) National Composition of the Population of Latvia through 110 years in the Mirror of Statistics. *Russian in Latvia. History and Modernity*. Available at: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Fundamental Rights Report (2017), Luxembourg. DOI: 10.2811/240857

Gada Tautas Skaitīšanas Rezultāti īsumā. Informatīvais apskats 2011, l.3 (2012).

Gruber D. (2012) The Status of an “Alien” – the “Creeping Disappearance” of Stateless Persons in Estonia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 15, no 1(60), pp. 157–184. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-inostrantsa-pochemu-v-estonii-po-prezhnemu-mnogo-negrazhdan>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Hate Crime Reporting (2017). *OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights*. Available at: <http://hatecrime.osce.org/czech-republic>, accessed 31.08.2019.

Hjerm M. (2003) National Sentiments in Eastern and Western Europe. *Nationalities Papers*, vol. 31, no 4, pp. 413–429. DOI: 10.1080/0090599032000152933

Jenne E.K. (2016) *How Populist Governments Rewrite Sovereignty and Why*. Available at: <https://www.ceu.edu/sites/default/files/attachment/event/15587/erinjennepolberg-consec-2016.pdf>, accessed 31.08.2019.

Kantor Z. (2006) The Concept of Nation in the Central and East European ‘Status Laws’. *Beyond Sovereignty from Status Law to Transnational Citizenship* (eds. Osamu Ieda, Balázs Majtényi), Slavic Research Center, Hokkaido University, pp. 44–45.

Kluknavská A. (2012) The Far Right Parties in 2012 Slovak Parliamentary Elections. *Rexter*, vol. 10, no 1, pp. 1–35. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Alena_Kluknavska/publication/281711817_Krajne_pravicove_strany_v_parlamentnych_vobach_2012_na_Slovensku_The_far_right_parties_in_2012_Slovak_parliamentary_elections/links/55f54c6a08ae6a34f660adf5/Krajne-pravicove-strany-v-parlamentnych-vobach-2012-na-Slovensku-The-far-right-parties-in-2012-Slovak-parliamentary-elections.pdf, accessed 31.08.2019.

Latvijas Iedzīvotāju Sadalījums pēc Valstiskās Piederības (2017). *The Office of Citizenship and Migration Affairs*. Available at: http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/Iedzivotaju%20re%C4%A3istrs/07022017/ISVP_Latvija_pec_VPD.pdf, accessed 31.08.2019.

Latvijas Republikas Centrālā Statistikas Pārvalde, Riga (2011). *The Central Statistical Bureau*. Available at: http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/publikacijas/nr_13_2011gada_tautas_skaitisanas_rezultati_ismuma_12_00_lv.pdf, accessed 31.08.2019.

Magyar B. (2016) *The Anatomy of Post-communist Mafias State: Case of Hungary*, Moscow: NLO (in Russian).

Monitoring of the Realization in 2011 of the State Program for the Assistance to the Voluntary Resettlement to the Russian Federation of Compatriots living abroad (2011). *The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. Available at: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/Monitoring_realizacii_Gosudarstvennoy_programmy_za_2011_god.pdf, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Monitoring of the Realization in the 4th trimester of 2017 of the State Program for the

Assistance to the Voluntary Resettlement to the Russian Federation of Compatriots Living abroad (2017). *The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. Available at: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring/2017, accessed 31.08.2019 (in Russian).

O'Dwyer C. (2006) *Runaway State-Building: Patronage Politics and Democratic Development*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Population Quantity. 1881–2000. *Eesti Statistika*. Available at: <https://www.stat.ee/dokumentid/62871>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Poulsen J.J. (1994) Nationalism, Democracy and Ethnocracy in the Baltic Countries. *The Politics of Transition in the Baltic States. Democratization and Economic Reform Policies* (eds. Dellebrant J.A., Norgaard O.), Umeo University, pp. 15–29.

REL 2011: There Are Representatives of 192 Nationalities in Estonia (2011). *Eesti Statistika*. Available at: https://www.stat.ee/64847?parent_id=39107, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Results of Latvian Population Census (2001). *Demoscope Weekly*, no 33–34, September 10–23, 2001. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/033/ev-ro01.php>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Roma (2016). *FRA*. Available at: <https://fra.europa.eu/en/publication/2016/eumidis-ii-roma-selected-findings>, accessed 31.08.2019.

Simonyan R., Kochegarova T. (2010) Russian-speaking Population in Baltic States. *MGIMO Review of International Relations*, no 3, pp. 60–79. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoy-azychnoe-naselenie-v-stranah-baltii>, accessed 31.08.2019 (in Russian).

Tevdoy-Burmuli A. (2018) *Ethnopolitical Dynamics of the EU*, Moscow: Aspect-Press (in Russian).

The Situation of Roma and Travellers in the Context of Rising Extremism, Xenopho-

bia and the Refugee Crisis in Europe (2016). *Congress of Local and Regional Authorities*, 31st session, CPL31(2016)03final, October 20, 2016. Available at: <https://rm.coe.int/1680718bfd>, accessed 31.08.2019.

Tishkov V., Ustinova M. (eds.) (2007) *Transforming Ethnopolitical Conflict. The Berghof Handbook*, Moscow: Nauka (in Russian).

Tusk D. (2014) Donald Tusk on Polish Minority in Lithuania: We Want to See Standards Where Minority Rights Are Similar to Those in Poland. *Premier.gov.pl*, February 18, 2014. Available at: <https://www.premier.gov.pl/en/news/news/donald-tusk-on-polish-minority-in-lithuania-we-want-to-see-standards-where-minority-rights.html>, accessed 31.08.2019.

Violent Attacks against Roma in Hungary: Time to Investigate Racial Motivation. (2010) *Amnesty International*, November 10, 2010. Available at: <https://www.amnesty.org/en/documents/EUR27/001/2010/en/>, accessed 31.08.2019.

World Bank Data (2016). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KDZG?end=2016&locations=B8&start=2016&view=bar>, accessed 31.08.2019.

Yiftachel O., Ghanem A. (2004) Understanding 'Ethnocratic' Regimes: The Politics of Seizing Contested Territories. *Political Geography*, vol. 23, no 6, pp. 647–676. DOI: 10.1016/j.polgeo.2004.04.003

Zahariev A. (2017) Welcome to Bulgaria! Well, not if You Are Roma. *European Roma Rights Centre*, September 14, 2017. Available at: <http://www.errc.org/news/welcome-to-bulgaria-well-not-if-you-are-roma>, accessed 31.08.2019.

Zakaria F. (2014) The Rise of Putinism. *The Washington Post*, July 31, 2014. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/fareed-zakaria-the-rise-of-putinism/2014/07/31/2c9711d6-18e7-11e4-9e3b-7f2f110c6265_story.html?utm_term=.71a9e19bcb59, accessed 31.08.2019.

Страницы прошлого

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-148-165

«Беспокойная история неустойчивого мира»: к 100-летию Версальского мирного договора

Александр Александрович ВЕРШИНИН

кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра истории России XX–XXI вв. исторического факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: averchinine@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5206-8013

ЦИТИРОВАНИЕ: Вершинин А.А. (2019) «Беспокойная история неустойчивого мира»: к 100-летию Версальского мирного договора // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 148–165.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-148-165

Статья поступила в редакцию 10.06.2019.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-6084.2018.6)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу Версальской системы международных отношений. Автор акцентирует тот факт, что она стала порождением первой тотальной войны в истории человечества и уже поэтому имела ряд характеристик, разительно отличавших ее от моделей, существовавших в прошлом. Целью ее основателей было установить прочный мир в ситуации, когда ход и последствия мировой войны предполагали применение особо жестких санкций в отношении побежденной стороны. Кроме того, война привела к тому, что проблемы послевоенного урегулирования и внутривнутриполитическая повестка воевавших стран, отмеченная «восстанием масс», оказа-*

лись неразрывно связаны. Все это создавало особый фон для работы Парижской мирной конференции. Лидеры Франции и Великобритании действовали во многом под влиянием этих факторов, что ограничивало их поле для маневра. Оказалось невозможным в полной мере воплотить в жизнь проект демократического мира, предложенный президентом США В. Вильсоном. Эти противоречия нагляднее всего проявились в ходе обсуждения русского вопроса. В результате возникшая система международных отношений была отмечена рядом структурных противоречий, что делало неизбежным ее распад. По мнению автора, со схожими вызовами сталкивается и современная мировая политика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *международные отношения, Версальский мирный договор, Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж*

Нынешнее состояние международных отношений часто сравнивают со временами холодной войны. Отчужденность между двумя ведущими ядерными державами, блоковое противостояние в Европе, напряженность, экспортируемая в разные регионы мира, наконец видимость идеологического противостояния – все это дает основания ряду исследователей переводить стрелки истории на 50 лет назад [Легвольд 2014; Караганов 2018]. Их оппоненты указывают на то, что подобный подход не имеет под собой оснований [Барановский 2016]. Представляется, что они имеют серьезные аргументы: холодная война была уникальным временем в мировой политике, когда вся она так или иначе сводилась к противостоянию СССР и США, которое развивалось по всем направлениям и имело фундаментальный характер.

Сейчас мы наблюдаем нечто принципиально иное. Оси противостояния «Запад – Восток», вокруг которой вращается все остальное, больше нет. Как бы того кому-то ни хотелось, российско-американские отношения давно не определяют вектор международного развития и даже не являются основным его компонентом. Различия в весовых категориях – важная, но не единственная причина этого. В отличие от своего предшественника, современная Россия не предлагает миру альтернативный проект развития, который притягателен (и опасен) именно тем, что написан на понятном Западу языке. Китай, видимо, далек от того, чтобы воспроизвести модель советско-американ-

ской конкурентной борьбы периода холодной войны [Портяков 2013].

Не существует и того, что определяло международные правила игры в XVIII–XIX вв. – концерта великих держав. Вероятно, именно его имеют в виду те мировые лидеры, которые говорят о необходимости многополярного мироустройства. Пока неочевидно, как эта модель может реализоваться в ситуации начала XXI в. В свое время ее краху способствовали закат старой кабинетной дипломатии, идеологизация внешней политики и формирование запроса на глобальный мировой порядок, выходящий за рамки простого балансирования национальных интересов. Ни один из этих факторов полностью не снят сегодня с повестки дня. Внешняя политика, чем дальше, тем в большей степени, делается на виду, при активном участии общественного мнения. Никаким закулисным договоренностям больше нельзя верить. Грань между внутренними и внешними делами быстрыми темпами стирается. Нарастает ощущение хаоса, а вместе с ним и естественное стремление к некоему общему порядку.

Иными словами, едва ли в истории международных отношений можно найти близкий пример той ситуации, которая сложилась сегодня. Тем не менее поиск аналогий имеет смысл: у нас нет другого реального способа понять, что сегодня происходит в мире, и, главное, оценить возможные последствия развития тех процессов, которые наблюдаются в настоящий момент. Холодная война в данном случае – не самый удачный кейс. Структурно нынешнее состояние международных отношений ближе к ситуации 1919–1939 гг. История Версальской системы¹ гово-

¹ В данной статье автор непосредственно не касается постановлений Вашингтонской конференции 1922 г., которые дополнили соглашение, заключенное в Версале, и изучает ту систему европейской безопасности, которая была сформирована решениями Парижской мирной конференции 1919 г.

рит гораздо больше о том, что происходит в мире, когда при усложняющихся условиях общественно-политического развития дает сбой механизм поддержания глобальной безопасности.

Данная статья не претендует на выявление строгих параллелей и закономерностей, которые прольют свет на современное положение дел. Строго говоря, она не столько о настоящем, сколько о прошлом. Над всей историей Версальской системы тяготеет ее бесславный конец. Ретроспективно она представляется сверстанной на скорую руку моделью, которая изначально не сгла в себе семена собственного разрушения. При том что это во многом действительно так, подобный взгляд требует определенного уточнения.

***

XX век невозможно понять без учета той роли, которую в современной истории сыграла Первая мировая война. По точному замечанию Эрика Хобсбаума, «огромное сооружение цивилизации девятнадцатого века рухнуло, когда в пламени мировой войны сгорели подпиравшие его опоры» [Хобсбаум 2004, с. 32]. Масштаб конфликта впечатлял: в него так или иначе оказались вовлечены все крупные мировые державы и фактически все европейские государства, кроме нескольких нейтральных. К 1914 г. Европа на протяжении 100 лет не знала больших войн. Конфликты по типу франко-германского 1870–1871 гг. были скоротечными и мало сказывались на жизни людей. Другие войны разворачивались на периферии и оказывали лишь незначительное, конъюнктурное влияние на общественно-политическую жизнь в метрополиях.

Вероятно, крупнейшим по масштабам вооруженным конфликтом после Наполеоновских войн стала Гражданская война в США (1861–1864), превра-

тившая в поле битвы всю территорию страны между Аппалачами и Атлантическим океаном и унесшая жизни более 1 000 000 чел. Столкновение между Севером и Югом уже имело все признаки тотальной войны: для достижения победы стороны мобилизовали практически весь свой промышленный и демографический потенциал. Так, в армии Юга успел отслужить почти каждый белый мужчина, способный носить оружие [Маль 2002, с. 39]. Гражданская война в значительной степени была конфликтом идеологий, что обуславливало ее особый накал и вовлечение в нее широких слоев американского общества.

Однако и Гражданская война в США носила периферийный характер для тогдашней системы международных отношений. Поколения европейцев жили в условиях, в общем, стабильного мира. Экспансионистские амбиции держав Старого света направлялись вовне. К 1914 г. сильнее из них стали колониальными империями. «Жители метрополий, – отмечает Доминик Ливен, – рассматривали империю как источник славы, статуса и значимости своей роли в истории человечества. Геополитическая основа эпохи империализма состояла в убежденности, что территории размером с континент и их природные ресурсы служат ключом к созданию по-настоящему великой державы в XX в. Европейская страна могла приобрести эти ресурсы, лишь имея силу империи» [Ливен 2017, с. 19].

Колониальная экспансия играла и важную политическую роль. Завоевание заморских владений, реализация цивилизаторской миссии смягчали социальные противоречия и формировали основу для консолидации европейских наций [Миллер 2006, с. 50–51]. Стабильное, но не без срывов, экономическое развитие Европы вселяло оптимизм, позволяя надеяться на дальнейший рост материального благосостоя-

ния, которое постепенно начинало перераспределяться в рамках социального государства. В этих условиях либеральная политическая система успешно справлялась со своей основной задачей – «ослаблять ожидаемый или возможный классовый конфликт или, если угодно, смягчать и сглаживать конфликт классовых интересов с целью сохранения существующих институтов собственности и рыночной системы от эффективных нападений» [Макферсон 2011, с. 81]. Продолжавшаяся научно-техническая революция убеждала в том, прогресс неизбежен и ведет к улучшению условий жизни людей.

Все это необходимо учитывать, чтобы понять тот шок, который охватил европейцев по итогам Первой мировой войны: «Старое общество, старая экономика, старые политические системы, как говорят китайцы, “утратили благословение небес”» [Хобсбаум 2004, с. 67]. Весь потенциал, накопленный западной цивилизацией за предыдущие десятилетия, который должен был служить делу созидания богатства и благополучия, стал оружием самоуничтожения. Начавшаяся как результат рядового внешнеполитического кризиса, который предстояло, как в прошлом, разрешить на поле боя, война превратилась в самоцель и постепенно подчинила себе всю общественную повестку дня. Социально-экономические и политические системы европейских держав оказались эффективными инструментами мобилизации всех видов ресурсов – демографических, материальных, символических – для ведения тотальной войны. Грань между фронтом и тылом исчезла. Воевали уже не армии, а нации. Достижения науки и техники обратились в орудия убийства.

Карл Клаузевиц в начале XIX в. писал: «Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения

и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжной выдумкой, не имеющей никакого отношения к действительности» [Клаузевиц 1934, с. 5]. Первая мировая война наглядно показала, что современные условия могут максимально приблизить подобную «выдумку» к реальности. Цели сторон оказались настолько непримиримы, а их ресурсы настолько велики, что все попытки примирения при сохранении определенного баланса сил и интересов оканчивались ничем.

Война шла на уничтожение и, соответственно, уже поэтому предполагала демонтаж всей имевшейся на 1914 г. конструкции мировой политики. Со времен Вестфальского конгресса 1648 г. каждая капитальная перестройка системы международных отношений сопровождалась большими войнами. Но никогда до сих пор ставки не были так высоки, а цели – так амбициозны. Даже поражение в Наполеоновских войнах не лишило Францию статуса великой державы. На протяжении XIX в. модель «концерта» оставалась неизменной и в том случае, если некоторые из участников на время утрачивали свое положение или вообще выпадали из нее. Уже Брестский мир 1918 г. показал, что победитель в мировой войне будет стремиться получить все, не считаясь с соображениями сохранения международной стабильности [Fischer 1967]. Дискриминационный в отношении Германии характер Версальского мира надо оценивать именно с этой точки зрения.

Таким образом, перед людьми, собравшимися в январе 1919 г. в Париже для решения судеб мира, стояла беспрецедентная по сложности задача. Воссоздать мировой порядок предстояло,

выключив из него побежденную сторону. Доводы о недальновидности лидеров Антанты, заложивших мину под здание Версальской системы, имеют смысл лишь с позиции знания последующих событий и всей истории XX в. С учетом изначально завышенных обеими сторонами ставок, той цены, которая была уплачена за победу над Германией, и памяти об условиях мира, навязанного Рейхом России, трудно было ожидать от победителей поведения в духе «14 пунктов» президента В. Вильсона или ленинского декрета о мире.

Однако сами эти идеи, нашедшие живой отклик во всех воевавших странах, возникли не на пустом месте. Они также являлись порождением мировой войны, которая в большой степени идеологизировала мировую политику [Туз 2019, с. 28]. Современная система международных отношений возникла в Новое время на основе максимально возможного исключения априорного идейного компонента из процесса взаимодействия суверенных государств [Манан 2004, с. 48–49]. С тех пор как религия перестала оказывать на него определяющее воздействие, основным критерием формирования мировой повестки стал принцип национального интереса. К началу XX в. он эволюционировал в концепцию справедливого «места под солнцем».

Война 1914–1918 гг., обернувшаяся неисчислимыми бедствиями, нанесла мощный удар по самой его легитимности. Став важнейшей вехой начала «эпохи масс», она привела к беспрецедентной политизации социально-политической жизни. Накануне 1914 г. империализм сознательно взращивал общественное мнение, подводя под свои внешнеполитические амбиции основу в виде национализма. Эта структура сохранилась, но к 1918 г. она заполнилась иным содержанием. Массовое неприятие разрушительной войны обер-

нулось поддержкой альтернативных универсальных идей, на первое место выдвигавших новое качество международной политики.

Всеобщий справедливый мир без аннексий и контрибуций, отказ от тайной дипломатии и неравноправных договоров, право наций на самоопределение – эти и другие лозунги находились в неразрывной связи и с внутриполитической повесткой, сложившейся в основных воевавших странах. Вернувшись с войны люди хотели лучшей жизни и мира. Дискурс о новом послевоенном мире формировался как всеохватывающий. В его рамках социальная справедливость и демократизация международных отношений выступали двумя сторонами одной медали.

Этот тренд не могли не учитывать лидеры Антанты на конференции в Париже, что еще больше усложняло их задачу. Новый мировой порядок требовалось не только возвести на заведомо ослабленном фундаменте, но и настроить его на совершенно новый лад, оформить соответствующими символами, если не на деле, то хотя бы на уровне деклараций. Причем этот вызов находился в органической связи с необходимостью создания социального мира в странах, вышедших из войны. Возникший таким образом узел окончательно запутывало еще одно обстоятельство. На международной арене действовал игрок, который сам собой олицетворял эту двойную проблему, стоявшую перед хозяевами послевоенной Европы. Советская Россия, будучи, как и Германия, изгоем Версальской системы, являлась носителем универалистской идеологии, альтернативной старому либерализму. В ее рамках социально-политические изменения и формирование нового качества международных отношений являлись звеньями одной цепи и находились в тесной взаимосвязи.

Никто из представителей «большой тройки», заседавшей в Париже, не испытывал иллюзий насчет той задачи, которую им предстояло решить. Для французов на первом месте стояла необходимость заключить мир без Германии и за счет Германии, причем этот мир должен был стать если не вечным, то, во всяком случае, прочным и стабильным. Франции слишком тяжело далась победа над своим историческим врагом. В относительном измерении она понесла самые тяжелые потери из всех стран – участниц мирового конфликта. Почти 1,4 млн французских солдат были убиты, что составляло более 16% от числа всех мобилизованных и примерно четверть всех мужчин в возрасте от 18 до 27 лет [Steiner 2005, p. 20]. 3,6 млн чел. получили ранения. На фоне практически не растущей с конца XIX в. численности населения эта убыль являлась колоссальным ударом по демографическому потенциалу страны. 10 северо-восточных департаментов, один из наиболее промышленно развитых районов страны, лежали в руинах. 9300 предприятий были полностью разрушены. 2 млн га пашни выпали из сельскохозяйственного оборота. Национальное богатство сократилось на 12%. Национальный долг в 1918 г. составил огромную сумму в 170 млрд франков [Манфред 1973, с. 6].

Для миллионов французов выстраданная победа была слабым утешением. «Правда состоит в том, – отмечала передовица одной из центральных французских газет в феврале 1919 г., – что мы радуемся победе подобно тому, как радуются выжившие после катастрофы или ужасной болезни»². Победа, сколь бы долгожданной она ни была, имела для Франции смысл лишь в одном случае: если бы она покончила с войной

на обозримую историческую перспективу. Руководители Третьей республики хорошо понимали, что страна по ту сторону Вогезов по своему совокупному потенциалу значительно превосходит Францию и, имея все возможности для реванша, рано или поздно ими воспользуется. Премьер-министр Ж. Клемансо и армейское командование в лице маршала Ф. Фоша исходили из того, что прочный мир невозможен без максимального ослабления Германии. Она, по словам одного из министров Клемансо, «должна была заплатить за все»: передать под контроль Парижа левый берег Рейна, пойти на многомиллиардные репарации и распустить собственные вооруженные силы.

Насколько такой взгляд был объективен? Как сегодня известно историкам, в головах у представителей французской политической элиты вырисовывались и иные модели выстраивания послевоенных отношений с Берлином. А. Бриан, в будущем один из инициаторов международного соглашения об отказе от войны как средства разрешения споров между государствами, уже в ходе работы Парижской конференции указывал на то, что мир на антигерманской основе не станет прочным [Unger 2005]. Клемансо не исключал возможности франко-германского сближения на основе экономического сотрудничества [Steiner 2005, p. 21]. В 1929 г. он писал о том, что задачей союзников было не столько ослабить саму Германию, сколько нанести удар по агрессивному милитаризму и сформировать систему, основанную на европейских идеях права и справедливости [Clemenceau 1930].

Проблема заключалась в том, что в 1919 г. французский политический истеблишмент стал заложником настроений, овладевших им в годы войны, ко-

2 Le Temps. 28.II.1919.

торые, в свою очередь, во многом подпитывались энергетикой «восставших масс», как с правого, так и с левого фланга. Всех их объединяло стремление к миру, однако если первые ради него были готовы принести в жертву Германию, то вторые требовали покончить с той системой, которая плодит войны и социальную несправедливость. Альтернатива политике в духе «боши заплатят за все», с французской точки зрения, выглядела слишком непредсказуемой со всех точек зрения. Ставки, сделанные в 1914 г., через четыре года выросли до предела. Разменять реальную военную победу на туманную перспективу примирения на основе компромисса означало пойти на неоправданный риск. Кроме того, сформулированные президентом США В. Вильсоном идеи всеобщего равноправного мира, основанного на универсальных ценностях, выглядели неубедительными и опасными на фоне тех бурь, которые были вызваны к жизни наступившей эпохой революций. Заседая в здании министерства иностранных дел Франции, делегаты мирной конференции в окна особняка на Кэ д'Орсэ могли лицезреть многолюдные манифестации под социальными лозунгами, захлестнувшие улицы французской столицы весной 1919 г.

1 мая в двухмиллионном Париже на демонстрации вышло более 500 000 чел. Французское социалистическое движение, дискредитированное в глазах рядового избирателя поддержкой мировой войны, находилось на грани раскола: из его рядов готовилось выйти левое крыло, ориентировавшееся на русский революционный опыт. Но в то же самое время Франция переживала и рост массового национализма. На волне антигерманских и антибольшевистских настроений осенью 1919 г. на выборах в парламент победила коалиция правых партий. Общество поляризова-

лось. В ситуации, когда повестки мирного урегулирования и решения взрывоопасных социальных проблем совпадали в ряде важных отношений, руководство Третьей республики решило опереться на силу. Однако Франция здесь вступала в конфликт со своими главными союзниками по Антанте.

Британские политические элиты также находились под мощным давлением общественного мнения. В декабре 1918 г. в стране прошли парламентские выборы. Современники называли их голосованием «цвета хаки». Вероятно, никогда раньше в истории страны народное волеизъявление не сопровождалось таким взрывом агрессивного шовинизма, вообще мало присущего местной политической культуре. Почти все кандидаты, выступавшие против заключения мира на жестких для Германии условиях, потерпели поражение. Сам премьер-министр Д. Ллойд Джордж, хорошо владевший искусством политического маневра, был вынужден учитывать это обстоятельство. 5 декабря он потребовал суда над кайзером как «отъявленным преступником» [Lentin 1984, p. 25]. Подобные настроения были вполне объяснимы на фоне тех потерь, которые понесла Великобритания в войне. 700 000 ее солдат погибли на фронтах – в 5 раз больше, чем за все время Наполеоновских войн. Британская общественность болезненно переживала тот факт, что эти жертвы были принесены в ходе конфликта, непосредственно не угрожавшего суверенитету страны.

Несмотря на то что британские политические элиты, как и французские, теоретически располагали различными инструментами обеспечения послевоенного мира, они в итоге сделали выбор в пользу компромиссной позиции. Ллойд Джордж не сомневался в том, что Германия несет основную ответственность за развязывание миро-

вой войны и будущий мир должен быть достаточно жестким. Немцам следовало преподать «незабываемый урок» [Steiner 2005, p. 29]. Однако премьер-министр, в отличие от своих французских коллег, имел большее поле для маневра. Общественное мнение Великобритании, несмотря на рост милитаристских настроений на завершающем этапе войны, оставалось более монолитным в видении целей мирного урегулирования, чем французское.

Революционные проекты, подпитывавшиеся опытом русской революции, играли здесь гораздо меньшую роль. Британские политики и общественные деятели в массе своей позиционировали себя как «атлантисты» или «европеисты» [Steiner 2005, pp. 27–28]. Первые считали, что залог обеспечения позиций Великобритании как великой державы – консолидация империи, укрепление ее положения как глобальной экономической державы. Вторые исходили из приоритета сохранения статус-кво на европейском континенте, в рамках которого Германия стала бы одной из опор нового порядка. И те и другие стремились восстановить мир, стабильность и возможности для экономического развития. При этом все соглашались с тем, что простого возвращения к системе баланса сил быть не может. Мир изменился, и для поддержания безопасности требовалось нечто большее, чем те модели, которые функционировали в рамках Вестфальского и Венского миропорядков. Идея создания наднационального органа, который взял бы на себя ответственность за это, нашла живой отклик в Лондоне, однако то, что в конце 1918 – начале 1919 гг. предлагали британцы, мало походило на вильсоновскую Лигу Наций. Их проекты международной организации были лишены ценностной составляющей. Речь шла о решении конкретных проблем: предотвращении новой

войны, сокращении вооружений, определении судьбы народов, получивших независимость после распада европейских империй, пересмотре статуса колоний.

Проект послевоенного урегулирования, предложенный президентом США, явно отличался и от французского, и от британского. Строго говоря, германский вопрос в нем играл лишь второстепенную роль, хотя Вильсон также считал, что Германия должна быть наказана за развязывание войны. Судьба поверженного Рейха являлась лишь поводом для постановки проблемы нового мироустройства. Мировая война убедила президента в том, что принцип баланса сил и система военных альянсов себя изжили, а безответственное поведение европейских элит поставило континент на грань катастрофы. Америка должна была предложить новое видение международных отношений, которое позволило бы человечеству развиваться в мире и гармонии. «Сделать мир безопасным для демократии» можно было лишь при условии искоренения самой военной угрозы [Lansing 1921, p. 29]. Суть этого проекта была изложена в «14 пунктах», озвученных президентом Конгрессу в январе 1918 г. Помимо призывов к отказу от тайной дипломатии, разоружению, снятию всех барьеров для развития глобальной экономики, в них содержалось предложение о создании «общего объединения наций», которое должно было взять на себя ответственность за судьбы цивилизации.

Идея американской исключительности, противопоставляемой европейской отсталости, имела глубокие исторические корни. Долгое время она лежала в основе политики изоляционизма, однако в начале XX в. активно переосмыслялась. В 1900 г. Вильсон, еще будучи профессором Принстонского университета, говорил: «Мир превра-

тился в единое целое... Никакая нация не может больше отгораживаться от других... Теперь Соединенные Штаты должны участвовать во всем этом... Нации и народы, которые пребывали в спячке на протяжении столетий, станут частью универсального мира коммерции и идей... Наш особый долг – регулировать этот процесс в интересах свободы» [Согрин 2016, с. 97]. В ходе парижских переговоров президент США неоднократно отмечал, что является «честным маклером», так как представляет наименее заинтересованную сторону конфликта. Во многом это было именно так. Американцы гораздо меньше других поставили на карту в ходе Первой мировой войны. Для них война так и не стала в полном смысле слова тотальной: американское общество едва ли ощутило на себе ее сколь-нибудь серьезное влияние. Имея эту свободу маневра, Вильсон с полным основанием предлагал европейцам разрубить тот гордиев узел внутри- и внешнеполитических противоречий, который возник к 1918 г.

Фактически, он формулировал доктрину либерального интернационализма, которую на первых порах скептически восприняли и в Европе, и за океаном. «Бог дал нам десять заповедей – и мы их все нарушили. Вильсон дает нам четырнадцать пунктов – ну что же, поживем – увидим», – саркастически высказывался о предложениях своего американского визави Клемансо [Baley 1980, р. 608]. «Идеалистически настроенный президент, – вспоминал Ллойд Джордж, – считал себя миссионером, призванным спасти бедных европейских язычников» [Lloyd George 1938, р. 223]. Однако за пафосом Вильсона скрывалось стремление сформулировать парадигму развития послевоенного мира, который разительно отличался от существовавшего до 1914 г. В этом смысле его «14 пунктов» оттал-

кивались от реального положения дел. Главным оппонентом Вильсона была не старая европейская дипломатия в лице Клемансо и Ллойд Джорджа, а русский большевизм. Как отмечал сам президент в беседе с секретарем, «яд большевизма только потому получил такое распространение, что является протестом против системы, управляющей миром. Теперь очередь за нами» [Беккер 1923, с. 191–192].

Отношение к большевистскому эксперименту являлось важным индикатором того, каким видели себе послевоенный мир отцы-основатели Версальской системы. Французы настаивали на бескомпромиссной борьбе против большевизма всеми возможными способами, вплоть до прямой интервенции. «Я в принципе против того, чтобы разговаривать с большевиками. Не только потому, что они – преступники, но также и тем более потому, что, разговаривая с ними, мы рискуем придать им дополнительную силу» [Clemenceau 1991, р. 794], – заявил в январе 1919 г. Клемансо. Иной была точка зрения Ллойд Джорджа. Он постоянно колебался между страхом экспансии большевистской идеологии и признанием того факта, что она, во-первых, вызвана к жизни объективными последствиями мировой войны, и во-вторых, разделяется людьми, контролирующими большую часть бывшей Российской империи [Lloyd George 1938, pp. 315–319].

Еще более сложной выглядела позиция Вильсона. Его «14 пунктов» действительно во многом перекликались с ленинским декретом о мире. Сам президент на первых порах публично выражал солидарность с большевиками: «Он говорил об “искренности” большевиков в Брест-Литовске, заявлял о праве России “принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики”, обещал “радушный

прием в сообщество наций при том образе правления, который она сама для себя изберет» [Белюсов 2018, с. 346]. Политика советской власти в 1918 г. быстро развеяла лишние иллюзии, однако президент США всегда акцентировал не столько борьбу против большевизма, сколько необходимость разъяснить русскому народу преимущества либеральной демократии. Большевики неизменно оставались для него скорее конкурентами. Несколько лет спустя Вильсон называл русскую революцию «выдающимся событием нашего века», «продуктом социальной системы» и результатом несовершенства капитализма [Wilson 1923].

Вильсон и В.И. Ленин первыми осознали тот факт, что проблемы послевоенного мироустройства не сводятся к решению германского вопроса. Массы ждали выдвижения нового проекта глобального развития, одним из элементов которого должно было стать иное качество международных отношений. И. Валлерстайн указывает на шесть основных сходств программ Вильсона и Ленина: обе отстаивали принцип самоопределения наций; «выступали за экономическое развитие всех государств, подразумевая под этим урбанизацию, коммерциализацию, пролетаризацию и индустриализацию, которые в итоге должны были бы привести к процветанию и равенству»; акцентировали идею универсальных для всех народов ценностей; подчеркивали ценность научного знания; отмечали, что обеспечиваемый им «прогресс человечества неизбежен и желателен»; заявляли о приверженности к народовластию [Валлерстайн 2003, с. 53].

Между тем никто из них четко не представлял себе, как именно должен выглядеть этот переход. Выдвинутый президентом США план создания Лиги Наций выглядел расплывчато и встре-

тил острую критику со стороны европейской дипломатии. Даже британская делегация, с известной долей понимания относившаяся к предложениям американцев, отказалась обсуждать возможность самоопределения для народов Азии и Африки, освободившихся от османского и германского господства. Вильсону приходилось идти на уступки и соглашаться с тем, что молодое вино наливалось в старые меха. Полноценного инструментария для реализации выдвинутой повестки глобального развития у него не имелось.

В схожей ситуации оказались и большевики. Их декрет о мире сразу столкнулся с железной прозой реальной политики военного времени: вместо всеобщего справедливого равного мира без аннексий и контрибуций в марте 1918 г. им пришлось заключать капитулянтский Брестский договор. Европейская революция, которая должна была освободить трудящиеся массы, покончить с капитализмом и теми войнами, источником которых он являлся, запаздывала, а в начале 1920-х гг. окончательно сошла с повестки дня. Коммунистический Интернационал перешел к партизанским методам борьбы. Однако если вильсоновский проект, не поддержанный ни в Париже, ни в Вашингтоне, был, в конечном итоге, на время свернут, то большевистский продолжал развиваться в одной отдельно взятой стране, занимавшей седьмую часть суши, даже после того, как советские лидеры перестали говорить о мировой революции. Сам этот факт подрывал Версальскую систему.

Британский дипломат, участвовавший в работе Парижской конференции, впоследствии вспоминал: «Мы приехали в Париж, уверенные в том, что вот-вот будет создан новый порядок; мы уехали оттуда, убедившись в том, что новый порядок – это лишь искаженный до

неузнаваемости старый» [Сергеев 2017, с. 316]. По итогам переговоров был согласован компромиссный проект послевоенного мироустройства, который, как это часто бывает, имел немало преимуществ изначально обсуждавшихся программ, но обладал многими их недостатками. Французские предложения превратить Германию в конфедерацию и отторгнуть от нее левый берег Рейна с его передачей его под контроль Парижа были отвергнуты. Германия сохранилась как единое государство, однако потеряла 13% своей территории, все колонии, военно-морской флот и лишилась права иметь полноценные вооруженные силы. 231-я статья Версальского договора объявляла Германию и ее союзников ответственными за развязывание мировой войны. Кроме того, предполагалось, что побежденная сторона заплатит многомиллиардные репарации.

Таким образом, сложилась крайне опасная ситуация: Германия была ослаблена, но не обезоружена. Победители, назвав немцев единственными виновными в начале войны, сделали германский реванш неизбежным. После 1919 г. любое правительство, находившееся у власти в Берлине, исходило из необходимости ревизии Версальского мира. При этом военный вариант всегда рассматривался как вероятный. Формально лишённая массовой сухопутной армии и генерального штаба, потерявшая возможность испытывать и ставить на вооружение современные виды военной техники, Германия фактически сохранила широкие возможности готовиться к будущей войне [Corum 1992].

В Париже было достигнуто принципиальное соглашение о перекройке политической карты Восточной Европы. Здесь официально провозглашенный принцип самоопределения наций пришел в противоречие с реалиями исто-

рически формировавшихся географических и этнических границ [Гришаева 2019, с. 19]. На месте распавшихся империй возникли национальные государства, включавшие в свой состав значительные этнические меньшинства. В результате межнациональные конфликты не только не урегулировались, но и превращались в мины замедленного действия, угрожавшие целостности всего здания европейской безопасности. Похожими противоречиями была отмечена и согласованная модель решения колониального вопроса. Мандатная система фактически представляла собой форму колониального господства старых европейских заморских империй и Японии над рядом народов Азии и Африки при формальном признании их права на получение суверенитета в будущем. Неприкрытым диктатом стал навязанный победителями Турции Севрский мирный договор. В данном случае Франция и Великобритания даже не пытались сохранить внешний демократический антураж: по их замыслу Турция фактически должна была исчезнуть как держава регионального значения, съезжившись до масштабов государственного образования в центральных районах Малой Азии.

Принятый на конференции устав Лиги Наций также являл собой результат сложного компромисса. Идея Вильсона о создании наднационального института как инструмента формирования мирового порядка, базирующегося не на силе, а на ценностях свободы и демократии, была серьезно трансформирована. Французы и британцы считали, что принятие варианта, выдвинутого президентом США, откроет широкий путь распространению американского влияния во всем мире. К замыслу Лиги они относились утилитарно, рассматривая ее в качестве органа, отвечающего за послевоенное урегулиро-

вание. Именно их взгляд лег в основу итогового проекта международной организации. Лига Наций получила коллективный мандат на поддержание глобального статус-кво. Она могла применять в отношении агрессора экономические и военные санкции. Входявшие в ее состав комиссии ведали широким кругом вопросов, от борьбы против наркоторговли до защиты прав женщин [Northedge 1986]. Однако реальные возможности Лиги влиять на мировую политику были ограничены. Предотвратить агрессию путем наложения санкций она могла лишь консенсусным решением. Кроме того, в ее уставе отсутствовало четкое понятие «государства-агрессора».

Парижская конференция не смогла сформулировать внятного варианта урегулирования русского вопроса. В ходе его обсуждения соображения реальной политики, идеология, фобии по поводу перспектив возрождения сильного конкурента, нежелание победителей брать на себя ответственность за наведение порядка на территориях бывшей Российской империи завязались в тугой узел. В результате Россия, как и Германия, оказалась за рамками новой международной конструкции как чужеродный и потенциально разрушительный элемент.

Таким образом, Версальская система, созданная в основных своих очертаниях на Парижской мирной конференции, изначально страдала глубоким противоречием, совмещая в себе универсальные демократические идеалы с имперскими принципами мироустройства в духе реальной политики [Горохов 2004]. Ее создатели так и не дали ответы на те вопросы, которые двигали массами, вышедшими из мировой войны. Демократизации политики не произошло. На внутривнутриполитическом уровне европейские элиты ограничивались отдельными уступками протест-

ным движениям в виде введения 8-часового рабочего дня и расширения избирательных прав. Лозунги, требовавшие изменения качества международных отношений, так и остались лозунгами. Вильсоновский проект был реализован лишь частично, причем без участия самих США, которые отказались ратифицировать Версальский договор. Большевизм квалифицировали как угрозу, и Россия на долгие годы попала в международную изоляцию. В 1920-е гг. революционная волна в странах Европы пошла на спад, что на фоне экономической стабилизации и начала нормализации франко-германских отношений создало у западных элит впечатление того, что вопрос снят с повестки дня.

Это было большой ошибкой. М. Макмиллан считала, что неверно возлагать на создателей Версальской системы всю ответственность за приход к власти А. Гитлера и создание предпосылок новой мировой войны. По ее мнению, нацизм в любом случае выдвинул бы агрессивную экспансионистскую программу, вне зависимости от того, как сложилась бы судьба Германии на Парижской конференции [Mac-Millan 2002, p. 493]. Эта точка зрения не учитывает тот факт, что причины успеха нацистов объяснялись не только чувством национального унижения, которое испытали немцы после 1918 г., и наличием у них как у нации нереализованных амбиций.

Нацизм стал последствием «восстания масс», масштаб которого недооценили западные политические элиты. Курс на постепенную ревизию Версальского договора в части его «нереализуемых статей» [Middlemas 1991, p. 11], взятый Лондоном вскоре после 1919 г., исходил из того, что политика Германии остается в рамках традиционной системы баланса сил. Особая природа нацизма, который внешнюю экспансию делал

экзистенциальной целью всего бытия германской нации, вплоть до 1939 г. слабо осознавалась и британскими, и французскими элитами. Версальская система не только не создала механизма поддержания стратегического равновесия, оставив Францию фактически один на один с задачей сдерживания германского реваншизма на европейском континенте. Она не смогла в полной мере учесть новый идеологический фактор мировой политики, что сделало ее пересмотр лишь вопросом времени.

***

Проект мирного урегулирования, подписанный в Версале, сохранил ситуацию идейного вакуума в международных делах, в то время когда вся общественная жизнь во всемирном масштабе быстро идеологизировалась. Действовать, руководствуясь одними лишь рецептами Макиавелли, больше было нельзя, а категорию национального интереса приходилось наполнять идейным содержанием, понятным широким массам. Э. Хобсбаум, вероятно, не ошибался, когда утверждал, что 1919 г. не снял тех противоречий, которые создала Первая мировая война. Для их преодоления потребовались тяжелые поиски межвоенного периода и еще один разрушительный глобальный конфликт. После 1945 г. вильсоновский либерализм, который часть европейских элит еще недавно считала идеалистическим прожектерством, был фактически принят в качестве доктрины развития всего западного мира. Советский коммунизм окончательно оформился как его альтернатива, принятая другой половиной планеты, однако, по сути, в обоих случаях речь шла об одном и том же – о реализации просвещенческих идеалов в интересах всех классов и народов.

Крах реального социализма стал важной вехой, которая отметила закат

этой модели. Его причины достаточно сложны и требуют отдельного анализа, однако последствия изменения тренда глобального развития на сегодняшний день вполне очевидны. Мировой порядок, понимаемый в самом широком смысле, делегитимирован. Запад и Восток, похоже, переживают второе «восстание масс». Широкие слои общества недовольны распределением собственности и власти. В условиях глобального мира этот протест легко пересекает национальные границы и облекается в универсальные лозунги. Внутренняя и внешняя политики становятся неразличимы. Возникает очевидный запрос на новые всеохватывающие объяснительные модели и формы целеполагания. Элиты при этом во многом дезориентированы. Четкого ответа на вызов времени у них нет, и они предпочитают импровизировать. В результате на свет появляются явления и образы, хорошо знакомые по межвоенной эпохе. Всего один, но яркий пример этого – сюжет «вмешательства в выборы». Актуальные спекуляции на этот счет имеют прямые параллели в 1920–1930-х гг., когда британские и французские политики в ходе электоральной борьбы неоднократно поднимали тему «руки Москвы».

Версаль впервые в явном виде обозначил проблему формирования стабильной системы международных отношений в условиях глобализованного мира. Очевидно, что в этом мире война уже не может рассматриваться в качестве легитимного средства разрешения противоречий между странами. Она становится настолько разрушительной, что грозит самым основам стабильного развития общества. В равной степени неприемлема ситуация, когда миропорядок строится по принципу игры с нулевой суммой. Нельзя построить устойчивую систему международных отношений на дискриминации ак-

туальной либо потенциальной великой державы. Необходима такая стратегия, благодаря которой в выигрыше останутся все игроки. Наконец, очевидным стал тот факт, что динамичное развитие глобализованного мира предполагает наличие наднациональной силы, готовой взять на себя ответственность за его будущее. Америка, после 1918 г. самоустранившаяся от мировых дел, во многом виновна в той хаотизации, которая похоронила Версальский порядок. Она не повторила этой ошибки после 1945 г., однако сегодня понятно, что в современных условиях ей одной эта задача не по силам.

Важнейший урок Версаля для современной международной политики – необходимость комплексно подойти к проблеме выстраивания нового миропорядка. Простое принятие схем «многополярности» или «концерта держав», попытки вернуться к прагматизму и принципам *raison d'Etat* едва ли помогут найти пути выхода из тупиков глобального развития. Самым неблагоприятным последствием этого может стать возвращение темных призраков прошлого, о чем сразу после завершения холодной войны предупреждал Э. Люттвак [Luttwak 1994]. М. Макмиллан, завершая свое фундаментальное исследование работы Парижской мирной конференции 1919 г., писала о том, что миру надо было пережить все ужасы военного опустошения, чтобы принять качественно новый проект развития международных отношений [MacMillan 2002, p. 493]. В начале XXI в. на повестке дня стоит задача выдвижения такого проекта в условиях бурного, но мирного развития. Решить ее будет непросто, однако без этого человечество рискует повторить опыт того, что французский политик Л. Барту назвал «беспокойной историей неустойчивого мира» 1918–1939 гг.

Список литературы

Барановский В.Г. (2014) Система международных отношений: формирование новых реалий // Дынкин А.А., Иванова Н.И. (ред.) Глобальная перестройка. М.: Весь мир. С. 299–340.

Беккер С. (1923) Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М.: Государственное издательство.

Белоусов Л.С. (2018) Революционные события в России в восприятии правящих кругов стран Европы и Америки (1917–1918) // Тучков И.И. (ред.) Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1. М.: Издательство АО «РДП». С. 337–347.

Валлестайн И. (2003) После либерализма. М.: УРСС.

Горохов В.Н. (2004) История международных отношений 1918–1939. Часть 1. М.: МГУ.

Гришаева Л.Е. (2019) От Версаля к войне... о роли «буферных» государств // Дипломатическая служба. № 2. С. 16–40.

Караганов С.А. (2018) Как победить в холодной войне // Россия в глобальной политике. Т. 16. № 5. С. 102–115 // <https://globalaffairs.ru/number/Kak-pobedit-v-kholodnoi-voine-19745>, дата обращения 31.10.2019.

Клаузевиц К. (1934) О войне. М.: Госвоениздат.

Легвольд Р. (2014) Как справиться с новой холодной войной // Россия в глобальной политике. Т. 12. № 3. С. 60–70 // <https://globalaffairs.ru/number/Kak-spravitsya-s-novoi-kholodnoi-voinoi--16768>, дата обращения 31.10.2019.

Ливен Д. (2017) Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М.: РОССПЭН.

Макферсон К.Б. (2011) Жизнь и времена либеральной демократии. М.: ВШЭ.

Маль К.М. (2002) Гражданская война в США 1861–1865: Развитие военного искусства и военной техники. М.: АСТ; Минск: Харвест.

Манан П. (2004) Общедоступный курс политической философии. М.: Московская школа политических исследований.

Манфред А.З. (ред.) (1973) История Франции. Т. 3. М.: Наука.

Миллер А.И. (2006) Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение.

Ознобищев С.К. (2016) «Новая холодная война»: воспоминания о будущем // Полис. № 1. С. 60–73. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.05

Портяков В.Я. (2013) Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН.

Сергеев Е.Ю. (2018) Версальско-Вашингтонская система международных отношений // Чубарьян А.О. (ред.) Всемирная история в 6 тт. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1. М.: Наука. С. 309–346.

Согрин В.В. (2016) Американская империя как исторический и современный феномен // Новая и новейшая история. № 3. С. 91–109 // https://elibrary.ru/download/elibrary_26286517_43654916.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Туз А. (2019) Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Издательство Института Гайдара.

Хобсбаум Э. (2004) Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство «Независимая Газета».

Bailey T.A. (1980) A Diplomatic History of the American People, New Jersey: 10th ed. Englewood Cliffs.

Clemenceau G. (1930) Grandeurs et Misères d'une Victoire, Paris: Plon.

Clemenceau G. (1991) Ce Sont des Criminels // Commentaire, vol. 4, no 56, p. 794 // <https://www.commentaire.fr/>

boutique/achat-d-articles/ce-sont-des-criminels-3323, дата обращения 31.10.2019.

Corum J.S. (1992) The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform, Lawrence: University Press of Kansas.

Fischer F. (1967) Germany's Aims in the First World War, New York: W.W. Norton & Company.

Lansing R. (1921) The Peace Negotiations: a Personal Narrative, Boston: Houghton Mifflin company.

Lentin A. (1984) Lloyd George, Woodrow Wilson and the Guilt of Germany: an Essay in the Pre-history of Appeasement, Leicester: Continuum International Publishing Group.

Lloyd George D. (1938) The Truth About Peace Treaties, v. 1, London: Victor Gollancz Ltd.

Luttwak E. (1994) Why Fascism is the Wave of the Future // London Review of Books, vol. 16, no 7, pp. 3–6 // <https://www.lrb.co.uk/v16/n07/edward-luttwak/why-fascism-is-the-wave-of-the-future>, дата обращения 31.10.2019.

MacMillan M. (2002) Paris 1919: Six Months that Changed the World, New York: Random House Trade Paperbacks.

Middlemas K. (1991) Diplomacy of Illusion: The British Government and Germany, 1937–1939, Aldershot: Gregg Revivals.

Northedge F.S. (1986) The League of Nations: Its Life and Times, 1920–1946, Leicester: Leicester University Press.

Steiner Z. (2005) The Lights that Failed. European International History, 1919–1933, New York: Oxford University Press.

Unger G. (2005) Aristide Briand, Paris: Fayard.

Wilson W. (1923) The Road Away from Revolution, Boston: The Atlantic Monthly Press.

The Pages of the Past

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-148-165

"The Restless History of an Unstable World": the 100th Anniversary of the Versailles Peace Treaty

Aleksandr A. VERSHININ

PhD in History, Lecturer, Department of the Russian History of XX-XXI centuries,
Faculty of History

Lomonosov Moscow State University, 119991, GSP-1, Lomonosovskij Av., 27, bldg 4,
Moscow, Russian Federation

E-mail: averchinine@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5206-8013

CITATION: Vershinin A.A. (2019) "The Restless History of an Unstable World": the 100th Anniversary of the Versailles Peace Treaty. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 148–165 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-148-165

Received: 10.06.2019.

The article is financially supported by the grant of President of the Russian Federation for young Russian Scientists (MK–6084.2018.6).

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of the Versailles system of international relations. The author emphasizes the fact that it was the product of the first total war in the history of mankind, and as such had a number of characteristics that strikingly distinguished it from the models that had existed in the past. The goal of its founders was to establish a lasting peace in a situation where the course and consequences of the world war preconditioned the use of particularly harsh sanctions against the vanquished party. In addition, the war linked the problems of the post-war settlement and the internal political agenda of the warring countries, marked by the "uprising of the masses". All this created a special background for the work of the Paris Peace Conference. The leaders of France and Great Britain acted, in many respects,*

under the influence of these factors, which limited their field for maneuver. It turned out to be impossible to fully implement the project of a democratic world proposed by US President W. Wilson. These contradictions were most clearly manifested during the discussion on the Russian question. As a result, the emerging system of international relations was marked by a number of structural contradictions, which made its disintegration inevitable. According to the author, modern world politics is facing similar challenges.

KEY WORDS: *international relations, Versailles Treaty, Wilson, Clemenceau, Lloyd George*

References

- Bailey T.A. (1980) *A Diplomatic History of the American People*, New Jersey: 10th ed. Englewood Cliffs.
- Baker S. (1932) *Woodrow Wilson. World War. Peace of Versailles*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo (in Russian).
- Baranovskij V.G. (2014) The System of International Relations: the Formation of New Realities. *Global Restructuring* (eds. Dynkin A.A., Ivanova N.I.), Moscow: Ves' Mir, pp. 299–340 (in Russian).
- Belousov L.S. (2018) Revolutionary Events in Russia in the Perception of the Ruling Circles of the Countries of Europe and America (1917–1918). *The Century of the Revolution of 1917 in Russia*. Scientific collection. Part 1 (ed. Tuchkov I.I.), Moscow: Izdatel'stvo AO "RDP", pp. 337–347 (in Russian).
- Clausewitz C. (1934) *On War*, Moscow: Gosvoenizdat (in Russian).
- Clemenceau G. (1930) *Grandeurs et Misères d'une Victoire*, Paris: Plon.
- Clemenceau G. (1991) Ce Sont des Criminels. *Commentaire*, vol. 4, no 56, p. 794. Available at: <https://www.commentaire.fr/boutique/achat-d-articles/ce-sont-des-criminels-3323>, accessed 31.10.2019.
- Corum J.S. (1992) *The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Fischer F. (1967) *Germany's Aims in the First World War*, New York: W.W. Norton & Company.
- Gorokhov V.N. (2004) *History of International Relations, 1918–1939*. Part 1, Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta (in Russian).
- Grishaeva L.E. (2019) From Versailles to War... on the Role of "Buffer" States. *Diplomaticheskaya sluzhba*, no 2, pp. 16–40 (in Russian).
- Hobsbaum E. (2004) *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*, Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta (in Russian).
- Karaganov S.A. (2018) How to Win the Cold War. *Russia in Global Affairs*, vol. 16, no 5, pp. 102–115. Available at: <https://globalaffairs.ru/number/Kak-po-bedit-v-kholodnoi-voine-19745>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Lansing R. (1921) *The Peace Negotiations: a Personal Narrative*, Boston: Houghton Mifflin company.
- Legvold R. (2014) How to Cope with the New Cold War. *Russia in Global Affairs*, vol. 12, no 3, pp. 60–70. Available at: <https://globalaffairs.ru/number/Kak-spravitsya-s-novoi-kholodnoi-voinei-16768>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Lentin A. (1984) *Lloyd George, Woodrow Wilson and the Guilt of Germany: an Essay in the Pre-history of Appeasement*, Leicester: Continuum International Publishing Group.
- Lieven D. (2017) *Towards the Flame: Empire, War and the End of Tsarist Russia*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Lloyd George D. (1938) *The Truth About Peace Treaties*, v. 1, London: Victor Gollancz Ltd.
- Luttwak E. (1994) Why Fascism is the Wave of the Future. *London Review of Books*, vol. 16, no 7, pp. 3–6. Available at: <https://www.lrb.co.uk/v16/n07/edward-luttwak/why-fascism-is-the-wave-of-the-future>, accessed 31.10.2019.
- MacMillan M. (2002) *Paris 1919: Six Months that Changed the World*, New York: Random House Trade Paperbacks.
- Macpherson C.B. (2011) *The Life and Times of Liberal Democracy*, Moscow: HSE (in Russian).
- Mal K.M. (2002) *American Civil War 1861–1865: The Development of Military art and Military Equipment*, Moscow: AST; Minsk: Harvest (in Russian).
- Manent P. (2004) *An Open Course in Political Philosophy*, Moscow: Moskovsk-

kaya shkola politicheskikh issledovaniy (in Russian).

Manfred A.Z. (ed.) (1973) *History of France*. T. 3, Moscow: Nauka (in Russian).

Middlemas K. (1991) *Diplomacy of Illusion: The British Government and Germany, 1937–1939*, Aldershot: Gregg Revivals.

Miller A.I. (2006) *The Romanov Empire and Nationalism: Essay on the Methodology of Historical Research*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Northedge F.S. (1986) *The League of Nations: Its Life and Times, 1920–1946*, Leicester: Leicester University Press.

Oznobishchev S.K. (2016) "New Cold War": Memories of the Future. *Polis*, no 1, pp. 60–73 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.01.05

Portyakov V.Ya. (2013) *Formation of China as a Responsible Global Power*, Moscow: IDV RAN (in Russian).

Sergeev E.Yu. (2017) Versailles-Washington System of International Relations. *World History in 6 vols*. V. 6. The World in

the 20th Century: Epoch of Global Transformations. Part 1 (ed. Chubaryan A.O.), Moscow: Nauka, pp. 309–346 (in Russian).

Sogrin V.V. (2016) The American Empire as a Historical and Modern Phenomenon. *Modern and Current History Journal*, no 3, pp. 91–109. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26286517_43654916.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Steiner Z. (2005) *The Lights that Failed. European International History, 1919–1933*, New York: Oxford University Press.

Tooze A. (2019) *The Deluge: The Great War, America, and the Remaking of the Global Order, 1916–1931*, Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara (in Russian).

Unger G. (2005) *Aristide Briand*, Paris: Fayard.

Wallerstein I. (2003) *After Liberalism*, Moscow: URSS (in Russian).

Wilson W. (1923) *The Road Away from Revolution*, Boston: The Atlantic Monthly Press.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-166-182

Против анархии и Гитлера: французский национализм и гражданская война в Испании

Василий Элинархович МОЛОДЯКОВ

доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор
Институт глобальных японских исследований, Университет Такусёку, Otsuka 1-7-1
G-210, Bunkyo-ku, 108-0074, Tokyo, Japan
E-mail: dottore68@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5892-0473

ЦИТИРОВАНИЕ: Молодяков В.Э. (2019) Против анархии и Гитлера: французский национализм и гражданская война в Испании // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 166–182.
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-166-182

Статья поступила в редакцию 12.07.2019.

АННОТАЦИЯ. Сочетание внутреннего политического и социального кризиса с военным конфликтом в соседней стране за наименее угрожаемой границей, при отсутствии возможности оперативно получить действенную помощь от союзников – один из худших вариантов развития событий в мирное время. В такой ситуации оказалась Франция в 1936 г. в результате победы Народного фронта на выборах и начала военного мятежа в соседней Испании, вызванного эскалацией внутривнутриполитического противостояния. Мятеж перерос в гражданскую войну, которая, несмотря на географически локальный характер, стала проблемой глобальной политики, поскольку затрагивала интересы многих великих держав и в наибольшей степени угрожала Франции. Настоящая статья излагает и анализирует позицию, которую заняли в отношении гражданской войны в Испании и предшествовавших ей событий националистическое монархическое движение «Action française» во главе с Шар-

лем Моррасом (1868–1952) и его союзники, представители следующих поколений французских националистов – философ и публицист Анри Массис (1886–1970) и писатель Робер Бразийяк (1909–1945). Все они с первого дня поддержали испанских националистов и были уверены в их победе, поэтому были против любой французской помощи, особенно военной, испанскому республиканскому правительству, пропагандировали политическую программу Франко, обличали вмешательство СССР в испанские дела и «коммунистическую угрозу». Выступая за католическое и латинское единство, французские националисты стремились не допустить сближения Франко с нацистской Германией, которую считали «наследственным врагом» Франции при любом режиме. Визиты Моррасса и Массиса в Испанию в 1938 г. и личные встречи с Франко были призваны продемонстрировать это единство с молчаливым, но явным антигерманским подтекстом. «История войны в Испании» Бразийяка (1939)

стала первым во Франции обобщающим описанием событий с националистической точки зрения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Франция, Испания, Германия, национализм, гражданская война, Народный фронт, *Action française*, фашизм, вмешательство

Постановка проблемы

Сочетание внутреннего политического и социального кризиса с военным конфликтом в соседней стране за наименее угрожаемой границей при отсутствии возможности оперативно получить действенную помощь от союзников – один из худших вариантов развития событий в мирное время. В такой ситуации в 1936 г. оказалась Франция. 16 февраля на выборах в соседней Испании победил Народный фронт, что обострило внутривосточное противостояние, перераставшее в локальную вооруженную борьбу. 7 марта части вермахта вступили в демилитаризованную Рейнскую область. По Локарнскому договору 1925 г. это означало *casus belli*: Франция, Великобритания, Бельгия и Италия должны были объявить Германии войну, но ограничились протестами, которых Гитлер не боялся. Положение на наиболее угрожаемой границе – с Германией – резко изменилось к худшему. Отношения с Италией испортились еще в 1935 г., когда Франция осудила ее агрессию в Абиссинии – итальянская граница тоже не могла считаться безопасной. На выборах во Франции 26 апреля и 3 мая победил Народный фронт радикалов, социалистов и коммунистов. 25 мая, еще до формирования нового кабинета, коммунисты организовали волну забастовок и захватов фабрик и заводов. Наконец, 17 июля в ряде городов Испании и в испанском Марокко военные попытались захватить власть.

Мятеж перерос в гражданскую войну, которая, несмотря на географически локальный характер, стала проблемой глобальной политики, поскольку затрагивала интересы почти всех великих держав. В наибольшей степени она угрожала Франции. На этот вызов должны были отреагировать все политические силы страны, в том числе националистическое монархическое движение «*Action française*» и его союзники. Настоящая статья посвящена изложению и анализу позиции, которую заняли в отношении гражданской войны в Испании и предшествовавших ей событий вождь и идеолог движения Шарль Моррас (1868–1952) и представители следующих поколений националистов – философ и публицист Анри Массис (1886–1970) и писатель Робер Бразийяк (1909–1945), единомышленники и соратники. Основными источниками нашего исследования являются сборник статей Морраса «За Испанию Франко» (1943; подготовлен к печати в 1940), сборник статей и интервью Массиса «Вожди» (1939), «История войны в Испании» Бразийяка (в соавторстве с Морисом Бардешем; 1939), а также статьи международного аналитика газеты «*L'Action française*» (далее *LAF*, чтобы не смешивать с одноименным движением) Жака Бенвиля (1879–1936) и книги журналиста *LAF* Пьера Эрикура (1895–1965) «Почему Франко победит» (с предисловием Морраса; 1936) и «Почему Франко победил» (с предисловием Франко; 1939).

Этот вопрос остается малоизученным в зарубежной и, тем более, в российской историографии, если не считать общих указаний на позицию перечисленных авторов. Следует отметить главу «Война в Испании» в монографии американского историка Ю. Вебера «*Action française*» [Weber 1964, pp. 419–425] – первой попытке масштабного академического, «без гнева и пристрастия», изложения и анализа исто-

рии движения – и фрагменты биографий Морраса [Chiron 1999, pp. 394–397], Массиса [Toda 1987, pp. 308–312] и Бразийяка [Brassié 1987, pp. 157–163]. Однако в этих работах отношение рассматриваемых авторов к событиям в Испании недостаточно увязано с внутриполитической ситуацией во Франции и с германофобией Морраса и Массиса, что нам представляется принципиально важным. Необходимо учитывать и то, что российская историография этой проблемы унаследовала от советской преимущественное внимание к событиям внутри Испании и прореспубликанскую позицию. Признавая за историком право на любые политические взгляды, если они не влияют на качество работы, автор настоящей статьи исследует прежде всего идеологию и политику французского национализма и намерен представить новый для российского читателя материал в жанре изложения и анализа, а не «критики», как это пришлось бы сделать прежде.

Испания – Франция: параллели кризиса

Гром грянул не с «безоблачного неба над всей Испанией» (использование этой фразы в качестве сигнала к мятежу – легенда). Политические и социальные конфликты, нередко перераставшие в вооруженные, но еще не принимавшие общенациональный характер, не один год потрясали страну. Шесть с половиной лет диктатуры генерала Мигеля Примо де Риверы (сентябрь 1923 – январь 1930) обеспечили некоторую стабильность за счет модернизации экономики и хозяйства и сочетания «кнута» авторитарной центральной власти с «пряником» социальной политики, но закончились неудачей. Анализируя причины поражения Примо де Риверы, Бенвиль писал: «У него

не было ни принципов, ни учения, он не знал, куда идет, и еще меньше – куда следует идти. [...] В борьбе против оппозиции, растущую силу которой он чувствовал с каждым днем, диктатор сделал одну из грубейших ошибок в современной политике: прибег к этатизму и централизации. Это был путь к самоубийству. Примо де Ривера, веривший, что сепаратизм можно подавить, укрепил его, отказав регионам в традиционной автономии, которой они требовали. Он игнорировал формулу, без которой внутренний мир в Испании невозможен: сильная власть и автономии. Это отсутствие идей, принципов, учения и программы не позволило диктатору справиться с коалицией, сложившейся против него» [Bainville 1935, pp. 257, 260–261]. Профсоюзы, социалисты, коммунисты, анархисты, автономисты расшатывали режим извне. Изнутри против диктатора объединилась значительная часть политической, финансовой и интеллектуальной элиты, которую поддерживали армия и двор. Когда под их давлением король Альфонсо XIII 28 января 1930 г. отправил Примо де Риверу в отставку с поста главы правительства (тот уехал во Францию, где вскоре умер), «колокол прозвонил» и по монархии.

После успеха республиканцев на муниципальных выборах оставшийся без союзников король 13 апреля 1931 г. принял ультиматум победителей, передал им власть («выборы [...] ясно показали мне, что мой народ больше не любит меня») и покинул страну, но не заявил об отречении («я не отказываюсь ни от одного из своих прав»), надеясь, что его позовут обратно [Allison Peers 1937, pp. 45–46]. Моррас считал победу ложной из-за неравномерности electoralной карты для городской и сельской местности: «Побежденные в городах, монархисты сохранили огромное большинство в деревнях. Разве это

не лишает республику легитимности? Его величество Альфонсо XIII обманули» [Maurras 1943, p. 24]. Активное участие в смене власти приняла армия. 14 апреля Испания была провозглашена республикой.

Страну захлестнула волна насилия, которую власти обуздали с большим трудом. На выборах 29 июня 1931 г. в Кортесы большинство получили «левые» («Республиканский альянс» – 145, социалисты – 114, радикал-социалисты – 56 мандатов) [Allison Peers 1937, p. 61]. Два с половиной года их пребывания у власти ознаменовались репрессиями против аристократов-землевладельцев (аграрная реформа с переделом их земель оказалась неэффективной) и церкви (изгнание иезуитов, лишение других орденов права заниматься образовательной деятельностью). Внутреннюю нестабильность усилили аграрные, классовые и национальные (особенно в Каталонии) конфликты, с которыми «левые» не смогли – а по мнению противников, не хотели – справиться. Выборы 19 ноября 1933 г., итоги которых из-за повторных голосований были официально объявлены лишь через три недели, принесли успех «правым» республиканцам: 207 мандатов против 167 центристов и 99 «левых», включая 58 социалистов [Allison Peers 1937, p. 142]. Формирование правительства логично было поручить лидеру «Народного католического действия» Хосе Марии Хиль-Роблесу, возглавившему предвыборный блок «Испанская конфедерация независимых правых». Однако президент Нисета Алькало Самора «явно не доверял ему как государственному деятелю и испытывал к нему личную антипатию» [Allison Peers 1937, p. 145], а потому выбрал ветерана парламентской политики Алехандро Лерруса, вождя радикалов как самой многочисленной партии. «Он упустил свой час», – оценил Бенвиль позицию

Хиль-Роблеса, не ставшего бороться за власть [Maurras 1943, p. 21].

«Два года правления “левых” были годами больших надежд и жестоких разочарований. Два года правления “центристов” стали годами монотонной депрессии», – констатировал британский историк и современник событий Эдгар Аллисон Пирс, книга которого «Испанская трагедия» с осени 1936 г. по весну 1937 г. выдержала шесть изданий [Allison Peers 1937, p. 144]. Правительство остановило и частично отменило некоторые реформы, начатые «левыми», подавило восстание шахтеров в Астурии в 1934 г., но было вынуждено предоставить Каталонии автономию в ответ на попытку провозглашения 6 октября 1934 г. Каталонского государства в составе Федеральной Испанской республики [Allison Peers 1937, pp. 164–165]. «У каталонцев, – писал Моррас, – есть верная идея – регионалистская идея, предполагающая децентрализацию. Они имели несчастье позволить себе воплощение этой идеи через революцию» [Maurras 1943, p. 105]. Каталонская Регионалистская лига еще до Первой мировой войны заимствовала аргументы из работ провансальца Морраса, который вдохновлялся идеями провансальца Фредерика Мистралья, сочувствовавшего каталонским автономистам. «Его (Мистралья. – В.М.) федерализм был задуман и организован как прямой антипод анархии», – подчеркнул Моррас, выразив надежду, что «советники генерала Франко будут достаточно прозорливы, чтобы вспомнить, что если единство есть единство, то необходимо, особенно в Испании, поддерживать его свободами, дабы оно стало прочным и длительным. [...] Франция заинтересована в независимости и единстве Испании. Ей не нужны ни всеобщая анархия, ни баскский или каталонский сепаратизм, от которых можно ждать лишь большого беспокойства. Ей

выгодно, чтобы испанцы жили в мире и согласии» [Maurras 1943, pp. 98–99, 137].

Французские аналитики видели в происходящем за Пиренеями сходство с событиями в собственной стране. Выборы 1932 г. принесли победу Левому блоку, но чехарда (как и в Испании) кабинетов, сменявших друг друга из-за проблем в экономике и коррупционных скандалов, закончилась кризисом 6 февраля 1934 г. – массовыми демонстрациями в Париже с участием «Action française», при разгоне которых было применено оружие. Власти объявили их «фашистским путчем против Республики», но премьеру Эдуару Даладье пришлось уйти в отставку. Новый кабинет национального единства возглавил экс-президент Гастон Думерг: политический маятник качнулся вправо. «Левые» приготовились к реваншу и 14 июля 1935 г. заявили о создании Народного фронта в качестве блока для следующих выборов.

Испанские «центристы», подвергавшиеся атакам и «слева», и «справа», оказались столь же бессильными, как и их предшественники. Идеологическая консолидация «правых» в первой половине 1930-х гг. происходила под влиянием идей Морраса, воплощавших для них Порядок против Хаоса. Создатель концепции «Испанидад» Рамиро де Маэсту, назвавший свою организацию «Испанское действие», популяризировал через одноименный журнал труды идеологов «Action française» Морраса, Бенвиля, Леона Доде и близких к движению Пьера Гаксотта и Абеля Боннара. Эухенио Вегас Латапие, увлекшийся идеями Морраса во время обучения во Франции, обратил на них внимание лидера монархического «Обновления Испании» Хосе Кальво Сотело, который познакомился с патриархом «Action française», оказавшись в эмиграции после падения монархии. Изучали их и в «Испанской фаланге» Хо-

се Антонио Примо де Ривера, сына экс-диктатора [Brasillach 1969, pp. 15, 45; Héricourt 1939, p. 241].

Испанские «левые» готовились к реваншу не менее активно, чем французские, но их Народный фронт, провозглашенный 16 января 1936 г., был «левее», т.к. включал анархистов и не включал радикалов. «С одной стороны, блок “правых”, с другой стороны, блок “левых”, посредине раздавленные ими “центристы”. Хиль-Роблес против Ларго Кабальеро (лидер социалистов. – В.М.) зажали в угол окаменелых радикалов Лерруса и ничтожных консервативных республиканцев Мигеля Мауры, – так в тот же день Бенвиль, которому оставалось жить три недели, описал предвыборную ситуацию. – [...] Или диктатор от реакции, или диктатор от революции. Одно хуже другого для Франции, которой хватает подобных примеров у своих дверей. Учитывая то, что мы знаем об их характере и темпераменте, испанцы вряд ли без сопротивления подчинятся большевистской диктатуре, вырастающей из социалистического и коммунистического восстания в Астурии. Возможность гражданской войны очень велика» [Maurras 1943, pp. 11–12]. Однако маятник качнулся влево, и на выборах 16 февраля, до которых прозванный «Кассандрой» Бенвиль не дожид, победил Народный фронт при поддержке баскских автономистов. «В ноябре 1933 г. избиратели надеялись получить нечто лучше того, что имели ранее. В феврале 1936 г. они были уверены, что хуже быть не может» [Allison Peers 1937, pp. 143–144]. Даже прибегнув к насилию, «левые» собрали меньше голосов, чем «правые» (4 497 696 против 4 570 744), но, используя неравномерность электоральной карты и повторное голосование, получили 256 мандатов против 165 у «правых»; в наибольшем проигрыше оказались «центристы» [Allison Peers 1937,

р. 190]. «Ни в 1936 г., ни в 1931 г., испанские “красные” не смогли ни установить моральную и правовую значимость своей власти, ни подтвердить ее. А им наплевать!» – суммировал Моррас [Maurras 1943, p. 29].

Несмотря на большинство в Кортесах, замену на посту президента «центриста» Алькало Саморы на «розового» премьера Мануэля Асанью, масштабную амнистию, чистку государственного аппарата, ротацию армейских кадров (начальник генерального штаба Франсиско Франко был отправлен командовать войсками на Канарские острова), арест Хосе Антонио, «левые» не принесли стране стабильность. «Самые мрачные предсказания оправдывались, – писал Ю. Вебер, которого нельзя назвать апологетом националистов. – [...] Худший вид анархии воцарился у врат Франции и за ее спиной, когда рецидивисты оказались на свободе для совершения самых ужасных преступлений: убийства на улицах стали повседневностью, осквернения и поджоги церквей и монастырей воспринимались как нечто само собой разумеющееся» [Weber 1964, p. 419]. Разгрому подвергались редакции неугодных режиму газет, политические офисы оппозиции, дома «правых» активистов. Счет убитых шел на сотни, раненых на тысячи. «Правительство все меньше контролировало ситуацию, а экстремисты организовывались для захвата власти. [...] За периодом неорганизованной эйфории весны 1936 г. последовала фаза технической подготовки, в которой дело было лишь за окончательным выбором даты и благоприятных обстоятельств» [Brasillach 1969, pp. 62, 64].

Слишком «левый» даже для «центристов» и слишком «правый» даже для социалистов Асанья больше походил на Керенского, чем на Ленина. Поэтому подготовка к захвату власти шла с обеих сторон. «Слева» ее возглавили

коммунисты и анархисты, враждовавшие между собой. «Справа» инициативу взяли в руки военные во главе с генералом Хосе Санхурхо, находившимся в Португалии после неудачной попытки переворота 10 августа 1932 г.: «левые» посадили его в тюрьму, «правые» освободили, но отправили в изгнание. Несмотря на сотрудничество с монархистами и фалангистами, большинство военных заговорщиков выступало не против республики как таковой и не за реставрацию монархии, но против конкретного правительства, которое, по их мнению, вело страну к гибели. «Политизированная армия изначально не была врагом режима. Она участвовала в свержении монархии и несомненно думала, что получит власть. Надежды обманулись, и верность генералов республике имела основания остыть. Они не стали принципиальными противниками режима, и только его эволюция объясняет изменение отношения генералов к нему» [Brasillach 1969, p. 30].

Вернувшийся домой в 1934 г. по амнистии и получивший депутатский мандат, Кальво Сотело стал трибуном крайне «правых», осуждавших бездействие Хиль-Роблеса. Убийство Кальво Сотело республиканскими гвардейцами 13 июля 1936 г. никого не удивило, но побудило заговорщиков действовать быстрее. Предпринятая 17–20 июля попытка армии и националистов свергнуть власть Народного фронта по всей стране не удалась; к тому же 20 июля Санхурхо погиб в авиакатастрофе при вылете из Лиссабона. Испания раскололась. «Белые» контролировали ряд провинций на севере и северо-западе, включая часть границ с Францией и Португалией, крайний юг, испанское Марокко, Балеарские и Канарские острова. «Красные» удерживали большую часть страны с Мадридом, Барселоной и всем средиземноморским побережьем. «Гражданская война

не может быть выиграна, пока не взята столица», – отметил Бразильяк [*Brasillach* 1969, p. 296].

Каталония не поддержала Франко не потому, что была верна идеалам республики или законному правительству, а потому что слабая центральная власть позволяла ей стать независимой, чего «белые» не допускали. Началась самая «большевистская» часть гражданской войны – каталонская революция не только против Франко и церкви, но против Мадрида и вообще против власти, которую затеяли анархисты, троцкисты и криминальные элементы и которую позднее взяли под контроль коммунисты при поддержке советских военных советников, офицеров НКВД и эмиссаров Коминтерна, включая французского депутата Андре Марти [*Brasillach* 1969, pp. 206–219].

Кампания французских националистов против военной помощи республиканцам

19 июля 1936 г. «левый» республиканец Хосе Хираль, занимавший пост морского министра и сумевший удерживать большую часть флота на стороне правительства, возглавил кабинет и запросил военную помощь у Франции. «Кассандра» Бенвиль предвидел такой сценарий еще в январе: «Вообразим в Париже настоящее правительство Народного фронта. Ему придется вмешаться в испанские дела на стороне своих братьев по революции. В то же время оно, возможно, разожжет пламя войны с Италией во имя антифашистского крестового похода» [*Maurras* 1943, p. 19]. Премьер Леон Блюм поручил министру авиации Пьеру Коту приступить к переброске самолетов мадридским товарищам, которые надеялись на авиацию как на средство устрашения мятежных городов. Эмиссары тайно

прибыли в Париж, но сотрудники испанского посольства, сочувствовавшие восставшим, сообщили об этом в прессу [*Brasillach* 1969, pp. 235–246]. Неудивительно, что они выбрали *L'AF* – самую интеллектуальную и влиятельную «правую» газету Франции, позиция которой транслировалась через более массовые издания, а круг читателей охватывал всю элиту страны, включая непримиримых противников. Это отчасти компенсировало малый политический вес движения, не представленного в парламенте и имевшего там лишь немногочисленных союзников, особенно после запрета в начале 1936 г. всех организаций и групп поддержки «*Action française*».

Мастер журналистских расследований Морис Пюжо уже 22 июля 1936 г. оповестил читателей об испанских гостях: «Чего они хотят? Денег, пушек, самолетов? Чего бы они ни хотели, французы запрещают правительству еврея Блюма давать им это. Не потому что “восставшие” испанцы – “фашисты”, а потому что “восставшие” в случае победы станут завтрашним правительством Испании и не простят Франции содеянного» [*Weber* 1964, p. 421].

«*Action française*» с первого дня поддерживало националистов, видя в их выступлении «религиозную войну». «Вот добро. Вот зло. Надо выбирать между ними, – писал Моррас, предваряя книгу Эрикура “Почему Франко победит”. – Это не значит, что хорошие безупречны, а плохим недоступны добродетель и честь. Но одни правы, а другие неправы. Надо желать, чтобы добро победило, а зло было повергнуто во прах» [*Héricourt* 1937, p. 11]. Моррас и его единомышленники не только желали победы «белым», но и не сомневались в ней – во всяком случае публично – а потому считали опасным конфликтовать с ними. Не менее опасным, чем ссора с «завтрашним правительством Испании»,

они полагали возможное вмешательство Москвы, Рима и Берлина, чреватое превращением локального конфликта в европейскую войну.

Многие французы искренне приняли сторону республиканцев, выступали за оказание им помощи, участвовали в интернациональных бригадах. Помощь из-за рубежа шла через французскую территорию, поэтому оппозиционная Народному фронту пресса утверждала, что ввезенные из СССР оружие и боеприпасы предназначены для будущей революции во Франции. «Франция интересуется нас куда больше, чем Испания», – цитировал Моррас одного из московских эмиссаров [Maurras 1943, p. 54]. Даже если информация была ложной, опасения оставались реальными. Моррас посвятил этому статью «Когда Советам вход открыт» [Maurras 1943, pp. 49–65], а Эрикур книги «Зачем лгать? Франко-советская помощь красной Испании» (1937) и «Советы и Франция – поставщики испанской революции» (1938).

Италия и Португалия выступили в поддержку мятежников, вспомнив о латинской и католической солидарности. Моррас опасался, что политика Блюма окончательно отвратит «латинских сестер» от Франции. Ценимый им Салазар избегал конфликтов с Парижем. Позиция Муссолини, обозленного поддержкой санкций против Италии и постоянными нападками на него во французской прессе, стала враждебной. «Правые» восхищались дуче, но не могли игнорировать выпады против их страны. В 1936 г. они еще надеялись на компромисс или сотрудничество между Парижем и Римом. Политика Блюма, лично ненавидевшего итальянского диктатора, похоронила эти надежды.

Наибольшую опасность с точки зрения «Action française» представлял Третий Рейх, ибо движение объединяло самых непримиримых германофо-

бов, видевших интриги «бошей» везде и во всем. Гитлер сразу вызвался оказать военную помощь националистам ради борьбы с коммунизмом. Посол в Лондоне Иоахим фон Риббентроп попытался отговорить его: «Я боялся новых осложнений с Англией, поскольку там германское вмешательство, без сомнения, будет рассматриваться как очень нежелательное». «Если создать коммунистическую Испанию действительно удастся, то при нынешнем положении во Франции большевизация и этой страны тоже всего лишь вопрос времени, ну а тогда дела Германии плохи!» – парировал фюрер. На возражения о том, что «французская буржуазия – все-таки достаточно сильная гарантия против окончательной большевизации этой страны», Гитлер «реагировал довольно нервозно и резко оборвал разговор» [Риббентроп 1996, с. 73–74]. Морраса беспокоила не только «большевизация» Франции, но и возможное появление немцев на ее южной границе, поскольку националисты предпочтут союзников в Берлине противникам в Париже. Однако безусловно поддерживавшая «белых» L'AF предпочитала не затрагивать больной вопрос германской помощи им, которая служила противникам одним из главных аргументов: «продались немцам».

Кампанию против военных поставок Мадриду поддержала вся «правая» пресса, многие депутаты и сенаторы. Сообщив 30 июля 1936 г. на страницах L'AF о появлении в Испании немецких и итальянских самолетов, Пюжо объявил причиной этого «идиотское упрямство» Блюма и Кота. С оглядкой на позицию Лондона, премьер 10 августа провозгласил «невмешательство» и передал помощь в частные руки. «Правительства могли утверждать, что остаются нейтральными, и эта видимость имела как минимум одно серьезное преимущество, не давая войне в Испа-

нии перерасти в европейскую» [*Brasillach* 1969, p. 246]. Одобрив (редчайший случай!) слова Блюма, Моррас заявил, что Франция не должна ни под каким предлогом вмешиваться в испанские дела, даже если это сделают другие страны. «Соратники “*Action française*” во все глаза наблюдали за портами, пограничными вокзалами и аэродромами, следя, чтобы оружие не покинуло страну, а любые попытки вывоза были наверняка преданы огласке. [...] Возможно, этим “*Action française*” в наибольшей степени способствовало победе националистов, поскольку его непримиримость к любой помощи Испании помешала всем сколько-нибудь значимым поставкам армии республиканцев», – сделал вывод Ю. Вебер [*Weber* 1964, pp. 421–423].

«Ваш друг Морис Пюжо провел важную кампанию, которая сослужила огромную службу вашей стране. Иначе случился бы опасный разрыв, полный разрыв между Францией и завтрашней Испанией, несмотря на все наши личные усилия. Конечно, мы, вожди, отлично понимаем истинное настроение умов во Франции, мы умеем видеть различия, но порой не в состоянии заставить народ и армию понять их. Эти поставки оружия в Ирун и Барселону, эта переброска самолетов, эти гражданские пилоты, записавшиеся в ряды “красных”. [...] Этот прием, оказанный людям, которые в одном месте переходят границу с оружием в руках и которым вы позволяете вернуться в другом месте, чтобы воевать против нас» [*Héricourt* 1937, pp. 77–78]. Так в августе 1936 г. говорил Эрикуру, которого *L'AF* отправила на занятую националистами территорию, генерал Гонсало Кейпо де Льяно, в прошлом участник заговора против короля и глава военного кабинета президента республики. В «Испанском дневнике» Михаил Кольцов называл генерала «пьяницей, нар-

команом, садистом и похабником», а его выступления по радио «солдафонскими остротами и грозными матюками», однако позднейшие исследователи признают его успехи и как военачальника, и как администратора. «Уникальный человек: мужество, ум, власть, отвага», – писал Моррас о генерале в статье «Пример героизма» [*Maurras* 1943, pp. 123–127].

Составленная из репортажей книга Эрикура «Почему Франко победит» – это «Испанский дневник» наоборот, фактически ценное, но идеологически ангажированное, пропагандистское произведение. Поделившись 4 сентября впечатлениями в эфире «Радио Севилья», Эрикур предсказал «полную и окончательную победу национальной Испании» – первым из французских журналистов, о чем любил напоминать. Книгу открывало предисловие «заклученного Морраса», о чем извещала брошюрная надпись на обложке; текст помечен 28 октября 1936 г., за день до ареста автора по приговору суда из-за статей против Народного фронта и лично Блюма. «Французскому общественному мнению стыдно довольствоваться официальными коммюнике наших сообщников кровавых мерзавцев из Мадрида, – с обычным темпераментом писал Моррас, – и позволять кормить себя сказками о “мятежниках” и “генералах, изменивших присяге”, брехней о “законном правительстве” и “верной” армии. [...] Пьер Эрикур и наши национальные писатели приняли сторону добра и правды» [*Héricourt* 1937, pp. 8, 11]. Не ограничившись этой констатацией, Моррас объяснил, почему одобряет позитивную программу националистов. Его привлекало «постоянное сотрудничество всех классов, всех составных частей нации, от мала до велика. Ни либерального индивидуализма, ни революционного синдикализма, ни корпорация – братская корпо-

рация [...] братство, которое рождается из национального духа и национального чувства» [Héricourt 1937, p. 13]. Он также выразил надежду на восстановление монархии в Испании (подробнее [Maurras 1943, pp. 188–191]).

Французские апологеты «белой» Испании

Вторую часть статьи «Пример героизма» Моррас посвятил самому известному («распиаренному», выражаясь современным языком) эпизоду начального этапа гражданской войны – 70-дневной обороне «белыми» в июле-сентябре 1936 г. крепости-дворца Алькасар в Толедо. Ей руководил начальник военной школы полковник Хосе Москардо, который возглавил выступление националистов в городе, а после неудачной попытки взять власть закрепился в Алькасаре и выдержал осаду до прихода франкистов. Моррас назвал оборону «уроком сверхчеловеческого героизма и чисто человеческой верности», добавив: «Возгордимся выпавшей нам честью дышать воздухом одного времени с этими несравненными людьми». И процитировал свою статью от 20 сентября, когда осада продолжалась, но исход уже был ясен: «Наши братья, традиционалисты, националисты, монархисты Алькасара должны быть отмечены в приказе по Цивилизации. Осада, которую они выдержали! Ужасы, которые они вытерпели! Уговоры и искушения, которые они отвергли! Спокойная, неколебимая, невозмутимая решимость этих нескольких сотен, с которыми были женщины и дети! Вера без надежды! И вопреки всему огонь высшей надежды, который они поддерживали горящим! Это сочетание наивысших качеств показывает, какое величие человек может противопоставить наихудшей ярости судьбы» [Héricourt 1937, pp. 15–16].

По горячим следам Массис (идея принадлежала ему) и Бразийяк написали книжку «Кадеты Алькасара», разошедшуюся тиражом 60 000 экземпляров и переведенную на испанский, английский, итальянский и шведский языки [Toda 1987, pp. 309–310]. «Среди покупателей были любители военных историй, но также французские католические националисты, для которых война стала крестовым походом против современных неверных – марксистов» [Brassié 1987, p. 148]. «Если бы я был диктатором, кинопромышленником или просто богачом, я бы сделал фильм во славу толедских кадетов, – писал Бразийяк другу. – [...] Они стали кронштадтскими моряками фашизма» [Brassié 1987, p. 148]. Эту мысль Бразийяк, знаток и ценитель советского кино, развил в послесловии к книге: «Только русский большевизм понял силу зрительных образов. От восставших “Потемкина” до “Кронштадтских моряков” (под этим названием во Франции шел фильм «Мы из Кронштадта». – В.М.) целая галерея символов была представлена массам, чтобы восславить его деяния и распространить его мистику. Героям этого примитивного человечества, которое чтит только мятеж и оправдывает жертвы только для разжигания инстинктов, не пора ли противопоставить других героев, людей, которые знают, за что умирают, знают ценность того, что защищают? Пусть большевики празднуют свое. Отдавая должное любой храбрости и презрению к смерти, не забудем, что лишь *дело создает мученика*. Не все жертвы надо чтить одинаково, и мы всегда предпочитаем те, которые освещены высоким и чистым разумом. У нас, людей Запада, теперь есть свои “Кронштадтские моряки”: это герои Алькасара. [...] Толедские кадеты сражались не только за Испанию: они защищали католический Запад. [...] В крестовом походе

против большевизма [Испания] отстаивала честь первого удара и первой победы» [Massis Brasillach 1936, pp. 91–92].

«Белая» Испания радушно принимала сочувствовавших ей французов. В их числе: один из руководителей «Action française» Максим Реальдель Сарте; член Французской Академии прозаик Клод Фаррер; романист и очеркист Рене Бенжамен, автор книги о Моррасе; братья Жером и Жан Таро, написавшие книгу «Жестокая Испания»; депутаты Ксавье Валла и Пьер Тетенже; сенатор Анри Лемери, «маленький антигитлеризм» [Aron 1954, p. 31] и противник любой помощи республиканцам. «Никто из них не принимал безоговорочно нашу политическую систему, – вспоминал тогдашний министр внутренних дел Рамон Серрано Суньер, свояк Франко, – многие прямо расходились с ней, но и те, и другие, воодушевленные дружескими чувствами к Испании, которых мы никогда не забудем, старались отделить свою страну от правительства Народного фронта» [Serrano Suñer 1947, pp. 74–75].

Испания привлекала французских «правых» как пример объединения националистов в борьбе с общим врагом, а Франко – хотя открыто об этом не говорилось – как любимый герой Морраса генерал Джордж Монк, вернувший британский престол Стюартам. «А теперь, французы, думайте и решайте. Торопитесь – время поджигает! Завтрашняя свободная Испания просит одного – жить в дружбе с Францией. [...] Это насущный вопрос, решение которого в наших руках. Сумеем ли мы после стольких ошибок осуществить необходимое возрождение? Сумеем ли оценить пример, который подал нам мужественный народ? Или, напротив, останемся недостойными своего прошлого?» [Héricourt 1936, pp. 141–142]. Эти слова Эрикура относились не только к необходимости дружить с Испанией ради обеспе-

чения безопасности французских владений в северной Африке, о чем шла речь в предшествующем им абзаце, но намекали на «необходимое возрождение» в самой Франции.

Моррас поддерживал выступления «в поддержку Испании и латинства», «против анархии и варварства» [Maurras 1943, p. 149]: поездку Реальдель Сарте [Maurras 1943, pp. 199–201], восторженный очерк Фаррера «Визит к испанцам (Зима 1937 г.)» [Maurras 1943, pp. 139–140], книгу генерала Мориса Дюваля «Уроки войны в Испании» (1938). «В нескольких четких формулировках, секретом которых он владеет, наш выдающийся друг (Дюваль. – В.М.) показал, как победы испанской националистической контрреволюции символизируют преимущества организации, интеллекта, науки, всех нравственных и умственных рычагов цивилизации над силами разрушения, даже имеющими количественное преимущество. Было время, когда Народный фронт располагал большей частью наличных ресурсов Испанской республики, но не смог использовать их. Его невежество оказалось сильнее всех этих богатств. Русское государство тоже ничего не смогло. Разрушение победили все те силы и формы порядка, которые были в руках генерала Франко и которыми этот выдающийся человек войны и мира сумел распорядиться» [Maurras 1943, pp. 147–148].

Утверждения Морраса соответствовали истине. Замена Хирала 4 сентября 1936 г. в качестве премьера на Ларго Кабальеро и окончательный переход центрального правительства в руки социалистов ничего не решали, потому что оно потеряло контроль над страной. Подлинная власть на территории «красных», как в Каталонии, сосредоточилась в местных «советах обороны», где боролись друг с другом анархисты, троцкисты и коммунисты. Бессилие централь-

ной власти, распад государственного аппарата, отсутствие единого командования и постоянная внутренняя борьба привели к тому, что положение «красных» становилось все хуже, в то время как «белые» консолидировались. 18 ноября Германия и Италия официально признали режим Франко. Замена Ларго Кабальеро на Хуана Негрина 17 мая 1937 г. не спасла ситуацию. Почти не осталось надежд и на помощь Франции, где Блюм в феврале 1937 г. был вынужден признать провал своей экономической политики, а 21 июня после вотума недоверия в Сенате уступил пост радикалу Камиллю Шотану.

Возвращение Блюма в кресло премьера 13 марта 1938 г., сразу после аншлюса Австрии, давало республиканцам надежду. «Его первыми гостями были два министра из Барселоны (куда переехало правительство. – В.М.), примчавшиеся в Париж чтобы забить тревогу, – вспоминал депутат-радикал Жан Монтиньи. – Или французская армия немедленно вступит в Каталонию, или Франко вскоре овладеет всей испанской территорией. Блюм и его министр иностранных дел [Жозеф] Поль-Бонкур твердили: “Все, что угодно, даже война, но только не новый успех фашистов!” Однако политика, чреватая столь тяжкой ответственностью, требовала очень широкого большинства» [Montigny 1966, p. 125]. Уже 15 марта на заседании Верховного совета национальной обороны Блюм поставил вопрос: «Каким образом мы можем предъявить генералу Франко ультиматум: “Если вы в двадцать четыре часа не откажетесь от использования иностранных сил, Франция возвращает себе свободу действий (т.е. отказывается от «невмешательства». – В.М.) и оставляет за собой право принять любые меры по вмешательству, которые сочтет полезными”? Это будет маневр того же рода, что канцлер Гитлер успешно применил

в Австрии». Главнокомандующий генерал Морис Гамелен остудил его пыл: «В нормальных условиях Франция располагает действующей армией в 400 тысяч человек, Германия – в 900 тысяч. Если мы хотим сыграть в такую игру, нам нужен миллион человек». Его поддерживали командующие флотом и авиацией. Затем премьер спросил, станет ли французское вмешательство *casus belli* в отношениях с Берлином и Римом. «Несомненно», – ответил генеральный секретарь МИД Алексис Леже [Gamelin 1946, pp. 325, 328]. Блюм пытался привлечь оппозицию патриотической риторикой, но та отвергла предложенный курс как чреватый войной и выгодный только СССР. Против интервенции выступила Великобритания, не желавшая ставить под угрозу Гибралтар и торговлю с режимом Франко [Brasillach 1969, pp. 418–426]. 17 марта Блюм огласил в Палате депутатов программное заявление кабинета, где об интервенции уже не говорилось, и в тот же день тайно одобрил переправку добровольцев, оружия и боеприпасов в Каталонию [Montigny 1966, pp. 126–130]. Его правительство продержалось четыре недели.

Авторы, которым посвящена наша статья, посетили «белую» Испанию в 1938 г. Моррас 3–6 мая проехал почти 1200 километров по маршруту Сан-Себастьян – Бургос – Сарагоса – Сан-Себастьян вместе с Реаль дель Сарте и Эрикуром; журналисты фиксировали каждый шаг [Maurras 1943, pp. 202–228]. «Посла подлинной Франции», как его именовали газеты, встречали с официальными почестями, включая воинские. В зону боевых действий гостя возил сам генерал Москардо, герой обороны Толедо. Его приняли Серрано Суньер, которому запомнился «выдающийся политический мыслитель, настроенный более антигермански, чем любой другой француз» [Serrano Sunier 1947, pp. 74–75], министр иностран-

ных дел Франсиско Гомес-Хордана и, наконец, Франко, любивший имени-
тых визитеров. После обмена любез-
ностями Моррас спросил каудильо о
планах переустройства Испании, о чем
тот охотно рассказывал. «Немного най-
дется людей, более одушевленных во-
лей к порядку, более человеческих и бо-
лее внимательных к страданиям наро-
да», – суммировал гость свои впечатле-
ния, отметив близость их социальных
программ [Havard de la Montagne 1950,
р. 156]. Другой важной темой стала не-
обходимость единства латинских на-
родов [Maurras 1943, pp. 205–206]. Ис-
панские интеллектуалы-националисты
говорили, как важен им опыт «Action
française». Королевская академия мо-
ральных и политических наук еще в
марте 1938 г. избрала Морраса членом-
корреспондентом.

Французские националисты и германский фактор войны в Испании

Одним из главных аргументов ре-
спубликанских апологетов было то,
что в случае победы «белых» Испа-
ния станет союзником Италии и Гер-
мании и, следовательно, врагом Фран-
ции, у которой появится еще одна угро-
жаемая граница. «Национальная Ис-
пания никогда не собиралась ни напа-
дать на Францию, ни позволять кому-
либо использовать для этого свою тер-
риторию. Ни с какой державой нацио-
нальная Испания не заключала согла-
шений, которые хоть как-то ограничи-
вали бы ее полную свободу действий,
будь то в политическом или экономи-
ческом отношении», – говорилось в по-
слании Франко, врученном 2 апреля
1938 г. французскому дипломату Эм-
мануэлю Перетти де ла Рокка [Bras-
lach 1969, p. 429]. «Подлинной Франции
нечего опасаться нас», – повторил кау-
-

дильо 2 февраля 1939 г. в предисловии
к книге Эрикура «Почему Франко по-
бедил» [Héricourt 1939, pp. 9, 134–135].
Но, констатировал Эрикур, «наше пра-
вительство Народного фронта сделало
все возможное, чтобы бросить вожда
завтрашней Испании в объятия Гитле-
ра» [Héricourt 1939, p. 134].

Моррас обходил эту проблему сто-
роной – возможно, потому что его гер-
манофобия могла поставить в нелов-
кое положение франкистов, получав-
ших помощь от Третьего Рейха. Эри-
кур в августе 1936 г. в ответ на прямую
вопрос услышал: «Тем, кто скажет вам,
что мы подпадаем под немецкое влия-
ние, отвечайте без колебаний, что все
лидеры испанских “правых” приверже-
ны латинскому и моррасовскому духу»
[Héricourt 1936, p. 133]. Германский по-
сол генерал Вильгельм фон Фаупель,
которого «красная» пропаганда называ-
ла «гауляйтером Испании», полагаясь
на симпатии части фалангистов к на-
цизму, «давал непрошенные советы» не
только им, но и самому каудильо, по-
этому тот добился его отзыва [Serrano
Suñer 1947, pp. 47–49]. «Человек вроде
Франко, – заключил Массис, – не позво-
лит иностранцу, кем бы тот ни был, по-
кушаться на духовную целостность Ис-
пании» [Massis 1939, p. 150]. Не чувство-
вавшее ни латинской, ни католической
солидарности, руководство Рейха виде-
ло в Испании полигон для подготовки к
будущей войне. Понимавший это Фран-
ко осенью 1940 г. отказался вступить в
войну против Великобритании и пропу-
стить вермахт через свою территорию к
Гибралтару, чем несомненно помог бу-
дущей победе «союзников».

Двумя годами ранее опасность его
союза с Берлином казалась реальной,
поэтому в июле 1938 г. Массис прямо
спросил Франко об этом. Назвав «под-
линными врагами цивилизации» ком-
мунистов и посоветовав, пока не позд-
но, учесть опыт Испании, каудильо от-

ветил: «Франция не хочет знать никакой другой опасности, кроме германской. Французы, похоже, ничего так не боятся, как влияния Германии на нашу страну из-за той помощи, которую она нам оказала. Как мы можем забыть эту помощь? В особенно опасный и смутный час она дала нам то, чего нам не хватало, а нам не хватало всего... Да, у нас была вера в победу, но ничего более». «Разве в интеллектуальной сфере, – продолжал гость, – престиж германизма у вас не может вырасти?» И получил ответ: «Это присуще лишь отдельным лицам, и то в силу научных или технических резонансов, а не духовной близости. Наши мировоззрения, наши национальные традиции, наши характеры слишком различаются, чтобы между нами когда-либо могло установиться глубокое взаимодействие» [Massis 1939, pp. 148–149].

Помимо отношений с Германией французов волновали отношения Франко с «фашизмом»: кавычки уместны, поскольку речь шла не о конкретном режиме или учении, но о символе всего плохого. «Наше движение не подпадет под иностранные влияния... Ни “фашизация”, ни тем более “нацизация” ему не угрожают, – заверил кавычником. – Фашизм, коль скоро используется это слово, принимает там, где он проявляется, разные облики в зависимости от страны и национального темперамента. По своей сути это защитная реакция организма, проявление желания жить, а не умирать, которое в определенный час охватывает весь народ. Каждый народ реагирует по-своему, в соответствии с собственным представлением о жизни. Наше восстание происходит из испанского сознания! Что общего у него может быть с гитлеризмом, который прежде всего является реакцией германского сознания на положение вещей, вызванное поражением, отречением и безнадежностью?»

Указав на антикатолическую позицию нацистов, вызванную религиозным расколом Германии и ролью католиков в политике веймарской эпохи, Франко подчеркнул: «Мы находим наше единство и наше братство в католицизме... Там же мы находим наше представление о мире и жизни. Этого католического характера уже достаточно, чтобы отличить от муссолиниевского этатизма или гитлеровского расизма нашу испанскую революцию, которая является интегральным возвращением к подлинной Испании, тотальной реконкистой» [Massis 1939, pp. 150–152].

В июле 1938 г. в Испанию отправились Бразийяк, Бардеш и журналист Пьер-Антуан Кусто для подготовки специального выпуска «во славу Испании» еженедельника «Je suis partout», близкого к *L'AF*, но эволюционировавшего в сторону фашизма [Dioudonnat 1973, pp. 147–148]. Не ограничившись Бургосом и Сан-Себастьяном, они при содействии властей проехали по местам боев, включая Толедо, где беседовали с участником обороны Альказара, и передовые позиции в университетском городке Мадрида, где над головами визитеров летали пули [Brasillach 1969, pp. 371–373]. «Это было великодушное путешествие», – вспоминал Бразийяк в книге «Наше предвоенное» (1941) [Brasillach 1968, p. 217] и повторил заключительные слова «Истории войны в Испании»: «Люди нашего времени нашли в Испании средоточие отваги, величия и надежды» [Brasillach 1969, p. 470]. Объем накопленных материалов побудил Бразийяка и Бардеша написать обобщающую книгу о гражданской войне с точки зрения националистов, что диктовалось не только идеологическим, но и коммерческим расчетом. «История войны в Испании» вышла в июне 1939 г., когда внимание было приковано к другим странам и событиям.

«Франко у врат Франции заставил открыться даже те глаза, что решили оставаться закрытыми» [Brasillach 1969, p. 446]. 24 февраля 1939 г., уже после отъезда республиканского правительства из страны, Палата депутатов проголосовала за признание режима Франко и установление с ним дипломатических отношений. Послом был назначен маршал Филипп Петэн, которому предстояло растопить лед недоверия в двусторонних отношениях и, что более важно, «отвратить Франко от союза с Германией» [Chiron 1999, p. 405].

Выводы

Отношение французских националистов к кризисной ситуации в Испании, разрешившейся военным мятежом и гражданской войной, диктовалось: с одной стороны, идеологическими мотивами (исходя из идеи «латинского единства», были «хорошие» и «плохие» испанцы, но не было «хороших» немцев и русских); с другой, соображениями практической политики и их понимания национальных интересов Франции (не помогать «плохим» республиканцам, не конфликтовать с «хорошими» националистами, имевшими большие шансы на победу). Считая войну с Германией фатально неизбежной и стремясь отсрочить ее с целью дать Франции возможность подготовиться, Моррас и его союзники стремились предотвратить конфликты с Италией и Испанией, чтобы обеспечить безопасность границ в Альпах и Пиренеях и связь метрополии с североафриканскими владениями. Идеологически мотивированная политика французского Народного фронта, непримиримыми врагами которого были националисты, могла провоцировать такие конфликты. Второй задачей

националистов было не допустить союз Испании с Германией (в отношении Италии такую возможность они считали упущенной), используя франкофильские симпатии окружения каудильо. Третьей задачей было предотвратить усиление влияния «красных», особенно коммунистов, в самой Франции. Конечной целью и главным приоритетом была безопасность страны, как ее понимали националисты.

Список литературы

- Риббентроп И. фон (1996) Между Лондоном и Москвой. М.: Мысль.
- Allison Peers E. (1937) *The Spanish Tragedy, 1930–1937. Dictatorship, Republic, Chaos, Rebellion, War*, New York: Oxford University Press.
- Aron R. (1954) *Histoire de Vichy. 1940–1944*, Paris: Arthème Fayard.
- Bainville J. (1935) *Les Dictateurs*, Paris: Denoël et Steele.
- Brasillach R. (1968) *Une Génération dans l'Orage. Mémoires. Notre avant-guerre. Journal d'un homme occupé*, Paris: Plon.
- Brasillach R. (1969) *Histoire de la Guerre d'Espagne*, Paris: Plon.
- Brassié A. (1987) *Robert Brasillach, ou Encore un Instant du Bonheur*, Paris: Robert Laffont.
- Chiron Y. (1999) *La vie de Maurras*, Paris: Godefroy de Bouillon.
- Dioudonnat P.-M. (1973) «Je Suis partout», 1930–1944. *Les Maurrasiens devant la Tentation Fasciste*, Paris: La Table Ronde.
- Gamelin [Général] (1946) *Servir. [Tome] II. Le Prologue du Drame (1930 – août 1939)*, Paris: Plon.
- Havard de la Montagne R. (1950) *Histoire de l'Action Française*, Paris: Amiot-Dumont.
- Héricourt P. (1936) *Pourquoi Franco Vaincra*, Paris: Baudiniere.

Héricourt P. (1939) Pourquoi Franco a Vaincu, Paris: Baudiniere.

Massis H. (1939) Chefs, Paris: Plon.

Massis H., Brasillach R. (1936) Les Cadets de l'Alcazar, Paris: Plon.

Maurras Ch. (1943) Vers l'Espagne de Franco, Paris: Le livre moderne.

Montigny J. (1966) Le Complot contre la Paix. 1935–1939, Paris: La Table Ronde.

Serrano Suñer R. (1947) Entre les Pyrénées et Gibraltar, Genève: Constant Bourquin.

Toda M. (1987) Henri Massis. Un Témoin de la Droite Intellectuelle, Paris: La Table Ronde.

Weber E. (1964) L'Action Française, Paris: Stock.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-166-182

Against Anarchy and Hitler: French Nationalism and Spanish Civil War

Vassili E. MOLODIAKOV

DSc in Politics, PhD in History, Professor

Research Institute for Global Japanese Studies, Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, 108-0074, Tokyo, Japan

E-mail: dottore68@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5892-0473

CITATION: Molodiakov V.E. (2019) Against Anarchy and Hitler: French Nationalism and Spanish Civil War. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 166–182 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-166-182

Received: 12.07.2019.

ABSTRACT. *Combination of internal political and social crisis with armed conflict in the neighbour country behind the less dangerous frontier without any possibility of obtaining fastly any real aid from allies is one of the worst possible political scenarios in the time of peace. France faced such a situation in 1936 after her Popular Front's electoral victory and the beginning of military mutiny in Spain provoked by further escalation of internal political struggle. Mutiny developed into civil war that, being local geographically, became a global political problem because it troubled many great powers and first of all France. This article depicts and analyzes position and views on Spanish civil war and its antecedents of French nationalist royalist move-*

ment «Action française» led by Charles Maurras (1868–1952) and her allies in next generations of French nationalists – philosopher and political writer Henri Massis (1886–1970) and novelist Robert Brasillach (1909–1945). All of them from the first day hailed Spanish Nationalist cause and were sure in her final victory so took side against any French help, first of all military, to Spanish Republican government, propagated Franco's political program, denounced Soviet intervention into Spanish affairs and “Communist threat”. Staying for Catholic and Latin unity French nationalists were anxious to prevent Franco's rapprochement with Nazi Germany that they regarded as France's “hereditary enemy” notwithstanding of political regime. Trips of Maurras and

Massis to Spain in 1938 and their meetings with Franco were aimed to demonstrate this kind of unity with silent but clear anti-German overtone. Brasillach's "History of War in Spain" (1939) became the first French overview of the events from Nationalist point of view.

KEY WORDS: France, Spain, Germany, nationalism, civil war, Popular Front, Action française, fascism, intervention

References

- Allison Peers E. (1937) *The Spanish Tragedy, 1930–1937. Dictatorship, Republic, Chaos, Rebellion, War*, New York: Oxford University Press.
- Aron R. (1954) *Histoire de Vichy. 1940–1944*, Paris: Arthème Fayard.
- Bainville J. (1935) *Les Dictateurs*, Paris: Denoël et Steele.
- Brasillach R. (1968) *Une Génération dans l'Orage. Mémoires. Notre Avant-guerre. Journal d'un Homme Occupé*, Paris: Plon.
- Brasillach R. (1969) *Histoire de la Guerre d'Espagne*, Paris: Plon.
- Brassié A. (1987) *Robert Brasillach, ou Encore un Instant du Bonheur*, Paris: Robert Laffont.
- Chiron Y. (1999) *La Vie de Maurras*, Paris: Godefroy de Bouillon.
- Dioudonnat P.-M. (1973) "Je Suis Partout", 1930–1944. *Les Maurrasiens devant la Tentation Fasciste*, Paris: La Table Ronde.
- Gamelin [Général] (1946) *Servir. [Tome] II. Le Prologue du Drame (1930 – août 1939)*, Paris: Plon.
- Havard de la Montagne R. (1950) *Histoire de l'Action Française*, Paris: Amiot-Dumont.
- Héricourt P. (1936) *Pourquoi Franco Vaincra*, Paris: Baudiniere.
- Héricourt P. (1939) *Pourquoi Franco a Vaincu*, Paris: Baudiniere.
- Massis H. (1939) *Chefs*, Paris: Plon.
- Massis H., Brasillach R. (1936) *Les Cadets de l'Alcazar*, Paris: Plon.
- Maurras Ch. (1943) *Vers l'Espagne de Franco*, Paris: Le livre modern.
- Montigny J. (1966) *Le Complot contre la Paix. 1935–1939*, Paris: La Table Ronde.
- Ribbentrop J. Von (1996) *Between London and Moscow*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Serrano Suñer R. (1947) *Entre les Pyrénées et Gibraltar*, Genève: Constant Bourquin.
- Toda M. (1987) *Henri Massis. Un Témoin de la Droite Intellectuelle*, Paris: La Table Ronde.
- Weber E. (1964) *L'Action Française*, Paris: Stock.

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-183-208

Терпение как искусство скрывать нетерпимость, или Долгосрочная стратегия Братьев-мусульман по изменению Ближнего Востока

Алексей Викторович САРАБЬЕВ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр арабских и исламских исследований

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения РАН, 107031, ул. Рождественка, д. 12, Москва, Российская Федерация

E-mail: alsaraby@ivran.ru

ORCID: 0000-0002-9796-2411

ЦИТИРОВАНИЕ: Сарабьев А.В. (2019) Терпение как искусство скрывать нетерпимость, или Долгосрочная стратегия Братьев-мусульман по изменению Ближнего Востока // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 183–208. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-183-208

Статья поступила в редакцию 25.08.2019.

АННОТАЦИЯ. Организация внесена в список запрещенных в ряде стран, в том числе России. Тем не менее в разные периоды и в разных странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки она оказывалась хорошо представленной на легальном политическом поле. Временные неудачи этой крупнейшей ветви политического ислама радикального толка до сих пор не привели ни к фатальному проигрышу организации в конкурентной борьбе между разными исламистскими группами, ни к поражению в результате репрессий. Автор исследует проблему такой устойчивости экстремистской организации на протяжении многих десятилетий и отстаивает гипотезу долгосрочного стратегического планирования ее действий наряду с принятой тактикой

выжидания удобного момента для реализации властных амбиций. Для анализа прочности социальной базы предлагается вариант депривационной теории, подробно рассмотренный в других работах автора. Исторические истоки организации выявляются с применением опубликованных и неопубликованных архивных документов. В исторической ретроспективе обосновывается предположение, что прототип этой структуры существовал в Стамбуле и Дамаске еще в период, последовавший сразу за Младотурецкой революцией в Османской империи. Подчеркивается сильнейший внешний фактор развития БМ – поддержка на протяжении всей истории движения со стороны сил за пределами региона, которые видели и продолжают видеть для себя возможным так-

тический альянс с исламистами этого направления для воплощения собственных замыслов и проведения своих интересов в странах Востока.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: террористическая организация «Братья-мусульмане» («Аль-ихван аль-муслимун»), стратегия и тактика исламизма, политический ислам, исламизм в странах Востока

Введение

Движение «Братьев-мусульман» (БМ) в России было признано террористическим и внесено в соответствующий список еще в феврале 2003 г.¹ Члены БМ преследуются и в некоторых других странах, где организация признана террористической: в Сирии (1964), Египте (1954, декабрь 2013), Саудовской Аравии (март 2014), Бахрейне (март 2014), Эмиратах (ноябрь 2014). Соединенные Штаты заявили о готовности внести БМ в список террористических организаций в апреле 2019 г. Наконец, попытку объявить БМ вне закона сделали в Ливии: парламент, заседающий в Тобруке, в мае 2019 г. запретил «братьев» как ведущих террористическую деятельность².

Тем не менее нередко можно слышать мнение, будто «братья» представляют собой так называемых умеренных исламистов. Видимо, такое мнение бытует и среди руководящих кругов тех стран, которые предоставляют площадки для их деятельности, – в первую очередь Британии. Учитывая, что при об-

суждении планов борьбы разнообразных «коалиций» с терроризмом иногда пытаются делать ставку как раз на «умеренных исламистов», вопрос этот имеет характер международно-правовой коллизии.

Умеренными принято считать тех сторонников политического ислама, которые заявляют о сугубо политических методах отстаивания своих взглядов, терпимо относятся к носителям других идей и к тем, кто исповедует иную веру. В русском языке однокоренные слова «терпение» и «терпимость» (синоним-неологизм – «толерантность») близки в том, что подразумевают вынужденное согласие с необходимостью, принятие установленных правил, согласие с требованием в рамках существующих норм общественных отношений, норм, сопряженных с вынужденным самоограничением, компромиссами. В других языках могут закладываться несколько другие смыслы. Например, в арабском «терпение» (в смысле «выносливость, терпеливость, перенесение трудностей») передается словами *сабр*, *тахаммуль*, *джаляд*. Для значения «терпимость» применяется иной ряд: *тасахуль*, *тасамух* (в том числе «веротерпимость» – *ат-тасамух ад-диний*). Если первое слово образовано от глагола *тасаахал* со значением «проявлять уступчивость, быть покладистым, облегчать что-то кому-то», то второе *тасаамаха* – «быть предупредительным, снисходительным в чем-то, проявлять терпимость». В английском языке слово *tolerance (toleration)*, легшее в основу популярного неологизма, – это собственно «допустимость, (веро)тер-

1 Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Федеральная служба безопасности Российской Федерации // <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, дата обращения 31.10.2019.

2 Это решение связывают с намерением США запретить БМ, а также с поддержкой со стороны администрации Д. Трампа маршала Халифы Хафтара против его конкурента – главы Правительства национального единства в Триполи Фаиза Сараджа. См.: Мустафин Р.З. (2019) Ливийских «Братьев-мусульман» наконец назвали террористами // Независимая газета. 15 мая 2019 // http://www.ng.ru/world/2019-05-15/7_7573_livia.html, дата обращения 31.10.2019.

пимость», но этот корень не используется в значении «переносить испытание», для чего употребляются, как правило, *patience* (терпение), *sufferance*, *bearing*.

Иными словами, в языковой картине мира разных народов терпимость (в том числе веротерпимость) субъекта совсем не обязательно должна предполагать его самоограничение. Терпимость оказывается возможной, когда считаются приемлемыми (хотя и в неодинаковой степени) разные формы социальных и политических отношений. Однако в представлении радикально настроенных групп это свойство никак не совместимо с борьбой за единственно верную (то есть собственную) позицию – борьбой, не представимой без временных поражений. Такой угол зрения, принимающий разное восприятие общепринятых терминов, может оказаться небесполезным, когда речь идет о разных взглядах на исламистские течения, которые отражаются в дискурсе и преломляются в отношении к этим течениям со стороны того или иного государства.

Основное наблюдение, которое можно сделать на основании деятельности БМ на протяжении всей истории движения, таково: терпимость (толерантность) не является присущим ему качеством, тогда как терпение давно стало основным элементом его тактики борьбы. Выработанное с годами умение переносить временные неудачи, терпеливо выжидая нужного момента, практикуется поныне.

Стратегия и метод БМ (рабочая гипотеза)

Основываясь на богатом историческом материале, многие ученые из разных стран давали оценки действиям БМ в разные периоды новейшей истории [Quiggin 2014; Frampton, Rosen 2013; Vidino 2011; Karasik, Benard 2004]. Сум-

мируя выводы большинства исследователей, можно предположить, что в основе деятельности БМ была заложена стратегия долгосрочного планирования: амбициозная цель переустройства всего Ближнего и Среднего Востока предполагала смену актуальных задач по ходу изменения политического контекста.

Очевидно, чтобы решить очередные задачи по изменяющейся повестке, БМ перешли в конце концов к тактике выжидания удобного момента для реализации своих властных амбиций. Порой возникала парадоксальная ситуация, когда одни «братья» находились в заключении, в то время как другие с успехом вели профсоюзную деятельность (в качестве примера можно привести египетские синдикаты), бизнес, входили в госструктуры и даже избирались в парламент как «независимые». Пункты идеологической программы БМ периодически претерпевали изменения, колеблясь от радикальных к более умеренным в зависимости от ситуации. Достижения БМ налицо: ряд политических партий в разных странах (в том числе находившихся или находящихся у власти) – от Северной Африки до Юго-Восточной Азии – представляют собой своего рода эманации мирового движения БМ, а на уровне НКО их влияние велико и в Европе, и в Западном полушарии. Однако важнейшим остается вопрос самостоятельности участия БМ в разных исторических событиях и в разных странах. Однозначного ответа на этот вопрос до сих пор нет.

Но что касается высказанной гипотезы, то она получает свое подтверждение на основании фактов истории этого движения. Его история словно бы подчинена волнообразной траектории: БМ то затихает и уходит в тень, то возникает с новой силой, то переживает политические бури и репрессии на территориях то одних, то других государств,

а то внезапно возвращается, и нередко с триумфом.

Движение периодически переносит свою активность на другие страны, и если обстоятельства складываются благоприятно, образует там свои политические силы. Суданская партия Национальный исламский фронт и ее успешное политическое продолжение Национальный конгресс (*араб.* Аль-мутамар аль-ватан), тунисская Партия возрождения (*араб.* Хизб ан-нахда), турецкая Партия справедливости и развития (ПСР, *тур.* Адалет ве-калкырма партиси), египетская Партия свободы и справедливости (ПСС, *араб.* Хизб аль-хуррийя ва-ль-‘идаля) – лишь наиболее известные примеры такого рода скрытого «франчайзинга». Крепки позиции «братьев» в Иордании, Катаре, Ливии и некоторых других странах.

Почему БМ на протяжении долгого времени удается завоевывать симпатии избирателей, с успехом проходя в легальное политическое пространство? Иначе говоря, какова социальная база движения, которая в разных странах с такой легкостью подхватывает исламистские лозунги?

Можно предположить, что секрет кроется в умелом использовании протестного потенциала соответствующих обществ, в отработанной риторике и политической программе, основанной на близких для рядового мусульманина аргументах, а именно религиозно-уравнительных. Теоретически в суннитском исламе заложен важный императив социального равенства и взаимной поддержки в обществе, где все, исповедующие эту религию (включая и духовенство), равны перед Всевышним и находятся в братских (не отцовско-сыновних, как в некоторых других религиях) отношениях. Этот аргумент умело используется «братьями» в их стремлении к политической власти: призывы к справедливости включают и призыв к

пересмотру отношения к сложившимся государственным структурам.

В основе недовольства лежит не сложный механизм, а именно – остро осознаваемое небогатыми гражданами какой-либо страны с глубоким социальным расслоением несоответствие между тем, чем человек обладает, и тем, чем он мог бы обладать. К объекту обладания могут относиться как материальные объекты, так и блага иного рода, например, социальные свободы, политические права, доступ к социальным лифтам, легкость передвижения (безвиз или трудовая миграция) и т. п. Этот механизм хорошо разработан в различных своих проявлениях в рамках так называемой депривационной теории, варианты которой применяются в социологии, политическом анализе, социальной психологии (подробнее см.: [Сарабьев (2) 2019, с. 89–102]).

Второй аргумент исламистов, активно применявшийся в некоторые (удобные для этого) моменты, сводится к противостоянию империализму и западному неокOLONиализму [Moussalli 2011]. Такая риторика сближает позиции иранских идеологов – с их пафосом борьбы с влиянием «великого шайтана», то есть американским – с позициями некоторых кругов среди даже арабов-суннитов. Ярким примером может служить, например, движение ХАМАС, которое входит в авангард антисионистского Сопротивления (*Аль-мукавама*) и, несмотря на суннитский характер и близость к БМ, получало помощь от шиитской Исламской республики. Приведенный аргумент чрезвычайно важен в силу своей действенности, и к нему обращались самого начала существования «братьев».

БМ продолжает пользоваться поддержкой ряда западных стран, имеет там свои центры базирования, а поэтому антизападный пафос всегда использовался ими с большой осторожностью

и только в определенных обстоятельствах. То есть волнообразный или даже дискретный характер активности БМ на протяжении истории обусловлен в том числе и этим чувствительным для них моментом.

Исторический стереотип неоспоримого первенства

Считается установленным, что появление БМ в Египте с их быстрым успехом по всей стране, а затем и по региону, явило собой некий исторический рубеж, когда панисламистские лозунги оказались, наконец, институционально оформленными. Имевшие хождение среди арабских и османских интеллектуалов, мелких чиновников и предпринимателей идеи панисламизма будто бы стали идеологической основой настоящей организации (выйдя за пределы Аравийского полуострова) только в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. Так считал и отечественный исследователь Геннадий Старченков, который, характеризуя БМ, писал следующее: «Первой крупной организацией, отвергшей толерантность и вступившей на путь конфронтации, стала ассоциация “Братья-мусульмане”, созданная в 1928 г. в Египте шейхом Хасаном аль-Банной... [Он] заметно политизировал ислам, разработал идеи панисламизма и концепции джихада... Конечной целью БМ было создание в исламских государствах общества, построенного на принципах “исламской справедливости” при строгом соблюдении мусульманских норм жизни, сформулированных в Коране и шариате» [Старченков 2010, с. 270].

Практически все авторы – и российские, и зарубежные – относят момент возникновения структуры БМ к этому времени. При этом обычно справедливо отказываются как-то связы-

вать египетских «братьев» с саудовскими «ихванами» (араб. *ихван* – братья), которые представляли собой внутреннее племенное ополчение, воевавшее за Абдул-Азиза ибн Сауда под знаменем салафизма. Неумеренный пафос очищения мусульманской веры вскоре обратил тех против собственного короля и покровителя, который усмирил движение, разбив их силы в 1930 г. Идеологическая основа египетских БМ была иной. В ней был силен элемент антиколониальной риторики, а масштабы деятельности предполагали раздвижение рамок далеко за пределы своей страны – по всему Ближнему и Среднему Востоку и Северной Африке.

Сведения о возникновении БМ прочно и однозначно вошли в публицистику и научные труды, а между тем сам факт создания такой структуры в захолустном рабочем городке Исмаилии 22-летним выпускником педагогического училища, только что получившим место учителя, не может не удивлять. Особенно удивительно, что мало внимания привлекает то обстоятельство, что тогдашний Египет находился под полным контролем англичан, и создание подобного «общества» с его антиколониальным пафосом не могло пройти мимо внимания (а возможно, и обойтись без санкции) властей протектората.

Предполагаемая заинтересованность Британии в использовании богатого потенциала исламистского протеста в своих интересах получает подтверждение благодаря следующему малоизвестному историческому факту. После Младотурецкой революции 1908 г., приведшей государственное устройство Османской империи к строю по сути ограниченной широкими полномочиями парламента конституционной монархии, уже через полгода стал назревать контрреволюционный мятеж. В марте 1909 г. для высту-

плений сторонников султана сложились все условия, и начавшиеся столкновения продлились около месяца – до разгрома сил монархистов. Османский султан как глава государства являлся одновременно и духовным главой всей уммы империи – халифом. Это придавало мятежу религиозную окраску, а соответственно и обусловило широкое участие в нем мусульманских объединений.

По поразительному совпадению, именно в этот момент в арабских восточных провинциях империи (Машрике) дала о себе знать мусульманская организация, привлекавшая в свои ряды огромные массы верующих. Она пришла под лозунгами утверждения шариата как закона для населения империи-халифата, поддержки султана-халифа и искоренения всякого западного влияния и поддержки извне местных религиозных меньшинств. Тем самым во многих районах исторической Сирии османский монархический мятеж опирался на чисто исламистскую пропаганду. Эта мусульманская структура, как сообщал российский консул в Дамаске князь Борис Николаевич Шаховской, имела центр в Стамбуле, но наибольший успех она имела, как представляется, именно среди жителей Дамаска и окрестностей, а также у населения некоторых других сирийских городов (подробнее см.: [Сарабьев (1) 2019]).

Не может не поражать, до какой степени вовремя в среду религиозных лидеров Дамаска, а затем и мусульманской уммы, проникла уже сформированная организация с ее исламистскими лозунгами. Речь идет о «Магометанском братстве» с его сетевой структурой и мощной агитацией как раз в момент вооруженного выступления сил, настроенных против нового, младотурецкого правительства. Наш консул писал в донесениях, что в начале марта 1909 г. «улемы собрались в доме шей-

ха Аджлани и дали присягу в том, что присоединяются к “братству”, так называемому “Аль-ахаи-ль-Мухаммеди” – Магометанское братство. Цель этого братства – уничтожить все законы и постановления, заимствованные у европейцев, и восстановить суд и законы шариата» [Смилянская, Горбунова, Якушев 2015, с. 287].

Об этой организации писали не только наши дипломаты. В одном документе британского внешнеполитического ведомства упоминалась организация с похожим названием: «Было только еще 3 апреля, когда оппоненты комитета [Единение и прогресс] дали понять, что их оппозиция поддерживается некоторой организацией. В тот день было провозглашено общество, называемое “Магометанским союзом” (Mahomedan Union). Под прикрытием желания внести некоторые улучшения в общественную мораль страны в рамках предписаний закона шариата, оно, несомненно, было намерено вызвать народную волну религиозного фанатизма в качестве проверки политики Комитета...» [Priestland 2004, vol. 1, pp. 191–192].

Факт появления организованной исламистской силы в момент антиправительственного мятежа очевидец тех событий – собственно автор консульских донесений Б.Н. Шаховской – напрямую связывал с деятельностью в Дамаске британского консула: «Всюду и во всем смута, которая, несомненно, создается приверженцами старого режима... и поддерживается, по моему глубокому убеждению, моим здешним английским коллегой, который в лучших и интимных отношениях с весьма подозрительными в политическом отношении лицами. Масса мелочей, которые трудно сопоставить на бумаге, заставляя меня полагать, что Англия ищет, как бы вызвать смуту в Сирии и вообще в этой части Турции, и в этом убеждении меня еще более утверждают происшедшие

на днях серьезные волнения среди хауранских друзей» [Смилянская, Горбунова, Якушев 2015, с. 288–289].

Если даже не проводить параллель между описанным фактом, относящимся к 1909 г. – резкой вспышкой активности «Магометанского братства», – и фактом создания в английском протекторате Египте в 1928 г. организации «Братьев-мусульман», то невозможно отрицать по крайней мере заинтересованность внешних сил (а в тот период Великобритания была наиболее мощной колониальной державой, центром мирового Британского содружества) в использовании потенциала исламистов в своих целях. Некоторые авторы прямо пишут об этом. В частности, молодой исследователь из Лондона Хишам Шафик, указывая на роль базирующихся в английской столице БМ в качестве связующего звена в европейской внешней политике на Ближнем Востоке, пишет, что это та самая «историческая роль, которая идет от самых истоков БМ, когда они получали политическое покровительство со стороны Британского государства» [Shafick 2013].

Прагматическая пикантность «внешних сношений»

Еще одной аксиомой в отношении характера БМ признается антиимпериалистическая направленность движения с самого момента его основания. Ученые из разных стран не устают повторять, что необычайная популярность БМ среди арабов обязана в том числе их призывам бороться с колониальной стратегией насаждения чуждых мусульманам ценностей. Например, греческий религиовед, эксперт по

исламу и Ближнему Востоку Димитриос Атанасиу пишет: «БМ утверждали, что бедность, политическое бессилие и унижение достоинства египетского народа в период британской администрации были обусловлены отходом от ценностей и этических норм ислама, приверженностью людей западному стилю, воспринятому через колониализм британцев» [Athanasiou 2019, p. 24].

Тем не менее хорошо известно о заинтересованных контактах руководства БМ с официальными лицами западных государств на протяжении разных периодов существования этого движения. Как ни парадоксально это звучит, но готовность развивать отношения с западными партнерами не отменяла антизападной риторики «братьев». Исследователи этого вопроса утверждают, что в основе такой кажущейся противоречивости тактики БМ лежал их прагматизм [Frampton, Rosen 2013, p. 835]. В этой связи приводятся различные подтвержденные сведения. Например, бывший американский посол в Египте Херман Эйлтс сообщал журналисту Роберту Дрейфусу, что в 1948 г., находясь в Саудовской Аравии, он встречался с лидером БМ Хасаном аль-Банной. Посол утверждал, что подобные контакты были в обычае посольства США в Каире, которое проводило «регулярные встречи» с аль-Банной, где его считали «очень тонко чувствующим» (perfectly empathetic) человеком [Frampton, Rosen 2013, p. 835; Dreyfuss 2005].

В книге об инструментальном использовании исламистов Р. Дрейфус пишет: «Великобритания, Соединенные Штаты и их спецслужбы действовали [сходным образом и в Иране, и в Египте], свергнув Мосаддыка³ и по-

3 Речь идет о событиях 19 августа 1953 г., когда был свергнут глава правительства Мохаммед Мосаддык, при котором были национализированы иранские нефтяные месторождения в ущерб интересам западных компаний.

пытавшись, правда не сумев, сделать это с Насером, и также в обоих случаях МИ-6 и ЦРУ использовали исламское право [шариат], чтобы таскать каштаны из огня чужими руками (used the Islamic right as a cat's-paw). В Египте они использовали Братъев-мусульман, а в Иране они мобилизовали группу аятолл...» [Dreyfuss 2005].

Об этом же периоде (начала 1950-х гг.) идет речь в мемуарах разведчика Майлза Коупленда, где он упоминает о попытках американцев широко использовать исламистов как средство противодействия коммунистическому влиянию на Ближнем Востоке, в частности в Египте. Причем автор предполагал, что преемник Х. аль-Банна на посту лидера БМ, Хасан аль-Худайби, вполне мог служить «агентурным источником» (asset) для ЦРУ [Copeland 1989, p. 151].

Скорее всего, американцы, хотя и не сразу, сочли для себя возможным использовать «братъев» для давления на режим Г.А. Насера. Известный политический обозреватель Сергей Филатов пишет, что во время подготовки визита представителей БМ в Белый дом, незадолго до запрета организации в Египте, ЦРУ крайне негативно характеризовала ее в своих записках. Однако вскоре – уже после объявления движения БМ вне закона в январе 1954 г. [Бакланов 2017, с. 48] – оценки круто изменились: после Синайской кампании 1956 г., усиления связей между Египтом и СССР организация стала получать политическую поддержку американцев [Филатов 2011]. В свою очередь, БМ очень много приобрели от интереса к ним со стороны США. Ячейки этого движения ста-

ли появляться в разных американских штатах.

Безусловно, упоминаний о такого рода связях БМ с Западом очень немного, и все они могут быть оспорены. Гораздо чаще подчеркивался антиимпериалистический и антисекулярный пафос «братъев», их готовность противостоять якобы наступлению на ислам – как со стороны чуждого мусульманской этике западного влияния, так и со стороны атеистической советской пропаганды. Вполне возможно, что истина лежит где-то посередине, и политика БМ была обусловлена исключительно прагматическими соображениями. «Братья» акцентировали свой антизападный порыв в тех случаях, когда это сулило им успех на внутривнутриполитическом поле, и не гнушались просить приюта в западных странах и вести дела с иностранными спецслужбами, когда нужно было перетерпеть тяжелые гонения у себя дома.

Это наблюдение подтверждается свидетельствами разных периодов истории организации. Интереснейший из документов такого рода относится ко времени Исламской революции в Иране. Он представляет собой цитату фрагмента из листовки, изданной в США неким «Национальным собранием трудовых комитетов» (National Caucus of Labor Committees) – организацией кандидата в президенты от демократов Линдона Ларуша⁴, выпущенной в его поддержку. В листовке критика БМ раздавалась в неожиданном аспекте: якобы они были активны в Иране сразу после победившей Исламской революции и вскоре оказались причастными к захвату американских заложников в Тегеране в ноябре 1979 г. «За пра-

4 Яркий американский экономист марксистского направления, создатель нескольких организаций, в том числе Национального собрания трудовых комитетов в рамках собственного движения «LaRouche movement». Выставлял свою кандидатуру на президентских выборах 8 раз.

вительством Хомейни и официальными лицами правительства США, которые преклоняются перед ним, – говорилось в листовке, – стоит контролируемая британцами международная заговорщицкая организация “Братья-мусульмане”. Она полностью контролирует сумасшедшего фашиста Хомейни и значительную часть Организации освобождения Палестины. В его распоряжении сотрудники на высоких постах в США, вплоть до Сайруса Вэнса⁵, его марионетки Збигнева Бжезинского⁶ и из Госдепартамента США. Даже “Нью-Йорк Таймс” признает в своем выпуске от 9 ноября, что Госдепартамент по уши вовлечен в приведение к власти Хомейни. Он работал в сговоре с агентами британской разведки и непосредственными агентами “Братства”. <...> Как минимум, “Братство”, Госдепартамент и Совет по международным отношениям планируют использовать зверства Ирана, чтобы уничтожить возможность дешевой энергии для экономического роста, который в настоящее время планируется Францией и Западной Германией через европейскую валютную систему. Вместо этого они будут навязывать энергетический аскетизм по всему миру, результатом чего станут фашизм в США и геноцид во всем третьем мире»⁷.

Приведенный анализ сорокалетний давности звучит аллюзией событий дня сегодняшнего. Тем более что взаимная заинтересованность исламистов из БМ и тех, кто поддерживает их

из-за рубежа как якобы умеренных, до недавнего времени только росла. Так, к рубежу веков стал проследиваться новый метод их взаимодействия. К обоюдному удовлетворению, потенциал зарубежных ячеек БМ усиливался явным пестованием их представителей в качестве «политологов» и общественных деятелей – в частности, в США. Ярким примером является профессор сирийского происхождения Наджиб Гадбан⁸, чей клан считается тесно связанным с БМ. Выступая на протяжении ряда лет в качестве официального представителя Национальной коалиции сирийской оппозиции, он известен как непримиримый противник сирийского руководства, перешедший к более гибкой тактике только после очевидных успехов российских ВКС, приглашенных в Сирию для борьбы с террористами⁹. В апреле 2017 г. он в эфире катарского телеканала «Аль-Джазира» открыто приветствовал ракетный удар США по аэродрому сирийских войск в Хомсе, назвав это «хорошими шагами», а также выражал надежду на более широкое присутствие Соединенных Штатов в регионе¹⁰.

При этом все меньше в риторике «братьев» звучит акцент на самостоятельности их программы и идеологической независимости, которые некогда так рьяно отстаивал и разрабатывал крупнейший теоретик БМ, считающийся у них мучеником за дело ислама, Саид Кутб. Своего рода манифест крупнейшего мирового центра БМ –

5 Госсекретарь США с января 1977 по апрель 1980 г. Отличался приверженностью к решению проблем путем переговоров вместо боевой операции, в частности в тяжелом вопросе освобождения американских заложников в Тегеране.

6 Советник президента США Джимми Картера по нацбезопасности с января 1977 по январь 1980 г.

7 US Department of State, Bureau of Near Eastern and South Asian Affairs. U.S. Anti-Muslim Brotherhood Propaganda. Telegram (cable, confidential) from Cairo to US Dept. of State. 16 Dec. 1979.

8 Служил преподавателем в Арканзасском университете, автор книги «Демократизация и исламистский вызов в арабском мире», 1997.

9 Сирийская оппозиция заявила о необходимости мирных переговоров с Асадом (2015) // ТК Звезда. 19 декабря 2015 // https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201512191220-zdg3.htm, дата обращения 31.10.2019.

10 Антимайдан. 7 апреля 2017 // <https://antimaidan.ru/article/10376>, дата обращения 31.10.2019.

Мусульманской ассоциации Британии (МАБ, Muslim Association of Britain), зонтичной структуры БМ, по крайней мере за пределами Ближнего Востока, – содержит такие пункты: «МАБ, являясь ответственной и динамичной организацией, не перестает учиться и использовать опыт и знания других организаций и учреждений, которые работают в аналогичных и сопоставимых с МАБ областях... Будучи открытой организацией, МАБ никогда не переставала приветствовать [участие] тех, кто обладает широким опытом и навыками, которые она может использовать для своей пользы и своих усилий, прилагаемых в Соединенном Королевстве»¹¹.

Как испытывали судьбу сирийские «братья»

Волнообразное изменение тактики БМ подтверждается историческими фактами – даже в тех странах, где, как принято считать, власти наиболее безжалостно расправлялись с этим оппозиционным исламистским авангардом. Сирийские «братья», чья деятельность запрещена в этой стране почти с самого начала баасистского правления, пытались использовать удобные моменты для укрепления своих позиций и демонстрации растущих возможностей в противостоянии светским властям. Они словно бы проверяли допустимые пределы, периодически переходя далеко за грань в этих своих попытках.

Одной из первых масштабных акций сирийских БМ стало восстание 1964 г. с центром в Хаме, где многие кварталы долгое время оставались практически

неподконтрольными ни полиции, ни армии. Серьезной силой тогда выступило их боевое ополчение «Молодежь Мухаммада». Власти справились с мятежом, организация была формально запрещена и какое-то время снова терпеливо выжидала момента, набираясь сил на полулегальном положении. Но фактически «братья» продолжали действовать в Сирии, и власти шли на некоторые компромиссы и уступки в целях поддержания социальной стабильности и спокойствия. В частности, после провозглашения «исправительного движения» в 1970 г. алавитская верхушка была вынуждена всерьез озаботиться пропагандой среди суннитского большинства населения идеи о мусульманском характере своей конфессии (очевидно, в пик пропаганды исламистской оппозиции). Для подкрепления легитимности правления мусульманским по большинству населения обществом алавиты, начиная с 1972 г., привлекали многих видных шиитских алимов и даже суннитских муфтиев.

Сирийское правительство избегало каких-либо репрессий против БМ даже после ввода сирийского контингента в Ливан, который вызвал глухое недовольство среди мусульманских кругов, посчитавших это помощью правохристианским формированиям. Очередной провокацией стало убийство главы контрразведки по г. Хама, офицера-алавита Мухаммада Гурры¹², ответственность за которое взяла на себя группировка «Молодежь Мухаммада», продолжавшая оставаться мощным боевым крылом сирийских БМ. Кстати, несколькими годами ранее она явилась инициатором выступлений «братьев»

11 Analysis: The Muslim Association of Britain and Anas Altikriti Deny "Any Links" to The Muslim Brotherhood- Really? (2016) // The Global Muslim Brotherhood Daily Watch, January 13, 2016 // <https://www.globalmbwatch.com/2016/01/13/analysis-the-muslim-association-of-britain-and-anas-altikriti-deny-any-links-to-the-muslim-brotherhood-really>, дата обращения 31.10.2019.

12 US Department of State, Bureau of Near Eastern and South Asian Affairs. Recent disturbance in Hama. Telegram (cable, confidential) from Damascus to US Dept. of State etc, February 23, 1976.

против коммунистов и других политических оппонентов БМ.

В 1976 г. конфиденциальной телеграммой из Дамаска в Госдепартамент и ряд ближневосточных посольств США сообщалось следующее: «Надежный сирийский источник, близкий к официальным лицам, расследующим беспорядки в Хаме, и к сторонникам БМ в Дамаске, уведомил сотрудников посольства, что “Братство” может планировать “новые инциденты” в Хаме... Источник продолжил, что президент Асад вызвал губернатора Хамы для объяснения проблем в его округе, и губернатор жаловался, что Хама получила меньшее финансирование [проектов] развития по сравнению с многочисленными проектами, запланированными почти для всех других провинций. Источник утверждал, что Асад немедленно выделил 50 млн сирийских лир для проектов развития Хамы»¹³.

Далее в том же документе описывалось отношение сирийских властей к возможным угрозам со стороны исламистов БМ, особенно в свете убийства М. Гурры. Источник сообщал, что «за “Братством” внимательно следят в Дамаске» и уверены в своей способности сдерживать его везде, кроме Хамы: в этом городе властям якобы невозможно было контролировать ситуацию. Интересно заключение американского агента: он писал, что по-прежнему не видит в Дамаске «никаких признаков того, что правительство САР считало бы себя не в состоянии справиться с вызовами со стороны БМ», что «не поступало никаких сообщений об арестах за пределами Хамы, а также не обнаруживались какие-либо признаки беспо-

койства режима относительно его безопасности»¹⁴.

Довольно скоро сирийские власти пришли к необходимости приступить к прямому давлению на БМ, члены которого устроили т.наз. резню в Алеппо: в июне 1979 г. вооруженные исламисты из «Ат-талиа аль-мукатия лиль-муджахидин» (Боевой авангард борцов) ворвались в артиллерийское училище и открыли огонь по безоружным курсантам (в основном алавитам, но также суннитам и христианам). Были убиты несколько десятков курсантов, более полусотни были ранены¹⁵.

Спецслужбы выяснили, что непосредственно за терактом стоит боевая группа «братьев», носившая название «Абу Газа», и пытались задержать высокопоставленных членов движения, скрывшихся в Иордании. В рассекреченной (в 2014 г.) телеграмме американского агента в Госдеп из Дамаска стало известно о переговорах на повышенных тонах между сирийцами и иорданцами, которые состоялись в рамках визита короля Хусейна в Дамаск в июле 1979 г. Сирийцы были чрезвычайно раздражены своей неудачей в поиске членов БМ на территории Иордании, которые, как оказалось, скрылись от них в Саудовской Аравии. Иорданцы же устами главы правительства Мудара Бадрана (возглавлявшего ранее службу общей безопасности), парировали тем, что БМ, как и партия Баас, не запрещены в Иорданском королевстве, пока не угрожают государству. Особое внимание в этом документе обращает на себя высказывание о политике Сирии в отношении БМ, с которым премьер Бадран обратился к своему си-

13 US Department of State, Bureau of Near Eastern and South Asian Affairs. Indications of More Incidents Planned by Muslim Brotherhood Against Authorities. Telegram (cable, confidential) from Damascus to US Dept. of State, March 4, 1976.

14 Ibid.

15 The Massacre of the Military Artillery School at Aleppo – Special Report (2003) // The Syrian Human Rights Committee, November 3, 2003 // <https://www.shrc.org/en/?p=19785>, дата обращения 31.10.2019.

рийскому коллеге Абдулхалиму Хаддаму. Как передавал иорданский посол Хаммами, Бадран заявил, что сирийцы совершили большую ошибку, превратив БМ в «козла отпущения» за резню в Алеппо, и это якобы выставило сирийский режим в качестве антимусульманского, спровоцировав широкую симпатию к «братству»¹⁶.

То давление, которому стали подвергаться БМ в Сирии особенно с 1979 г., как свидетельствуют источники, было даже на руку лидерам «братьев». Американский агент в своем донесении из Каира замечал: «Хотя нет никаких сомнений в том, что главный редактор “Даава” Омар Талмасани¹⁷ искренне сожалеет о нападениях на сирийских суннитов, мы подозреваем, что этот хитрый старый политик также признает политические выгоды для него и его организации, которые могут быть получены от атак на них в Сирии в настоящее время. Ведь до сих пор Талмасани было не слишком трудно признавать алавитское господство над сирийскими суннитами»¹⁸.

Возвращаясь к заявленному в начале статьи тезису об использовании исламистами религиозного и антиимпериалистического доводов, можно привести сведения из того же документа о публикации в печатном органе БМ за месяц рамадан 1979 г.: «В заявлении сирийского отделения БМ содержалось осуждение Дамаска за игру в пользу США и попытку уничтожить “братьев”.

Высказывалось подозрение, что цель сирийцев – ослабить позиции арабов в Палестине, что... Сирия заинтересована в [усилении потока] беженцев, предотвращении действий палестинских боевиков на оккупированной территории, ликвидации палестинцев и проведении [палестинскими баасистами из] “Саики” собственных интересов»¹⁹. Более того, в статье тогдашнего главы БМ, стоящего за этим изданием, Омара Талмасани, утверждалось, что США и Россия продолжают уничтожать мусульман везде, где это возможно, автор также обвиняет сирийскую Баас в убийстве суннитов. Он утверждает, что сирийская левизна поверхностна; режим на самом деле империалистический и проамериканский»²⁰.

В секретной телеграмме из Дамаска от февраля 1985 г. был представлен довольно подробный анализ активизма сирийских БМ (за подписью Иглтона – видимо, новоназначенного американского посла в Сирии)²¹. В документе говорилось, в частности, об упоминутым выше радикальном боевом авангарде БМ «Ат-талиа аль-мукатия лиль-муджахидин», «готовых прибегнуть к любой форме террора»: «Его лидеры отвергли западные идеи, любую форму компромисса со светскими движениями и не собирались щадить алавитов. В своем фанатизме они образуют суннитский аналог хомейнистам»²². Упомянулась также структура БМ «Исламский фронт», созданная в 1980 г., во главе ко-

16 US Department of State, Bureau of Near Eastern and South Asian Affairs. Hussein-Assad Meeting: Muslim Brotherhood and Internal Syrian Problems. Telegram (cable, confidential) from Damascus to US Dept. of State, July 23, 1979.

17 Вероятно, речь идет о верховном наставнике (аль-муршид аль-ам) БМ, принявшем лидерство после Хасана аль-Худайби в 1973 г. и возглавлявшем БМ до своей кончины в 1986 г.

18 US Department of State, Bureau of Near Eastern and South Asian Affairs. Muslim Brotherhood Monthly Attacks Syria. Telegram (cable, limited official use) from Cairo to US Dept. of State, August 2, 1979.

19 Ibid.

20 Ibid.

21 Иглтон Вильям Лестер, мл. (1926–2011) ко времени своего назначения послом США в Сирии в 1985 г. уже побывал в должности консула в иранском Тавризе, а затем посла в Йемене, Тунисе, Ливии, Алжире и Ираке.

22 US Department of State, US Embassy, Damascus. The Syrian Muslim Brotherhood. Telegram (cable, secret) from Damascus to US Secretary of State etc, February 26, 1985.

торой стал один из одиозных лидеров сирийских «братьев» Али аль-Баянуни²³.

После разгрома организации в Сирии в 1982 г. сирийские власти убедились, что она была «побеждена, расчленена и дискредитирована» (defeated, divided and discredited)²⁴, и после этого в начале 1985 г. от лица президента Х. Асада последовало «помилование» большому числу осужденных рядовых членов сирийских БМ. Этот акт, правда, стал, по сути, символическим провозглашением полного контроля над ситуацией в стране, победой над внутренней угрозой, несмотря на сложнейшую обстановку в регионе.

Транснациональный характер движения БМ

Более всего известно о египетских, сирийских, турецких и североафриканских «братьях», и тем не менее это движение получило распространение также в районах Афганистана, Пакистана и Южной Азии. Богатая подборка доку-

ментов, в частности об афганских БМ, содержится на сайте US Digital National Security Archive (DNSA). Так, еще в июле 1975 г. сообщалось: «При поддержке Пакистана два лидера афганских исламских фундаменталистов, Гульбеддин Хекматияр²⁵ и Бурханнудин Раббани²⁶, проводят неудачное восстание в Панджшерском ущелье против правительства Дауда. По сообщениям, два лидера восстания являются членами БМ и, как утверждается, заключили соглашение с начальником разведки Пакистана»²⁷. В сообщении от 12 сентября 1979 г. говорилось, что члены афганской оппозиционной коалиции «предлагали поддержать наиболее опытных Б. Раббани и Г. Хекматияра», а также приводилось мнение, что «если БМ когда-нибудь придут к власти в Афганистане, то уже в пределах двух лет левые вернутся»²⁸.

Многие другие лидеры афганских моджахедов также были связаны с БМ, причем начало их исламистской деятельности приходилось на время учебы в египетском Аль-Азхаре²⁹.

23 Одноименная организация вновь возникла в среде исламистской вооруженной оппозиции во время войны в Сирии – уже в 2013 г.

24 Ibid.

25 Одиозный афганский полевой командир, деятель оппозиции афганскому режиму Дауда (с 1973 г.), создатель в пакистанском Пешаваре (1975 г.) Исламской партии (Хезб-е ислами) Афганистана; впоследствии получал огромные средства на борьбу с «советской оккупацией» от США и Саудовской Аравии; премьер-министр Афганистана в 1993–1994 и 1996 гг. В 2016 г. с его партии был снят запрет, а в конце сентября 2019 г. он баллотировался на пост президента страны.

26 Также один из лидеров афганских моджахедов, создатель (1968 г.) партии Исламского общества (Джамаат-е ислами) Афганистана. Как и Хекматияр, учился в Аль-Азхаре в Египте, где и примкнул к БМ. Известен тем, что к деятельности своей исламистской партии активно привлекал сторонников в том числе из шиитов. Партия пользовалась поддержкой как США и КСА, так и Ирана. Основным стимулом борьбы видел сопротивление проникновению в Афганистан влияния коммунистов и атеистов.

27 Chronology: Afghanistan: the Making of U.S. Policy, 1973–1990. July 1975 // DNSA: Afghanistan // <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679041932/8399C0796FD540FDPQ/23?accountid=108701>, дата обращения 31.10.2019.

28 Ibid. September 12, 1979.

29 Об одном афганском деятеле сказано, что начинал он, поучив идеологическую закалку среди египетских «братьев» и создав собственную афганскую организацию на базе БМ, однако позднее его симпатии сместились в сторону ваххабизма: «Абд ар-Рабб-у-р-Расул Саййяф, основатель и лидер организации “Итихад-е илами”, которая базировалась в пакистанском Пешаваре, учился в египетском университете Аль-Азхар, где он получил степень магистра богословия и где примкнул к “Братьям-мусульманам”. Саййяф вернулся в Афганистан в конце 60-х гг. и вступил в группу “Мусульманская молодежь” под началом Бурхануддина Раббани и Гульбеддина Хекматияра... Саййяф свободно владел арабским и служил выразителем интересов повстанцев [Афганистана и Пешавара] в Саудовской Аравии и странах Залива. В мае 1983 г. он был избран главой оппозиционного “Альянса семи партий” в Пешаваре. Многие из его последователей пошли за ним, привлеченные значительными финансовыми ресурсами, в основном из Саудовской Аравии». См.: Sayyaf, Abdul Rabb-ur-Rasul // Digital National Security Archive: Afghanistan // <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679079059/8399C0796FD540FDPQ/22?accountid=108701>, дата обращения 31.10.2019.

Один из докладов РЭНД также со- держал упоминание о БМ. Автор до- клада, получивший впоследствии ми- ровую известность Фрэнсис Фукуя- ма, предполагал, что «многие из групп моджахедов, такие как пакистан- ский Джамаат-е ислами и Ихван аль- муслимин [БМ], являются креатурами внешних сил и готовят себя для схват- ки за власть, которая, как они ожида- ют, произойдет позднее. Гульбедин Хекматияр, чья партия вдохновлена иранской революцией и который от- казывается от помощи со стороны и Соединенных Штатов, и Египта (из-за соглашений в Кэмп-Дэвиде), как счи- тают, финансируется через пакистан- ские Джамаат-е ислами и Ихван [БМ]. <...> Многие из групп моджахедов яв- ляются созданием внешних сил – на- пример, Джамаат-е ислами или Их- ван [БМ]»³⁰.

По косвенным данным, сеть БМ распространялась даже на часть Юж- ной и Юго-Восточной Азии. Так, после нападения в начале 1983 г. на резиден- цию советского посла в Малайзии Бо- риса Кулика в редакцию одной из газет поступил звонок с принятием ответ- ственности за атаку и требованием вы- вода советских войск из Афганистана. Звонивший назвал себя членом между- народного организации БМ, имевшей связи с исламистами в Таиланде, Ин- дии и Пакистане³¹.

В еще одном документе из того же архива речь идет об афганских пра- ворадикальных группах и исламист- ских группах и организациях в Афга- нистане, на основе которых были соз-

даны формирования оппозиционных сил для противодействия админи- страции президента Тараки (30 апреля 1978 – 14 сентября 1979 г.). О них ска- зано, что «по крайней мере некоторые из них считаются связанными с БМ, возможно “перекрывающимся член- ством” (overlapping membership)»³².

Помимо продвижения БМ далеко на восток, за пределы ближневосточ- ного региона, развивалось и запад- ное крыло организации. Во-первых, находящиеся на полулегальном поло- жении египетские БМ активно осва- ивали западный опыт политического участия через профсоюзы и синдика- ты. Американский посол в Египте Дэ- ниел Курцер так писал в донесении из Каира в марте 1999 г.: «В результате БМ захватили множество руководя- щих советов самых престижных син- дикатов [профессиональных объеди- нений] – юристов, инженеров, врачей и фармацевтов. БМ контролировало синдикаты, поддерживая нейтраль- ного или проправительственного кан- дидата на высшую должность, сохра- няя при этом повседневные управлен- ческие позиции и управляя синдика- тами через коалиции с другими оп- позиционными и независимыми фи- гурами»³³. Автор донесения пророче- ски предупреждал: «Некоторые еги- петские обозреватели БМ согласны, что, хотя практика движения и неде- мократична, молодое поколение БМ со временем может приобрести поли- тический опыт и перейти от теократи- ческой теории к более практическому принятию политики в светском госу-

30 Chronology: Afghanistan: the Making of U.S. Policy, 1973–1990. May–June 1980.

31 Ibid. January 18, 1983.

32 US Department of State, Embassy in Kabul, Afghanistan. Afghan Opposition Coalition Reportedly Formed in Pakistan. Telegram (cable, secret) from Kabul to US Dept. of State etc. June 7, 1978. Digital National Security Archive: Afghanistan // <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679058440/fulltextPDF/3D6E4133BBE9481EPQ/4?accountid=108701>, дата об- ращения 31.10.2019.

33 US Department of State [Embassy in Cairo, Egypt]. Egypt's Muslim Brotherhood at low ebb. Telegram (cable, confidential) from Cairo to Islamic Conference Collective, US Secretary of Defense, US Secretary of State, etc. 16 March 1999.

дарстве»³⁴. Именно это и произошло спустя 12 лет.

Во-вторых, сирийские БМ были вынуждены усиливать свое присутствие в эмиграции – в Западной Европе, где были созданы мощные центры движения. Ведь после перегруппировки сирийских БМ за рубежом и возобновления терактов в 1990-е гг. противостояние с сирийскими властями возобновилось с новой силой. Не ослабевало оно и в дальнейшем: с приходом в 2000 г. нового президента, после краткого периода «дамаской весны», когда БМ попытались вернуться в Сирию, давление на них продолжилось. Причем на этот раз молодой сирийский президент и иорданский король Абдалла (почти ровесник Б. Асада) действовали согласованно, и уже в 2001 г. лидеров сирийских БМ, живших в изгнании в Аммане, власти вынудили покинуть Иорданию [Ghadbian 2001, р. 632]. Интересно, что цитируемый автор, представляющий лагерь непримиримой оппозиции, в своем материале проговаривается, выделяя среди оппозиционных движений, призывавших к изменениям в Сирии, именно исламистов из БМ [Ghadbian 2001, р. 636]. Иными словами, они стали авангардом антиправительственного движения, руководя из европейских центров.

По мере ужесточения отношения властей к запрещенной организации сирийским БМ пришлось по новой укреплять свой форпост в Европе. Ставка была сделана не на германскую, а на британскую штаб-квартиру, что нашло явную поддержку у властей Со-

единенного Королевства. По сей день именно британский центр задает тон в интернациональном движении БМ. Их информационный портал «The Global Muslim Brotherhood Daily Watch» содержит массу материалов, призванных создавать привлекательный образ этой экстремистской организации³⁵.

Пытаясь выявить причину необычайной популярности БМ в Британии, Хишам Шафик на страницах египетского издания еще в сентябре 2013 г. приходил к выводу, что в этой популярности именно «социальная составляющая играет самую большую роль». Аргументы были такие: «В Египте у исламистов есть роскошь выбора между различными исламистскими группами. В Лондоне все они в конце концов становятся “братьями-мусульманами”, так как все они попадают под эгиду Мусульманской ассоциации Британии. Причина этого проста: мусульмане-арабы в Лондоне, которые заботятся о том, чтобы ассоциировать себя с мусульманскими группами, – это, в основном, “синие воротнички” (т.е. производственные рабочие) и служащие среднего звена, а деньги для финансирования своих инициатив имеют только официальные представители МБ... Кроме того, стремление присоединиться к “синим воротничкам” в Лондоне побуждает множество мусульман из разных идеологических слоев присоединиться к мусульманским организациям и пользоваться поддержкой МБ, даже если бы они никогда не сделали этого дома» [Shafick 2013]³⁶.

34 Ibid.

35 Полное название интернет-портала: The Global Muslim Brotherhood Daily Watch: An Intelligence Digest Covering Developments in the Worldwide Muslim Brotherhood Network // <https://www.globalmbwatch.com/category/analysis>, дата обращения 31.10.2019.

36 Шафик перечислял некоторые из таких британских организаций, связанных с МБ: British Muslim Initiative, Centre for International Policy Studies, European Council for Fatwa, Research Federation of Islamic Organisations in Europe, Federation of Student Islamic Societies, Muslim Student Association in Britain, Institute for the Study of Human Sciences, Institute of Islamic Political Thought, Interpal, Libyan Islamic Group, Mashreq Media Services, Muslim Aid, Muslim Welfare, Trust, Palestine Return Centre, Palestine Times, Union of Good.

«Звездный час» в Египте

Победа на выборах 2012 г. в Египте БМ и фактическое правление страной от имени этого движения не стали случайными. Несмотря на статус запрещенной организации в период президентства Хосни Мубарака, БМ почти открыто присутствовали на политическом поле Египте. Это было ключевым элементом негласной договоренности между властями и БМ – вынужденной мерой для поддержания общественной безопасности и восполнения пробелов в области социальной поддержки населения [Мохова 2019].

Своим успехом БМ были обязаны верному расчету в период ближневосточной «волны турбулентности» – выходу на политическую поверхность как бы на гребне протестов и требований социальной справедливости. Народные волнения зимы-весны 2011 г. предоставили удобнейший случай для воплощения давних ожиданий БМ [Ражбадинов 2013, с. 194]. Их Партия свободы и справедливости, спешно созданная в том же году, уже с ноября стала демонстрировать невероятный успех на первых турах выборов в нижнюю палату парламента (Маджлис аш-шааб), став основой победившего блока «Демократический альянс за Египет» (235 из 498 мандатов). В результате египетские исламисты получили большинство депутатских мест: вместе с салафитами (всего 124 места – партия «Ан-Нур» (108 мест), «Созидание и развитие» и «Аль-Асала») на их долю пришлось 72% членов парламента.

Выборы президента, несмотря на острую борьбу, завершились предсказуемо: победил кандидат от БМ Мухаммад Мурси³⁷, который, правда, формально

не был членом БМ, что никого не удивило в Египте, привыкшем к подпольному, но при этом успешному пребыванию «братьев» в политике. Характерно, что спикером нижней палаты парламента был избран член руководства египетских БМ, генсек ПСС Мухаммад Саад аль-Кататни (в прошлом парламенте – «независимый» депутат). Выборы в верхнюю палату, Маджлис шуры, продемонстрировал еще больший успех БМ, когда в условиях крайне низкой явки в целом большинство избирателей составили ангажированные исламисты, обеспечив своим депутатам 84% голосов.

Египетские БМ заняли ведущие позиции во всех ветвях государственной власти и были широко представлены на всех уровнях. Единственное и определяющее исключение составил «силовой блок», в котором большинство служащих не разделяли идею верховенства шариата, стояли на позициях сильного светского государства, а многие считали себя и вовсе сторонниками арабского социализма. Мощная оппозиция силовиков воспользовалась тем, что руководство Саудовской Аравии было заинтересовано в устранении БМ с региональной политической арены, а поэтому охотно предоставило средства для консолидации тех сил в Египте, которые убедились в полном отсутствии у исламистов при власти как внятной программы, так и умения управлять страной. Военный переворот 31 июля 2013 г. опрокинул власть «братьев». Вскоре восстановили запрет на участие в движении БМ, начались массовые аресты, суды, смертные приговоры. Ничем не прославившийся, правивший немногим более года, египетский президент от БМ Мухаммад Мурси скончался в заключении в июне 2019 г.

37 См. подробнее: Сарабьев А.В. (2012) Кого выбрал «весенний» Египет? // РСМД. 4 июля 2012 // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=451#top, дата обращения 31.10.2019.

Текущая трансформация Ближнего Востока: роль БМ

В своей новой книге «Крушение цивилизаций» французский писатель ливано-египетского происхождения, Амин Маалуф, пишет о мрачной репутации БМ, видя именно эту организацию за многими страшными терактами на протяжении десятилетий: «Противостояние между этой исламистской организацией и властями Каира ... знало на протяжении десятилетий множество кровавых эпизодов и длительных перемирий, за которыми всегда следовали рецидивы. Пока я пишу эти строки, оно все еще продолжается. Это столкновение, начавшееся в Египте в 20-е годы, имело последствия мирового масштаба: от Сахары до Кавказа, от гор Афганистана до нью-йоркских башен-близнецов, которые были атакованы и разрушены 11 сентября 2001 г. боевиками-самоубийцами во главе с египтянином-исламистом» [Maalouf 2019, p. 12].

Организация, игравшая на протяжении десятилетий ключевую роль в регионе как ведущая сила политического ислама, упоминалась и в сводках, и в аналитике, и в дипломатической переписке. Было известно о громких акциях, политических требованиях, перегруппировках сил «братьев». Однако в последние два десятилетия упоминание БМ становилось все более редким, за исключением, конечно их «египетского проекта» 2012–2013 гг. Все указывает на то, что БМ в регионе перешли к новой тактической фазе – уходу в тень в пользу новых радикальных групп исламистов, своего рода «прокси-действию».

Это очередное изменение тактики могло быть связано не столько с кризисными явлениями в движении, сколько, напротив, с глубинным пониманием момента: возможно, лидеры

БМ сочли крайне губительной для себя дискредитацию идей политического ислама через вооруженный и ожесточенный джихадизм, наблюдавшийся в Ираке, Сирии, Йемене, Ливии и др. БМ не афишировали своего участия в джихаде в этих странах, усиливая вместо этого свои позиции и набираясь сил в странах Запада.

Тем временем «исторические» исламистские организации на Ближнем Востоке испытывали кризис и заходили в тупик в контексте деятельности множества новых структур, стоящих на позициях джихадизма и такфиризма. Примером может выступать палестинская ХАМАС (Аль-харака аль-мукавама аль-исламия – Движение исламского сопротивления), с большим трудом пытающаяся совмещать в своей программе исламизм и национализм. Внутренняя конкуренция (с Фатх и другими палестинскими организациями) вкупе с постоянной борьбой за территории Палестины с израильтянами обеспечивают костяк идеологии этого, по сути, исламистского движения. Несмотря на былую поддержку ХАМАС со стороны иранцев, движение считают близким к БМ. В.М. Ахмедов так пишет об их непростой дилемме: «Лидеры ХАМАС были поставлены в затруднительное положение. С одной стороны, они пользовались всяческой поддержкой Дамаска, Тегерана и Хизбаллы, а с другой, будучи в основе суннитским движением, БМ не могли игнорировать позицию арабских стран с преимущественно суннитским населением, прежде всего Саудовской Аравии и Катара» [Ахмедов 2018, с. 67].

Два названных ближневосточных государства, используя в своих интересах потенциал религиозного аргумента, сделали ставку на разные лагеря исламистских сил регионального масштаба. Если КСА, наряду с некоторы-

ми другими странами Залива, оказывали в той или иной форме поддержку джихадистам, условно говоря, салафитского и ваххабитского толка, то Катар и Турция поддерживали вооруженные группы, близкие к БМ. Во многом именно этот выбор Катара обусловил тот ostracism, которому его подвергли страны Залива КСА, ОАЭ, Бахрейн, а также Йемен, Египет и Ливия, начиная с июня 2017 г.

Впрочем, истоки «катарского кризиса» можно проследить с 2012 г., когда Саудовская Аравия, Катар и Турция заключили секретное соглашение о мерах по свержению сирийского режима. Об этом, в частности, пишет российский востоковед В.Н. Саутов, указывая, что при этом «каналы переправки оружия и военного снаряжения в Сирию были предоставлены международной ассоциацией БМ» [Саутов 2019]. Среди группировок, пользовавшихся помощью со стороны Катара, он называет крупное объединение «Аль-джабха аль-исламия» (или «Исламский фронт»), созданное в ноябре 2013 г. для борьбы с сирийскими правительственными силами, коалицию «Джейш аль-фатх» (созданную в марте 2015 г. в Сирии ради объединения усилий противников Б. Асада в провинции Идлиб), «Харакат нур ад-дин аз-Занги», «Ах-рар аш-Шам», «Сукур аш-Шам», «Ан-сар аль-ислам» [Саутов 2019]. Не все они были близки к БМ: три последних группы из названных, к примеру, придерживались скорее салафитской направленности.

Этот факт показателен в том отношении, что до определенного момента Саудовская Аравия и Катар действовали согласованно, помогая зачастую одним и тем же экстремистским группам в Сирии. То есть цели как салафитов, так и «братьев» тактически совпадали и получали поддержку из обоих источников регионального джихадист-

ского спонсорства. Но в марте 2014 г. в Саудовском королевстве движение БМ было объявлено террористической организацией. Видимо, к этому времени окончательно выкристаллизовались два основных лагеря исламистских (суннитских) сил региона. К лету 2015 г. уже началась «война спонсоров». Остальные страны были вынуждены выбирать одну сторону и, в конце концов, в роли изгоя пытались представить Катар за его поддержку БМ. (Кстати, одно из обвинений Мухаммеду Мурси, приведших к пожизненному тюремному сроку, заключалось в контактах с Катаром, носивших антигосударственный характер.)

Тем временем значительно активизировалась Турция, где страной руководили политики с богатым исламистским прошлым. Созданная в 2001 и пришедшая к власти в стране уже в 2002 г. ПСР была близка к турецким БМ, но, памятуя о печальной судьбе запрещенных прежних исламистских партий Турции – Фазилет (1997–2001), а до нее Рефах (1983–1998) – смягчила тактику. Как пишет отечественный турколог Н.Г. Киреев: «Судя по всему, в намерения ПСР не входила очередная исламская революция, но растянутая на несколько лет постепенная и глубокая социально-экономическая реформация в духе умеренного исламизма... Но “умеренность” в данном случае предполагает лишь отказ от радикализма в текущей политической деятельности, а не в конечной цели – “мирного построения” шариатского государства» [Киреев 2017, с. 332–333].

Избранный ПСР сценарий «мягкой» исламизации собственного общества и, по возможности, соседних стран – Сирии и Ирака, совпадал со стратегией БМ в отношении конечной цели, заключавшейся в построении государства, живущего по мусульманским законам. Он ни в коем слу-

чае не предполагал насильственного возврата к абстрактному образу жизни «благочестивых предков» (ас-салаф ас-салих) и искоренения всех достижений светской цивилизации, например демократии. Однако этот сценарий подразумевал беспощадную борьбу с внутренними конкурентами (Фетхуллах Гюлен³⁸ с его движением Хизмет) и угрозами безопасности и территориальной целостности государства (в частности, пресловутая курдская угроза). Следует заметить, что при этом в риторике турецких властей практически невозможно найти отсылки к идеологии БМ, связь с «братьями» замалчивается.

Тем не менее идеологическая общность близких к БМ в масштабах макрорегиона партий и организаций не уменьшилась и периодически дает о себе знать. Она подчеркивалась, например, во время исторического визита одного из главных вдохновителей БМ, шейха и профессора Катарского университета Юсуфа аль-Карадави³⁹ в Сектор Газа в мае 2013 г., когда БМ уже почти год находились у власти в Египте. Его принимал лидер ХАМАС и глава палестинского правительства в Газе Исмаил Хания, который в своей речи выразился так: «Палестина сегодня приветствует шейха арабской весны, шейха революции и шейха джихада в Палестине».

В связи с визитом сообщалось, что, вслед за эмиром Катар, который незадолго до того приезжал в Газу, а также шейхом аль-Карадави, в скором времени Газу собирался посетить и премьер-министр Турции Реджеп Т. Эрдоган⁴⁰. Идеолог «Братства», между прочим, намекал на успех БМ, достигнутый именно в результате «арабской весны» в странах, где к власти пришли «братья». Он заявил: «Я уверен, что мы победим. Никто не думал, что люди одержат победу и сгонят тиранов, которые правили Египтом и Тунисом»⁴¹.

Что касается Туниса, то авторы аналитического доклада «Валдая» от августа 2013 г. писали: «Там исламисты также пытались летом 2012 г. установить шариат в качестве основы законодательства..., совет Шуры партии “Ан-Нахда” фактически самостоятельно определил на пост премьер-министра Али аль-Арайида, а последний, будучи еще министром внутренних дел, дал “зеленый свет” многочисленным салафитским милициям» [Ислам в политике 2013, с. 10–11]. В том же докладе указывалось, что военный переворот в Египте нанес серьезный удар по региональному значению БМ: это событие поначалу обескуражило руководство турецкой ПСР, а также «испугало лидеров движения ХАМАС», которые были воодушевлены успехом БМ в Египте и

38 По версии журнала Foreign Policy он был назван в 2008 г. самым влиятельным интеллектуалом планеты, в 2013 – в числе 500 самых влиятельных людей мира, тогда как по версии журнала Time был в числе сотни наиболее влиятельных жителей планеты. См.: Wittmeyer A.P.Q. (2013) The FP Power Map: The 500 Most Powerful People on the Planet // Foreign Policy, April 29, 2013 // <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/the-fp-power-map>, дата обращения 31.10.2019.

39 Интересно, что этот основатель Исламоведческого факультета в Дохе и глава Центра исламской умеренности и возрождения имени самого себя является лауреатом многих премий: Исламского университета в Малайзии, международной премии Священного Корана в Дубае, премии султана Брунея Хасанала Болкиаха и премии Аль-Овайс (ОАЭ). В 2008 г. он был назван журналом Foreign Policy третьим в ряду «20 ведущих интеллектуалов мира», а в 2011 г. в Иордании был награжден высшей в стране Медалью независимости. Professor Yousef A. Al-Qaradawi // King Faisal Prize // <https://kingfaisalprize.org/professor-yousef-a-al-qaradawi>, дата обращения 31.10.2019.

40 al-Mughrabi, Nidal (2013) Influential Muslim Cleric Visits Hamas-ruled Gaza // Reuters, May 9, 2013 // <https://www.reuters.com/article/us-palestinians-gaza-cleric/influential-muslim-cleric-visits-hamas-ruled-gaza-idUSBRE94714Y20130508>, дата обращения 31.10.2019.

41 Yusuf al-Qaradawi (2013) Brotherhood Spiritual and Intellectual Leader // Counter Extremism Project, May 9, 2013 // <https://www.counterextremism.com/content/yusuf-al-qaradawi-brotherhood-spiritual-and-intellectual-leader-may-9-2013>, дата обращения 31.10.2019.

ориентировались на них [Ислам в политике 2013, с. 56–57].

В дальнейшем роль БМ в региональном измерении была поставлена в зависимость от упомянутого противостояния ближневосточных игроков, использовавших исламистов как действенную силу для продвижения собственного видения будущего всего региона. Правящий дом «Хранителя двух благородных Святынь» был обеспокоен успехом БМ в масштабе, далеко превосходящем территории БВСА. К этой обеспокоенности присоединились Эмираты в лице амбициозного и столь же энергичного, как и саудовский первый наследник, эмира. За успехом БМ они могли ожидать взлет влияния Дохи, чего этот тандем допустить не мог, особенно в контексте хороших отношений Катара и Ирана. Политолог турецкого происхождения из Вашингтонского Института Ближнего Востока Бирол Башкан называет это попытками «уравновесить Катар» и даже «разрушить его завоевания в Египте, Ливии и Йемене, тех странах, которые сильно пострадали от арабской весны». Он рассуждает о своего рода разделении обязанностей между КСА и ОАЭ в их общем деле – нивелировать роль БМ и их основного финансового источника, Дохи. «В то время как в Ливии руководили проектом по уравновешиванию Катара ОАЭ, в Сирии работала Саудовская Аравия, правильно или ошибочно понимая вероятные завоевания “Братства” и джихадистов-салафитов в Сирии как завоевания Катара».

Тем временем вооруженная борьба исламистов «на земле» не прекращается. На территории Сирии продолжают оставаться значительные силы боевиков из разных структур, которые периодически объединяются, дробятся и перегруппируются, применяют тактический «ребрендинг» и даже изменяют методы борьбы. Пытаясь сохра-

нить образ «умеренных», БМ не демонстрируют своей вовлеченности в боевые действия. Тем не менее даже крайние исламисты, например организация «Хуррас ад-дин», не склонны недооценивать эту грозную силу: в начале 2019 г. мощная структура «Хайат тахрир аш-Шам» с целью усилить свои позиции в среде джихадистов предложила, как пишет В.М. Ахмедов, неприемлемым исламистам из «Хуррас ад-дин» создать вооруженную коалицию, военный совет которой могли возглавить представители в том числе БМ (а также «Сирийской свободной армии» и «Фейлак аш-Шам») [Ахмедов 2019, с. 218].

В свою очередь, Соединенные Штаты продолжают оставаться «над схваткой», даже несмотря на желание главы Белого дома внести БМ в список запрещенных организаций. Еще в начале 2014 г. в аналитической записке на имя президента Обамы сквозил пессимизм в отношении возможного контроля экстремистов из БМ: «Американская политика, вероятно, не сможет предотвратить радикализацию Братства, но может попытаться смягчить ее воздействие на интересы США и безопасность американцев... мы не хотим создавать самоисполняющееся пророчество, однако радикализация Братства, к сожалению, вероятна в нынешних условиях» [Memorandum 2014].

Однако даже «безопасность американцев» долго не становилась весомым поводом для беспочвенности: только в конце апреля 2019 г. (после консультаций с президентом Египта во время его визита в Вашингтон) стало известно о твердом намерении президента Трампа объявить движение БМ террористическим. Но уже само намерение вызвало недовольство и критику со стороны военных и спецслужб, обнаруживая явно разные подходы к этой одиозной организации среди аме-

риканских официальных лиц. «Пентагон, сотрудники службы национальной безопасности, правительственные юристы и дипломатические чиновники высказали возражения юридического и политического характера, они пытаются найти более умеренные меры, которые удовлетворили бы Белый дом», – писала «Нью-Йорк таймс»⁴². Кстати, серьезные угрозы Трампа «братьям» могут быть соотнесены с кризисом в отношениях с президентом Турции Эрдоганом, являясь рычагом давления на него, в том числе в виду его связей с турецкими БМ.

Заключение

Итак, в результате анализа истории «братьев» перед наблюдателем предстает стратегия «игры вдолгую» – долгосрочное планирование БМ своих задач ради главной цели. Не следует забывать, что переустройство региона, десятилетия жившего под светским правлением и даже испытывавшем мощнейшее влияние социалистических идей, не только заложено в программе БМ, но и «освящено» религиозными предписаниями. Ведь наилучшим для мусульман государственным устройством считается власть мусульманского властителя, правящего по мусульманским законам. Этот религиозный императив и реализуется организацией, выступавшей почти столетие как ведущая сила исламистов на Востоке. Интересы уммы рассматривались, судя по всему, в контексте идеальной модели политического ислама – халифата. Соответственно, каждый раз изменяющаяся военно-политическая обстановка диктовала «братьям» необходимость

менять повестку дня, краткосрочные тактические задачи.

По ходу их решения менялись и методы борьбы, и некоторые пункты программы БМ. Они переходили от увещаний, агитации, философии и общественной деятельности к более радикальным мерам – локальным восстаниям и мятежам, а от попыток политического участия и блокирования со сторонниками арабского социализма (как в начале 1950-х гг. в Египте) к терактам и провокациям (как это было в Сирии в 1970-е гг.) – в зависимости от развития ситуации. В последние годы наблюдается иная тактика «братьев»: они консолидируются, обзаводятся мощными информационными ресурсами на Западе взамен подвергшихся запрету на Ближнем Востоке, укрепляют свой статус «умеренных», выжидают удобный момент для дальнейшей реализации религиозно-политических амбиций.

Степень их самостоятельности или, наоборот, готовности выступать в качестве инструмента внешнего воздействия еще предстоит установить ученым. Пролить свет на эту проблему помогут внимательный анализ закрытых ранее документов и сопоставление исторических фактов, касающихся борьбы сторонников политического ислама за терпеливое воплощение своей программы-максимум. Волнообразный характер истории этого движения сохраняется. Предсказать очередную волну его активности не возьмется, наверное, никто. Но можно утверждать наверняка, что терпимость, или толерантность, БМ едва ли будет повышаться, тогда как их опыт нелегальной деятельности и способности к политическому лавированию будут только расти.

42 Savage Ch., Schmitt E., Haberman M. (2019) Trump Pushes to Designate Muslim Brotherhood a Terrorist Group // New York Times, April 30, 2019 // <https://www.nytimes.com/2019/04/30/us/politics/trump-muslim-brotherhood.html>, дата обращения 31.10.2019.

Список литературы

Ахмедов В.М. (2018) Сирийское восстание: история, политика, идеология. М.: ИВ РАН.

Ахмедов В.М. (2019) Турецкий выбор // Вестник Института востоковедения РАН. № 2(8). С. 214–220 // https://ivran.ru/f/%C2%ABVestnik_Institutu_vostokovedeniya_RAN%C2%BB_2019_%E2%84%962.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Бакланов А.Г. (2017) Пирамида Насера. Президент и его время. М.: ИВ РАН.

Ислам в политике: идеология или прагматизм? (2013) // Международный дискуссионный клуб «Валдай». Август. 2013 // <http://ru.valdaiclub.com/files/22563/>, дата обращения 31.10.2019.

Киреев Н.Г. (2017) Очерки политического ислама в Турции. М.: ИВ РАН.

Мохова И.М. (2019) Египет: вынужденная эволюция авторитаризма // Восток (Oriens) (в печати).

Ражбадинов М.З. (2013) Анатомия египетской революции – 2011: Египет накануне и после политического кризиса в январе–феврале 2011 г. М.: ИВ РАН.

Сарабьев А.В. (1) (2019) Заря исламистской проблематики Ближнего Востока: «Магометанское братство» в Сирии в начале XX в. // Minbar. Islamic Studies, no 3 (in print).

Сарабьев А.В. (2) (2019) Межконфессиональные отношения в свете вариантов депривационной теории // Религия и общество на Востоке. Вып. 3. С. 85–136 // https://elibrary.ru/download/elibrary_36781192_91146066.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Саутов В.Н. (2019) Исламистская «волна турбулентности» в Сирии: к сердцевине проблемы // Восток (Oriens). № 6 (в печати).

Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. (2015) Сирия накануне и

в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М.: Индрик.

Старченков Г.И. (2010) Проблемы исламской толерантности на Ближнем и Среднем Востоке // Белокреницкий В.Я., Зайцев И.В., Ульянов Н.Ю. (ред.) Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. М.: ИВ РАН, Крафт+. С. 267–284.

Филатов С.В. (2012) США – «Братья-мусульмане»: прагматизм без границ // Международная жизнь. 13 апреля 2012 // <https://interaffairs.ru/news/show/8415>, дата обращения 31.10.2019.

Athanasίου D. (2019) Muslim Brotherhood: The Matrix of “Political Islam” and Islamic Terrorism // *Aminia ke dhiplomatia*, no 5, pp. 24–26 (на греческом).

Başkan B. (2019) Turkey between Qatar and Saudi Arabia: Changing Regional and Bilateral Relations // *International Relations*, vol. 16, no 62, Special Issue: Caught in the Labyrinth: Syrian Crisis and Turkish Foreign Policy, pp. 85–99. DOI: 10.33458/uidergisi.588947

Copeland M. (1989) *The Game Player: Confessions of the CIA's Original Political Operative*, London.

Dreyfuss R. (1980) The Roots of the Muslim Brotherhood // *Executive Intelligence Review*, vol. 7, no 1, pp. 33–36.

Dreyfuss R. (2005) *Devil's Game: How The United States Helped Unleash Fundamentalist Islam*, New York: Metropolitan Books.

Frampton M., Rosen E. (2013) Reading The Runes? The United States And The Muslim Brotherhood As Seen Through The Wikileaks Cables // *The Historical Journal*, vol. 56, no 3, pp. 827–856. DOI: 10.1017/S0018246X13000150

Ghaddbian N. (2001) The New Asad: Dynamics of Continuity and Change in Syria // *Middle East Journal*, vol. 55, no 4, pp. 624–641 // <https://offiziere.ch/wp-content/uploads/The-New-Assad.pdf>, дата обращения 31.10.2019.

Karasik Th., Cheryl B. (2004) Muslim Diasporas and Networks // The Muslim World After 9/11, RAND Corporation, pp. 433–478.

Maalouf A. (2019) *Le Naufrage des Civilisations*, Paris: Grasset.

Memorandum: Muslim Brotherhood Radicalizes (2014). Memorandum to the President B. Obama from Daniel L. Byman and Tamara Cofman Wittes // Brookings, January 23, 2014 // <https://www.brookings.edu/research/muslim-brotherhood-radicalizes>, дата обращения 31.10.2019.

Moussalli A.S. (2011) Virtual Realities: Jihadi Universalism versus Neo-Imperialist Globalism / Report to the Conference “Use of the Internet to Counter the Appeal of Extremist Violence”, Naif Arab University for Security Sciences, Riyadh, Saudi Arabia, 24–26 January.

Priestland J. (ed.) (2004) *Islam: Political Impact 1908–1972*. British Documentary Sources. Archive Edition Ltd., 12 vols., vol. 1: 1908–1915, Slough: Archive Editions.

Quiggin T. (2014) *The Muslim Brotherhood in North America (Canada/USA): Sabotaging the Miserable House through the Process of Settlement and Civilization*

Jihad / Terrorism and Security Experts of Canada Network // https://d3n8a8pro7vh-mx.cloudfront.net/truthmustbetold/pages/93/attachments/original/1443021805/The_Muslim_Brotherhood_in_North_America.pdf?1443021805, дата обращения 31.10.2019.

Shafick H. (2013) Why Did the Muslim Brotherhood Survive in London? // Daily News Egypt, September 24, 2013 // https://www.academia.edu/28973926/Why_did_the_Muslim_Brotherhood_survive_in_London, дата обращения 31.10.2019.

The Muslim Brotherhood (2015). Clarion Project Special Report, June // <https://clarionproject.org/wp-content/uploads/Muslim-Brotherhood-Special-Report.pdf>, дата обращения 31.10.2019.

Vidino L. (2011) *The Muslim Brotherhood in the West: Characteristics, Aims and Policy Considerations* / RAND Corporation, CT-358; Testimony Presented before the House Permanent Select Committee on Intelligence, Subcommittee on Terrorism, HUMINT, Analysis, and Counterintelligence on April 13 // <http://www.rand.org/pubs/testimonies/CT358/>, дата обращения 31.10.2019.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-183-208

Patience as Art to Hide Intolerance, or the Muslim Brotherhood's Long-term Strategy to Change the Middle East

Aleksei V. SARABIEV

PhD in History, Leading Researcher, Centre of Arabic and Islamic Studies
Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, 107031, Rozhdestvenka
St., 12, Moscow, Russian Federation
E-mail: alsaraby@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-9796-2411

CITATION: Sarabiev A.I. (2019) Patience as Art to Hide Intolerance, or the Muslim Brotherhood's Long-term Strategy to Change the Middle East. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 183–208 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-183-208

Received: 25.08.2019.

ABSTRACT. *Muslim Brotherhood is listed as prohibited organization in a number of countries, including Russia. Nevertheless, in different periods and in different countries of the MENA region it turned out to be well represented in the legal political field. The temporary failures of this largest branch of political Islam of a radical nature have not yet led to a fatal loss of the organization in the competition between different Islamic groups, or to defeat as a result of repression. The author explores the problem of such stability of an extremist organization for many decades. He defends the hypothesis of its long-term strategic action planning along with the accepted tactics of waiting for a convenient moment for the realization of power ambitions. To analyze the strength of the social base, a variant of the deprivation theory is proposed, which was considered in detail in other works of the author. The historical origins of the organiza-*

tion are identified using published as well as unpublished archival documents. A historical retrospective substantiates the assumption that a prototype of this structure used to be existed in Istanbul and Damascus back in the period immediately following the Young Turks revolution in the Ottoman Empire. The strongest external factor in the development of MB is emphasized. It is support throughout the history of the movement from forces outside the region, which have seen and continue to see the possibility for themselves of a tactical alliance with the Islamists of this direction to realize their own ideas and pursue their interests in the East.

KEY WORDS: *terrorist organization Muslim Brotherhood (Moslem Brethren, Muslim Brothers, Al-Ikhwan al-Muslimun), Islamism strategy and tactics, political Islam, Islamism in the Eastern countries*

References

- Akhmedov V.M. (2018) *Syrian Uprising: History, Politics, Ideology*, Moscow: IOS RAS (in Russian).
- Akhmedov V.M. (2019) Turkish Choice. *Vestnik Instituta vostokovedeniya*, no 2(8), pp. 214–220. Available at: https://ivran.ru/f/%C2%ABVestnik_Institutu_vostokovedeniya_RAN%C2%BB_2019_%E2%84%962.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Athanasiou D. (2019) Muslim Brotherhood: The Matrix of “Political Islam” and Islamic Terrorism. *Amina ke dhiplomatia*, no 5, pp. 24–26 (in Greek).
- Baklanov A.G. (2017) *Pyramid of Nasser. President and His Time*, Moscow: IOS RAS (in Russian).
- Başkan B. (2019) Turkey between Qatar and Saudi Arabia: Changing Regional and Bilateral Relations. *International Relations*, vol. 16, no 62, pp. 85–99. DOI: 10.33458/uidergisi.588947
- Copeland M. (1989) *The Game Player: Confessions of the CIA's Original Political Operative*, London.
- Dreyfuss R. (1980) The Roots of the Muslim Brotherhood. *Executive Intelligence Review*, vol. 7, no 1, pp. 33–36.
- Dreyfuss R. (2005) *Devil's Game: How The United States Helped Unleash Fundamentalist Islam*, New York: Metropolitan Books.
- Filatov S.V. (2012) USA–Muslim Brotherhood: Pragmatism Without Borders. *International Affairs*, April 13, 2012. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/8415>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Frampton M., Rosen E. (2013) Reading The Runes? The United States And The Muslim Brotherhood as Seen Through The Wikileaks Cables. *The Historical Journal*, vol. 56, no 3, pp. 827–856. DOI: 10.1017/S0018246X13000150
- Ghaddbian N. (2001) The New Asad: Dynamics of Continuity and Change in Syria. *Middle East Journal*, vol. 55, no 4, pp. 624–641. Available at: <https://offiziere.ch/wp-content/uploads/The-New-Assad.pdf>, accessed 31.10.2019.
- Islam in Politics: Ideology or Pragmatism? (2013). *Discussion Club “Valdai”*, August 2013. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/22563/>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Karasik Th., Cheryl B. (2004) Muslim Diasporas and Networks. *The Muslim World After 9/11*, RAND Corporation, pp. 433–478.
- Kireyev N.G. (2017) *Essays on Political Islam in Turkey*, Moscow: IOS RAS (in Russian).
- Maalouf A. (2019) *Le Naufrage des Civilisations*, Paris: Grasset.
- Memorandum: Muslim Brotherhood Radicalizes (2014). Memorandum to the President B. Obama from Daniel L. Byman and Tamara Cofman Wittes. *Brookings*, January 23, 2014. Available at: <https://www.brookings.edu/research/muslim-brotherhood-radicalizes>, accessed 31.10.2019.
- Mokhova I.M. (2019) Egypt: the Forced Evolution of Authoritarianism. *Vostok (Oriens)* (in Russian) (in print).
- Moussalli A.S. (2011) *Virtual Realities: Jihadi Universalism versus Neo-Imperialist Globalism* / Report to the conference “Use of the Internet to Counter the Appeal of Extremist Violence”, Naif Arab University for Security Sciences, Riyadh, Saudi Arabia, 24–26 January.
- Priestland J. (ed.) (2004) *Islam: Political Impact 1908–1972*. British Documentary Sources. Archive Edition Ltd., 12 vols., vol. 1: 1908–1915, Slough: Archive Editions.
- Quiggin T. (2014) *The Muslim Brotherhood in North America (Canada/USA): Sabotaging the Miserable House through the Process of Settlement and Civilization Jihad, Terrorism and Security Experts of Canada Network*. Available

at: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/truthmustbetold/pages/93/attachments/original/1443021805/The_Muslim_Brotherhood_in_North_America.pdf?1443021805, accessed 31.10.2019.

Razhbadinov M.Z. (2013) *Anatomy of the Egyptian Revolution 2011: Egypt on the Eve and after the Political Crisis of January-February 2011*, Moscow: IOS RAS (in Russian).

Sarabiev A.V. (1) (2019) Dawn of the Islamic Problems of the Middle East: the “Mohammedan Brotherhood” in Syria in the Early XX Century. *Minbar. Islamic Studies*, no 3 (in Russian) (in print).

Sarabiev A.V. (2) (2019) Interfaith Relations in the Light of Variants of the Deprivation Theory. *Religiya i obshchestvo na Vostoke*. Issue 3, pp. 85–136. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36781192_91146066.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Sautov V.N. (2019) Islamist “Wave of Turbulence” in Syria: to the Core of the Problem. *Vostok (Oriens)*, no 6 (in Russian) (in print).

Shafick H. (2013) Why Did the Muslim Brotherhood Survive in London? *Daily*

News Egypt, September 24, 2013. Available at: https://www.academia.edu/28973926/Why_did_the_Muslim_Brotherhood_survive_in_London, accessed 31.10.2019.

Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M. (2015) *Syria on the Eve of and during the Period of the Young Turks Revolution, Based on Materials of Consular Reports*, Moscow: Indrik (in Russian).

Starchenkov G.I. (2010) The Problems of Islamic Tolerance in the Near and Middle East. *Russia and the Islamic World: Historical Retrospective and Modern Trends* (eds. Belokrenitskij V.Ya., Zajtsev I.V., Ul'chenko N.Yu.), Moscow: IOS RAS, Kraft+, pp. 267–284 (in Russian).

The Muslim Brotherhood (2015). Clarion Project Special Report, June. Available at: <https://clarionproject.org/wp-content/uploads/Muslim-Brotherhood-Special-Report.pdf>, accessed 31.10.2019.

Vidino L. (2011) *The Muslim Brotherhood in the West: Characteristics, Aims and Policy Considerations*, RAND Corporation, April 13. Available at: <http://www.rand.org/pubs/testimonies/CT358/>, accessed 31.10.2019.

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-209-227

«Новый регионализм» в Африке: форма приспособления к глобализации или попытка противодействия современному неокOLONиализму?

Евгения Викторовна МОРОЗЕНСКАЯ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая
Центром изучения проблем переходной экономики

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки
РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация

E-mail: evmorozen@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6311-1718

ЦИТИРОВАНИЕ: Морозенская Е.В. (2019) «Новый регионализм» в Африке: форма приспособления к глобализации или попытка противодействия современному неокOLONиализму? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 209–227. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-209-227

Статья поступила в редакцию 09.09.2019.

АННОТАЦИЯ. *Статья построена на последовательном анализе проблем эволюции и взаимосвязи ключевых для африканских государств явлений – глобализации, регионализма и неокOLONиализма. Противодействием со стороны постколониальной Африки стремлению транснациональных корпораций осуществить «вертикальную» интеграцию с получившими независимость странами стало продвижение в ней «горизонтальной» интеграции – региональной и общеафриканской. В 1980–1990-х годах в результате чрезмерного форсирования либерализации африканских экономик интеграционные процессы активизировались, а в ответ на вызовы современной глобализации – ускорились и в значительной мере преобразовались. На смену по большей части декларативным договорам о сотрудничестве при-*

ли комплексные программы, принятые всеми государствами – членами Африканского союза (АС) – «Глобальная стратегия оптимизации использования ресурсов Африки во благо всех африканцев» (2013–2063), базирующаяся на признанном АС успешным опыте восьми региональных группировок, и соглашение о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли (2019).

«Новый регионализм», возникший вследствие включения в сферу межгосударственного взаимодействия проблем безопасности, экологии, культуры, стал отражением глубоких сдвигов в традиционном международном разделении труда, вызывая необходимость структурных преобразований в экономике стран континента.

Наблюдающееся в Африке пересечение процессов экономической интеграции и

либерализационных требований глобализации не пугает африканские государства от влияния современного неокOLONиализма. При этом утрачивает актуальность отождествление процесса глобализации как с «вестернизацией» (в условиях активного влияния на мировую, включая африканскую, экономику «восходящих» стран Востока), так и с неокOLONиализмом (представляющим собой не процесс, а статическую модель неравноправных экономических взаимоотношений между различными странами и/или их группами).

Будучи составной частью экономической периферии мира и реализуя на практике принципы нового регионализма, африканские государства остаются одновременно и субъектами процесса глобализации, и объектами неокOLONиального воздействия. Это мешает им приспособиться к требованиям Четвертой промышленной революции, но усиливает стремление качественно изменить характер взаимодействия между континентальными институтами и международными экономическими и надгосударственными организациями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, регионализм, глобализация, неокOLONиализм, экономическая интеграция, новый регионализм, периферия глобальной экономики, технологическое развитие

Происходящие в последние годы изменения в геэкономической конфигурации мира в наибольшей степени затрагивают положение развивающихся стран и регионов, которые не представляют собой внутренне компенсируемую социально-экономическую систему, что делает их недостаточно устойчивыми в политическом и хозяйственном отношении. В условиях постепенного снижения (в том числе вследствие мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и посткризисной рецессии)

уровня поддержки со стороны традиционных внешнеэкономических партнеров эти страны начинают тяготеть к новым центрам экономического роста, способным обеспечить по крайней мере сохранение, а по возможности – улучшение их позиций в мировой экономике. При этом упрочивается ситуация, при которой во внешнеэкономических отношениях развитых экономик традиционные сравнительные преимущества уступили место конкурентным преимуществам, в то время как в остальных странах именно сравнительные преимущества, сохраняющиеся десятилетиями практически в неизменном виде, продолжают определять промышленную и внешнеторговую политику, препятствуя реальным хозяйственным преобразованиям.

Соответственно, глобализация, которая является следующей за интернационализацией фазой циклического процесса превращения мирового хозяйства в единый рынок товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и знаний, оценивается представителями африканской интеллектуальной и политической элиты неоднозначно: она рассматривается ими либо как очередной этап закрепления существующих (как правило, неравноправных) позиций стран континента в мировой экономике в качестве источника доступного, нередко уникального, сырья и дешевой рабочей силы, либо как объективный процесс, к которому необходимо приспособиться и использовать в своих национальных и региональных интересах. Изменить свое положение во всемирном хозяйстве африканские государства пытаются при помощи, во-первых, происходящей в XXI в. смены вектора их внешнеэкономического сотрудничества с условного Запада на условный Восток [Дейч, Корендясов, Ненашев 2018], а во-вторых – все более заметного стремления к регионализму.

Переориентирование Африки на активное экономическое взаимодействие

с вошедшими в число ведущих экономик мира «восходящими» странами во главе с Китаем и Индией уже сказалось на определенном изменении характера и масштабов их связей с традиционными внешнеэкономическими партнерами – государствами – членами Европейского Союза и США [Абрамова, Морозенская 2016, раздел 4]. Как отмечает известный российский африканист Л.Л. Фитуни, «Африка превратилась в приоритетную территорию геостратегического соперничества Китая и США», а бывшие метрополии (в первую очередь Франция, ЕС в целом и особенно Великобритания, рискующая в результате брекзита утратить значительную часть своих рынков) стремятся «отвоевать несколько утерянные позиции» в Африке¹.

Формирование регионализма в Африке

Тенденция к усилению регионализма в рассматриваемом нами контексте проявляется прежде всего в заметном распространении интеграционных процессов – и на субрегиональном, и на континентальном уровне – в целях выработки и реализации единой стратегии социально-экономического развития. Для этого все чаще используются не только межгосударственные, но и наднациональные инструменты регулирования, а также новые формы организации и развития производства, в некоторых случаях – с учетом возможностей встраивания в международные цепочки создания добавленной стоимости.

Процесс глобализации не только не отменил, но даже упрочил позиции уже

устоявшегося в Африке явления – межгосударственной экономической интеграции. Стоит отметить, что активнее всего в настоящее время развиваются как исторически начальные (торговые), так и наиболее современные (инвестиции в инфраструктуру, в том числе информационную) направления интеграционного сотрудничества. Однако, как считает российский политолог Я. Лисоволик, «развитие региональных интеграционных форматов не сопровождается их интеграцией в глобальную архитектуру экономики», в отличие от мегарегиональных и трансрегиональных блоков, которые «создают основу для новой архитектуры мировой экономики» [Лисоволик 2019, с. 4].

Между тем современная экономическая интеграция – это далеко не то явление, с каким наука и хозяйственная практика имели дело при зарождении экономических союзов государств в годы после Второй мировой войны в Европе и в начальный период деколонизации в 1960-е гг. в Африке. Тогда первый президент Ганы Кваме Нкрума выдвинул идею о необходимости создания общеконтинентальной федерации африканских государств (по сути, их «горизонтальной» интеграции) как формы противодействия новой колонизации Африки при помощи своеобразной «вертикальной» интеграции (независимых государств с транснациональными корпорациями, ТНК). Он считал, что поскольку ТНК осуществляют стратегию коллективного господства, то необходимо противопоставить им стратегию коллективного противодействия, а для этого провести перегруппирование африканских государств на политической и экономической ос-

1 Чуриков А. (2019) Великая зона. Лидеры африканских государств достигли исторического соглашения // Российская газета. 8 июля 2019 // <https://rg.ru/2019/07/08/lidery-stran-afriki-dogovorilis-o-zapuske-zony-svobodnoj-torgovli.html>, дата обращения 31.10.2019.

нове, создав их региональные и обще-континентальную группировки. Основой этого процесса должна была стать индустриализация, прежде всего в тех секторах, где возможно производство собственной готовой продукции с целью постепенного замещения ею товаров западного производства.

На Западе проект межафриканской интеграции был воспринят в тот период негативно, поскольку предполагал определенное выключение Африки из мирохозяйственных связей, вступая в противоречие с набиравшим силу с 1950-х гг. процессом глобализации [Морозенская 2008]. Глобализация проявлялась в росте масштабов и стоимости международной торговли; создании межгосударственных объединений стран-производителей и экспортеров отдельных видов товаров, прежде всего сырьевых; активизации деятельности ТНК (именно тогда появилось понятие «транснационализация национальных экономик»).

Ожидаемой реакцией обретших независимость африканских государств на постепенное нарастание глобализационного влияния стала активизация регионализма: вначале в формате межгосударственного взаимодействия соседних стран – преимущественно в сфере взаимных торговых и отчасти производственных связей, а начиная с 1980-х гг. (в значительной степени под влиянием агрессивного продвижения в них либеральных реформ, разработанных Международным валютным фондом и Всемирным банком) – в виде расширения взаимодействия (причем не только межправительственного, но и между негосударственными структурами) в различных сферах, среди которых особое значение стало придаваться, наряду с экономикой и политикой, также культуре, безопасности, экологии. Это явление получило название *нового регионализма*, представляющего собой, по мнению авторов этой идеи

шведских ученых Б. Хеттне и Ф. Содербаума, многоуровневый процесс, связанный с обретением региональным пространством однородности в перечисленных выше областях и протекающий на глобальном, межрегиональном и внутрирегиональном уровнях [Hettne, Soderbaum 2000]. (Применительно к Африке речь может идти, как представляется, прежде всего о внутрирегиональном, а в перспективе, возможно, и о континентальном уровне.)

Понятия «регион», «регионализм», «региональность» в последнее время привлекают все большее внимание исследователей и практиков. Развитие отдельных территорий – как внутри одной страны, так и в пределах группы соседних стран или целого континента – рассматривается обычно в рамках теории пространственной экономики, в которой регион *выступает* как важнейший структурообразующий элемент мирового и национальных хозяйств, «где происходит углубление и развитие процессов разделения труда, формирование и взаимопересечение всех видов общественных отношений, их субъектов и объектов» [Кокушкина 2014, с. 41].

В ряде случаев категория «регион» рассматривается как связующее звено между различными подходами к системному изучению территориально-экономического целого – на уровне либо одной страны, либо нескольких, как правило соседних, стран (независимо от того, оформлена ли их интеграционная группировка или они фактически являются иерархически организованной группой стран со взаимодополняющими связями между ядром и периферией). При этом, в отличие от развитых государств, ориентирующихся в первую очередь на устранение существенных межрегиональных различий в показателях уровня безработицы и дохода на душу населения, в африканских странах первоочередными пока остаются

проблемы, связанные с географическим размещением производства.

Решение этих проблем зависит от многих факторов, среди которых наиболее важными неизменно являются два: 1) природные условия и характер производственной деятельности (добыча полезных ископаемых или выращивание сельскохозяйственных культур; производство промежуточных продуктов или готовых изделий; предоставление услуг производственного или непроизводственного характера); 2) сравнительные затраты на производство одного и того же товара или услуги на различных территориях, а также расстояние до потенциальных потребителей и/или до перевалочных пунктов (как правило, океанских портов). Именно эти факторы определяют эффективность и конкурентоспособность производства как основы для обеспечения экономического развития той или иной территории. При этом если первый фактор (являющийся определяющим при производстве первичных продуктов – добыче минерального сырья и выращивании сельскохозяйственных культур) действует в Африке на протяжении столетий, то второй фактор (влияющий на снижение издержек производства конечного продукта за счет выбора региона с более низкой стоимостью труда и/или возможностями для частных инвесторов получить субсидии и налоговые льготы) стал важен для стран континента лишь в последние десятилетия. Потребность в активном привлечении в экономику частного капитала, прежде всего иностранного, стимулирует правительства развивать территории (зоны), официально выделенные для коммерческого и промышленного использования.

Сложившееся к настоящему времени понятие регионализации как практического межгосударственного хозяйственного взаимодействия (в отличие от регионализма, представляюще-

го собой в значительной степени политико-идеологический феномен) включает различные формы территориально-производственной организации сотрудничества и мер экономической политики. По классификации известного французского африканиста Ф. Югона [Hugon 2012, pp. 101–102], к таким мерам относятся: интенсификация товарообмена за счет отмены внутренних ограничений (зона свободной торговли), введение общего внешнеторгового тарифа (таможенный союз) и изменение характера передвижения факторов производства (общий рынок). Осуществляется это посредством: либо координации хозяйственной и/или социальной политики (экономический союз), либо реализации совместных проектов (региональное, или функциональное, сотрудничество), либо роста экономической взаимозависимости, ведущей к тесному хозяйственному сближению (интеграция рынков), либо усиления международных связей на уровне производственных сетей и отдельных предприятий (производственная интеграция), либо агломерации и повышения взаимосвязанности инфраструктурных объектов на транснациональных территориях (территориальная интеграция). В ряде случаев регионализация может приводить к изменению установленных правил или к передаче (делегированию) суверенных прав национальных институциональных структур наднациональным органам (институциональная интеграция или федеративный регионализм).

Действительно, как показывает практика, например, Европейского союза, процесс экономической интеграции, начинающийся с либерализации взаимной торговли стран-участниц, затем – устранения ограничений в движении капиталов и рабочей силы, при соответствующих условиях может привести к созданию единого экономическо-

го, правового, информационного пространства в рамках региона. Этому обмену стараются следовать и региональные экономические группировки африканских стран. По сути, они придерживаются парадигмы линейной (linear) рыночной интеграции, предполагающей поэтапное объединение национальных рынков товаров, труда, капитала и, по возможности, национальных валютных и налоговых систем стран-участниц.

В настоящее время интеграционные объединения в Африке развивают многоуровневое сотрудничество – от внутриотраслевого до общеполитического. Это объективно обусловлено многочисленностью африканских государств, их, как правило, малыми размерами и нередко анклавным территориальным расположением, а главное – схожестью их политического устройства и соответственно форм деятельности институциональных структур и путей формирования в них национальной идентичности. Свое отражение этот процесс находит в регионализме «де-юре» (официальное создание группировок и подписание соглашений о сотрудничестве, прежде всего в сфере торговли) и регионализме «де-факто» (реальное продвижение торговых, финансовых, технологических, культурных и прочих связей).

К регионализму «де-юре», в значительной мере политическому, относится, в первую очередь, базирующееся на идеях панафриканизма объединение государств в масштабе всего континента. К регионализму «де-факто» можно отнести региональную экономическую интеграцию – по крайней мере, ту степень ее фактической реализации, которая способствует, помимо активизации обмена факторами производства и координации хозяйственной и социальной политики стран-участниц, также нивелированию политических разногласий между ними, в т. ч. по территориальным вопросам [Hugon 2012, p. 100].

Общеконтинентальная политическая интеграция, начавшаяся с создания в 1963 г. Организации Африканского Единства (ОАЕ) с целью укрепления и координации межгосударственного сотрудничества в различных сферах деятельности, с течением времени все больше подкреплялась экономическими интересами африканских элит. Поэтому в центре внимания ОАЕ неизменно оставалась задача реализации соглашения 1994 г. о создании Африканского экономического сообщества (АЭС) на базе четырех региональных группировок: Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС, ECOWAS), Сообщества развития Юга Африки (САДК, SADC), Таможенного и экономического союза Центральной Африки (ЮДЕАК, UDEAC) и Экономического и валютного союза Западной Африки (ЮЭМАО, UEMAO). Кроме того, важным свидетельством формирования континентальной экономической политики стало решение Африканского банка развития (АфБР) об открытии в 1982 г. доступа к вложениям в акционерный капитал банка (до 30% авуаров) 24 неафриканским партнерам. Это способствовало увеличению количества и размеров целевых кредитов АфБР на реализацию региональных, прежде всего инфраструктурных, проектов.

Набравшая ускорение на рубеже веков глобализация стала вызовом для наименее развитых стран, стимулом для совместного решения ими усложняющихся экономических проблем. Это привело к замене ОАЕ на новую общеконтинентальную организацию – Африканский Союз (АС, 2000 г.), главной целью которого в соответствии с лозунгами движения «Африканский ренессанс» было объявлено: «способствовать социально-экономическому развитию Африки и противостоять более эффективно вызовам глобализации» [Африка 2010].

Одним из первых заметных действий АС стало принятие программы «Новое партнерство для развития Африки», НЕПАД (New Partnership for Africa's Development, NEPAD). В отличие от предыдущих, по большей части декларативных социально-политических программ, прежде всего Лагосского плана действий 1980–2000 гг., новый проект предполагал значительное расширение функций общеафриканских организаций и их постепенное преобразование из исключительно политических в социально-экономические структуры. Для этого в состав АС были включены Экономический и социальный совет и такие финансовые организации, как Центральный и Инвестиционный банки. В соответствии с принципами НЕПАД, основной предпосылкой эффективного развития Африки была объявлена мобилизация ресурсов [Маценко 2005; Васильев 2003, с. 234].

Международное сообщество стало рассматриваться не как противостоящая Африке внешняя сила, а как важный участник нового партнерства, обязующийся предоставлять официальную помощь развитию (ОПР) в большем размере (0,7% ВВП взамен прежних 0,3%). Кроме того, согласно принятому странами G8 в 2002 г. «Плану действий по Африке» (Africa Action Plan), предусматривалось также дальнейшее списание или сокращение долгов африканских государств, расширение доступа экспортных товаров наименее развитых стран (НРС) континента на западные рынки без квот или пошлин, приток иностранных частных инвестиций с целью ускорения роста экономики в НРС и сокращения масштабов бедности. Часть этих мероприятий была осуществлена, но полному выполнению плана помешал мировой финансово-экономический кризис.

В продолжение идей программы НЕПАД, в 2013 г. всеми государствами –

членами АС была принята рассчитанная на 50 лет «Глобальная стратегия оптимизации использования ресурсов Африки во благо всех африканцев» (“A global strategy to optimize use of Africa's resources for the benefits of all Africans”). Важнейшими достижениями независимой Африки в XX в. в ней названы возрождение идей panaфриканизма, единства, опоры на собственные силы, интеграции и солидарности [Agenda-2063 2015], а главными препятствиями на пути развития – нерешенные проблемы политического и институционального обновления на континенте, а также мобилизации финансовых ресурсов и изменения характера взаимосвязей Африки с остальным миром.

В связи с этим понятным становится восприятие африканскими лидерами феномена глобализации – как окна возможностей, а именно:

- «сдвиги в мировой экономике вследствие глобализации и ИТ-революции, позволяющие отдельным странам и целым регионам совершить кардинальные прорывы, которые будут способствовать преодолению бедности, повышению доходов и ускорению социально-экономической трансформации. В настоящее время это становится реальным для большинства африканских стран, совершающих переход к рынку на фоне ускорения экономического роста за счет стимулирования торговли и инвестиций;
- появление новых возможностей для развития и инвестиций, обусловленное сочетанием таких факторов, как: беспрецедентно устойчивый положительный рост экономики многих африканских стран в результате разумной макроэкономической политики в условиях высоких экспортных цен; значительное уменьшение числа во-

оруженных конфликтов в сочетании с прогрессом в управлении; быстрый рост африканского предпринимательства и среднего класса на фоне преобладания молодежи, что может послужить катализатором дальнейшего роста и технологического прогресса; изменения в мировой финансовой архитектуре, рост влияния БРИКС и увеличение притока ПИИ в Африку, причем не только в товарное производство» [Agenda-2063 2015].

Учитывая чрезвычайно продолжительный срок общего предложенного плана (50 лет), предполагается использовать для стратегического планирования систему так называемых скользящих планов (rolling plans): на 25, на 10 и на 5 лет, а также краткосрочные текущие планы действий.

Осуществление первого 10-летнего плана (2014–2023) в рамках 50-летней стратегии предполагает достижение семи главных целей:

1. успешная Африка на основе инклюзивного роста и устойчивого развития;
2. континент, объединенный политически на идеях panaфриканизма и идеалах Африканского ренессанса;
3. хорошее управление, демократия, соблюдение прав человека, верховенство закона;
4. мирная и безопасная Африка;
5. Африка с сильной культурной идентичностью, общим наследием и этикой;
6. развитие, основанное на использовании человеческого потенциала, особенно женщин и молодежи;
7. сильная, объединенная Африка как влиятельный международный игрок и партнер.

Важнейшим направлением достижения этих целей в Повестке дня – 2063,

в продолжение принципов программы НЕПАД, объявлено активное продвижение процессов экономической интеграции на континенте. Добавим к этому, что защите развивающихся стран от отрицательных последствий финансовой глобализации, сопровождающейся ростом нестабильности и высокими рисками, может способствовать и расширение региональной валютно-финансовой интеграции, что особенно актуально для Тропической Африки, где несколько относительно успешных интеграционных союзов (ЮЭМАО, ЮДЕАК и Восточноафриканское сообщество, ВАС) сформировались на основе действующих валютных зон.

Начинает реализовываться и давняя общеконтинентальная цель – создание Африканского экономического сообщества. Первым шагом в этом направлении стало подписание почти всеми африканскими государствами в 2018 г. Соглашения о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли, АКЗСТ (African Continental Free Trade Area, AfCFTA), а также протоколов о свободном перемещении граждан по территории зоны и о либерализации ее участниками 90% тарифных линий.

Окончательное решение о запуске зоны было принято в июле 2019 г. на внеочередном саммите АС в Нигере после ратификации Соглашения о АКЗСТ крупнейшей экономикой Африки – Нигерией, а также Бенином. Таким образом, решение принято 54 государствами континента из 55 (не подписала его только Эфиопия) [Чуриков 2019]. В случае успешной реализации этот проект приведет к созданию крупнейшей в мире по числу участников зоны свободной торговли с рынком, объединяющим население 54 стран-членов АС (1,3 млрд чел.) и более 3,4 трлн долл. США их совокупного ВВП [African Leaders 2018]. По оценке АфБР, деятельность АКЗСТ может обеспечить

к 2022 г. рост внутриафриканской торговли на 52,3% по сравнению с прогнозом на основе действующей модели [Deepening Regional Integration in Africa 2012]. Это обстоятельство, в свою очередь, может сыграть заметную роль в диверсификации африканских экономик за счет перехода от производства товаров с низкой добавленной стоимостью к постепенному внедрению региональных цепочек создания стоимости, в частности с использованием значительного потенциала в апгрейде готовой продукции. В конечном счете, это может улучшить позиции Африки и на мировых рынках несырьевых товаров, а к 2050 г. совокупный ВВП стран Африки может достичь, по оценке экспертов Всемирного банка, 29 трлн долл. [Интеграционные инициативы в современном мире 2019]. В результате создание АКЗСТ обеспечит, как ожидается, в Африке единый формат продвижения стратегии «регионализма развития» (developmental regionalism).

Эволюция межафриканской экономической интеграции

На первый взгляд, на общеконтинентальном уровне происходит сближение политического и экономического регионализма. Вместе с тем это является отражением более глубоких сдвигов в традиционном понимании международного разделения труда в условиях возросших скоростей движения капиталов, быстрых технологических перемен, эволюции методов менеджмента и маркетинга. Это вызывает необходимость для каждой страны структурных преобразований в экономике и регулировании, что, в свою очередь, требует определенного пересмотра самого понятия «экономическая интеграция».

Для большинства межгосударственных экономических объединений раз-

вивающихся стран, в том числе африканских, характерен «классический» путь развития от формальной интеграции (подписания межправительственных соглашений о создании интеграционной группировки) к реальной интеграции (созданию и/или закреплению уже существующих и формирующихся экономических взаимосвязей стран-партнеров). Несовпадение, а в ряде случаев даже противоречие между формальной и реальной экономической интеграцией носит, как правило, переходящий характер, поскольку оно в любом случае преодолевается: либо распадается нежизнеспособная группировка, либо, в случае совпадения целей ее участников, они проводят согласованную экономическую политику, как правило в рамках конкретных проектов развития.

Наблюдающийся в мире с конца XX в. неуклонный рост роли государства в регулировании экономики проявляется и во внешнеэкономической сфере, причем не только в традиционных (международная торговля, финансовые потоки, миграция рабочей силы), но и в новых (прежде всего информационно-коммуникационные технологии), обусловленных глобализацией и общемировым переходом к новому технологическому укладу, направлениях. Это вызывает необходимость расширения и реформирования наднационального регулирования и способствует росту количества межгосударственных объединений и числа их участников, затрагивая как высоко- и среднеразвитые, так и развивающиеся государства.

В Африке, в силу ее зависимого положения в системе мирового хозяйства, интеграционные процессы имеют свои особенности, которые сказываются на последовательности проводимых в странах – участницах реформ, а также на формах и содержании регионального сотрудничества. Здесь тем-

пы региональных преобразований зависят не только от уровня, но и в большей степени от особенностей социально-экономического развития стран-партнеров. Эти особенности обусловлены значительным влиянием традиционных институтов, норм и обычаев их хозяйственной культуры, что особенно характерно для наименее развитых стран, преобладающих в Тропической Африке. Схожесть проблем развития, с одной стороны, заставляет их искать решение этих проблем сообща, а с другой стороны, является тормозом в хозяйственном развитии группировки в целом. В результате заявленные ранее ими цели по созданию общего рынка стран-участниц достигаются лишь частично, да и то далеко не всеми региональными сообществами. Это побуждает исследователей относить некото-

рые из них, в том числе африканские, к числу интеграционных «объединений-пустоцветов» [Шишков 2001, гл. 3].

Последнее не относится к восьми региональным экономическим сообществам, выделенным Африканским союзом в качестве опоры общеафриканской интеграции. «Дорожная карта» новой общеконтинентальной стратегии, «Повестка дня-2063» («Agenda-2063»), базируется на активном продвижении различных вариантов региональной экономической интеграции, исходя из того, что «наличие общих целей не исключает выработки различных путей их достижения» [Agenda-2063 2015]. Поэтому за образец в ней принято успешное, по оценке АС, функционирование таких интеграционных объединений, как ЭКОВАС; САДК; ВАС; Экономическое сообще-

Таблица 1 Среднегодовые темпы прироста ВВП в ключевых интеграционных группировках стран Африки, 1990–2017 гг., % (в текущих ценах, долл. США)

Table 1 Annual GDP Growth in the Key Regional Integration Groups in Africa, 1990–2017, %, US dollars

Регион (количество стран)	1990–2000	2000–2008	2008–2016	2017
Африка (54)	1,03	1,15	3,78	1,03
Интеграционные группировки:				
ЭКОВАС (ECOWAS) (15 участников)	1,02	1,21	7,33	0,98
САДК (SADK) (16)	1,02	1,13	1,90	1,18
ЭККАС (ECCAS) (11)	1,01	1,21	1,35	1,18
КОМЕСА (COMESA) (21)	1,05	1,11	5,51	0,96
ВАС (EAC) (6)	1,05	1,15	8,11	1,06
ЗАЭВС (UEMOA) 8	0,99	1,15	4,07	1,11
ИГАД (IGAD) (8)	1,02	1,20	6,68	1,13
СТСС (CEN-SAD) (29)	1,05	1,15	5,45	0,95
Страны зоны Сахеля (7)	1,03	1,22	7,46	0,95
Среднемировые темпы прироста ВВП	1,05	1,1	2,27	1,06

Составлено и подсчитано автором по: World Development Indicators (2018) // World Bank, November 14, 2018 // <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/world-development-indicators>; <http://wdi.worldbank.org/tables>, дата обращения 31.10.2019; [Морозенская 2018, 5.2].

ство государств Центральной Африки, ЭККАС (ECCAS); Сообщество государств Сахеля–Сахары, СГСС (CEN-SAD); Общий рынок Восточной и Южной Африки, КОМЕСА (COMESA); Межгосударственная организация по развитию, ИГАД (IGAD) и Союз арабского Магриба, УМА (UMA).

Однако ситуация осложняется увеличением различий между ними по темпам экономического роста: если отклонение среднегодовых темпов прироста их совокупного ВВП (в текущих ценах, в долл. США) от прироста суммарного ВВП всех 54 стран Африки было практически несущественным в периоды 1990–2000 гг. и 2000–2008 гг. (как и от значения среднемировых темпов прироста ВВП за те же периоды), то в 2008–2016 гг. выявился разброс в показателях от 1,35% в ЭККАС до 8,11%

в ВАС (на фоне общеафриканского показателя в 3,78% и среднемирового в 2,27%) (табл. 1).

При сравнении аналогичных показателей, рассчитанных в постоянных ценах 2010 г. (в долл. США), обнаруживается похожая тенденция, однако разница между интеграционными группировками не так велика: от 2,87% в САДК до 4,84% в ЗАЭВС в период 2008–2016 гг. – при общеафриканском показателе, равном 3,3% (табл. 2).

Представленные в таблицах 1 и 2 данные свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что, несмотря на влияние мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и последовавшей за ним многолетней рецессии, региональные экономики ЭКОВАС и ВАС с темпами прироста ВВП 4,74 и 4,21% соответственно остались наиболее про-

Таблица 2 Среднегодовые темпы прироста ВВП в ключевых интеграционных группировках стран Африки, 1990–2017 гг., % (в постоянных ценах 2010 г., долл. США)

Table 2 Annual GDP Growth in the Key Regional Integration Groups in Africa, 1990–2017, %, US dollars (constant prices of 2010)

Регион (количество стран)	1990–2000	2000–2008	2008–2016	2017
Африка (54)	1,03	1,07	3,30	1,03
Интеграционные группировки:				
ЭКОВАС (ECOWAS) (15 участников)	1,03	1,09	4,74	1,03
САДК (SADK) (16)	1,02	1,06	2,87	1,02
ЭККАС (ECCAS) (11)	1,00	1,10	3,76	1,01
КОМЕСА (COMESA) (21)	1,05	1,06	3,13	1,06
ВАС (EAC) (6)	1,03	1,11	4,21	1,05
ЗАЭВС (UEMOA) 8	1,03	1,07	4,84	1,06
ИГАД (IGAD) (8)	1,05	1,12	3,13	1,04
СГСС (CEN-SAD) (29)	1,05	1,08	3,37	1,04
Страны зоны Сахеля (7)	1,02	1,10	4,54	1,01

Составлено и подсчитано автором по: World Development Indicators (2018) // World Bank, November 14, 2018 // <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/world-development-indicators>; <http://wdi.worldbank.org/tables>, дата обращения 31.10.2019; [Морозенская 2018, 5.2].

двинутыми среди африканских группировок, в том числе с точки зрения устойчивости хозяйственных связей и наднационального управления внутри этих сообществ.

Таким образом, на фоне ускорения глобализации в Африке разворачивается процесс «нового регионализма», выражающийся в активизации существующих межгосударственных объединений и создании новых субрегиональных и континентальных институциональных структур. При этом набирают силу две основные тенденции: во-первых, определенная унификация устройства и форм деятельности региональных группировок, и во-вторых, расширение масштабов деятельности общеконтинентальных организаций.

Неоколониализм

В последние годы в Африке наблюдается своеобразное пересечение процессов экономической интеграции и либерализационных требований новой глобализации. Исходя из того, что современная экономическая глобализация представляет собой в первую очередь новый механизм принятия решений, инициативы африканских государств можно рассматривать как их стремление, с одной стороны, попытаться создать подобный механизм на региональном и/или на континентальном уровне, а с другой стороны – встроиться в формирующийся глобальный механизм.

Однако не представляет ли такая инициатива опасность для независимости африканских государств и страшует ли их от влияния современного неоколониализма? Эти вопросы по прошествии десятилетий вновь оказались в центре научных дискуссий, причем в различном контексте. Но прежде несколько слов об истории вопроса.

В 1960-е гг. впервые предложенное Кваме Нкрума определение неоколониализма характеризовало это явление как провозглашение государственной независимости бывших колоний при сохранении коллективного внешнеэкономического господства над ними со стороны ТНК. В современных терминах неоколониализм – это сохранение экономической модели колониализма после получения колонией формальной (официальной) политической независимости. При колониализме цель экономической эксплуатации африканских колоний состояла в экспроприации у производителей сельскохозяйственного и минерального сырья, его потреблении и экспорте в интересах метрополий. Неоколониализм позволил европейским государствам не отказываться от контроля, прежде всего в собственных интересах, над формально независимыми экономиками бывших колоний.

На формирование научного понятия неоколониализма оказали влияние различные доктрины – прежде всего, теория К. Маркса о принципах действия капиталистической системы экономики в промышленно развитых странах. В 1960-е гг. она была дополнена понятием неразвитости (*concept of underdevelopment*), что позволило известному африканисту Самиру Амину (Samir Amin) сформулировать концепцию неоколониализма.

В постколониальной Африке европейские государства, а позднее и США сохраняли доминирующие позиции в экономике, используя различные способы. Главным среди них оставалось поддержание унаследованной бывшими колониями зависимости от наполнения государственного бюджета за счет доходов от экспорта сырьевых товаров. Это препятствовало развитию их собственного производства, одновременно способствуя росту экономики бывших метрополий. Кроме того, сохране-

ние вынужденной монокультурной направленности хозяйства большинства африканских стран нередко приводило к перепроизводству основной культуры, что способствовало снижению мировых цен на нее и, как следствие, сокращению доходов от экспорта. Это произошло, например, в 1960-е гг. в Западной Африке и не в последнюю очередь послужило стимулом к созданию международной межправительственной организации «Союз производителей какао-бобов» со штаб-квартирой в Нигерии [Африка 2010, т. 2, с. 691].

Что касается добычи и экспорта минерального сырья (при активном участии ТНК), то африканские политики нередко рассматривали это как источник двойного ущерба для экономики страны: первоначально от дискриминационных по отношению к африканским партнерам действий со стороны иностранных компаний, а впоследствии – от переплаты при импорте в Африку готовой продукции (из-за включения в цену добавленной стоимости, полученной при переработке этого сырья в западных странах). Другим проявлением неокOLONиализма С. Амин считал внешнюю помощь, к которой страны континента вынуждены были прибегать, – прежде всего, в форме займов. Условия их предоставления и перекредитования оказались непосильным финансовым бременем для африканских экономик и способствовали дальнейшему обнищанию населения.

В годы холодной войны во многих государствах Африки, не относившихся к группе ориентированных на социализм по советскому либо по китайскому образцу стран, усилилось влияние США, прежде всего в предоставлении финансовой помощи. О существовании неокOLONиальных факторов и возможностях противодействия им писал в своей книге «НеокOLONиализм: последняя стадия империализма» Кваме Нкру-

ма [Nkruma 1965]. Он считал, что сохранению влияния этих факторов способствует «балканизация» континента – вследствие проведенного колонизаторами дробления его территории на десятки административных районов для более эффективного управления. В результате нередко получали государственную независимость районы, находящиеся внутри одной страны (в соответствии с колониальными границами). Именно поэтому он считал наилучшим способом противодействия неокOLONиализму общафриканское единство и общеконтинентальное сотрудничество.

Конкретные меры по достижению подлинной экономической независимости касались расширения межафриканской торговли и введения импортозамещения с перспективой налаживать расширяющееся региональное сотрудничество на континенте. Эти идеи были горячо поддержаны рядом африканских политиков, прежде всего лидерами Сенегала (С. Туре) и Танзании (Дж. Ньерере), провозгласившими, как и К. Нкрума, построение в своих странах «африканского социализма» в качестве политической и экономической цели, а также способа преодоления неокOLONиализма. Как известно, несмотря на активную разностороннюю помощь СССР, эта цель не была достигнута (правда, в таких областях, как образование и здравоохранение, результаты проводившейся политики, например, в Танзании, оказались весьма впечатляющими).

Однако можно ли сейчас, через полвека после описанных выше событий, говорить о сохранении неокOLONиализма и его решающего влияния на условия и перспективы развития африканских стран? Этот вопрос остается в зоне внимания политиков и ученых. В частности, он обсуждался на заседании Круглого стола «Либеральной миссии» (под председательством известного ученого Е. Ясина) по теме «НеокOLON-

ниализм XXI века: меры противодействия» [Как противодействовать неокOLONIALИЗМУ 2018]. В докладе А. Лебедева отмечалось, что «у колониализма, основанного на неприкрытой и жесткой силе, были серьезные экономические ограничения. Он мог существовать, пока ... обладание зарубежными территориями было рентабельно». Второй колонизацией, возможно, гораздо более эффективной «можно назвать ... финансовое доминирование Севера над Югом: ... даже с учетом списания долгов беднейшим странам в рамках Парижского и Лондонского клубов на рубеже тысячелетия финансовое бремя третьего мира составило около двух триллионов долларов, а чистый процентный доход по этим кредитам приносил Западу более двух миллиардов долларов в год» [Как противодействовать неокOLONIALИЗМУ 2018].

Другой аспект этой проблемы рассматривает А.А. Шульга (МГУ): «закрепленность производственных мощностей и основных добывающих предприятий за иностранными корпорациями определяет структуру экономики африканских государств. Эта структура препятствует созданию экономического союза, используя и создавая разногласия между многочисленными политическими силами национальных государств. В этом состоит основная черта экономического неокOLONIALИЗМА, ... неразрывно связанного ... с глобализацией (вестернизацией, американизацией)» [Шульга 2016].

Между тем отождествление глобализации с «вестернизацией» на наших глазах утрачивает в той или иной мере свою актуальность в условиях активного влияния на мировую экономику «восходящих» стран, прежде всего Китая. По словам известного востоковеда А.М. Васильева, «Китайцы восприняли западные методы игры и играют лучше, чем западные державы. Китай вытесняет

США и Европу из Африки» [Скосырев 2019]. Это отмечают и сами западные лидеры: так, президент Франции Э. Макрон заявил, что «эпоха доминирования Запада в мире завершается в силу геополитических изменений. Сейчас идет укрепление новых держав» [Макрон объявил о конце эпохи доминирования Запада 2019].

Не вполне корректным представляется и отождествление глобализации с современным неокOLONIALИЗМОМ: с научной точки зрения, это разноплановые явления. Экономическая глобализация – это объективный процесс превращения мирового хозяйства в единый рынок товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и знаний, предполагающий использование нового механизма принятия решений, отличающегося от механизма, сложившегося в предшествующий период интернационализации хозяйственной деятельности. В отличие от глобализации, неокOLONIALИЗМ представляет собой не процесс, а *статическую* (хотя периодически меняющуюся под влиянием экономических, а в настоящее время и геополитических, обстоятельств) *модель* неравноправных взаимоотношений между различными субъектами мировой экономики.

Кроме того, глобализация влияет на положение абсолютно всех стран мира, тогда как неокOLONIALИЗМальные формы экономического взаимодействия затрагивают интересы прежде всего менее развитых государств, не имеющих ни достаточных возможностей для конкуренции в масштабах всемирного хозяйства, ни действенных рычагов для изменения сложившегося положения. Вместе с тем их полноценное хозяйственное развитие невозможно без решения таких социально-экономических проблем, как коррупция, неэффективность производства и управления, протекционизм, в значительной мере ответственных за бедность афри-

канских стран. К началу XXI в. с ускорением экономического роста в странах «третьего мира» возникло новое явление – своего рода «третий колониализм», основывающийся на коррумпированности «колонизированных элит», которые незаконно «передают приблизительно в четыре раза больше денег в мировые финансовые центры, чем их страны платят в качестве процентов, начисленных международными банками» [Как противодействовать неокOLONиализму 2018].

Африканские государства, даже располагающие значительными запасами востребованного на мировых рынках сырья, но особенно – не располагающие им, являются частью экономической периферии мира и одновременно участниками обеих рассмотренных выше форм международного взаимодействия. Это, с одной стороны, мешает им приспособиться к требованиям нового этапа глобализации в условиях быстро разворачивающейся 4-й промышленной революции (что предполагает либо участие в технологическом развитии мирохозяйственной системы, либо сохранение в ней подчиненного положения), а с другой стороны, укрепляет их в стремлении преодолеть неокOLONиальное влияние со стороны ТНК, особенно нефтяных и горнодобывающих. Осуществить это они могут лишь на основе совместных действий в соответствии с принципами «нового регионализма».

Несмотря на то что международные экономические организации (МВФ, ВБ, ВТО) нередко затрудняют развитие внутри- и межрегиональных связей развивающихся стран, противопоставляя их как «отсталый Юг» «объединенному Северу», основными «глобальными центрами силы, в том числе и Россией, признано исключительное экономическое значение африканского континента, который в нынешнем веке будет самым динамично развивающимся регио-

ном мира и от которого во многом будет зависеть характер и темпы роста мировой экономики», – подчеркивает известный российский африканист И.О. Абрамова. В значительной мере поэтому «Запад в целом одобрительно смотрит на возможность консолидации африканского экономического ... пространства» [Абрамова 2019, с. 10, 27].

Предпринимаемые в мире усилия с целью качественно изменить взаимодействие между общеафриканскими институтами, с одной стороны, и международными экономическими и надгосударственными организациями, с другой стороны, представляют собой, по сути, очередную попытку включения Африки в глобальную экономическую систему. Она может стать успешной лишь при достижении оптимального сочетания «нового регионализма» и новых принципов глобального сотрудничества.

Список литературы

- Абрамова И.О. (2019) Геополитическая схватка за Африку. СПб.: СПбГУП.
- Абрамова И.О., Морозенская Е.В. (ред.) (2016) Африка: современные стратегии экономического развития. М.: Институт Африки РАН.
- Африка: в 2 т. (2010) М.: Энциклопедия.
- Васильев А.М. (2003) Африка – падчерница глобализации. М.: Институт Африки РАН.
- Дейч Т.Л., Корендясов Е.Н., Ненашев С.В. (ред.) (2018) Поворот Африки на «Восток» и интересы России. М.: Институт Африки РАН.
- Доклад группы личных представителей глав государств «восьмерки» о реализации плана действий по Африке (2002) // [www.mid.ru/ns-psmak.nsf/processQuery BI Openllgeit](http://www.mid.ru/ns-psmak.nsf/processQuery%20BI%20Openllgeit), дата обращения 15.08.2019.

Интеграционные инициативы в современном мире (2019) // Бюллетень иностранной коммерческой информации. Январь–март 2019. С. 54; Апрель–июнь 2019. С. 48.

Как противодействовать неоколониализму XXI века (2018) // Фонд «Либеральная миссия». 27 апреля 2018 // <http://www.liberal.ru/articles/7237>, дата обращения 31.10.2019.

Кокушкина И.В. (2014) Регион в системе современных инвестиционных процессов. СПб.: Специальная Литература.

Лисоволик Я.Д. (2019) Регионализм в глобальном управлении: новые подходы // Дискуссионный клуб «Валдай» // <http://ru.valdaiclub.com/files/27333/>, дата обращения 31.10.2019.

Макрон объявил о конце эпохи доминирования Запада (2019) // Известия. 27 августа 2019 // https://iz.ru/914605/2019-08-27/makron-obiavil-o-kontse-epokhi-dominirovania-zapada?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop, дата обращения 27.08.2019.

Маценко И.Б. (2005) Африка: от Лагосского плана действий до НЕПАД. Эволюция концепций экономического развития. М.: Институт Африки РАН.

Морозенская Е.В. (2008) Включение Африки в глобальную экономику: третья попытка? // Выдрин В.Ф. (ред.) Африканский сборник-2007. СПб.: Наука. С. 135–149.

Морозенская Е.В. (2018) Государственное регулирование экономики в Африке. М.: Институт Африки РАН.

Скосырев В. (2019) Китай вытесняет из Африки западные державы // Независимая газета. 17 июля 2019 // http://www.ng.ru/world/2019-07-16/1_7624_china.html, дата обращения 31.10.2019.

Чуриков А. (2019) Великая зона. Лидеры африканских государств достигли исторического соглашения // Российская газета. 8 июля 2019 // [https://rg.ru/2019/07/08/lidery-stran-](https://rg.ru/2019/07/08/lidery-stran-afriki-dogovorilis-o-zapuske-zony-svobodnoj-torgovli.html)

[afriki-dogovorilis-o-zapuske-zony-svobodnoj-torgovli.html](https://rg.ru/2019/07/08/lidery-stran-afriki-dogovorilis-o-zapuske-zony-svobodnoj-torgovli.html), дата обращения 31.10.2019.

Шишков Ю.В. (2001) Интеграционные процессы на пороге XXI века. М.: Наука.

Шульга А.А. (2016) Неоколониализм в Африке и глобализация: что общего? // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». Т. 18. С. 68–74 // <https://izvestiapolit.isu.ru/ru/article/file?id=904>, дата обращения 31.10.2019.

African Leaders Launch Continental Free Trade Area (2018) // Bridges, vol. 22, no 10 // <https://www.ictsd.org/bridges-news/bridges/news/african-leaders-launch-continental-free-trade-area>, дата обращения 31.10.2019.

Agenda-2063 (2015). First Ten Year Implementation Plan // African Union // https://au.int/sites/default/files/documents/33126-doc-11_an_overview_of_agenda.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Deepening Regional Integration in Africa a Computable General Equilibrium Assessment of the Establishment of a Continental Free Trade Area followed by a Continental Customs Union (2012) // African Development Bank // <https://www.afdb.org/en/documents/document/aec-2012-deepening-regional-integration-in-africa-a-computable-general-equilibrium-assessment-of-the-establishment-of-a-continental-free-trade-area-followed-by-a-continental-customs-union-29362>, дата обращения 31.10.2019.

Hettne B., Söderbaum F. (2000) Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy, vol. 5, no 3, pp. 457–472 // <https://gup.ub.gu.se/file/119539>, дата обращения 31.10.2019.

Hugon Ph. (2012) Geopolitique de l'Afrique, Paris: Armand Colin.

Nkruma K. (1965) Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism, London: Thomas Nelson&Sons.

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-209-227

'New Regionalism' in Africa: Form of the Adaptation to Globalization or the Attempt of Opposition to Modern Neocolonialism?

Evgenia V. MOROZENSKAYA

PhD in Economics, Leading Researcher, Head of the Centre for Transitional Economy Studies

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001, Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation

E-mail: evmorozen@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6311-1718

CITATION: Morozenskaya E.V. (2019) 'New Regionalism' in Africa: Form of the Adaptation to Globalization or the Attempt of Opposition to Modern Neocolonialism? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 209–227 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-209-227

Received: 09.09.2019.

ABSTRACT. *The paper is devoted to the analyses of the evolution problems of such key for African states phenomena as globalization, regionalism and neo-colonialism. The attempts of transnational corporations to realize the "vertical" integration with the post-colonial African economies had stimulated the development of the "horizontal" inter-African integration – on regional and continental scales. In 1980-1990-s, after the extra measures for the African economies' liberalization, the integration processes had made more active. Later they were transformed and the formal declarations about interstate cooperation were changed by the complex programs, adopted by all the members of African Union – "A global strategy to optimize use of Africa's resources for the benefits of all Africans" (2013-2063), based on the successful practices of eight African*

regional economic groups, and African Continental Free Trade Area, AfCFTA (2019). New regionalism, emerged after including the problems of ecology, culture etc. in the sphere of intergovernmental cooperation, was a result of deep changes in the international division of labor. It needed the structural transformation of economies-members of the regional groups. Nowadays the growing interaction of the economic integration and globalization processes in Africa does not insure against the influence of modern neo-colonialism. Apart from this, the globalization is not equal as to "westernization" so the neo-colonialism according to, firstly, growing influence of the "East" within the world economy and, secondly, the differences between the objective process of the globalization and the static model of neo-colonial inter-

connections between developed and developing economics.

In the “new regionalism” conditions, African countries as the parts of the world economy periphery are simultaneously the subjects of globalization and the objects of neo-colonial influence. This situation contradicts with the needs of the Fourth industrial revolution, but stimulates African states to develop interactions between continental institutes and international economic organizations.

KEY WORDS: Africa, regionalism, globalization, neo-colonialism, economic integration, new regionalism, periphery of global economy, technological development

References

- Abramova I.O. (2019) *Geopolitical Fight for Africa*, Saint Petersburg: SPbGUP (in Russian).
- Abramova I.O., Morozenskaya E.V. (eds.) (2016) *Africa: Modern Strategies for Economic Development*, Moscow: Institute for African Studies RAS (in Russian).
- Africa (2010), Moscow: Encyclopedia Press (in Russian).
- African Leaders Launch Continental Free Trade Area (2018). *Bridges*, vol. 22, no 10. Available at: <https://www.ictsd.org/bridges-news/bridges/news/african-leaders-launch-continental-free-trade-area>, accessed 31.10.2019.
- Agenda-2063 (2015). First Ten Year Implementation Plan. *African Union*. Available at: https://au.int/sites/default/files/documents/33126-doc-11_an_overview_of_agenda.pdf, accessed 31.10.2019.
- Churikov A. (2019) Great Zone. African Leaders Given Historical Agreement (2019). *Rossiyskaya Gazeta*, July 8, 2019. Available at: <https://rg.ru/2019/07/08/lidery-stran-afriki-dogovorilis-o-zapuske-zony-svobodnoj-torgovli.html>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Deich T.L., Korendyasov E.N., Nenashev S.V. (eds.) (2018) *Africa's Pivot to the "East" and Russian Interests*, Moscow: Institute for African Studies RAS (in Russian).
- Deepening Regional Integration in Africa a Computable General Equilibrium Assessment of the Establishment of a Continental Free Trade Area followed by a Continental Customs Union (2012). *African Development Bank*. Available at: <https://www.afdb.org/en/documents/document/aec-2012-deepening-regional-integration-in-africa-a-computable-general-equilibrium-assessment-of-the-establishment-of-a-continental-free-trade-area-followed-by-a-continental-customs-union-29362>, accessed 31.10.2019.
- Hettne B., Söderbaum F. (2000) Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy*, vol. 5, no 3, pp. 457–472. Available at: <https://gup.ub.gu.se/file/119539>, accessed 31.10.2019.
- How to Counteract the Neo-colonialism of the XXI Century (2018). *The Foundation "Liberal Mission"*, April 27, 2018. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/7237>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Hugon Ph. (2012) *Geopolitique de l'Afrique*, Paris: Armand Colin.
- Integration Initiatives in Modern World (2019). *Bulletin of Foreign Commercial Information*, January–March, p. 54; April–June, p. 48 (in Russian).
- Kokushkina I.V. (2014) *Region in the System of Modern Investment Processes*, Saint Petersburg: Special Literature Press (in Russian).
- Lisovolik Y.D. (2019) Regionalism in the Global Direction: New Views. *Discussion Club "Valdai"*, June 2019. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/27333/>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Macron Announced the End of the Era of Western Domination (2019). *Izvestiya*, August 27, 2019. Available at: https://iz.ru/914605/2019-08-27/makron-obiavil-o-kontse-epokhi-dominirovaniya-zapada?utm_source=yxnews&utm_

meium=desktop, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Matsenko I.B. (2005) *Africa: from Lagos Plan of Action to NEPAD. Evolution of the Concepts of Economic Development*, Moscow: Institute for African Studies RAS (in Russian).

Morozenskaya E.V. (2008) Including Africa in the Global Economy: Third Attempt? *African Papers-2007* (ed. Vydrin V.F.), Saint Petersburg: Nauka, pp. 135–149 (in Russian).

Morozenskaya E.V. (2018) *State Regulation of Economy in Africa*, Moscow: Institute for African Studies RAS (in Russian).

Nkruma K. (1965) *Neo-Colonialism: the Last Stage of Imperialism*, London: Thomas Nelson&Sons.

Report of the Group of the G8 Leaders Realization of the Action Plan for Africa (2002). *The Russian Ministry of Foreign Affairs*. Available at: www.mid.ru/ns-psmak.

nsf/processQuery BI Openllgeit, accessed 15.08.2019 (in Russian).

Shishkov Yu.V. (2001) *Integration Processes at the Beginning of the XXI Century*, Moscow: Nauka (in Russian).

Shulga A.A. (2016) African Neocolonialism and Globalization: Common Features. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*, vol. 18, pp. 68–74. Available at: <https://izvestiapolit.isu.ru/ru/article/file?id=904>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Skosyrev V. (2019) China against Western States in Africa. *Nezavisimaya Gazeta*, July 17, 2019. Available at: http://www.ng.ru/world/2019-07-16/1_7624_china.html, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Vasiliev A.M. (2003) *Africa as a Daughter-in-Law of Globalization*, Moscow: Institute for African Studies RAS (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-228-244

Траектория и ключевые факторы трансформационного процесса в Латинской Америке

Наиля Магитовна ЯКОВЛЕВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр политических исследований

Институт Латинской Америки РАН, 115035, ул. Б. Ордынка, д. 21/16, Москва, Российская Федерация

E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1707-6901

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ

доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований

Институт Латинской Америки РАН, 115035, ул. Б. Ордынка, д. 21/16, Москва, Российская Федерация;

профессор

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 117997,

Стремянный пер., д. 36, Москва, Российская Федерация

E-mail: pertp.yakovlev@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0751-8278

ЦИТИРОВАНИЕ: Яковлева Н.М., Яковлев П.П. (2019) Траектория и ключевые факторы трансформационного процесса в Латинской Америке // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 4. С. 228–244. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-228-244

Статья поступила в редакцию 22.08.2019.

АННОТАЦИЯ. В статье прослеживается траектория и выявляются ключевые факторы общественных трансформаций в Латинской Америке. Проведен анализ основных политических и социально-экономических процессов, протекавших в регионе в XX–XXI вв. Определены исторически сложившиеся модели роста, показаны условия, при которых они становились тормозом на пути развития и модернизации. Структура работы отражает поставленные задачи: рассмотрена эволюция роли государства в политике и экономике стран региона, отражены этапы не-

олиберальных реформ, указаны причины возникновения трех популистских волн, выделены особенности современного периода. Авторы установили, что трансформационный процесс в Латинской Америке носит лабильный, крайне неустойчивый характер. Государствоцентричные (популистские) и рыночные (неолиберальные) модели модернизации сменяли друг друга в логике «отрицания отрицания», с жесткой регулятельностью курс на строительство открытой экономики уступал место политике дирижизма и наоборот. Отсюда вывод – реформаторские циклы не-

долговечны, их вытесняют преобразования с иным политико-идеологическим содержанием. В настоящее время траектория общественных трансформаций подошла к новому рубежу: в регионе накопился значительный потенциал перемен, но он носит противоречивый характер, отражает различные векторы движения. Адекватная оценка исторического опыта модернизации крайне важна в нынешних сложных условиях. Третье десятилетие XXI в. может стать переломным в социально-экономическом развитии Латинской Америки. В случае реализации оптимистического сценария в эти годы будут очерчены контуры будущего места региона в мировой хозяйственной и политической системе, повысится его роль в глобальных делах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Латинская Америка, траектория развития, модели модернизации, «потерянное десятилетие», глобализация, неолиберальные реформы, кризисные явления, популизм, новая стратегия роста

В последней четверти XX в. Латинская Америка оказалась перед необходимостью трансформации исторически сложившегося политического и социально-экономического уклада. Императивами изменений послужили охвативший все сферы международной жизни процесс глобализации, а также диалектика внутреннего развития латиноамериканских стран, которая «подталкивала» их к поискам выхода из лабиринта отсталости на путь системной модернизации.

Ключевой задачей стала корректировка господствующей роли государства – доминирования государствоцентричной парадигмы развития, во многом себя исчерпавшей, и поиск альтернативных моделей роста. Начатая перестройка хозяйственного уклада, ос-

лабившая роль государства в экономике, сравнительно быстро привела к глубоким изменениям на рыночных принципах, однако социально-экономический коллапс начала XXI в. прервал неолиберальный эксперимент [Kuczynski, Williamson 2003]. Ему на смену вернулась дирижистская модель, прошедшая испытание новым кризисом в середине второго десятилетия текущего столетия. Таким образом за относительно короткий период регион дважды резко менял стратегию развития, пересматривал роль государства в хозяйственной жизни, но каждый раз вслед за определенными улучшениями неминуемо следовал экономический провал.

Пережитый трансформационный опыт наложил отпечаток на экономику и социальную сферу латиноамериканских стран, привел к структурным хозяйственным сдвигам, пусть и носившим ограниченный характер и в целом не изменившим места региона в мировом разделении труда. Одновременно происходила беспрецедентная активизация внутривнутриполитической жизни: в политику входили новые лидеры, модернизировались элиты, укреплялись институты гражданского общества, аморфные массы становились заинтересованными акторами трансформационных процессов. И наконец, нельзя не учитывать международный фактор – формирование многополярного миропорядка, способствовавшего глубоким переменам на региональном пространстве и обеспечившего беспрецедентную для Латинской Америки диверсификацию внешних связей.

Совокупность перечисленных трендов поставила на повестку дня перестройку традиционной латиноамериканской матрицы, ассоциировавшейся с периферийностью и отсталостью, выдвижение новой модели устойчивого инклюзивного роста с учетом накопленного исторического опыта и

неоднозначных уроков прошлого. В этом – основная сюжетная канва событий, происходящих в регионе, и главный вызов, стоящий сегодня перед Латинской Америкой.

Эволюция государстоцентричной матрицы

Рассматривая историческую траекторию Латинской Америки после обретения политической самостоятельности в первой трети XIX в., можно отметить характерную для большинства стран специфику общественного развития¹. Речь идет о доминантной роли государства в процессе определения направлений и реализации экономических и социально-политических трансформаций. Дирижизм в XX в. был присущ и другим регионам, но в отличие, например, от Европы, где государственное вмешательство реализовывалось главным образом в социальной сфере (в русле создания «государства всеобщего благоденствия»), в Латинской Америке сложилась «государстоцентричная матрица» [Cavarozzi 1996]. Автор этого термина известный аргентинский ученый Марсело Кавароцци считает, что матрица выкристаллизовалась в своем классическом виде в середине XX в. и ее отличительной чертой стало всепроникающее участие государства в жизни латиноамериканского общества. Иными словами, государство заняло «место гегемона» в общественном пространстве.

Утверждению восходящего «государстоцентричного» тренда способствовали регулярные структурные кризисы, в условиях которых государство акцентировало свою роль главного субъекта решения образовавшихся проблем. Например, мировая экономическая рецессия 1929–1933 гг. обнажила многие негативные тенденции, развивавшиеся в недрах латиноамериканских стран. Выход был найден в реализации программ, направленных на усиление вмешательства государства в хозяйственную жизнь, в том числе: расширение мер госрегулирования, возведение протекционистских барьеров, укрепление госсектора в экономике. Во многих странах это происходило в форме негласных договоренностей между политической властью и влиятельными местными предпринимателями, союзами промышленников, аграриев, профсоюзами, причем почти все смогли извлечь определенные бенефиции из этого симбиоза. Показательным примером таких договоренностей было «инфляционное соглашение» в Аргентине, функционировавшее в течение нескольких десятилетий [Яковлев 2017, с. 263–265]. Этот механизм, как представляется, стал платформой для последующего возникновения «кумовского капитализма» (crony capitalism) [Rogers 2016].

Подобное «ручное управление» общественными процессами не могло реализовываться без долгосрочных экономических и политических последствий. Трансформации, происходившие в прошлом столетии и связанные с

1 Латиноамериканский регион в географическом и политическом смыслах включает в себя страны Южной и Центральной Америки, Карибского бассейна и Мексику – в Северной Америке. Это 33 независимых государства, часто несопоставимые по размеру территорий, численности народонаселения, экономическому потенциалу и многим другим показателям. Поэтому, пытаясь обобщить богатый и неоднозначный опыт развития такого крупного региона за длительный исторический период, авторы старались выявить общие закономерности и разработать целостную концепцию трансформационного процесса, применимую к региону в целом, отдавая себе отчет в том, что в формате статьи невозможно уделить внимание всем странам и рассмотреть все национальные кейсы, и сконцентрировав внимание на наиболее важных примерах.

утверждением государствоцентричной матрицы, привели к перекройке политического ландшафта, вызвали к жизни новую парадигму взаимоотношений государства и общества. Суть ее состояла в том, что латиноамериканский капитализм нуждался не только в покровительстве государства, но и в персонализированном гаранте негласных элитных договоренностей и правил (крайне живучих *неформальных институтов*), в сильном авторитарном руководителе.

Можно с уверенностью утверждать, что именно центральная роль государства в политике и экономике способствовала появлению латиноамериканского *популизма первой волны* (так называемого классического популизма). «Популизм, – писал российский историк А.И. Строганов, – унаследовал многие черты, свойственные каудильизму XIX в., но в социальном отношении стал сложнее» [Строганов 2002, с. 138].

Социальной базой популизма первой волны являлись массовые националистические движения, аморфные в социальном и политическом плане, признающие власть харизматичного каудильо, вождя, национального лидера, олицетворявшего собой в их восприятии «сильную личность», способную решать проблемы страны. Известный ученый Карлос Маламуд в фундаментальном исследовании феномена латиноамериканского популизма объясняет широкую поддержку популистских лидеров тем, что «практически все надежды латиноамериканских народов достичь социальной справедливости сосредотачивались на фигурах каудильо – спасителей, которые могли принести мир и процветание, покон-

чить по мановению волшебной палочки со всеми бедами и конфликтами» [Malamud 2010, p. 101].

В XX и XXI вв. центральной фигурой, представлявшей государство, становится президент (в большинстве латиноамериканских стран существует президентская форма правления). Исторически сложившийся стереотип восприятия фигуры лидера как «спасителя нации» латиноамериканцы экстраполировали на глав государств. Этой особенностью мировоззрения жителей региона умело пользовались яркие представители первого поколения президентов-популистов – Ласаро Карденас, Жетулиу Варгас и Хуан Доминго Перон².

Социально-экономическая и политическая деятельность популистских режимов привела к значимым изменениям в латиноамериканских странах. Во-первых, кардинально повысилась роль государства не только в экономике, но и в других сферах общественной жизни. Во-вторых, реальные ограничения были наложены на иностранные компании, во многих случаях их активы национализировались. В-третьих, ощутило улучшение материальное положение основной части работающих по найму, возросла их социальная защищенность. В-четвертых, главной опорой власти стали массовые партии, превращенные в сердцевину политической системы. В-пятых, была создана сеть вертикально интегрированных институтов гражданского общества, формально независимых, но фактически находившихся под строгим государственным контролем [Яковлев (1) 2015].

Таким образом, в период 1930–1970-х гг. в странах Латинской

2 Ласаро Карденас дель Рио (1895–1970) – генерал, президент Мексики в 1934–1940 гг.; Жетулиу Дорнелис Варгас (1882–1954) – политик, президент Бразилии в 1930–1945 и в 1950–1954 гг.; Хуан Доминго Перон (1885–1974) – генерал, президент Аргентины в 1946–1955 и в 1973–1974 гг.

Америки на базе государствоцентричной матрицы сформировалась дирижистская модель управления, которая в сочетании с сильной исполнительной властью явилась базой для появления авторитарных режимов, в ряде случаев – в облике военных хунт.

Однако уже к середине 1970-х гг. эта модель исчерпала свой ресурс, вошла в противоречие с эпохой индустриализации (затем – постиндустриализации) и урбанизации, оказалась неспособной решать актуальные задачи общественного развития. Выход из кризиса, в силу конкретных социально-политических условий, был осуществлен авторитарными диктатурами, взявшими на вооружение неолиберальный вариант хозяйственной модернизации. Латинская Америка стала первым регионом развивающегося мира, где монетаристские концепции «чикагской школы» Милтона Фридмана и Арнольда Харбергера получили широкое применение в макроэкономической политике [Cavarozzi 2009]. В частности, мировую известностьнискали чилийские «чикагские мальчики» (Chicago boys) – группа экономистов, осуществивших рыночные преобразования в годы диктатуры Пиночета.

Результаты неолиберальных модернизаций

В последней трети прошлого столетия Латинская Америка пережила два периода неолиберальных реформ – в 70-е и 90-е гг. XX в. На первом этапе стратегия неолиберальной модернизации, помимо Чили, наиболее полно осуществлялась в Бразилии и Аргентине. Диктаторские режимы этих стран³ проводили новый экономический курс,

сопровождавшийся значительными внутриполитическими издержками, вплоть до репрессий. Например, начальный этап реформ в Бразилии привел к осязательным хозяйственным успехам. Подъем производства был обеспечен значительным притоком иностранного капитала (в виде прямых инвестиций, а также кредитов и займов международных банков), сокращением реальных расходов на оплату труда и повышением нормы прибыли [Окунева 1992]. Пример Бразилии оказался разительным для авторитарных режимов других государств Южного конуса – Аргентины, Боливии, Уругвая. Здесь модернизация экономики проводилась в жестких формах и с большими социальными издержками. Сравнительно мягкий вариант неолиберального реформирования был реализован в странах с конституционными режимами, таких как Мексика, Колумбия, Коста-Рика.

В 1980-е гг. четко проявилась уязвимость латиноамериканских моделей модернизации, в той или иной мере основанных на принципах неолиберализма. Острейшей проблемой стал стремительно возросший внешний долг, обслуживание которого фактически обескровило финансы государств региона. В подавляющем большинстве стран экономический рост либо сильно замедлился, либо прекратился, что дало повод назвать эти годы «потерянным десятилетием» [Яковлев 2010, с. 78–109]. Массовое недовольство социально-экономическими и политическими последствиями деятельности авторитарных режимов вкупе с надвигавшейся с европейского континента «четвертой волны демократизации» привели к возникновению в ведущих странах региона процесса демократи-

3 Военные диктатуры в Чили (1973–1990 гг.), в Бразилии (1964–1985 гг.), в Аргентине (1976–1983 гг.).

ческого транзита, в результате которого сформировались новые или обновились существовавшие институты власти, оживилась деятельность политических партий, появилась свободная пресса, окрепла оппозиция, активизировалось гражданское общество [Чумакова 2009].

Эти трансформации привели к изменению политического ландшафта, однако, как показали дальнейшие события, новые условия были недостаточными для последовательной консолидации демократического уклада. Оказались живучими старые, привычные практики (уже упомянутые *неформальные институты*): клиентелизм, разобщенность элит и общества, электоральные манипуляции, коррупция, насилие, организованная преступность. Корневая причина эрозии неокрепших региональных демократий состояла в том, что позитивные политические трансформации не приводили к улучшению экономического положения, не меняли периферийное место латиноамериканских стран в мировой палитре. Вплоть до 1990-х гг. им не удавалось решить ни финансовые, ни социальные проблемы, не был найден ключ к стимулированию хозяйственного роста.

В этих условиях произошла перезагрузка неолиберальных идей, международное влияние которых в условиях глобализации многократно возросло. Ведущие страны региона встали на путь рыночных реформ, приняли на вооружение принципы «Вашингтонского консенсуса» и провели радикальную либерализацию национальных экономик [Давыдов 2003]. На этот раз неолиберальные реформы в Латинской Америке особенно интенсивно проводились в Аргентине, Перу и Венесуэле

политиками-популистами *второй волны* (или неолиберальными популистами) – Карлосом Менемом, Альберто Фухимори, Карлосом Андресом Пересом⁴ [Armony 2005].

Неолиберальная стратегия «второго поколения» в основных чертах стала итерацией, повторением политики, проводившейся авторитарными режимами. В большинстве стран региона было дезактивировано вмешательство государства в экономику, либерализованы финансы и торговля, открыты возможности для деятельности иностранного капитала, расширены внешние заимствования, местные предприниматели вышли на глобальные торговые рынки.

Первоначальный результат реформистской деятельности в 1990-е гг., как правило, был положительным, но затем либо начиналось торможение развития, либо реформы заканчивались глубокими провалами, сопровождались негативными социальными эффектами: массовой безработицей, ростом имущественного расслоения, фактическим исключением широких масс из системы распределения национального богатства. Именно эти факторы станут в следующем столетии базовой предпосылкой появления в регионе популистских режимов разной идеологической окраски.

Финансовый кризис в Мексике (конец 1994 г.) стал первым звеном в цепи региональных социально-экономических и политических потрясений. «Неолиберальная передозировка» и «шоковая терапия», как их называли, но главное – критическое увеличение зависимости от внешних источников финансирования обернулись тяжелым испытанием для крупнейших экономик –

4 Карлос Сауль Менем – президент Аргентины (1989–1999), Альберто Фухимори – президент Перу (1990–2000), Карлос Андрес Перес Родригес – президент Венесуэлы (1974–1979 и 1989–1993).

бразильской и аргентинской. Негативную роль сыграли азиатский и российский кризисы 1997–1998 гг., усугубившие проблемы латиноамериканских стран на мировых рынках. Особенно сильно пострадала аргентинская экономика, служившая «витриной успехов неолиберальных реформ» [Яковлев 2010, с. 110–131]. Аргентинский кризис завершил второй этап неолиберальных реформ и стал точкой отсчета нового политического и экономического времени в регионе, в очередной раз связанного с пересмотром роли государства.

Третья волна популизма и реинкарнация дирижизма

Трансформационные процессы в Латинской Америке, связанные с проблемами преодоления негативных последствий рыночных реформ 1990-х гг., в своем политическом измерении выразились в выходе на сцену группы популистских лидеров *третьей волны* [Gratius 2007] – Уго Чавеса (Венесуэла), Эво Моралеса (Боливия), Висенте Фокса (Мексика), Рафаэля Корреа (Эквадор), Нестора Киршнера (Аргентина), Даниэля Ортеги (Никарагуа). Если этот список дополнить именами Луиса Инасиу Лулы да Силва и Дилмы Руссефф (Бразилия), Мануэля Селайи (Гондурас), Фернандо Луго (Парагвай), Альваро Урибе (Колумбия), избранных в разные годы на президентский пост, то можно с полным основанием говорить о наступлении *третьей популистской эры (волны)* в политической жизни региона [El Nuevo Populismo 2017].

В большинстве своем это были политики, подчеркивавшие приверженность левой идее, поэтому их почти одновременный приход к власти получил наименование «левый поворот», или «новый левый популизм». Таким образом, в первом десятилетии XXI столе-

тия в ряде латиноамериканских стран были установлены режимы, которые определялись исследователями как *левые* или *левоцентристские*, что, по их мнению, было следствием сбоев в функционировании неолиберальной модели и оживления протестных движений в регионе [Malamud 2010, p. 147].

Следует отметить, что активизация альтернативных неолиберализму движений стала возможной в условиях утвердившейся электоральной демократии. В атмосфере гражданских свобод различные сегменты латиноамериканского общества получили возможность выхода на авансцену национальной политики и артикуляции своих насущных интересов. Эти настроения новые лидеры – популисты третьей волны уловили на восстановительной (после кризисных потрясений) фазе трансформационного цикла. Большинство из них декларативно нацеливалось на создание социально ориентированного капиталистического общества, в ряде стран, прежде всего в Венесуэле, было объявлено о начале строительства «социализма XXI века». На деле же (как оказалось) происходил процесс формирования уже до боли знакомого «капитализма для друзей», или «кумовского капитализма».

В любом варианте выбранный стратегический вектор предусматривал безусловное повышение роли государства в экономике, усиление авторитета государственной власти во всех сферах общественной жизни, укрепление модели государственно-частного партнерства с активной поддержкой аффилированного с правящим режимом национального предпринимательства (с помощью низких тарифов на транспорт и коммунальные услуги, финансовых субсидий, кредитов и налоговых льгот). В ряде случаев модель «кумовского капитализма» включала в себя курс (не всегда успешный) на диверсификацию эконо-

мики, укрепление финансово-экономической суверенности, ослабление зависимости от традиционных очагов давления – местных и международных монополистических групп [Сударев 2007; Valenzuela 2009]. В социальной сфере широко рекламировалось принятие мер по снижению уровня бедности, повышению реальных доходов, сокращению неприемлемого разрыва в доходах между различными группами населения, укоренению практики субсидирования малоимущих слоев. Все это обеспечивало расширение социальной базы популистских режимов.

Политический контекст в Венесуэле, Боливии, Эквадоре, Бразилии, Аргентине, Никарагуа при всех различиях имел сходные черты и характеризовался усилением влияния исполнительной власти в ущерб законодательной и судебной ветвям; беспрецедентной концентрацией властных полномочий центра и ограничением федерализма; сжатием автономии институтов гражданского общества; подчинением государству средств массовой информации; широким использованием националистической пропаганды и популистских лозунгов [Яковлева (1) 2018, с. 177–179]. Упоминавшийся выше К. Маламуд акцентировал внимание на действиях популистских властей по «минимизации активности и значимости оппозиции, а также на проведении ими клиентелистской политики и практики покупки лояльности» [Malamud 2010, p. 145].

На деле произошло выстраивание суперпрезидентских режимов с элементами электоральной демократии, когда при формальном сохранении демократического строя со всеми его главными атрибутами происходило значительное укрепление позиций президента и подвластной ему партии. Не претендуя в данной работе на глубинное исследование феномена латиноамериканского популизма, все же заметим, что весьма

точным представляется предложенный профессорами Мадридского автономного университета Сюзанной Гратиус и Анхелем Риверой критерий классификации современных популистских режимов не в рамках дихотомии «левый – правый» [Nunez Castellano 2017; Ивановский (2) 2019], а по степени их приверженности демократическим нормам [Gratius, Rivero 2018].

Вместе с тем нельзя не отметить, что в российской науке комплекс проблем, связанных с популизмом, как явлением, органично присутствующим в латиноамериканском контексте в силу исторических традиций и цивилизационных особенностей, остается пока малоизученным и ждет детального и всестороннего анализа [Яковлева 2016].

Характерный момент – сопровождавшие третью популистскую волну очередные геополитические сдвиги, новая перегруппировка позиций стран региона на мировой арене. В этой сфере наблюдалась не просто активизация международных связей, а расширение диапазона и смена приоритетов в системах внешних контактов, интенсификация региональных интеграционных усилий, стремление участвовать в процессе формирования механизмов глобального регулирования (в частности, через «Группу двадцати», куда вошли Аргентина, Бразилия и Мексика) [Яковлев (2) 2015]. При всей положительной коннотации внешнеполитических трансформаций нельзя не отметить идеологическую или псевдоидеологическую заостренность популистских режимов при выборе контрагентов, а также акцентированную антилиберальную и антиимпериалистическую риторику латиноамериканских лидеров на международных форумах, нередко выходившую за рамки принятого дипломатического лексикона [Яковлева 2011].

Приход эпохи так называемого «нового левого популизма», ставшего на

время доминантной чертой политической жизни региона, обозначил возвращение в общественное пространство государства, вновь претендующего на роль главного агента социальной трансформации. Для этой модели развития характерна инверсия по отношению к классической парадигме, в рамках которой роль центрального структурообразующего фактора, мотора развития играют экономика и экономические отношения, а точнее – частное предпринимательство в самом широком смысле слова.

При этом показательно, что даже правящие круги Венесуэлы и других стран, провозгласившие своей целью построение «социализма XXI века», не встали на позиции тотального ревизионизма в отношении капиталистической системы, а использовали ее механизмы с максимальной выгодой для себя и своего окружения. Закономерным итогом деятельности большинства авторитарных популистских правительств стал разгул коррупции, принявшей эндемический характер [Ugaz 2018].

Особенности современного трансформационного процесса

Под политическим зонтиком популизма странам региона в период 2003–2013 гг. («золотое десятилетие») удалось добиться существенных результатов в хозяйственном развитии: увеличить объемы ВВП и внешнеторгового оборота, нарастить промышленное производство, укрепить финансовое положение, сократив долговую нагрузку на экономику, снизить безработицу и инфляцию. Экономическому рывку способствовала выгодная внешняя конъюнктура, в первую очередь высокие цены на товары традиционного экспорта – сырье, энергоносители и продовольствие. С одной стороны, сырьевой

суперцикл – резкое повышение мировых цен на торгуемые природные ресурсы – обеспечил приток в Латинскую Америку дополнительных финансовых средств, способствовал поддержанию темпов роста. С другой стороны, за десятилетие с 2003 по 2013 г. в ВВП стран региона снизилась доля экспорта, что указывает на наличие внутренних факторов, обеспечивших ускорение экономического развития [Яковлев (3) 2015].

Речь идет о значительном расширении местного рынка, происходившем за счет господдержки в виде крупных государственных инвестиций, финансовых субсидий отдельным отраслям и малоимущим гражданам. Расходы на «социалку» в структуре ВВП выросли за первое десятилетие XXI в. на семь процентных пунктов (с 12,5% в конце 1990-х гг. до 19,2% в 2010–2011 гг.), до 60 млн чел. покинули зону бедности [Alcaide 2014, p. 7]. Благодаря беспрецедентному числу программ социальной поддержки многие семьи впервые получили доступ к образованию, медицинской помощи, было улучшено материальное обеспечение пенсионеров и жителей отдаленных районов, малоимущих граждан.

Однако возможности дальнейшего поступательного социально-экономического развития, не опиравшегося на технологические и инновационные достижения, сначала оказались ограниченными глобальным кризисом конца первого десятилетия XXI в., а к середине 2010-х гг. латиноамериканские государства практически полностью выработали потенциал модернизации в популистской парадигме и вновь оказались перед необходимостью корректировки модели роста.

Торможение экономики отчетливо дало о себе знать в 2014–2015 гг., когда резко замедлился прирост регионального ВВП и заметно ухудшились другие макроэкономические показате-

ли: стали расти потребительские цены (всплеск инфляции), сократились инвестиции в основной капитал, увеличился внешний долг, упал экспорт, возрос бюджетный дефицит [CEPAL 2015, p. 67]. *Эффектом глобальной неожиданности* можно назвать изменившиеся внешние обстоятельства. Международные условия экономического развития латиноамериканских стран в течение короткого времени резко развернулись в неблагоприятную сторону: замедлился глобальный рост («новая нормальность»), экономика США перешла в стадию «вялого развития», Европа пережила долговой кризис и рецессию, а Япония – стагнацию. С определенными трудностями столкнулся Китай. В итоге на глобальных рынках снизился спрос и упали цены на сырье и продовольствие, в мировой торговле образовался застой, сократились возможности международного финансирования. Тем самым негативные внешние факторы обострили внутренние кризисные процессы в Латинской Америке [Яковлев 2016].

Один из ключевых факторов перебоев в функционировании латиноамериканской экономики – сохраняющееся в регионе огромное (по некоторым оценкам, самое большое в мире) имущественное неравенство, ставшее барьером на пути дальнейшего роста. К такому выводу пришли эксперты Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) и авторитетного международного благотворительного объединения «Oxfam International», проанализировавшие социальные тренды последнего времени. По их подсчетам, в 2002–2015 гг. состояния латиноамериканских мультимиллионеров в среднем

за год возрастали на 21%, что шестикратно превышало рост ВВП. При сохранении похожей динамики на рубеже 2020 г. активы 1% местных богачей превысят совокупное состояние остальных 99% населения. По мнению указанных специалистов, немалую роль в увеличении разрыва в доходах между относительно небольшой группой сверхбогатых людей и остальными жителями стран Латинской Америки играет архаичная и дисфункциональная фискальная система, позволяющая владельцам крупных компаний или легко уходить от уплаты налогов, или сводить их до минимума. Только за один 2014 г. потери бюджетов государств региона от подобной практики составили порядка 190 млрд долл. [América Latina 2016].

С таким социально-экономическим багажом латиноамериканские страны вплотную подошли к электоральному циклу 2015–2019 гг.⁵, в ходе которого выявились новые тренды в региональной политике. Первой «ласточкой», возвестившей об откате третьей популистской волны, стала победа на президентских выборах предпринимателей Маурисио Макри (Аргентина), Педро Пабло Кучинского (Перу), Себастьяна Пиньеры (Чили), возглавлявших оппозиционные силы. В числе государств, частично или полностью отказавшихся от продолжения популистской политики, также фигурировали Эквадор и Бразилия.

Важные политические сдвиги произошли в крупнейших странах региона – Мексике и Бразилии, где на президентских выборах 2018 г. победу одержали несистемные деятели различной идеологической окраски. В Мексике главой государства был избран Андрес Мануэль Лопес Обрадор, выдвинутый коа-

5 В указанные годы президентские выборы в странах региона проводились двадцать раз, из них четырнадцать пришлось на период с конца 2017 г. по 2019 г., в связи с чем он получил название электорального суперцикла [Яковлева (2) 2018].

лиций левых сил, поставившей целью, как минимум, затормозить рыночные реформы, начатые предыдущим правительством. В свою очередь в Бразилии после импичмента Дилмы Руссефф (август 2016 г.) и неполного президентского срока Мишела Темера (до 1 января 2019 г.) к власти пришел бывший военный, сторонник неолиберальной политики Жаир Болсонару.

Вместе с тем руководители стран «Боливарианского альянса» (Венесуэлы, Боливии и Никарагуа), несмотря на нарастающие хозяйственные трудности, сохраняли верность прежнему курсу. В Венесуэле ситуация приобрела драматический характер. Из-за некомпетентных действий преемника У. Чавеса Николаса Мадуро эта потенциально богатая страна с самыми крупными в мире запасами нефти стала архетипом неэффективного и коррупционного расходования экспортных сверхдоходов. Кроме того, она отличилась беспрецедентно низким уровнем минимальной зарплаты (последнее место в регионе) и опередила все прочие страны региона по индексу насильственных убийств и степени социальной поляризации [Ивановский (1) 2019, с. 32–37].

Факты свидетельствуют, что в Латинской Америке (сложно сказать, на какой срок) были одновременно «запущены» несколько параллельных процессов общественных изменений: вялотекущий государствоцентричный (главные выразители – Боливия и Венесуэла); рыночный с претензией на динамичность (Бразилия, Колумбия, Чили, в известной степени Аргентина); сравнительно медленный, умеренно националистический, сочетающий рыночные механизмы с усиливающейся ролью государства (Мексика).

Электоральный суперцикл смешал политические карты. В итоге складывается весьма пестрая картина, предвещающая наступление нового трансфор-

мационного этапа, главной характеристикой которого становится внутренняя противоречивость, разнонаправленность осуществляемых преобразований. Латинская Америка превращается в регион «разных скоростей», конкурирующих стратегических установок и во многом противоположных векторов развития. Все это может акцентировать неустойчивость политического положения, усилить неопределенность экономических перспектив, осложнить внутрирегиональное сотрудничество и затруднить выход из состояния общественного недомогания.

Очередной виток спирали или новое качество трансформаций?

Отмеченный оригинальной спецификой и сложной траекторией латиноамериканский трансформационный кейс позволяет сформулировать ряд обобщений. Прежде всего, корни современных процессов, происходящих в странах региона, следует искать в исторических традициях, сложившихся правилах и укладах – *неформальных институтах*, которые сыграли двоякую роль в общественных трансформациях. С одной стороны, они определили социально-экономическое и политическое своеобразие региона, его особый путь и уникальное место в мировой цивилизации, с другой – тормозили (и тормозят) продвижение вперед.

По сути, трансформационный процесс в Латинской Америке развивался по спирали, на каждом новом витке которой происходила альтерация модернизационных парадигм: на смену государствоцентричной матрице приходила неолиберальная модель роста и наоборот. На первый взгляд вырисовывается некая «классическая» схема, в которой носителями стратегии дирижиз-

ма выступали националистические режимы популистского толка, а рыночные реформы продвигали авторитарные диктатуры или лидеры, придерживающиеся либеральных взглядов. Однако эта схема излишне прямолинейна и, как все схемы, не отражает всего многообразия латиноамериканского трансформационного процесса. Жизнь неминуемо вносила и вносит коррективы, нарушая чистоту эксперимента.

Так, можно заметить, что попытки политической модернизации не всегда коррелируют со сменой экономической парадигмы. Неолиберальные реформы проводили и военные диктаторы, и популисты. И те и другие с переменным успехом эксплуатировали государствоцентричную матрицу, но задачи системной трансформации с прицелом на устойчивое инклюзивное развитие оставались нерешенными при любых формах управления. Причем нельзя забывать, что большинству популистских режимов, приходивших к власти на волне недовольства результатами неолиберальных реформ, удавалось поначалу воспользоваться отдельными плодами рыночных преобразований, дополняя их дирижистскими ингредиентами, но впоследствии терпеть фиаско из-за неспособности выдвинуть целостную и жизнеспособную модернизационную альтернативу. Ситуация загонялась в стратегический тупик, выход из которого латиноамериканские правящие элиты вновь искали в русле рыночных реформ.

В нынешней неординарно сложной и противоречивой региональной ситуации крайне полезен скрупулезный анализ исторической траектории трансформационного развития Латинской Америки. Современные социально-экономические и политические императивы властно диктуют необходимость отказаться от не оправдавшего себя принципа «отрицания отрица-

ния» и перейти к выработке принципиально новой модели роста с учетом неоднозначного опыта прошлых лет.

Что ждет регион в ближайшей перспективе? Просматриваются три возможных сценария. Первый, инерционный – вялое развитие без решения стратегических модернизационных задач, сопровождающееся углублением отставания от наиболее развитых государств мира и закреплением периферийности региона со всеми вытекающими последствиями.

Второй, традиционный – предсказуемый переход на очередной виток спирали, где хорошо знакомые популистские рецепты будут поданы под еще более острым политическим соусом в одних странах, а неолиберальные реформы «третьего поколения» опробованы в других.

И наконец, третий, оптимистический – отказ от спиралевидной модернизации, проведение давно назревших структурных и институциональных реформ (главное – преодоление неформальных институтов, способных похоронить любое полезное начинание) и выход на принципиально иную модель роста, которая откроет региону качественно новые политико-экономические горизонты.

Впрочем, Латинская Америка настолько разнообразна и многолика, что вполне может вместить в себя все сценарии будущих трансформаций.

Список литературы

Давыдов В.М. (2003) Эффект адаптационного реформирования: от Латинской Америки к России. М.: ИЛА РАН.

Ивановский З.В. (1) (2019) Латинская Америка в новом тысячелетии. Социальная панорама и динамика политических процессов // Ла-

тинская Америка. № 7. С. 30–39. DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3

Ивановский З.В. (2) (2019) Политическая поляризация в Латинской Америке. Итоги электорального цикла // Свободная мысль. № 1. С. 149–168 // <http://svom.info/entry/903-politicheskaya-polyarizaciya-itogi-elektoralnogo-c/>, дата обращения 31.10.2019.

Окунева Л.С. (1992) На путях модернизации: опыт Бразилии для России. М.: ИЛА РАН.

Строганов А.И. (2002) Латинская Америка в XX веке. М.: Дрофа.

Сударев В.П. (ред.) (2007) «Левый поворот» в Латинской Америке. М.: ИЛА РАН.

Чумакова М.Л. (ред.) (2009) Латинская Америка: Испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2 томах. М.: ИЛА РАН.

Яковлев П.П. (2010) Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. М.: Прогресс-Традиция.

Яковлев П.П. (1) (2015) Государство и общество в Латинской Америке: история и современность // Перспективы. № 3. С. 63–82 // http://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/gosudarstvo_i-obshhestvo_v_latinskoj_amerike_istorija_i_sovremennost_2014-02-28.htm, дата обращения 31.10.2019.

Яковлев П.П. (2) (2015) Латинская Америка на мировой геополитической карте // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». № 4(15). С. 20–28 // <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/10493/9944>, дата обращения 31.10.2019.

Яковлев П.П. (3) (2015) Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений // Латинская Америка. № 8. С. 7–22 // <https://cyberleninka.ru/article/v/latinskaya-amerika-na-mirovoy-geopoliticheskoy-karte>, дата обращения 31.10.2019.

Яковлев П.П. (2016) Латинская Америка в условиях глобальной нестабильности // Латинская Америка. № 5. С. 12–29 // https://elibrary.ru/download/elibrary_26283516_74935738.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Яковлев П.П. (2017) Антиинфляционная направленность политики стабилизации в Аргентине // Кузнецов А.В. (ред.) Регулирование инфляции в условиях социально-экономических дисбалансов М.: ИМЭМО РАН. С. 260–273.

Яковлева Н.М. (2011) Это сладкое и страшное слово – популизм // Латинская Америка. № 10. С. 98–103 // https://elibrary.ru/download/elibrary_16897755_95386788.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Яковлева Н.М. (2016) Время и бремя популизма // Латинская Америка. № 2. С. 90–97 // https://elibrary.ru/download/elibrary_27538391_25980660.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Яковлева Н.М. (1) (2018) Латинская Америка: президентская власть и оппозиция // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 3(11). С. 166–184. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3

Яковлева Н.М. (2) (2018) Электоральный суперцикл в Латинской Америке: политические тренды // Перспективы. № 1. С. 69–80. DOI: 10.32726/2411-3417-2018-1-69-80

Alcaide L. (2014) Fiscalidad en América Latina // *Economía Exterior*. Madrid, no 70, pp. 7–18.

América Latina y el Caribe es la Región Más Desigual del Mundo (2016). ¿Cómo Solucionarlo? 25 de enero de 2016 // <http://www.cepal.org/es/print/35842>, дата обращения 31.10.2019.

Armony V. (2005) Populism and Neo-populism in Latin America // <http://www.cccg.umontreal.ca/pdf/armony%20udm%202005.pdf>, дата обращения 31.10.2019.

Cavarozzi M. (1996) *El Capitalismo Político Tardío y su Crisis en América Latina*, Rosario: Homo Sapiens Ediciones.

Cavarozzi M. (2009) *Autoritarismo y Democracia (1955–2009)*, Buenos Aires: Ariel.

CEPAL (2015). *Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe*, Santiago: Naciones Unidas.

El Nuevo Populismo de América Latina, un Movimiento Más Vivo que Nunca (2017). *Informe Especial*. Llorente & Cuenca. Septiembre 2017, Madrid // https://ideas.llorenteycuenca.com/wp-content/uploads/sites/5/2017/09/170913_Informe_Populismo_ESP_OK.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Gratius S. (2007) La “Tercera ola Populista” de América Latina // FRIDE. Documentos de Trabajo 45, Madrid // https://www.academia.edu/16472791/La_tercera_ola_populista_de_Am%C3%A9rica_Latina, дата обращения 31.10.2019.

Gratius S., Rivero A. (2018) Más Allá de la Izquierda y la Derecha: Populismo en Europa y América Latina // *Revista CIDOB d’Afers Internacionals*, no 119, pp. 35–61. DOI: 10.24241/rcai.2018.119.2.35

Kuczynski P.P., Williamson J. (eds.) (2003) *After the Washington Consensus:*

Restarting Growth and Reform in Latin America, Washington: Institute for International Economics.

Malamud C. (2010) *Populismos Latinoamericanos. Los Tópicos de Ayer, de Hoy y de Siempre*, Oviedo: Ediciones Nobel.

Núñez Castellano R. (2017) Un Nuevo Tiempo Político en América Latina // *Esglobal*, September 20, 2017 // <https://www.esglobal.org/nuevo-tiempo-politico-america-latina/>, дата обращения 31.10.2019.

Rogers J.R. (2016) How Do You Solve Crony Capitalism? // *Law&Liberty*, November 21, 2016 // <https://www.lawliberty.org/2016/11/21/how-do-you-solve-crony-capitalism/>, дата обращения 31.10.2019.

Ugaz: la Corrupción en Latinoamérica es “Endémica” (2018) // *EFE*, March 15, 2018 // <https://www.efecom/efe/america/politica/ugaz-la-corrupcion-en-latino-america-es-endemica/20000035-3553828>, дата обращения 31.10.2019.

Valenzuela M. (2009) *El Enfoque Teórico Conceptual de los Populismos en América Latina* // *Revista Estudios Avanzados*. Santiago de Chile, no 12, pp. 105–123 // <http://www.revistas.usach.cl/ojs/index.php/ideas/article/view/121/123>, дата обращения 31.10.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-228-244

Trajectory and Key Factors of the Transformation Process in Latin America

Nailya M. YAKOVLEVA

PhD in History, Leading Researcher, Center for Political Studies
Institute of the Latin America of Russian Academy of Sciences, 110035, B. Ordynka St.,
21/16, Moscow, Russian Federation
E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1707-6901

Petr P. YAKOVLEV

Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Iberian Studies
Institute of Latin America of Russian Academy of Sciences, 110035, B. Ordynka St.,
21/16, Moscow, Russian Federation;
Professor
Plekhanov Russian University of Economics, 117997, Stremyanny Lane, 36, Moscow,
Russian Federation
E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0751-8278

CITATION: Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. (2019) Trajectory and Key Factors of the Transformation Process in Latin America. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 228–244 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-228-244

Received: 22.08.2019.

ABSTRACT. *The aim of the work was to trace the trajectory and to identify key factors of social transformations in Latin America. Among the main tasks included analysis of major political and socio-economic processes underway in the region in the 20th-21st centuries. In the article the historical growth model, showing the conditions under which they become the obstacle on the way of development and modernization. The structure of the thesis reflects the tasks: the evolution of the role of the State in the politics and economy of the countries of the region reflects the stages of neoliberal reforms, listed three causes of populist waves are particularly modern period. The study*

authors found that transformational process in Latin America is extremely fragile. State-centered (populist) and market (neoliberal) modernization models succeeded each other in the logic of the “negation of the negation”, with fierce regularity course on building an open economy was substituted by dirigisme policies and vice versa. Because of this, reform cycles are short-lived, being replaced by other conversion politico-ideological content. Currently, the trajectory of public transformations came to new milestone: the region has accumulated considerable potential for change, but it is controversial, it reflects different motion vectors. Adequate assessment of the historical experience of

modernization is essential in the current difficult circumstances. The third decade of the 21st century can be a turning point in the economic and social development of Latin America. In case of implementation of the optimistic scenario, in these years will be drawn the contours of the future place of the region in world economic and political system; will rise its role in global affairs.

KEY WORDS: *Latin America, development trajectory, models of modernization, “lost decade”, globalization, neoliberal reforms, crisis, populism, a new growth strategy*

References

- Alcaide L. (2014) Fiscalidad en América Latina. *Economía Exterior*. Madrid, no 70, pp. 7–18.
- América Latina y el Caribe es la Región Más Desigual del Mundo* (2016). ¿Cómo Solucionarlo? 25 de enero de 2016. Available at: <http://www.cepal.org/es/print/35842>, accessed 31.10.2019.
- Armony V. (2005) *Populism and Neopopulism in Latin America*. Available at: <http://www.cccg.umontreal.ca/pdf/armony%20udm%202005.pdf>, accessed 31.10.2019.
- Cavarozzi M. (1996) *El Capitalismo Político Tardío y su Crisis en América Latina*, Rosario: Homo Sapiens Ediciones.
- Cavarozzi M. (2009) *Autoritarismo y Democracia (1955–2009)*, Buenos Aires: Ariel.
- CEPAL (2015). Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe, Santiago: Naciones Unidas.
- Chumakova M.L. (ed.) (2009) *Latin America: the Test of Democracy. Vectors of Political Modernization*. Vol. 1–2, Moscow: ILA RAS (in Russian).
- Davydov V.M. (2003) *The Effect of Adaptation Reform: from Latin America to Russia*, Moscow: ILA RAS (in Russian).
- El Nuevo Populismo de América Latina, un Movimiento Más Vivo que Nunca* (2017). Informe Especial. Llorente & Cuenca. Septiembre 2017, Madrid. Available at: https://ideas.llorenteycuenca.com/wp-content/uploads/sites/5/2017/09/170913_Informe_Populismo_ESP_OK.pdf, accessed 31.10.2019.
- Gratius S. (2007) La “Tercera ola Populista” de América Latina. *FRIDE*. Documentos de Trabajo 45, Madrid. Available at: https://www.academia.edu/16472791/La_tercera_ola_populista_de_Am%C3%A9rica_Latina, accessed 31.10.2019.
- Gratius S., Rivero A. (2018) Más Allá de la Izquierda y la Derecha: Populismo en Europa y América Latina. *Revista CIDOB d’Afers Internacionals*, no 119, pp. 35–61. DOI: 10.24241/rcai.2018.119.2.35
- Iwanowski Z. (1) (2019) Latin America. Results of the New Millennium. Social Panorama and Dynamics of Political Processes. *Latinska-ya Amerika*, no 7, pp. 30–39 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3
- Iwanowski Z. (2) (2019) Political Polarization in Latin America. Results of the Electoral Cycle. *Svobodnaya mysl’*, no 1, pp. 149–168. Available at: <http://svom.info/entry/903-politicheskaya-polyarizaciya-itogi-elektoralnogo-c/>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Kuczynski P.P., Williamson J. (eds.) (2003) *After the Washington Consensus: Restarting Growth and Reform in Latin America*, Washington: Institute for International Economics.
- Malamud C. (2010) *Populismos Latinoamericanos. Los Tópicos de Ayer, de Hoy y de Siempre*, Oviedo: Ediciones Nobel.
- Núñez Castellano R. (2017) Un Nuevo Tiempo Político en América Latina. *Esglobal*, September 20, 2017. Available at: <https://www.esglobal.org/nuevo-tiempo-politico-america-latina/>, accessed 31.10.2019.
- Okuneva L.S. (1992) *On the Way of Modernization: Brazil’s Experience for Russia*, Moscow: ILA RAS (in Russian).

Rogers J.R. (2016) How Do You Solve Crony Capitalism? *Law&Liberty*, November 21, 2016. Available at: <https://www.lawliberty.org/2016/11/21/how-do-you-solve-crony-capitalism/>, accessed 31.10.2019.

Stroganov A.I. (2002) *Latin America in the XX Century*, Moscow: Drofa (in Russian).

Sudrev V.P. (ed.) (2007) *Latin America's Left Turn*, Moscow: ILA RAS (in Russian).

Ugaz: la Corrupción en Latinoamérica es "Endémica" (2018). *EFE*, March 15, 2018. Available at: <https://www.efc.com/efe/america/politica/ugaz-la-corrupcion-en-latino-america-es-endemica/20000035-3553828>, accessed 31.10.2019.

Valenzuela M. (2009) El Enfoque Teórico Conceptual de los Populismos en América Latina. *Revista Estudios Avanzados*. Santiago de Chile, no 12, pp. 105–123. Available at: <http://www.revistas.usach.cl/ojs/index.php/ideas/article/view/121/123>, accessed 31.10.2019.

Yakovlev P.P. (2010) *Before Call Time. Cycles of Modernization and Crises in Argentina*, Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Yakovlev P.P. (1) (2015) State and Society in Latin America: Then and Now. *Perspektivy*, no 3, pp. 63–82. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/gosudarstvo_i_obshchestvo_v_latinskoj_amerike_istoriya_i_sovremennost_2014-02-28.htm, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovlev P.P. (2) (2015) Latin American Role in International Geopolitics. *Vestnik RUDN. International Relations*, no 4(15), pp. 20–28. Available at: <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/10493/9944>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovlev P.P. (3) (2015) Latin America at the Turn of Trends. Experience of Understanding New Phenomenal. *Latinskaya Amerika*, no 8, pp. 7–22. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/latinskaya-amerika-na-mirovoy-geopoliticheskoj-karte>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovlev P.P. (2016) Latin America in the Conditions of Global Instability. *Latinskaya Amerika*, no 5, pp. 12–29. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26283516_74935738.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovlev P.P. (2017) Anti-inflation Focus of Stabilization Policies in Argentina. *Regulation of Inflation in Terms of Socio-economic Imbalances* (ed. Kuznetsov A.V.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 260–273 (in Russian).

Yakovleva N.M. (2011) This Is a Sweet and Terrible Word – Populism. *Latinskaya Amerika*, no 10, pp. 98–103. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16897755_95386788.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovleva N.M. (2016) Time and Burden of Populism. *Latinskaya Amerika*, no 2, pp. 90–97. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_27538391_25980660.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Yakovleva N.M. (1) (2018) Latin America: Presidential Power and Opposition. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no 3(11), pp. 166–184 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3

Yakovleva N.M. (2) (2018) Super Cycle of Elections in Latin America: Political Trends. *Perspektivy*, no 1, pp. 69–80 (in Russian). DOI: 10.32726/2411-3417-2018-1-69-80

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270

Сумерки больших батальонов. Исторический этюд о военных конфликтах будущего

Алексей Алексеевич КРИВОПАЛОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: krivopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

ЦИТИРОВАНИЕ: Кривопалов А.А. (2019) сумерки больших батальонов.

Исторический этюд о военных конфликтах будущего // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 245–270.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270

Статья поступила в редакцию 11.09.2019.

АННОТАЦИЯ. Статья содержит описание эволюции военного дела в XIX–XXI вв. Автор сосредоточивает внимание на развитии преобладающих в нем оперативных форм и организационных принципов. Рассмотрев ряд локальных конфликтов, развернувшихся после 1945 г., он доказывает, что принцип развертывания войск сплошным непрерывным фронтом, апогеем которого стала Вторая мировая война, более не является преобладающей формой стратегического развертывания на театре боевых действий. Анализ кампании 2003 г. в Ираке позволяет сделать вывод о начавшемся закате оперативного искусства, которое в середине XX в. миновало кульминационную точку своего развития. В связи с переменами, наступившими в области техники, системы комплектования и организации современной армии,

оперативное искусство все более утрачивает прежнюю функциональную нишу. В современной войне на смену распределенному во времени и пространстве непрерывному ряду боевых усилий приходит одноактное генеральное сражение, предваряемое первоначальным стратегическим сосредоточением войск на театре боевых действий. Хотя военное дело и поднялось на более высокую ступень научно-технического развития, современные организационные и оперативные формы все более напоминают традиции не тотальных войн XX в., но локальных конфликтов XIX столетия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политика, стратегия, фронт, коммуникационная линия, оперативное искусство, театр боевых действий, Вторая мировая война, Иракская кампания

Современный читатель справедливо сочтет банальностью любое напоминание о том, что западный мир, а следом за ним и остальное человечество, вступает в полосу перемен, видоизменяющих фундаментальные основы жизни общества и государства. Как это бывало с незапамятных времен, жизнь и взаимодействие в ней отдельных индивидов, сообществ и государств порождает конфликты. Острота этих конфликтов отнюдь не всегда допускает их мирное разрешение, а потому война по-прежнему остается насильственным выражением политических целей. Изучение анатомии вооруженного насилия, анализ статических и динамических элементов, лежащих в его основе, по-прежнему сохраняет актуальность. К сожалению, современная научная рефлексия над этим предметом несет на себе глубокую печать релятивизма, важнейшим симптомом которого стало отрицание политической природы войны. Чаще всего это отрицание маскируется поиском ее новых, так называемых гибридных форм.

Сначала на Западе, а потом и в России эта невольная aberrация сделалась чуть ли не отправной точкой в спорах и дискуссиях о вероятных сценариях конфликтов будущего¹.

Поскольку мир современной науки «американоцентричен», теория стратегии в последние десятилетия выражает себя преимущественно с американским акцентом, хотя практический опыт США в этой области скорее негативен. Операции в Афганистане, Ираке и Ливии стали яркими примерами неумения конвертировать достигнутый военный результат в долгосрочное внешнеполитическое преимущество. Тем не менее многие американские эксперты, начиная с хорошо известного в российской литературе Джона Бойда², предпочитали видеть причины преследовавших их страну военно-политических неудач в якобы неучтенных последствиях изменившейся природы войны.

На первый взгляд, такое оправдание звучало правдоподобно. Если традиционные военные конфликты индустриальной эпохи уходят в прошлое, если

1 В качестве примера см.: Конышев В.Н., Сергунин А.А. (2013) Дискуссии о войнах будущего в российском экспертно-аналитическом сообществе: мифы и реальность // Проблемы национальной стратегии. № 4(19). С. 100–114 // <https://riss.ru/images/pdf/journal/2013/4/09.pdf>, дата обращения 31.10.2019; Комлева Н.А. (2017) Гибридная война: сущность и специфика // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. Т. 12. № 3(167). С. 128–137 // <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52504/1/iuro-2017-167-14.pdf>, дата обращения 31.10.2019; Бочарников И.В., Лемешев С.В., Люткене Г.В. (2013) Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: NotaBene; Савин Л.В. (2011) Сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение; Radin A. (2017) Hybrid Warfare in the Baltics. Threats and Potential Responses, Santa Monica: RAND Corporation; Fox A.C., Rossow A.J. (2017) Making Sense of Russian Hybrid Warfare: A Brief Assessment of the Russo-Ukrainian War // The Institute of Land Warfare. The Land Warfare Papers. No. 112. March 2017 // <https://www.ausa.org/sites/default/files/publications/LWP-112-Making-Sense-of-Russian-Hybrid-Warfare-A-Brief-Assessment-of-the-Russo-Ukrainian-War.pdf>, дата обращения 31.10.2019; Chivvus C. (2017) Understanding Russian "Hybrid Warfare" and What Can Be Done about It, Santa Monica: RAND Corporation; Russian New Generation Warfare Handbook. Asymmetric Warfare Group. Version 1. December 2016; Warden J. (1995) The Enemy as a System // Airpower Journal, no 1, pp. 40–55; Cebrowski A.K., Garstka J.J. (1998) Network-Centric Warfare: Its Origins and Future // U.S. Naval Institute Proceedings, January 1998 // <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future>, дата обращения 31.10.2019.

2 Boyd J.R. (1976) Destruction and Creation // US Army and General Staff College, September 3, 1976 // <https://globalguerrillas.typepad.com/JohnBoyd/Destruction%20and%20Creation.pdf>, дата обращения 31.10.2019; Hammond G. (2001) The Mind of War: John Boyd and American Security, Washington: Smithsonian Institution Press; Olsen J.A. (ed.) (2015) Airpower Reborn: the Strategic Concepts of John Warden and John Boyd, Annapolis: Naval Institute Press; Ричардс Ч.У. (2002) Мобильные, неуязвимые вооруженные силы: «Обзор оборонной политики США» глазами Сунь-Цзы и Джона Бойда. М.: Гендальф; Махнин В.Л. (2015) О войне и вооруженной борьбе: прогнозная ретроспекция // Гуманитарный вестник. № 2(33). С. 16–25 // https://elibrary.ru/download/elibrary_23369446_85551278.pdf, дата обращения 31.10.2019; Гриняев С.Н., Арзуманян Р.В. (2014) Неформальные механизмы в системе принятия военно-политических решений в сфере национальной безопасности США // Стратегическая стабильность. № 2(67). С. 48–57; Черняк Л.С. (2013) Петля Бойда и кибернетика второго порядка // Открытые системы. № 7. С. 54–56 // <https://www.osp.ru/os/2013/07/13037357>, дата обращения 31.10.2019.

борьба во имя рационально понимаемого государственного интереса становится редким исключением в общем объеме причин, вызывающих сегодня вооруженное противоборство, если привычный противник в лице регулярной армии исчезает – немудрено растеряться даже очень хорошему солдату! Весьма характерна в этом отношении работа о войнах «четвертого поколения», опубликованная известным американским писателем и публицистом Джоном Линдом в соавторстве с подполковником Грегори Тиле. На ее страницах провозглашается наступление в стратегии эры «пост-Клаузевица», в которой традиционная субординация войны по отношению к политике должна якобы смениться своей полной противоположностью³.

Если мысленно продолжать линию подобных логических построений, финалом будет констатация неизбежного наступления всеобщей деградации и распада. Однажды приняв на веру гипотезу о видоизменившейся природе войны, созвучную эсхатологическому тезису о неотвратимости разрушительных социальных трансформаций, мы вместе с тем вынуждены будем отринуть всякую теорию войны вообще. Хаос в систематизации и научном осмыслении не нуждается. По всей видимости, именно чувство растерянности порождает призывы к пересмотру якобы устаревшего учения Клаузевица, хотя с точки зрения работы над ошибками куда большую пользу американцам принесло бы откровенное признание неспособности их высших правительственных кругов гармонизировать политические и стратегические цели войны.

Кроме того, когда речь заходит о военном деле, анализ его основных тенденций часто подменяется рассмотрением новых военных технологий и последствий, связанных с их применением на поле боя⁴. Этот канон постепенно распространялся в военно-аналитической литературе с конца XX столетия, отчасти под влиянием яркого и победоносного завершения американцами операции «Буря в пустыне» в январе–феврале 1991 г.

Абсурдно было бы отрицать влияние экономики на развитие науки и техники, а также влияние научно-технического фактора на характер военного дела. Но в равной мере ошибочно сводить войну к одному лишь технологическому соревнованию. Техника была и остается важной, но отнюдь не единственной гранью войны, а потому характер вооруженной борьбы и те организационные формы, которые при этом преобладают, могут трансформироваться под влиянием условий, весьма мало с ней связанных.

Стремительный прогресс науки и техники способствовал тому, что описание войны и размышление над новыми тенденциями в военном искусстве начало выстраиваться по законам жанра футуристического романа. Обсуждение на первый взгляд почти безграничных возможностей, открывающихся в связи с распространением новых технических средств борьбы, начало подменять собой анализ долгосрочных тенденций, сохраняющихся в военном деле, но остающихся при этом вне сферы влияния научно-технической революции. Образно говоря, в современной военной панораме перенасыщенный предметный план заслоняет от глаз на-

3 Lind W.S., Thiele G.A. (2016) 4-th Generation Warfare Handbook. Castalia House.

4 Обзор современных западных военных теорий см.: Арзуманян Р.В. (2012) Кромка хаоса. Сложное мышление и сеть: парадигма нелинейности и среда безопасности. М.: Regnum.

блюдателя основное художественное полотно. Но когда все внимание фокусируется на материальных средствах борьбы, легко можно упустить из виду иные ракурсы проблемы, практически не связанные с технологическими инновациями. Нарастающее сомнение в том, что именно технологии трансформируют природу войны, по всей видимости хронологически совпало с окончательным крушением иллюзий «конца истории» и общим дефицитом оптимизма в оценках будущего⁵. Структура вооруженных сил не может оставаться статичной, но она обладает значительной организационной инерцией. Оперативные формы, организационная практика и тактические навыки вытекают из всей совокупности исторических и общественно-политических условий каждой конкретной эпохи. При этом научно-технический прогресс является важной, но никак не исчерпывающей ее характеристикой.

Сторона, допустившая в прогнозировании характера будущей войны хотя бы одной ошибкой менее вероятно противника, уже получит над ним серьезное преимущество. Всестороннее обдумывание проблем стратегии и политики, поиск оптимальных путей военного строительства и модернизации армии крайне важны для России. С одной стороны, наша страна, очевидно, не удовлетворена своим положением на международной арене, но с другой стороны, она не имеет над основными своими соперниками того экономического, демографического и научно-технического превосходства, которое при обстоятельствах более счастливых позволяло бы ей смягчать последствия политических и стратегических ошибок.

Данная статья не преследует сколь-нибудь амбициозных прогностических целей. Я ограничусь лишь самыми общими размышлениями о судьбе войны на суше, сосредоточив внимание на тех оперативных и организационных формах, которые в свете опыта истории могут принять военные усилия сильнейших армий мира на полях сражений ближайшего будущего. Главным образом, речь пойдет о войнах между суверенными государствами. Такие войны, по сравнению с вялотекущими внутренними конфликтами и контрпартизанскими операциями, сегодня случаются сравнительно редко. Тем не менее именно они открывают наиболее широкий простор для проявления новых оперативных тенденций.

На пути к тотальной войне

Долгий путь от династических войн XVIII столетия, которые велись с ограниченными целями, к тотальным войнам XX в., где борьба шла на полное сокрушение государства-противника как военного, политического и экономического конкурента, сопровождался постепенным ростом численности армий. Параллельно с этим на военную область распространялись достижения промышленной революции и последствия тех социальных изменений, что влекли за собой падение сословных барьеров, расширение демографической базы армии и перемены в системе ее комплектования.

Вербовочные армии европейских держав XVIII столетия не могли стать массовыми. Этому препятствовали как узость социальной базы их комплектования, так и сложность линейной так-

5 Обзор полемики, ведущейся по этому вопросу см.: Сучков М., Сим Тэк. (2019) Будущее войны // Международный дискуссионный клуб «Валдай». Август 2019 // <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/budushchee-voyny/>, дата обращения 31.10.2019.

тики, общеупотребимой в битвах того времени. Относительная примитивность стрелкового оружия, отличавшегося трудоемкостью заряжения и низким темпом стрельбы, вынуждала использовать батальоны развернутым строем, глубиной всего в несколько шеренг. Такой боевой порядок повышал огневую производительность отдельных подразделений, но требовал длительной индивидуальной подготовки солдат. Слаженные действия по уставам XVIII в. требовали от полков и батальонов тогдашних европейских армий многолетней и кропотливой боевой учебы, а потому исход сражений решали компактные по численности армии хорошо обученных профессионалов.

Великая Французская революция и наступившая вслед за ней эпоха Революционных и Наполеоновских войн стали отправными точками на пути движения от военных конфликтов, характерных для традиционного общества, к войнам индустриальной эпохи. Вооруженная борьба приобретала черты тотальности. Массовая армия, основанная на идее «вооруженного народа» и социальной концепции гражданина-воина, постепенно сделалась основой военной организации великих держав континентальной Европы. Индустриализация и научно-техническая революции сделали возможными стремительное увеличение ее численности и практически перманентное перевооружение все более и более совершенными образцами оружия.

Массовая армия, подобно айсбергу, представляла собой две неравные части. Малая, кадровая, часть служила для подготовки обученного запаса в ходе обязательной военной службы. Запас же обученных военному делу граждан, а также организационная инфраструктура в виде многочисленных частей и соединений резерва позволяли

задействовать на войне огромные вооруженные массы, постоянное содержание которых под ружьем в мирное время вскоре вызвало бы неоправданное экономическое истощение государства. Необходимость заблаговременной и планомерной подготовки мобилизации, то есть максимально сжатого по времени акта перевода армии из штатов мирного в штаты военного времени, и последующее сосредоточение ее сил на театре боевых действий согласно планам первой операции, вытекала из самой сущности кадрово-резервной армии. Рост численности вооруженных сил на полях сражений выводил на передний план организацию эффективного управления войсками в бою. В связи с этим повышалось значение военной администрации, тылового обеспечения, квартирмейстерской части и централизованного штабного планирования.

Разделение военного искусства на тактику и стратегию впервые было сформулировано в трактате Дитриха фон Бюлова «Дух новейшей военной системы», составленном в 1799 г. [Стратегия в трудах военных классиков 1926, с. 28–62]. Наполеоновская эпоха пока еще не мыслила категориями военных операций в их современном понимании и не предусматривала четкой эмансипации стратегии от политики. Выдающийся швейцарский теоретик генерал А.-А. Жомини, систематизировавший полководческий опыт Бонапарта, в качестве надстройки над стратегией выделял «военную политику». В отличие от тактики и стратегии, искусству руководить военной политикой Жомини не пытался дать рационального описания и вместо этого относил его к области непостижимого и гениального. В дальнейшем на протяжении нескольких десятилетий многие авторы от Д. фон Бюлова до К. фон Клаузевица, в зависимости от силы их тяготения к нор-

мативным определениям, продолжали корректировать понятийный аппарат, и к середине XIX в. его формализация была в целом завершена.

Стратегия понималась как искусство применения войск в масштабе театра военных действий. Тактика была практическим навыком управления войсками непосредственно на поле сражения. В первую очередь речь шла о крупных генеральных сражениях, становившихся кульминацией военных усилий противоборствующих сторон на театре боевых действий. Основное время на войне армии проводили в походах и на маршах. Для удобства управления и снабжения полевая армия разделялась на корпуса и дивизии, которые с одного либо нескольких направлений устремлялись к той географической точке, где должна была разыгаться решающая битва. Если маневрирование войсками, наступательные движения и отступления, подчиненные принципу сосредоточения максимальных сил к месту предстоящего генерального сражения, занимали недели или даже месяцы, сама битва могла длиться лишь несколько часов. Немногие сражения продолжались более одного дня.

Задача военачальника и его штаба была двойственной. На стратегическом уровне функция полководца сводилась к искусному перемещению войск в пространстве, начиная от исходных квартирных районов армии к решающему пункту театра военных действий, на котором разыгрывалось генеральное сражение. В ходе сражения стратегия утрачивала всякое значение, и на первый план выходила тактика, то есть умение сокрушать неприятеля в бою. Тактика требовала от полководца навыка управлять большими массами пехоты, кавалерии и артиллерии на ограниченном пространстве поля сражения, умения сочетать поражение неприятеля огнем и непосредственным

ударом сомкнутых боевых порядков в ближнем бою.

По определению выдающегося советского военного теоретика комбрига Г.С. Иссерсона на протяжении большей части XIX столетия стратегия как высшая форма военного искусства представляла собой «стратегию одной точки» [Иссерсон 1937, с. 19]. Несмотря на то что генеральное сражение было актом предельного напряжения моральных, физических и материальных сил армии и ее полководца, в масштабе всей кампании оно оставалось «мгновением» во времени и «точкой» в пространстве.

Тыловое обеспечение во все времена играло на войне важную роль. Потребность армий XIX столетия в боеприпасах по меркам тотальных войн индустриальной эпохи, естественно, была незначительной, однако люди нуждались в пище, а лошади, как и любой другой использовавшийся при армии тягловый скот, требовали фуража. Без хорошо организованной провиантской части полководец на театре военных действий оказывался не в состоянии ни поддерживать силы войск, ни маневрировать. Содержание обоза само по себе также требовало расхода провианта и фуража. Снабжение на месте, существование на подножном корму, было допустимо лишь для очень небольших отрядов. Особенно трудно было питать тесно сосредоточенные массы войск на территории малолюдных стран, бедных продовольствием. В Испании и России для армии Наполеона это имело катастрофические последствия.

Процесс снабжения делился на несколько этапов. Сначала следовала заготовка провианта и фуража в тылу театра военных действий и на прилегающих к нему территориях. Процесс заготовления мог осуществляться в форме покупки, реквизиции или откровенного, ничем не прикрытого грабежа. Ис-

точником продовольственных ресурсов в зависимости от обстоятельств могли выступать подданные вражеской страны, население союзной державы, жители нейтрального государства либо соотечественники. Заготовленные припасы складировались. Эти склады размещались в городах, крепостях либо укрепленных лагерях, приближенных к районам боевых действий армии. Далее, обозы доставляли необходимые припасы войскам. Чем меньшее расстояние они должны были при этом преодолеть, тем проще решалась задача снабжения. Если на театре военных действий имелись судоходные реки с подходящим направлением течения, широко использовался водный транспорт. Сплав баржами обходился значительно дешевле гужевых перевозок.

Цепь промежуточных складов, соединявшая полевую армию и районы заготовления провианта, между которыми циркулировали обозы, образовывала на карте условную линию, игравшую роль коммуникационной артерии. На театре военных действий коммуникации противника в ряде случаев могли стать не менее важной целью боевых операций, чем его полевая армия. Прямая и косвенная угроза коммуникациям могла побудить противника принять с целью их защиты сражение при неблагоприятном соотношении сил либо с перевернутым фронтом, когда тыл обращен в сторону занимаемой противником территории. Опасение за устойчивость коммуникационной линии могло побудить полководца к отступлению. Прерывание коммуникации было чревато разрушением регулярного снабжения полевой армии продовольствием, что могло иметь самые губительные последствия, а потому искусный военачальник обращал особое внимание на то, чтобы сделать свои сообщения максимально надежными и безопасными.

Для многих поколений русских военных историков учение генерала Г.А. Леера об операционных линиях являлось ключом к пониманию военного искусства Наполеоновской эпохи. Впоследствии Леер подвергался суровой критике за схоластический уклон и попытки вывести из наполеоновского опыта некие вневременные и универсальные законы военного искусства, легко могущие быть спроецированными на реалии XX в. Многочисленные книги Леера о стратегии и лекции, которые он читал в стенах Николаевской академии Генерального штаба, содержали в качестве идейной основы догматизированную теорию операционных линий. Они могли служить прекрасным дидактическим материалом при изучении военного искусства Наполеона, однако были практически бесполезны в деле подготовки будущего командного состава массовых армий начала XX в. Трагедия поколения учеников Леера заключалась в том, что к будущей войне многомиллионных армий их готовили, по сути, по учебнику военной истории. Но несмотря на практическую бесполезность лееровского учения об операционных линиях при подготовке будущих командиров Первой мировой войны, оно служило прекрасным ориентиром для понимания общей логики развития военных событий предшествовавшей эпохи.

Как считал один из ведущих советских военных интеллектуалов 1920–1930-х гг. комбриг А.М. Вольпе, «(...) Г.А. Леер, взявший в основание своей “Стратегии” учение об операционных линиях, возвел это учение в степень некоего потустороннего фактора. Определяя операционную линию как линию, обнимающую операцию по цели и направлению, Леер писал: “Обнимая голову и хвост явления (операции), операционная линия становится общим центром внутреннего разви-

тия всей стратегической операции, короче говоря, вопрос об операционной линии есть главный, центральный вопрос стратегии. Он все обнимает, все проникает, все и вся определяет» [Леер 1913, с. 33]. Однако, понимая шаткость такого мистического определения, Леер конкретизирует понятие об операционной линии, указывая на тройкое значение этого термина. Операционная линия Леером воспринимается: 1) как путь наступления – в виде умственной идеальной линии, направляющей ход всей операции, 2) как путь отступления и 3) как путь подвоза. По мнению Леера, операционная линия должна: 1) вести к важной цели, 2) быть удобной и 3) быть безопасной. Практическим результатом подобной теории могла быть только величайшая пассивность в ведении операций. Ибо для того, чтобы провести, например, операцию на окружение, никак нельзя было согласовать всех условий, требуемых Леером. В такой операции никак нельзя иметь ни безопасную, ни простую операционную линию. И действительно русский генералитет, воспитанный на лееровских принципах, не умел проводить ни одного маневра, что он ярко продемонстрировал во время русско-японской войны» [Вольпе 1931, с. 46–47].

Наступивший индустриальный век, с его стремительным технологическим прогрессом, вызвал в военном деле решительные изменения. Армии сделались многомиллионными. Развитие железных дорог резко уменьшало сроки мобилизации войск и упрощало их стратегическое сосредоточение. На театре боевых действий развитие военных событий более не исчерпывалось марш-маневром и одноактным генеральным сражением. Непрерывная последовательность боевых усилий отныне охватывала все физическое пространство театра. В результате между тактикой и стратегией потребовалось

связующее звено, получившее название «оперативного искусства». Как отмечал в своем исследовании американский военный историк Брюс Меннинг, термин «оператика» был введен в русский военный лексикон генералом А.В. Геруа. Позднее, в 1920-е гг., А.А. Свечин «заменял его менее изящным понятием “оперативное искусство”» [Меннинг 2016, с. 296].

Поскольку сила и эффективная дальность огня пехоты и артиллерии резко возросли, излюбленный наполеоновский стиль прямой атаки сомкнутыми массами войск сделался невозможным. Огневая мощь обороны теперь все более отчетливо превосходила пробивную силу средств наступления, тем самым создавая предпосылки для возникновения позиционного кризиса. Вначале он возник на уровне тактики, и его постепенное нарастание можно было наблюдать в ходе ряда полевых сражений гражданской войны в США 1861–1865 гг., франко-прусской войны 1870–1871 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Возведение обороняющейся стороной даже импровизированных полевых укреплений делало их прямую фронтальную атаку бесперспективной. Успех на поле боя был возможен только в том случае, если на пространстве театра боевых действий удавалось обойти противника и охватить его с одного или лучше сразу с обоих флангов.

Когда военное искусство еще не мыслило категориями операций, успешное окончание войны, как правило, было простым механическим следствием высокой скорости первоначального стратегического сосредоточения и победы в генеральном сражении. Прусско-германские войска под командованием Г. фон Мольтке-старшего в ходе австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской 1870–1871 гг. сделали выбор в пользу линейного стратегическо-

го развертывания и последующего охвата противника, чем и решили в свою пользу исход генеральных сражений под Кенигрецем, Сен-Прива – Гравелотом и Седаном. В результате этих выдающихся побед в Европе возникла объединенная Германская империя.

В дальнейшем, по мере возрастания численности войск на театре боевых действий при одновременном отсутствии эффективных тактических инструментов преодоления полевой обороны рано или поздно должны были возникнуть сплошные позиционные фронты, пересекавшие все физическое пространство театра. Осенью 1914 г. во Франции и Бельгии в стремлении охватить открытый фланг противника противоборствовавшие стороны достигли пределов дальнейшего расширения линии фронта. Их фланги уперлись в естественные препятствия: Северное море и границы нейтральной Швейцарии. Таким образом, позиционный кризис, начавшийся во второй половине XIX в. по мере распространения скорострельного нарезного оружия на уровне тактики, в начале Первой мировой войны 1914–1918 гг. принял стратегические масштабы. Вплоть до окончания войны армии великих держав, даже несмотря на появление танков, истекали кровью в безуспешных попытках преодолеть глубоко эшелонированные линии траншей, опоясанных колючей проволокой и усиленных бетонированными огневыми точками.

Установившаяся позиционная фронтальность оказала существенное влияние на тыловое обеспечение. Многомиллионные армии, занимавшие статичные оборонительные рубежи, снабжались преимущественно по железным дорогам. Тотальный характер вооруженной борьбы предъявлял работе тыла принципиально более высокие требования. Ушли в прошлое прежние операционные и коммуникационные

линии, служившие каналами снабжения полевых армий провиантом и фуражом. Последний раз на страницах военной истории увидеть операционные линии в их прежнем значении можно было в ходе франко-прусской войны 1870–1871 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В период русско-японской войны 1904–1905 гг. роль коммуникационной линии для русской армии в Маньчжурии играли железнодорожные магистрали Транссиба и КВЖД. За стратегическими фронтами Первой мировой войны простиралась настоящая паутина из постоянных и временных железнодорожных веток. Она позволяла бесперебойно снабжать войска теперь уже не только продовольствием, но и огромным количеством боеприпасов, расход которых в сотни раз превысил все мыслимые довоенные расчеты.

Дальнейшие этапы развития организационных и оперативных форм были тесно связаны с процессом моторизации армии. На заключительном этапе Первой мировой войны автотранспорт в основном служил средством подвоза и связывал войска на передовой с железнодорожными станциями в тылу. Но в 1920–1930-е гг. насыщение полевых войск танками и колесным транспортом открыло дорогу настоящей революции в военном деле. Советская и германская военная мысль искали и в конечном счете нашли выход из тупика фронтальности в соединении огневой мощи и мобильности. Использование на поле боя высокоподвижных танковых дивизий и механизированных корпусов позволяло не просто добиться тактического прорыва позиционного фронта противника, но быстро расширить и углубить такой прорыв до оперативных масштабов.

В отличие от кровавых, но безрезультатных мясорубок на Западном фронте Первой мировой войны, когда, несмотря на массирование на узких участ-

ках атаки огромного количества пехоты и артиллерии, наступательные операции не имели решительных последствий и не приводили к обрушению позиционного фронта, теперь стало возможным преодолевать оборону практически любой плотности. Наступающий мог прорвать стратегический фронт на всю глубину его построения и нанести поражение резервам противника задолго до того, как тот успевал принять меры для восстановления разрушенной системы огня, сшивания образовавшегося в линии фронта разрыва и восстановления силы его сопротивления. Как известно, Вторая мировая война 1939–1945 гг. стала ареной массового применения крупных мобильных соединений, иногда сводившихся в танковые армии, которые насчитывали более тысячи единиц бронетехники и десятки тысяч единиц колесного автотранспорта.

В Советском Союзе новая оперативная теория стала известна под именем «глубокой наступательной операции». Решающую роль в ее разработке сыграл комбриг Г.С. Иссерсон. В случае с гитлеровской Германией схожую по смыслу оперативную теорию, хотя и не вполне точно, обычно именуют доктриной блицкрига.

Происхождение термина «блицкриг» столь же неочевидно, как и первоначальный смысл этой концепции. Немцы в 1930-е гг. не использовали его в смысле военной доктрины, и впервые в начале Второй мировой войны о блицкриге в пропагандистских целях заговорила британская пресса. Американский журнал «Time» в статье от 25 сентября 1939 г. назвал блицкригом операцию вермахта в Польше. В германской военной периодике понятие «блицкриг» относилось не к оперативно-стратегической области, но характеризовало тактические методы действий штурмовых групп пехоты в наступлении. Во всяком случае именно в

таком контексте оно впервые возникло на страницах журнала «Deutsche Wehr» в 1935 г. Вслед за англичанами, опять же в интересах пропаганды, термин «блицкриг» вошел в практику публичных выступлений А. Гитлера и сохранялся в ней до тех пор, пока в декабре 1941 г. советское контрнаступление под Москвой не положило конец надеждам на быстрое окончание войны и не скорректировало риторику фюрера [Gukeisen 2004–2005, p. 2].

Для Второй мировой войны было типично, когда наступление преследовало цель сокрушения либо восстановления стратегического фронта. Как правило, фронт был сплошным в том смысле, что его фланги упирались в естественные и непреодолимые препятствия, а сам он пересекал все физическое пространство театра боевых действий. На решающих театрах сухопутной войны фронт занимали многомиллионные армии. Кампания представляла собой последовательный ряд наступательных и оборонительных операций с целью расшатать и обвалить этот стратегический фронт методом глубокого рассечения его на одном либо сразу нескольких решающих направлениях.

Если рассмотреть советско-германский фронт Второй мировой войны в 1941–1945 гг., Западный фронт в 1944–1945 гг., Итальянский фронт в 1943–1945 гг. или сражения в Северной Африке в 1941–1943 гг., можно обнаружить, что кампания на них с незначительными нюансами разыгрывались по достаточно типичному сценарию. Сторона, владевшая стратегической инициативой, накапливала для предстоявшей наступательной операции необходимые силы и средства, после чего наносила удар по противнику, занимавшему позиционную оборону.

Когда стратегическая наступательная операция развивалась успешно,

фронт мог быть сдвинут на расстояние от нескольких десятков до нескольких сотен километров. Такие наступления могли длиться неделями, но даже самые успешные операции после прохождения кульминационной точки успеха начинали выдыхаться, так как сказывались усталость войск, отставание тылов и уплотнение вражеской обороны. Наступала оперативная пауза, которую победитель использовал для подготовки следующей стратегической операции. На завершающем этапе Великой Отечественной войны в центральном секторе советско-германского фронта Красная Армия последовательно провела три стратегические наступательные операции, в результате которых в течение 11 месяцев советские войска от рубежа Днепра западнее Смоленска продвинулись до рубежа Эльбы в центре Германии.

В случае неудачи наступление либо захлебывалось – и тогда позиционное равновесие восстанавливалось, либо противник сходу переходил в контрнаступление и уже сам обваливал стратегический фронт атакующего. Нечто подобное в мае 1942 г. произошло в сражении под Харьковом на южном крыле советско-германского фронта и летом 1943 г. в ходе битвы на Курской дуге. Стороны, пытавшиеся перейти в наступление, потерпели сокрушительное поражение и по результатам контрнаступления противника оказались отброшены на сотни километров от исходного рубежа своих неудачных атак.

В эпоху тотальных войн и сплошных стратегических фронтов система тылового обеспечения представляла собой не коммуникационную линию, но более или менее густую сеть шоссейных и железных дорог, эшелонированных в глубину. Сеть тыловых коммуникаций была кровеносной системой тотальной войны. Опираясь на нее, фронт получал живую силу из маршевых попол-

нений, технику с заводов-изготовителей и с ремонтных баз, эшелоны боеприпасов, топлива, горюче-смазочных материалов и продовольствия. В тыловые госпитали эвакуировались сотни тысяч раненых, подбитая и поврежденная техника следовала в тыл на ремонт, а поток военнопленных распределялся по фильтрационным лагерям.

На протяжении столетий численность вооруженных масс, непосредственно участвовавших в сражении, росла достаточно постепенно. В 1812 г. на Бородинском поле с обеих сторон сошлось в битве около 260 тыс. чел., под Ваграмом в 1809 г. – 300 тыс. чел., под Геттисбергом в 1863 г. – 165 тыс. чел., при Седане в 1870 г. – около 320 тыс. чел. Бесспорным лидером по количеству сражавшихся на протяжении всего XIX в. оставалось эпическое четырехдневное Лейпцигское сражение 1813 г. В «Битве народов» приняло участие до 450 тыс. чел. с обеих сторон. Однако, начиная с последней четверти XIX в., численность кадровых войск и обученного запаса в армиях великих европейских держав стала возрастать по экспоненте. Так, в ходе Первой мировой войны в Германии число мобилизованных достигло 13 251 000 чел., или 19,7% населения страны, в России – 19 000 000 чел., или 10,5%, во Франции – 6 800 000, или 17,2% населения [Мировая война 1934, с. 12]. Прогнозы 1920–1930-х гг. обещали в случае следующей общеевропейской войны еще более тотальное мобилизационное и демографическое напряжение [Триандафиллов 1936, с. 42–60]. В 1941–1945 гг. через ряды Красной Армии и военизированных формирований других советских ведомств прошло 34,5 млн чел [Рыбаковский 2010, с. 37].

Таким образом, количественное наращивание боевых сил достигло во Второй мировой войне апогея, и после 1945 г. в развитии военной орга-

низации наметилась обратная тенденция. Появление ядерного оружия сделало невозможным ведение открытой войны между великими державами по сценарию тотальных противостояний XX в., поразивших воображение современников разрушительными последствиями. Как ни парадоксально, ядерное сдерживание оказалось гарантом мира. Страх взаимного уничтожения сделал существование стран «золотого миллиарда» беспрецедентно комфортным и безопасным.

Ядерное оружие скорректировало привычную логику войны, понимаемую в духе Клаузевица как продолжение политики, осуществляемое насильственными средствами. Оно стерло грань между победой и поражением, в то время как рациональный государственный прагматизм воспрещает вступать в борьбу, в которой заведомо невозможно одержать победу. После 1945 г. конфликты между великими державами не прекратились, но они приняли непрямую форму.

Когда войны перестают быть тотальными

Итак, во второй половине XX столетия ядерное оружие уменьшило значение массовых армий. Их численность постепенно сокращалась, а следом изменилась и система комплектования. Сегодня Западный мир практически повсеместно отказался от призыва. Массовая кадрово-резервная армия сохраняется лишь в немногих развитых странах. По мере уменьшения расчетной численности боевых сил, задействованных на потенциальном театре военных действий, позиционные стратегические фронты, для взлома которых требовались грандиозные «глубокие наступательные операции», должны были также уйти в прошлое. Есте-

ственно, этот процесс оказался значительно растянут во времени, и в большинстве локальных военных конфликтов, разгоревшихся после 1945 г., преобладали переходные оперативные формы.

К примеру, для Корейской войны 1950–1953 гг. сплошной стратегический фронт все еще был нормой. К весне 1951 г. там установилось позиционное равновесие, которое ни одной из сторон так и не удалось решительно поколебать. Этому способствовали как пространственная ограниченность театра войны на Корейском полуострове, так и его топографические особенности: две узкие приморские равнины, разделенные труднодоступным горным хребтом [Boose 2008].

В Шестидневной войне 1967 г. израильское наступление на Синайском полуострове вначале встретило довольно энергичное противодействие. Штурм приграничных укрепленных районов под Рафияхом, Абу-Аджейлой и Умм-Катефом проходил при ожесточенном сопротивлении египтян и стоил цахалу серьезных потерь. Однако приказ об отступлении, поступивший из Каира на второй день войны, на фоне прогрессирующего оперативного паралича привел армию Г. Насера к быстрому развалу. Хаос, начавшийся в высших штабах, постепенно проник вниз – на уровень дивизий, бригад и отдельных батальонов. В водовороте неконтролируемых событий египетская армия на Синае как организованная боевая сила вскоре перестала существовать. За исключением первого дня войны, кампания на Синае развивалась преимущественно в форме общего преследования побежденных арабов, пытавшихся оторваться от противника и откатиться за Суэцкий канал.

Преимущественно позиционный характер имела и кровопролитная восьмилетняя ирано-иракская во-

йна 1980–1988 гг. По ряду причин противостоявшие друг другу армии не сумели провести ни одной наступательной операции оперативного-стратегического масштаба. Все их успехи ограничивались областью тактики. Такая оценка справедлива даже в отношении иракского наступления на полуострове Фао в апреле 1988 г. – наиболее яркого успеха Багдада в той войне. Иракским войскам мешал общий недостаток профессионального мастерства и тяжелый кризис штабного управления крупными боевыми соединениями, который неповоротливая военная машина Саддама Хуссейна изживала крайне медленно. Иранская же армия после исламской революции 1979 г. оказалась дезорганизована и на какое-то время практически утратила боеспособность.

Впоследствии революционному правительству в значительной степени удалось исправить положение, однако по мере затягивания войны Тегеран столкнулся с возрастающим материальным бессилием. Относительная слабость собственной промышленной базы на фоне прекращения военно-технического сотрудничества со странами Запада не позволяла Ирану восполнять боевые потери в танках, самолетах и артиллерийских орудиях. Усугубляющийся дефицит запасных частей затруднял полноценную эксплуатацию даже той техники, что пока еще оставалась в строю. В результате обе армии, следуя по пути наименьшего сопротивления, зарылись в землю и вплоть до окончания войны не смогли изменить в свою пользу установившееся позиционное равновесие.

Вместе с тем в других локальных конфликтах, происходивших после 1945 г., неожиданным образом проявились оперативные формы, характерные для более ранней эпохи, предшествовавшей всеобщему распространению принципа фронтальности. Естествен-

но, откат к этим архаичным формам происходил на принципиально ином военно-техническом уровне. В качестве примера здесь можно привести Октябрьскую войну 1973 г. Если рассмотреть кампанию на египетском фронте, то на первом ее этапе, когда египтяне форсировали Суэцкий канал и закрепились на береговых плацдармах, а израильские контратаки с большими потерями захлебнулись, возникла на первый взгляд достаточно стабильная линия фронта [Шазли 2008; Asher 2009]. Однако этой линии уже не суждено было стать позиционной.

Вместо сплошных линий траншей и опорных пунктов, опоясанных рядами колючей проволоки, существовал некий достаточно условный рубеж, после пересечения которого наступавшая сторона оказывалась в зоне действия организованной системы огня противника. При попытке двинуться на восток к синайским перевалам египетскую бронетехнику ожидал точный огонь сотен израильских танков, укрытых за обратными скатами высот. Хорошо обученные танковые экипажи зачастую были особенно опасны именно в дуэльных ситуациях, когда рельеф позволяли им вести огонь на максимальную дальность, укрываясь за складками местности. Кроме того, после выхода египтян из-под прикрытия «зонтика» противовоздушной обороны им угрожали удары израильских ВВС, господствовавших в воздухе [Cohen 1996, pp. 321–391]. Израильскую же армию при попытке подойти к каналу ждал град управляемых противотанковых ракет, запускаемых из замаскированных укрытий на плацдармах, и ураганный артиллерийский огонь египетских батарей, расположенных на западном берегу канала. Фронт, разделивший сражавшихся в физическом смысле, не представлял из себя укрепленной оборонительной линии. Он оставался ста-

тичным лишь постольку, поскольку обе стороны по умолчанию считали его таковым.

На втором этапе войны, когда израильской армии удалось прорвать египетскую оборону и форсировать канал, театр войны с востока на запад пронизала хорошо знакомая по оперативным формам XIX столетия коммуникационная линия, вдоль которой осуществлялось снабжение трех дивизий цахала на африканском берегу. За контроль над этой коммуникационной артерией разгорелись напряженные и кровопролитные бои [McGrath 2005, pp. 63–109]. К этому времени израильские бригады и дивизии утратили локтевую связь друг с другом. Линейное расположение войск сохранялось лишь в районах, занимаемых египетскими силами на плацдармах, соответственно, к северу и югу от Большого Горького озера. Однако между ними – там, где израильтяне вбили клин и совершили прорыв, – тянулась длинная коммуникационная линия, на конце которой действовали разошедшиеся веером танковые дивизии генералов А. Адана, А. Шарона и К. Магена [Nicholson 2011, pp. 161–187]. Эта линия начиналась от израильских баз снабжения в центре Синай в районе Тасы, далее она тянулась к израильским переправам через канал у Деверсуара, а оттуда практически под прямым углом поворачивала к югу в направлении города Суэц [Owen 1984].

Израильский плацдарм на африканском берегу отрезал египетскую 3-ю армию, изолируя ее войска на восточной стороне канала. Условность линии фронта и отсутствие локтевой связи между бригадами, действовавшими в египетском тылу после прорыва цахала на африканский берег Суэцкого канала, свидетельствовало о постепенном отходе от традиций Второй мировой войны. Особенно ярко это проявлялось ввиду сравнительно высокой

плотности построения войск на синайском театре, где на фронте протяженностью всего лишь около 200 км действовало с каждой стороны приблизительно по 100 000 чел. и по 1000 танков [Gawrych 1996].

Постепенный отход организационных и оперативных форм от принципов и методов развертывания многомиллионных армий в сплошные стратегические фронты имел под собой многообразные предпосылки. В 1970–1980-е гг., после окончания войны во Вьетнаме, сухопутная армия США подверглась глубокому реформированию. Комплектование ее по призыву прекратилось. В ходе реорганизации ставка была сделана на создание мощных межвидовых соединений, укомплектованных по штатам военного времени на постоянной основе. Большие усилия были вложены американцами в их техническое перевооружение. Именно в 1980-е гг. американские сухопутные войска были в массе своей оснащены такими боевыми системами, как танки М1 «Абрамс», БМП М2 «Брэдли», вертолеты огневой поддержки АН-64 «Апач», многоцелевые вертолеты УН-60 «Блэкхок» и ЗРК М1М-104 «Пэтриот».

В результате к середине 1980-х гг., по сравнению с Советским Союзом, страны НАТО имели в строю сухопутных войск гораздо меньшее количество дивизий и бригад, но с точки зрения технического оснащения последние опережали войска стран Варшавского договора. Американские танковые и механизированные дивизии на западноевропейском театре, реорганизованные в соответствии со штатами образца 1986 г., были сведены в V-й и VII-й армейские корпуса. Эти «тяжелые» дивизии представляли из себя хорошо сбалансированные и самодостаточные в боевом отношении соединения с мощными постоянно развернутыми тылами. Особенно внушительно выглядели

их противотанковые средства, в частности вертолеты огневой поддержки, которых в каждой такой дивизии было больше, чем в советской танковой армии. В организационном отношении дивизии имели плавающую бригадную структуру. Штабы бригадных боевых групп при ведении боевых действий в зависимости от конкретной тактической обстановки должны были объединять батальоны различного типа. По некоторым оценкам штат «дивизий-1986» послужил основой для создания в Советской Армии в 1980-е гг. экспериментальных отдельных гвардейских армейских корпусов [Феськов, Калашиников, Голиков 2004, с. 13]. Эти корпуса были образованы по инициативе начальника Генерального штаба маршала Н.В. Огаркова и также имели бригадную структуру. Для максимального расширения диапазона боевых задач в их состав вводились эскадрильи транспортных и штурмовых вертолетов, а также отдельный десантно-штурмовой полк.

На протяжении большей части XX в. американские доктринальные документы не содержали какой-либо цельной военной философии и не отражали законченной системы взглядов в области оперативного искусства. Как правило, это были самые обычные наставления по тактической подготовке войск [Eisel 1992, p. 13]. Учение об оперативном уровне войны впервые было внедрено в американскую военную доктрину в 1982 г. – спустя полвека после выхода в СССР программной работы на эту тему. И хотя американцы корректировали свои представления в значительной степени с оглядкой на достижения советской военной мысли, основные положения этой теории они все же интерпретировали неверно. В отличие от советской традиции, США рассматривали оперативный уровень войны предельно утилитарно, – как

средство ограничения вмешательства политиков в чисто военные вопросы. Это виделось одним из способов дальнейшей профессионализации офицерского корпуса в духе воззрений С. Хантингтона на природу гражданско-военных отношений [Huntington 1981, p. 81].

Советский подход предполагал органичную интеграцию тактики и стратегии на каждом отдельном эшелоне командования. Американский же был нацелен на их разделение с целью предотвратить повторение тренировок, возникавших во Вьетнаме, где тактические победы так и не переросли в стратегические и политические успехи [McGrew 2011, p. 13]. Военная теория США рассматривала понятия «оперативное искусство» и «оперативный уровень войны» в качестве взаимозаменяемых, что создавало лишь ненужную путаницу [McGrew 2011, p. ii]. Согласно первоначальному замыслу учение об оперативном уровне войны должно было прочертить строгую границу между политическим решением и его последующим военным исполнением [McGrew 2011, p. 5]. Однако вследствие политической природы войны оказалось невозможным ограничить влияние политики на принципы и методы тактического использования войск [McGrew 2011, p. 1].

Поскольку в американской военной системе «оперативный уровень» изначально трактовался превратно, он приносил мало практической пользы и вместе с тем никак не ограничивал возможности политиков по вмешательству в процесс боевого управления войсками [McGrew 2011]. В конечном счете, самым пагубным последствием его внедрения стала дальнейшая рассинхронизация тактики, стратегии и политики, от которой США не удалось избавиться и в XXI в.

Как уже было сказано выше, Октябрьская война 1973 г. впервые обозначила вектор отхода от принципа по-

зиционной фронтальности. Но развитие многообразных явлений военной действительности редко имеет линейный и стадиальный характер. На этом пути вполне возможны некоторые откаты назад. Ярким примером последнего стала операция «Буря в пустыне», в которой широкомасштабное применение новейших технических средств сочеталось с частичным возвратом к привычному стратегическому фронту и линейному построению войск в наступлении.

Благодаря подавляющему технологическому превосходству, США одержали победу при беспрецедентно низком уровне потерь. За 6 недель войска коалиции, насчитывавшие 795 000 чел., потеряли убитыми всего 240 чел. Один погибший в среднем приходился на 3000 военнослужащих. Это составляло в пропорции менее 1/10 израильских потерь в Шестидневной войне 1967 г.; менее 1/20 потерь вермахта при завоевании Польши и Франции в 1939–1940 гг.; менее 1/1000 потерь американской морской пехоты при штурме атолла Тарава в 1943 г. [Biddle 1996]. Потери оставались минимальными, несмотря на то что большинство боев приняло характер фронтальных столкновений, в которых войска США крушили противника, действуя либо в лоб, либо с заранее очевидных операционных направлений без каких бы то ни было ухищрений.

Управление операций осуществлялось предельно централизованно. Маневру и проявлению инициативы не было места на уровнях, лежавших ниже штаба армейского корпуса [Eisel 1992, р. 37; Leonhard 1991, р. 269]. 21 бригадная боевая группа в организационном отношении сводились в шесть дивизий. Они были выстроены плечом к плечу и последовательно двигались вперед от рубежа к рубежу. Американское командование более полагалось на огне-

вую мощь, чем на маневр. Главный удар наносил переброшенный из Западной Германии VII-й армейский корпус, насчитывавший около 1500 одних только танков. Левый фланг коалиционных сил был прикрыт относительно слабо. Чем-то это напоминало ситуацию Африканской кампании 1940–1943 гг., когда правый фланг британцев упирался в Средиземное море, а левый терялся в песках Ливийской пустыни, а потому практически всегда мог быть обойден. Правда, иракская армия в плане тактического совершенства была бесконечно далека от Африканского корпуса Э. Роммеля, и, принимая во внимание ее пассивность, угроза неожиданного контрудара с этого потенциально опасного направления не выходила за разумные пределы.

Хотя после 1991 г. большинство экспертов поспешили заявить о наступлении революции в военном деле, более осторожные из них предостерегали от далеко идущих выводов [Biddle 1996]. Плотная спрессованность американских боевых порядков в ходе операции «Буря в пустыне» и линейное расположение войск по оперативным формам напоминали скорее стратегическую фронтальность первой половины XX в., нежели свободное перемещение самодостаточных общевойсковых соединений в пространстве театра боевых действий, элементы которого можно было наблюдать в динамичных боевых столкновениях Октябрьской войны 1917 г.

Американский поход на Багдад и закат оперативного искусства

В ряду событий, определивших развитие оперативных и организационных форм современной войны, иракская кампания 2003 г. занимает особое место. К началу XXI в. режим Саддама Хусейна

находился в герметичной международной изоляции. После террористических актов 11 сентября 2001 г. в ближайшем окружении президента Дж. Буша-младшего было принято принципиальное внешнеполитическое решение о подготовке интервенции. В надвигавшейся войне Ирак не имел реальных шансов избежать поражения, и сражаться ему предстояло лишь за то, чтобы нанести американцам максимальный урон и продлить агонию безнадежного сопротивления. Иракское командование не желало растрачивать свои скудные силы, оспаривая южные районы страны, и вместо этого решило принять генеральное сражение в географическом центре Ирака, вблизи городов так называемого «суннитского треугольника». На преданность их населения Саддам по этно-конфессиональным соображениям имел основания рассчитывать. Именно там, на южных и юго-восточных подступах к столице, были сконцентрированы наиболее ценные в боевом отношении дивизии иракской республиканской гвардии.

Операция против Ирака находилась в ведении ближневосточного регионального «Центрального командования», возглавляемого генералом Т. Френксом. Оттуда нити боевого управления тянулись вниз, к так называемому «Командованию сухопутного компонента объединенных сил» генерал-лейтенанта Д. МакКирнана, функционировавшему на базе боевого управления 3-й армии. Соответственно, ему подчинялись V-й армейский корпус и I-й экспедиционный корпус морской пехоты. Экспедиционный корпус состоял из 1-й дивизии морской пехоты, 2-й экспедиционной бригады морской пехоты и британской 1-й танковой дивизии. V-й армейский корпус генерал-лейтенанта У. Уоллеса координировал действия 3-й механизированной дивизии генерал-майо-

ра Б. Блонга, 101-й десантно-штурмовой дивизии, штаба и 2-й бригады 82-й воздушно-десантной дивизии, а также отдельных подразделений 3-й бригады 1-й танковой дивизии [McGrath 2006, p. 214]. Отдельная 173-я воздушно-десантная бригада, выброшенная парашютным способом на севере Ирака, в оперативном отношении сохраняла автономию [Tunnel 2006].

По американской традиции, бригады не имели фиксированной штатной структуры. В зависимости от тактической обстановки сводные боевые группы, создаваемые под управлением бригадных штабов, компоновались из того или иного набора находившихся в составе дивизии батальонов: танковых, механизированных (аэромобильных в «легких» дивизиях), инженерно-саперных, противовоздушных, артиллерийских, разведывательных, боевого обеспечения и других. Батальонные тактические группы, входившие в состав бригад, в свою очередь также комбинировались из различных родов войск по аналогичной схеме. «Кирпичиками», из которых они сооружались, служили роты, и лишь эти последние сохраняли относительную структурную гомогенность. Как и бригады в составе дивизии, батальоны в составе бригады сохраняли тактическую самостоятельность и в разумных пределах могли действовать независимо друг от друга.

В ходе операции «Буря в пустыне» 1991 г. американская сухопутная армия, за вычетом сил корпуса морской пехоты, ввела в сражение 21 бригадную боевую группу. При разгроме и оккупации Ирака весной 2003 г. количество задействованных на поле боя сил сократилось до 8 бригадных боевых групп [McGrath 2004, p. 111]. Однако характер их боевого применения никоим образом не напоминал «Бурю в пустыне».

План американского командования состоял в том, чтобы стремитель-

но прорваться в центральные районы Ирака, нанести поражение главным силам армии и республиканской гвардии, предположительно собранным на берегах Евфрата около города Кербела, что в 70 км к юго-востоку от Багдада, а затем блокировать столицу. Расчет строился на том, что прорыв американских войск к Багдаду вызовет падение саддамовской диктатуры [McGrath 2004, p. 113].

3-я механизированная дивизия генерал-майора Блонта пересекла иракскую границу в ночь с 20 на 21 марта 2003 г. Ее левый, то есть западный, фланг был совершенно открыт. К правому флангу примыкали части I-го экспедиционного корпуса морской пехоты. Еще восточнее, в направлении Басры, продвигалась британская 1-я танковая дивизия [McGrath 2006, p. 212]. Во втором эшелоне V-го корпуса двигались три десантно-штурмовые бригады 101-й дивизии и одна парашютно-десантная бригада 82-й дивизии, усиленные «тяжелыми» подразделениями 3-й бригады 1-й танковой дивизии. Десантники должны были охранять коммуникационную линию 3-й механизированной дивизии и принять у нее эстафету в блокаде городов Самава, Наджеф, Кербела и Эль-Хилла, тем самым высвобождая «тяжелые» бригады для броска к иракской столице [McGrath 2004, p. 111].

Поход на Багдад занял 22 дня. Войска продвигались вперед с исключительно высокой маршевой скоростью, значения которой оставляли далеко позади показатели даже самых блестящих танковых операций Второй мировой войны. Перейдя границу, американцы преодолели 350 км менее чем за 40 часов. Только за первый день наступления передовые части 3-й механизированной дивизии прошли около 240 км. Средняя маршевая скорость подразделений временами достигала 38 км/ч [McGrath 2004, p. 116].

Кампания разделилась на два этапа. Сначала, 20–24 марта, американцы осуществили прорыв к городу Наджеф. Далее установилась пятидневная оперативная пауза, и с 30 марта по 8 апреля состоялся второй и завершающий этап похода на Багдад. Важную роль в наступлении американцы отводили так называемому «объекту Рамс» – обширному участку пустыни к юго-западу от Наджефа, избранному командованием V-го армейского корпуса для оборудования промежуточной базы тылового обеспечения примерно посередине 700-километровой коммуникационной линии, ведущей от кувейтской границы к Багдаду [McGrath 2004, pp. 115–116].

К 29 марта разведывательный батальон и три бригадные боевые группы 3-й механизированной дивизии завершили сосредоточение около Наджефа и подготовились к генеральному сражению, которое должно было разыграться на Евфрате [McGrath 2004, pp. 115–116]. Там, в ожидании неизбежной развязки, их ждали главные силы иракской республиканской гвардии – дивизии «Медина» и «Навуходоносор». Генеральное сражение стало комбинацией пяти ударов на фронте, простиравшемся между городами Кербела, Эль-Хиндия и Эль-Хилла [McGrath 2006, p. 214]. Четыре из них были ложными либо вспомогательными. Главный удар наносился американцами на левом фланге – через узкий проход между городом Кербела и озером Эль-Мильх. Наступление осуществлялось в тесном взаимодействии с авиацией.

Американское командование преследовало цель выманить рассредоточенные и замаскированные подразделения иракской республиканской гвардии из укрытий и заставить их перемещаться в дневное время. Расчет строился на том, что иракцы, пытаясь контратаковать либо прикрыть угрожаемые направления, тем самым должны

будут подставиться под удары авиации [McGrath 2006, p. 212]. Из-за практически полного отсутствия противодействия американские ВВС могли не отвлекаться на задачи по завоеванию господства в воздухе, которые в ином случае получили бы приоритет. 79% боевых вылетов были связаны с непосредственной поддержкой сухопутных войск [Fontenot, Degen, Tohn 2004, p. 250].

Наступление передовых отрядов 3-й механизированной дивизии началось 30 марта 2003 г. Основные силы американцев пришли в движение на следующий день. В ночь с 1 на 2 апреля 1-я бригадная боевая группа преодолела Кербельский проход. Днем 2 апреля она форсировала Евфрат у Мусай-иба. На рассвете 3 апреля американцы столкнулись с самой мощной иракской контратакой за всю войну – против их плацдарма на Евфрате двинулась 10-я танковая бригада дивизии «Медина». Абсолютное господство американских ВВС в воздухе и подавляющее превосходство в техническом оснащении не оставило республиканской гвардии шансов на успех. В тот же день 2-я бригада, пройдя через позиции занимавшей плацдарм 1-й бригады, устремилась к столице. Когда угроза иракских контратак миновала, 1-я бригада также выступила в северном направлении и овладела Багдадским международным аэропортом. В результате город оказался блокирован с юга и запада. 3-я бригада тем временем еще оставалась у Кербелы, где добивала разрозненные очаги сопротивления иракцев. 5 апреля она была сменена частями 101-й десантно-штурмовой дивизии, после этого, двигаясь по следам своих товарищей, 3-я бригада миновала переправу у Мусай-иба, обошла Багдад по дуге и растянулась кордонной линией вдоль его северных пригородов. Изоляция иракской столицы была окончательно завершена после того, как с востока к ней

подошла американская морская пехота [McGrath 2004, p. 122].

Решение принять сражение не в самом городе, что вынудило бы американцев штурмовать пятимиллионный Багдад силами пусть и превосходно оснащенной, но все же одной-единственной дивизии, а на берегах Евфрата стало роковой ошибкой Саддама. Разгром основных полевых сил иракской армии в генеральном сражении между Кербелой и Эль-Хиллой решил судьбу Багдада и позволил американцам овладеть городом с ходу. 7 апреля американские войска прорвались в центр иракской столицы и закрепились в правительственном квартале. К 9 апреля организованное сопротивление прекратилось [McGrath 2004, p. 124].

Кампания 2003 г. знаменовала решительный отход от принципа позиционной фронтальности. Компактные по численности и сбалансированные по составу межвидовые соединения американской армии буквально парили, ничем и никем не сдерживаемые, в границах театра военных действий. Они сочетали гибкость форм боевого применения с тактической самодостаточностью. Временами в походе бригадные боевые группы рассыпались на пространстве 200 км по фронту и 300 км в глубину. Нередко между ними образовывались более чем 100-километровые интервалы [McGrath 2004, p. 127].

Подобно корпусам Великой армии Наполеона, самодостаточные межвидовые соединения американцев большую часть времени перемещались по театру военных действий походным порядком. Генеральное сражение заняло всего лишь три дня в общем ряду событий этой 22-дневной кампании. За исключением решающего сражения, крупные боевые столкновения завязывались лишь при подходе американцев к крупным городам, которые в соответствии с планом они стремились изолировать.

Возникновение столь нехарактерного для XX столетия стиля ведения боевых операций проще всего было бы объяснить технической немошью иракского сопротивления. Однако такое объяснение вызывает большие сомнения, потому как в прошлом столетии попытки действовать методами американского командования в Ираке не обещали успеха даже перед лицом противника, заведомо уступающего в вооружении. Например, в ходе итало-абиссинской войны 1935–1936 гг. на Эритрейском театре возник все тот же позиционный фронт, хотя в относительном выражении техническое превосходство итальянцев над эфиопским войском было никак не менее подавляющим, чем преимущество армии США над иракцами в 2003 г. Палитра причин, порождающих новые оперативные формы, судя по всему, является достаточно пестрой, а потому сводить все к одному лишь техническому параметру будет ошибкой.

В кампании 2003 г. мы не увидим характерного для оперативного искусства XX в. растянутого во времени и распределенного в пространстве непрерывного напряжения боевых усилий. Вместо этого, словно бы речь шла об эпохе Наполеона и Мольтке, выигрыш кампании стал производным от быстрого стратегического сосредоточения к решающему пункту театра войны и победы в генеральном сражении. Если нанести развитие военных событий на карту, то для визуального отображения их сути проще всего будет прочертить коммуникационную линию, ведущую от «лагеря Доха» в Кувейте через границу в направлении города Самавы, а оттуда к Наджефу, Кербеле и Багдаду. Не случайно американский военный историк Д. МакГрат, увидев в оперативных формах кампании 2003 г. явную переключку с военным искусством XIX столетия, сравнивал ее не с хроно-

логически близкой «Бурей в пустыне», но с походом экспедиционной армии генерала У. Скотта на Мехико в 1847 г. [McGrath 2006, p. 26].

Как мы помним, XIX в. основным расходным материалом войны было продовольствие, и коммуникационные линии служили каналом снабжения армии провиантом и фуражом. В эпоху тотальных противостояний акцент в снабжении войск сместился в сторону боеприпасов, необходимых для питания интенсивного и продолжительного огневого боя, характерного для войн индустриальных государств. В наши дни распространение высокоточного оружия снизило общий расход боеприпасов, и теперь для успеха наступления уже не требуется выпускать миллионы снарядов и засыпать противника ковром свободнопадающих бомб. Зато резко возрос расход топлива, поскольку моторизация армии сделалась сто процентной, а вся линейка двигателей, устанавливаемых на технике, по сравнению с серединой прошлого столетия, теперь обладает значительно большей мощностью.

Превращение вертолетной авиабригады в один из подвижных сегментов «тяжелой» американской дивизии, предусмотренное программой 1986 г., вызвало резкий рост потребности в горючем. В ходе продвижения по территории противника авиационная компонента дивизии как межвидового соединения должна неотступно следовать за ее боевыми подразделениями, так как тактический радиус у вертолета ограничен в сравнении со штурмовиками и бомбардировщиками. В динамике операции авиабригада не может долго оставаться на одном месте. Она должна быть готова в любой момент покинуть стационарный аэродром и следовать за своей дивизией, для чего все элементы ее аэродромной инфраструктуры должны обладать высокой мобильностью.

В багдадском походе 2003 г. «объект Рамс», запланированный американцами под создание промежуточной базы тылового обеспечения, был после ожесточенного боя взят 2-й бригадой 3-й механизированной дивизии вечером 22 марта. И уже через сутки, в ночь с 23 на 24 марта, с оборудованных на нем полевых взлетных площадок поднялись в воздух штурмовые вертолеты AH-64D из 11-й авиационной группы V-го корпуса, чтобы атаковать дивизии иракской республиканской гвардии между Кербелой и Эль-Хиллой [Fontenot, Degen, Tohn 2004, p. 179]. Операция завершилась неудачей, так как иракцы в тот раз понесли минимальные потери, но поражала стремительность совершенного американцами аэродромного маневра.

По опыту «Бури в пустыне» отдельно взятая танковая либо механизированная дивизия сухопутных войск США требовала в сутки 2300 тонн горючего [Brown 2005]. В 2003 г. потребность в топливе относительно немногочисленной американской группировки, собранной на иракском театре, доходила до 9000 тонн в сутки. Для сравнения в 1944 г. на Западном фронте во Франции миллионный американский контингент в экспедиционных силах генерала Д. Эйзенхауэра потреблял всего лишь 3600 тонн горючего ежедневно [Fontenot, Degen, Tohn 2004, p. 146].

Увеличение подвижности сегодня связывается не столько с автотранспортом, сколько с насыщением армии вертолетами. Общая траектория военного строительства в ведущих армиях мира такова, что следом за Соединенными Штатами вооруженные силы России и Китая, имея в виду возможность «вертикального охвата» противника, с высокой долей вероятности сделают армейскую авиацию и аэромобильные подразделения неотъемлемой частью крупных полевых соединений.

Если в 1980–1990-е гг. подобные организационные новации могла себе позволить лишь богатейшая страна мира, в дальнейшем, по мере постепенного замедления темпов научно-технической революции, сопоставимые возможности обретут сухопутные войска и других великих держав.

Хотя возникновение новых оперативных форм не обусловлено только лишь развитием техники, новые явления военной действительности невозможно представить в отрыве от достижений материального прогресса. В 2003 г. интегрированная цифровая система боевого управления в американской армии связывала все звенья командной цепочки от командира корпуса до командира танка. Штабы в режиме реального времени имели полную тактическую картину положения своих подразделений. Связь, благодаря мощной орбитальной группировке, функционировала бесперебойно и, в отличие от радио, действовала на любом расстоянии. Командир корпуса, сидя в кресле штабного бронетранспортера, на электронной карте ноутбука мог в режиме реального времени наблюдать перемещение всех своих сил вплоть до отдельных танков и бронемашин [McGrath 2006, p. 217].

На пути к Багдаду американские бригадные боевые группы исполняли причудливую чехарду, раз за разом как бы проскакивая через боевые порядки друг друга. 2-я бригадная группа под Самавой прошла через позиции разведывательного батальона, чтобы продолжить свой марш к Наджефу, 3-я бригада перекатилась через 1-ю в ходе боев за аэродром Талиль под Насирией. Наконец, в разгар генерального сражения на Евфрате 2-я бригада просочилась сквозь 1-ю бригаду на плацдарме у Мусайиба. В прошлом подобные действия неизбежно привели бы к перекресту транспортных по-

токов и перемешиванию колонн снабжения в тылу. Это гарантировало хаос на дорогах и приостановку всякого по ним движения. Однако, как можно убедиться, современные средства боевого управления позволяют синхронизировать и согласовать даже самые замысловатые движения войск, чем открывают возможность для смелых и весьма рискованных маневров [McGrath 2004, p. 105].

Наличие цифровых систем боевого управления облегчало американским командирам наиболее целесообразное в тактическом смысле применение войск в бою [McGrath 2004, p. 114]. За свой тыл и фланги им можно было не опасаться. Противник имел минимальные возможности для скрытных перемещений крупных подразделений и, следовательно, для неожиданных контра-так и организованного боевого противодействия. Полагаться он мог преимущественно на засады, которые даже в случае успеха не обещали перехвата тактической инициативы. С высокой долей вероятности можно предположить, что в будущем наступательные операции в локальных конфликтах, примут схожие формы даже при менее выраженной диспропорции в техническом оснащении сторон.

Политико-стратегические реалии нашего времени сигнализируют об очевидном ослаблении принципа тотальности. При этом изменения коснулись формы, но вовсе не природы войны. Вероятное направление эволюции военного дела в свете опыта последних кампаний вырисовывается достаточно определенно. Сухопутные армии в государствах, претендующих на самостоятельную внешнеполитическую роль, будут развиваться по линии сокращения количества людей в строю при одновременном наращивании огневой мощи и широком внедрении автоматизированных боевых систем.

Современные соединения стали не просто хорошо сбалансированными и общевойсковыми, они сделались по-настоящему межвидовыми. По причине огромной стоимости их оснащения и содержания на театре войны может быть развернуто лишь строго ограниченное количество таких соединений. Они смогут перемещаться в границах поля боя и театра войны, подобно корпусам Великой армии, сочетая контролируемое рассредоточение по огромной площади и столь же стремительное стягивание в кулак для нанесения решающего удара. На марше и в бою ударные группы может разделять большое расстояние, тем не менее действовать они будут в соответствии с общим и единым замыслом.

Фронт боевого развертывания войск в момент завязки решающего сражения в новых условиях вряд ли будет превышать несколько десятков километров. Во многом его исход будет определяться результатами предшествующей ему борьбы за господство в воздухе. Авиация наряду с боевыми и разведывательными беспилотными аппаратами, а также средствами радиоэлектронной борьбы и космической разведки будет оказывать едва ли не решающее влияние на исход борьбы. От способности авиации захватить господство в воздухе, нейтрализовать вражескую ПВО, изолировать театр боевых операций, отслеживать в режиме реального времени перемещение войск противника и воздействовать на них при помощи высокоточного и обычного оружия, – во многом и будет зависеть исход генерального сражения, а значит, и войны в целом.

Успех в генеральном сражении отдаст большую часть страны во власть победителя, поскольку проигравший уже не сможет восстановить силы до окончания кампании. Некоторые надежды можно будет возлагать на резер-

вы, но в войнах будущего они уже не смогут играть прежнюю роль. Для этого их будет слишком мало. Огромная стоимость современной техники, отсутствие ее излишков, которые можно было бы про запас складировать еще в мирное время, сложность подготовки войск, умеющих эффективно применять современное оружие, сделает невозможным создание новых частей и соединений поточным методом. Следовательно, потеря кадровой армии, наиболее ценной в профессиональном отношении и наилучшим образом оснащенной технически, может во всех отношениях стать для государства фатальной.

***

Даже если придерживаться традиционного взгляда на войну как на продолжение политики другими средствами, даже если не предпрекать ослабление государственного начала в социально-политической жизни стран и народов, даже если усомниться в том, что внутренние конфликты вскоре подменят собой традиционные войны между государствами, – вопрос о том, какой будет война будущего, не может быть снят с повестки дня.

По всей видимости, мы имеем дело с закатом оперативного искусства. Ввиду меняющихся организационных форм, боевые усилия будут утрачивать хронологическую непрерывность и прежний размах по фронту и глубине. Тем самым исчезнут и те важнейшие признаки, которые в XX в. обусловили возникновение отдельного от тактики и стратегии оперативного яруса в руководстве войной. Если исход борьбы на театре боевых действий вновь будет определяться успехом первоначального стратегического развертывания и победой тактики в одноактном генеральном сражении, для оперативного искусства просто не останется функциональной ниши. Тем самым воен-

ное искусство опишет в своем развитии замкнутый логический круг. Уходя от позиционной фронтальности и непрерывной последовательности боевых эпизодов, оно вернется к своей противоположности: протяженному во времени подготовительному марш-маневру и кульминации, наступающей в результате скоротечного генерального сражения. Этим может завершиться возврат к бинарной системе в виде тактики и стратегии.

Конечно же, колесо истории вспять не вращается! На полях сражений будущего мы не вдохнем кислый дым черного пороха, не услышим топота конских копыт и не станем свидетелями отчаянных штыковых атак. Однако логика, которой будут следовать крупные военные операции XXI в., станет нам гораздо понятнее в свете опыта не XX, но XIX столетия.

Список литературы

- Вольпе А.М. (1931) Фронтальный удар. М.: Госвоениздат.
- Иссерсон Г.С. (1937) Эволюция оперативного искусства. Изд.2. М.: Воениздат.
- Леер Г.А. (1913) Стратегия. Т.1. Изд.2. СПб.
- Меннинг Б.У. (2016) Пуля и штык. Армия Российской империи 1861–1914. М.: Модест Колеров.
- Мировая война в цифрах (1934). М.-Л.: Коммунистическая академия, Институт мирового хозяйства и мировой политики.
- Рыбаковский Л.Л. (2010) Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: Экон-Информ.
- Стратегия в трудах военных классиков (1926). Т. 2. М.: Госвоениздат.
- Триандафиллов В.К. (1936) Характер операций современных армий. 3-е изд. М.: Госвоениздат.

Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. (2004) Советская армия в годы Холодной войны (1946–1991). Томск: Издательство Томского университета.

Шазли С. (2008) Форсирование Суэцкого канала. М.: Библос-консалтинг.

Asher D. (2009) *The Egyptian Strategy for the Yom Kippur War*, Jefferson: McFarland & Company.

Biddle S. (1996) Victory Misunderstood. What the Gulf War Tells Us about the Future Conflict // *International Security*, vol. 21, no 2, pp. 139–179. DOI: 10.1162/isec.21.2.139

Boose D.W. (2008) *Over the Beach. US Army Amphibious Operations in the Korean War*, Fort Leavenworth.

Brown J.S. (2005) *The Maturation of Operational Art. Operations Desert Shield and Desert Storm // Historical Perspectives of the Operational Art* (eds. Krause M.D., Philipps R.C.), Washington: Center of Military History, pp. 439–482.

Cohen E. (1993) *Israel's Best Defense. The Full History of the Israeli Air Force*, New York.

Eisel IV G.B. (1992) *Befehlstaktik and the Red Army Experience: Are There Lessons for Us?* Fort Leavenworth.

Fontenot G., Degen E.J., Tohn D. (2004) *On Point. The United States Army in Operation Iraqi Freedom*, Fort Leavenworth.

Gawrych G.W. (1996) *The 1973 Arab-Israeli War. The Albatross of Decisive Victory*, Fort Leavenworth.

Gukeisen T.B. (2004–2005) *The Operational Art of Blitzkrieg: Its Strengths and Weaknesses in Systems Perspective*, School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College, Fort Leavenworth. AY 2004–2005 // <https://ru.scribd.com/document/59446682/The-Operational-Art-of-Blitzkrieg-Its-Strengths-and-Weaknesses-in-Systems-Perspective>, дата обращения 31.10.2019.

Huntington S.P. (1981) *The Soldier and the State: the Theory and Politics of Civil-Military Relations*, Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.

Leonhard R.R. (1991) *The Art of Maneuver*, Navato.

McGrath J.J. (2004) *The Brigade: A History. Its Organization and Employment in the US Army*, Fort Leavenworth.

McGrath J.J. (2005) *Sinai 1973: Israeli Maneuver Organization and the Battle of the Chinese Farm // An Army at War. Change in the Midst of Conflict* (eds. McGrath J.J., Petraeus D.H.). The Proceeding of the Combat Studies Institute 2005 Military History Symposium, Fort Leavenworth, pp. 63–109.

McGrath J.J. (2006) *Crossing the Line of Departure. Battle Command on the Move. A Historical Perspective*, Fort Leavenworth.

McGrew M.A. (2011) *Politics and the Operational Level of War*, Fort Leavenworth.

Nicholson J.W. (2011) “We Are Crossing into Africa.” Adan’s Division Triumphs in Sinai // *Wrath of Achilles. Essays on Command in Battle* (ed. Hooker R.D., Jr.), Fort Leavenworth, pp. 161–187.

Owen R.L. (1984) *Operational Valiant: Turning of the Tide in the Sinai 1973 Arab-Israeli War*, Quantico.

Scales R.H. (1994) *Certain Victory. The US Army in the Gulf War*, Fort Leavenworth.

Swain R.M. (1994) *Lucky War. Third Army in Desert Storm*, Fort Leavenworth.

Tunnel H.D. (2006) *Red Devils. Tactical Perspectives from Iraq*, Fort Leavenworth.

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270

The Twilight of the Big Battalions. Historical Study of the Military Conflicts of the Future

Alexey A. KRIVOPALOV

PhD in History, Senior Researcher, Center of Post-Soviet Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: krivopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

CITATION: Krivopalov A.A. (2019) The Twilight of the Big Battalions. Historical Study
of the Military Conflicts of the Future. *Outlines of Global Transformations: Politics,
Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 245–270 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270

Received: 11.09.2019.

ABSTRACT. *The article provides a description of the military evolution of the XIX–XXI centuries. The development of the operational forms and organizational principles are on focus. October war of 1973 and the American invasion of Iraq in 2003 prove the new principle of deployment of troops. A continuous strategic front is no longer the predominant principle of deployment in the theater of operations. Although war had rose to a higher level of scientific and technological development, modern organizational and operational forms are increasingly reminiscent of the local conflicts of the XIX century.*

KEY WORDS: *politics, strategy, front line, communication line, operational art, theater of operations, WW II, OIF*

References

- Asher D. (2009) *The Egyptian Strategy for the Yom Kippur War*, Jefferson: McFarland & Company.
- Biddle S. (1996) Victory Misunderstood. What the Gulf War Tells Us about the Future Conflict. *International Security*, vol. 21, no 2, pp. 139–179. DOI: 10.1162/isec.21.2.139
- Boose D.W. (2008) *Over the Beach. US Army Amphibious Operations in the Korean War*, Fort Leavenworth.
- Brown J.S. (2005) The Maturation of Operational Art. Operations Desert Shield and Desert Storm. *Historical Perspectives of the Operational Art* (eds. Krause M.D., Philipps R.C.), Washington: Center of Military History, pp. 439–482.

- Cohen E. (1993) *Israeli's Best Defense. The Full History of the Israeli Air Force*, New York.
- Eisel IV G.B. (1992) *Befehlstaktik and the Red Army Experience: Are There Lessons for Us?* Fort Leavenworth.
- Fes'kov V.I., Kalashnikov K.A., Golikov V.I. (2004) *Soviet Army during the Cold War (1946–1991)*, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta (in Russian).
- Fontenot G., Degen E.J., Tohn D. (2004) *On Point. The United States Army in Operation Iraqi Freedom*, Fort Leavenworth.
- Gawrych G.W. (1996) *The 1973 Arab-Israeli War. The Albatross of Decisive Victory*, Fort Leavenworth.
- Gukeisen T.B. (2004–2005) *The Operational Art of Blitzkrieg: Its Strengths and Weaknesses in Systems Perspective*, School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College, Fort Leavenworth. AY 2004–2005. Available at: <https://ru.scribd.com/document/59446682/The-Operational-Art-of-Blitzkrieg-Its-Strengths-and-Weaknesses-in-Systems-Perspective>, accessed 31.10.2019.
- Huntington S.P. (1981) *The Soldier and the State: the Theory and Politics of Civil-Military Relations*, Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
- Isserson G.S. (1937) *Evolution of Operational Art*, Moscow: Voenizdat (in Russian).
- Leer G.A. (1913) *Strategy*. Vol. 1, Saint Petersburg (in Russian).
- Leonhard R.R. (1991) *The Art of Maneuver*, Navato.
- McGrath J.J. (2004) *The Brigade: A History. Its Organization and Employment in the US Army*, Fort Leavenworth.
- McGrath J.J. (2005) Sinai 1973: Israeli Maneuver Organization and the Battle of the Chinese Farm. *An Army at War. Change in the Midst of Conflict* (eds. McGrath J.J., Petraeus D.H.). The Proceeding of the Combat Studies Institute 2005 Military History Symposium, Fort Leavenworth, pp. 63–109.
- McGrath J.J. (2006) *Crossing the Line of Departure. Battle Command on the Move. A Historical Perspective*, Fort Leavenworth.
- McGrew M.A. (2011) *Politics and the Operational Level of War*, Fort Leavenworth.
- Menning B.W. (2016) *Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914*, Moscow: Modest Kolerov (in Russian).
- World War in Numbers* (1934), Moscow-Leningrad: Kommunisticheskaya akademiya, Institut mirovogo khozyajstva i mirovoj politiki (in Russian).
- Nicholson J.W. (2011) “We Are Crossing into Africa.” Adan's Division Triumphs in Sinai. *Wrath of Achilles. Essays on Command in Battle* (ed. Hooker R.D., Jr.), Fort Leavenworth, pp. 161–187.
- Owen R.L. (1984) *Operational Valiant: Turning of the Tide in the Sinai 1973 Arab-Israeli War*, Quantico.
- Rybakovskij L.L. (2010) *Human Losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War*, Moscow: Ekon-Inform (in Russian).
- Scales R.H. (1994) *Certain Victory. The US Army in the Gulf War*, Fort Leavenworth.
- Shazli S. (2008) *The Crossing of the Suez Canal*, Moscow: Biblos-Konsalting (in Russian).
- Strategy in the Works of Military Classics* (1926) Vol. 2, Moscow: Gosvoenizdat (in Russian).
- Swain R.M. (1994) *Lucky War. Third Army in Desert Storm*, Fort Leavenworth.
- Triandafilov V.K. (1936) *Character of Operations of Modern Armies*, Moscow: Gosvoenizdat (in Russian).
- Tunnel H.D. (2006) *Red Devils. Tactical Perspectives from Iraq*, Fort Leavenworth.
- Vol'pe A.M. (1931) *Frontal Attack*, Moscow: Gosvoenizdat (in Russian).

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

13004

>